

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

КАЗАНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Том 165

Книга 4-5

2023

Ученые записки Казанского университета.

Серия Гуманитарные науки

рецензируемый научный журнал

2023

Т. 165,
кн. 4-5

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ОСНОВАНЫ В 1834 ГОДУ

Редакционный совет

- Д.А. Таюрский* (председатель редакционного совета) – первый проректор – проректор по научной деятельности, д-р физ.-мат. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- А.И. Алиев* – д-р юрид. наук, проф., Бакинский государственный университет, г. Баку, Азербайджанская Республика
- Й. Баберовски* – д-р наук, проф., Берлинский университет имени Гумбольдта, г. Берлин, Германия
- Б.А. Байтанаев* – д-р ист. наук, проф., Институт археологии имени А.Х. Маргулана Комитета науки МОН, г. Алматы, Республика Казахстан
- Б.М. Гонгало* – д-р юрид. наук, проф., Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Россия
- Л.П. Грамова* – д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия
- А. Квятковская* – д-р психол. наук, Институт психологии, Польская академия наук, г. Варшава, Польша
- Х. Миклас* – д-р наук, проф., Венский университет, г. Вена, Австрия
- В.М. Мокиенко* – д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия; Университет им. Эрнста Морица Арндта, г. Грайфсвальд, Германия
- М.М. Мюллер* – д-р наук, проф., Лейпцигский университет, г. Лейпциг, Германия
- Л.П. Репина* – д-р ист. наук, чл.-корр. РАН, Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Россия
- Л. Росси* – проф. по рус. лит., Миланский государственный университет, г. Милан, Италия
- А.Г. Студиков* – д-р ист. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- И.А. Тарханов* – д-р юрид. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- Д.В. Ушаков* – д-р психол. наук, акад. РАН, Институт психологии РАН, г. Москва, Россия
- Т.Я. Хабриева* – д-р юрид. наук, акад. РАН, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия
- А.Н. Чумаков* – д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия
- М.Д. Щелкунов* – д-р филос. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Редакционная коллегия

- А.О. Прохоров* (главный редактор) – д-р психол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- Л.Р. Ахмерова* (секретарь) – канд. филол. наук, доц. Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- Е.М. Абайдельдинов* – д-р юрид. наук, проф., Евразийский национальный университет Гумилева, г. Астана, Республика Казахстан
- Н.Ф. Алефиренко* – д-р филол. наук, проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия
- Б.С. Алишев* – д-р психол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- С.А. Балащенко* – д-р юрид. наук, проф., Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь
- Д.Х. Валеев* – д-р юрид. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- Г.А. Волков* – д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия
- Г.Х. Гилзетдинова* – д-р филол. наук, проф., Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия
- С.Ю. Головина* – д-р юрид. наук, проф., Уральская государственная юридическая академия, г. Екатеринбург, Россия
- О.Ф. Жолобов* – д-р филол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

А.М. Лушиков – д-р юрид. наук, проф., Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия
Н.Л. Люттов – д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Россия
Д.Е. Мартынов – д-р ист. наук, доц., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
О.М. Мельникова – д-р ист. наук, доц., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия
Г.П. Мясков – д-р ист. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
И.А. Невская – д-р филол. наук, Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск, Россия
Е.М. Николаева – д-р филос. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
В. Норман – д-р наук, проф., Университет Потсдама, г. Потсдам, Германия
Ф.Ш. Нуриева – д-р филол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
А.Н. Паикуров – д-р филол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
А.Н. Парог – д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Россия
Й. Ситко – д-р наук, проф., Прешовский университет в Прешове, г. Прешов, Словакия
М.В. Талан – д-р юрид. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
Ю Хаймей – д-р права, Нанкинский педагогический университет, Институт правовой модернизации Китая, г. Нанкин, Китай
Й. Экенга – д-р юрид. наук, проф., Университет имени Юстуса Либига, г. Гиссен, Германия
Р. Ястшембски – д-р права, проф., Варшавский университет, г. Варшава, Польша

Выпускающий редактор *Е.А. Горобец* – канд. филол. наук, доц.

Научный редактор *Г.П. Мясков* – д-р ист. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Редакторы *Л.Р. Ахмерова, И.Г. Кондратьева*
Редактор английского текста *А.О. Кармазина*

Учредитель и издатель: ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-41876 от 27 августа 2010 г.

Журнал реферируется/индексируется в DOAJ, ROAD, EBSCO, eLIBRARY.RU, Google Scholar,
ERIH PLUS, CEEOL, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, КиберЛенинка.
Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Подписной индекс 19421. Цена свободная

Адрес издателя и редакции «Ученые записки Казанского университета»: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18
Телефон: (843) 233-73-01; e-mail: uz.ku@kpfu.ru; сайт: <http://kpfu.ru/uz-rus/gum>

Дата выхода в свет 29.12.2023.
Формат 70x 108/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 15,75. Уч.-изд. л. 18,00.
Тираж 300 экз. Заказ 215/12.

Отпечатано в типографии Издательства
Казанского университета
420008, Казань, ул. проф. Нужина, д. 1/37

Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta.

2023

Seriya Gumanitarnye Nauki

Vol. 165,

(Proceedings of Kazan University. Humanities Sciences Series)

no. 4-5

Peer-Reviewed Scientific Journal

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA FOUNDED IN 1834

Editorial Council

- D.A. Tayurskii* (Chairman of the Editorial Council) – First Vice-Rector – Vice-Rector for Scientific Activities, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
A.I. Aliev – Doctor of Law, Professor, Baku State University, Baku, Republic of Azerbaijan
J. Baberowski – Doctor of History, Professor, Humboldt University of Berlin, Berlin, Germany
B.A. Baitanaev – Doctor of History, Professor, A.Kh. Margulan Institute of Archeology, Almaty, Republic of Kazakhstan
B.M. Gongalo – Doctor of Law, Professor, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia
L.P. Gromova – Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
A. Kwiatkowska – Doctor of Psychology, Institute of Psychology of Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland
H. Miklas – Doctor of Philology, Professor, University of Vienna, Vienna, Austria
V.M. Mokienko – Doctor of Philology, Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; University of Greifswald, Greifswald, Germany
M.M. Müller – Professor of Psychology, University of Leipzig, Leipzig, Germany
L.P. Repina – Doctor of History, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Institute of Universal History, Moscow, Russia
L. Rossi – Professor of Russian Literature, University of Milan, Milan, Italy
A.G. Sitdikov – Doctor of History, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
I.A. Tarkhanov – Doctor of Law, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
D.V. Ushakov – Doctor of Psychology, Member of Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology, Moscow, Russia
T.Ya. Khabrieva – Doctor of Law, Member of Russian Academy of Sciences, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
A.N. Chumakov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University, Moscow, Russia
M.D. Schelkunov – Doctor of Philosophy, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Editorial Board of Humanities Sciences

- A.O. Prokhorov* (Editor-in-Chief) – Doctor of Psychology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
L.R. Akhmerova (Secretary) – PhD in Philology, Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
E.M. Abaidel'dinov – Doctor of Law, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan
N.F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Belgorod State University, Belgorod, Russia
B.S. Alishev – Doctor of Psychology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
S.A. Balashenko — Doctor of Law, Professor, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus
D.Kh. Valeev – Doctor of Law, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
G.A. Volkov – Doctor of Law, Professor, Moscow State University, Moscow, Russia
G.Kh. Gilazetdinova – Doctor of Philology, Associate Professor, Institute of Language, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia
S.Yu. Golovina – Doctor of Law, Professor, Ural State Law Academy, Yekaterinburg, Russia
O.F. Zholobov – Doctor of Philology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
A.M. Lushnikov – Doctor of Law, Professor, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia
N.L. Lyutov – Doctor of Law, Associate Professor, O.E. Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia
D.E. Martynov – Doctor of History, Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
O.M. Mel'nikova – Doctor of History, Associate Professor, Udmurt State University, Izhevsk, Russia

G.P. Myagkov – Doctor of History, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
I.A. Nevskaya – Doctor of Philology, Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia
E.M. Nikolaeva – Doctor of Philosophy, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
W. Norman – Doctor of Science, Professor, University of Potsdam, Potsdam, Germany
F.Sh. Nurieva – Doctor of Philology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
A.N. Pashkurov – Doctor of Philology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
A.N. Rarog – Doctor of Law, Professor, O.E. Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia
J. Sipko – Doctor of Science, Professor, University of Presov, Presov, Slovakia
M.V. Talan – Doctor of Law, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
Yu Haimei – Doctor of Law, Nanjing Normal University, Institute for Chinese Legal Modernization Studies, Nanjing, China
J. Ekkenga – Doctor of Law, Professor, Justus Liebig University Giessen, Giessen, Germany
R. Yastshembski – Doctor of Law, Professor, University of Warsaw, Warsaw, Poland

Managing Editor: *E.A. Gorobets* – PhD in Philology, Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Science Editor: *G.P. Myagkov* – Doctor of History, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Editors: *L.R. Akhmerova, I.G. Kondrateva*

English Editor: *A.O. Karmazina*

Founder and Publisher: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education

“Kazan (Volga Region) Federal University”.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,

Information Technologies and Mass Media

Registration certificate PI No. FS77-41876 dated August 27, 2010.

The journal is abstracted and/or indexed in DOAJ, ROAD, EBSCO, eLIBRARY.RU, Google Scholar, ERIH PLUS, CEEOL, Cyberleninka, Ulrich’s Periodicals Directory, WorldCat.

The journal is included in the list of Russian peer-reviewed scientific journals publishing the main results of dissertations for the Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees.

Subscription index: 19421. Free price

Contacts: Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta, ul. Kremlevskaya 18, Kazan, 420008 Russia

Phone: (843) 233-73-01; e-mail: uz.ku@kpfu.ru; сайт: <http://kpfu.ru/uz-eng/hum>

Date of publication: December 29, 2023.
Page size: 70*108/16. Offset printing. Conventional
printing sheet: 15.75. Publisher’s signature: 18.00.
Circulation: 300 copies. Order: 215/12.

Printed in KFU Publishing House
ul. Prof. Nuzhina 1/37, Kazan, 420008
Russia

СОДЕРЖАНИЕ

К 220-летию Казанского университета

- Кащеев В.И.* Историк А.С. Шофман и его научное окружение 7
Бодров О.В., Мягков Г.П. Ученый и педагог П.Б. Уманский: у истоков казанской американистики 27

История Древнего мира

- Апенко М.С.* Проблемы возникновения синодов египетского жречества в эпоху Птолемея 43
Рунг Э.В., Венедиктова Е.А. Метафора ярма в Древнем мире: от символа имперского господства до символа подчинения 54
Сурин О.А. Древнегреческие представления о пеласагах в архаическую и классическую эпохи 66
Иванова Е.С. Римские центурионы как агенты императорской власти: делегированные полномочия и судебные функции 79

Отечественная история

- Губарев О.Л.* И снова о клятве русов... (ответ Д.В. Пузанову) 92
Пузанов Д.В. Объекты как агенты (некоторые пояснения к ответу О.Л. Губарева) 103
Воронин И.К. Роль присяги при вступлении иностранцев в русское подданство (XV – начало XX века) 113
Хацкевич М.В. Набор «вольных и охочих людей» в 1697 г. К характеристике системы комплектования русской армии конца XVII в 125
Алексеев Т.В. Пороховое производство России петровской эпохи (по материалам отечественной историографии) 139

Историография нового времени

- Гладков А.Б.* «В архивной работе я нахожу подлинное удовольствие...». Владимир Иванович Савва (1865–1920): тернистый путь историка 151
Ростиславлева Н.В. «Женское присутствие» в сохранении и актуализации наследия историка В.И. Герье: Е.В. Герье 162
Сидорова Т.А. Евгения Владимировна Гутнова как историограф английского средневекового парламента: англо-американский аспект исследования 170
Корзун В.П. «Наука напоказ»: Эрих Эшби о русском феномене популяризации науки 182

Этнография народов Волго-Уральского региона

- Козлов В.Е., Титова Т.А.* Этническая идентичность и этнокультурные потребности русского городского населения Республики Татарстан 192

CONTENTS

Celebrating the 220th Anniversary of Kazan University

- Kashcheev V.I.* Historian A.S. Shofman and His Academic Environment..... 7
Bodrov O.V., Myagkov G.P. P.B. Umansky as a Scholar and Pedagogue:
The Origins of American Studies in Kazan..... 27

History of the Ancient World

- Apenko M.S.* The Rise of the Egyptian Priestly Synods during the Ptolemaic Era 43
Rung E.V., Venidiktova E.A. The Yoke as a Metaphor in the Ancient World: From
Symbolizing Imperial Domination to Signifying Subjugation 54
Surin O.A. Ancient Greek Ideas about the Pelasgians in the Archaic and Classical Periods 66
Ivanova E.S. Roman Centurions as Agents of Imperial Power: Delegated Authority and
Judicial Functions..... 79

History of Russia

- Gubarev O.L.* Further Discussion on the Oath of the Rus... (Responding to D.V. Puzanov)..... 92
Puzanov D.V. Objects as Agents (Some Comments on O.L. Gubarev's Response) 103
Voronin I.K. The Role of the Oath Taken by Foreigners for Becoming Naturalized
Russian Citizens (from the 15th to the Early 20th Century) 113
Hatskevich M.V. Drafting “Free and Voluntary People” in 1697 and the System
of Military Recruitment in Russia on the Eve of the Northern War..... 125
Alexeev T.V. Gunpowder Production in Peter the Great's Russia (Insights from Russian
Historiography) 139

Historiography of the Modern Age

- Gladkov A.K.* “I Take True Pleasure in Working with Archives...”. Vladimir Ivanovich
Savva: Reflections on the Thorny Path of a Historian 151
Rostislavleva N.V. The “Female presence” in Safeguarding and Continuing
the Heritage of Historian V.I. Guerrier: E.V. Guerrier 162
Sidorova T.A. Evgenia Vladimirovna Gutnova as a Historiographer of the English
Medieval Parliament: The Anglo-American Research Perspective 170
Korzun V.P. “Science on Display”: The Russian Phenomenon of Science
Popularization in Eric Ashby's Perspective 182

Ethnography of the Peoples of the Volga-Urals Region

- Kozlov V.E., Titova T.A.* Ethnical Identity and Ethno-Cultural Needs of the Russian
Urban Population in the Republic of Tatarstan 192

К 220-ЛЕТИЮ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 930.1(09)+929

doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.7-26

ИСТОРИК А.С. ШОФМАН И ЕГО НАУЧНОЕ ОКРУЖЕНИЕ

В.И. Кащеев

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени
Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, 410012, Россия*

Аннотация

В статье рассмотрена эволюция научной среды, в которой историк античности А.С. Шофман (1913–1993) проводил исследования и преподавал в разные периоды своей жизни. Показано, что важную роль в становлении А.С. Шофмана как ученого сыграли такие черты его характера, как целеустремленность, способность работать при любых внешних условиях, доброжелательное и в то же время требовательное отношение к ученикам и коллегам, чувство юмора и др. Жизнь А.С. Шофмана была богата на встречи с учителями и коллегами, которые содействовали ему в целом успешному продвижению по избранному пути. Изучены различные сферы его научного общения: учеба у видных филологов и историков античности в Ленинградском университете; международные научные контакты с коллегами из Югославии, Венгрии, Польши и Чехословакии; отношения с российскими историками и филологами из Москвы, Ленинграда, Воронежа, Томска, с белорусскими учеными из Минска и др.; академическая среда в Казанском университете, особенно на кафедре всеобщей истории, которую ученый возглавлял на протяжении нескольких десятилетий. Сделан вывод о том, что научное окружение А.С. Шофмана определило его становление как ученого и направления его научных исследований, а личность историка, в свою очередь, оказала влияние на деятельность возглавляемой им

кафедры, на его коллег и учеников, в результате чего в Казанском университете была создана известная в стране научная школа.

Ключевые слова: А.С. Шофман, научное окружение, Ленинградский университет, Казанский университет, всеобщая история, теория истории, историография, антиковедение, античная Македония, история эллинизма, научная школа

...Одни и те же внешние процессы, или условия, действуют на всех совершенно по-разному, и в одной и той же среде каждый живет в мире, отличном от других¹.

А. Шопенгауэр [1, С. 334]

В течение своей жизни Аркадий Семенович Шофман (1913–1993) проделал непростой, многотрудный, но в то же время наполненный значимыми достижениями путь как исследователь и как личность. Внешние события его биографии в общих чертах известны. Пространственно жизненный путь Аркадия Семеновича начался в небольшом городе Городок Витебской губернии Российской империи, где он родился 2 [15] ноября 1913 г.; в Могилеве прошли годы его учебы в педагогическом институте (1930–1933); в Ленинграде он окончил филологический факультет университета (1938); в Ашхабаде (Ашгабате), столице Туркмении, преподавал на историческом факультете педагогического института (1940–1948); последним, самым продолжительным по времени и наиболее плодотворным в научном отношении, был период его пребывания в Казани (1948–1993), здесь он ушел из жизни 7 октября 1993 г. [2, с. 640–641; 3, с. 9–10, 14–16, 26].

Важным дополнением к внешней канве жизни А.С. Шофмана служит список его научных публикаций [4]. В печатных изданиях воплощены идеи и научные планы ученого, они ценны для понимания событий его биографии и результатов академической деятельности. Научные публикации – на виду, они доступны каждому, кто интересуется достижениями исследователя. Напротив, внутренние события, к которым надо отнести идеи, замыслы, принципы, правила и промежуточные этапы научной работы – от замысла к его воплощению, остаются для внешнего наблюдателя во многом непонятными, а зачастую и невидимыми. Одна из главных задач автора, пишущего научную биографию, состоит в том, чтобы понять внутреннюю жизнь ученого, которая, с одной стороны, определяется его средой, а с другой – реагирует на эту среду и оказывает на нее свое воздействие [5, с. 295–296]. Таким образом, в качестве одного из необходимых шагов для создания обстоятельной биографии А.С. Шофмана представляется целесообразным изучить меняющуюся академическую среду, в которой ученый находился на протяжении многих десятилетий, с представителями которой он взаимодействовал, ведя свои исследования и преподавая в высшей школе в разные периоды жизни.

¹ Перевод наш. – В.К.

Значительную роль в становлении А.С. Шофмана как ученого сыграли его индивидуальные особенности: целеустремленность, способность работать при любых, даже неблагоприятных, внешних условиях, умение одновременно выполнять и контролировать исполнение нескольких различных дел, доброжелательное и в то же время требовательное отношение к ученикам и коллегам, чувство юмора, ирония и самоирония. В некоторой степени они знакомы тем, кому посчастливилось наблюдать его со стороны или даже близко с ним общаться. Частично они отражены в опубликованных мемуарах и в устной традиции, передаваемой прежде всего его учениками [6, с. 157–158; 7, с. 87; 8, с. 11–12, 16–17].

В то же время судьба часто «сводила» А.С. Шофмана с людьми, которые содействовали его в целом успешному продвижению по избранному пути, помогали преодолевать трудности, поддерживали в непростых обстоятельствах, хотя, что тоже бывало, встречались и те, кто мешал и создавал препятствия [7, с. 92–98]. Общение с коллегами разной степени пространственной удаленности было *conditio sine qua non* для деятельности А.С. Шофмана как ученого и университетского педагога.

Первый круг научного общения молодого Аркадия Семеновича – преподаватели Ленинградского государственного университета, где он учился на классическом отделении филологического факультета (1933–1938). Он слушал лекции и посещал семинары видных антиковедов – представителей Петербургской/Ленинградской историко-филологической школы [9, с. 24–26].

Из своих университетских учителей А.С. Шофман первым упоминает профессора (впоследствии академика) И.И. Толстого (1880–1954), читавшего филологам общий курс по истории древнегреческой литературы и ведшего на классическом отделении занятия, на которых в разные годы читались по-гречески и комментировались Фукидид, Ксенофонт и другие авторы [10, с. 378–385]. В главе воспоминаний из книги «Не угаснет огонь Прометей» Аркадий Семенович признается, что его постепенный поворот «от горячей любви к литературе к не менее искренней симпатии к истории» произошел именно на занятиях И.И. Толстого по чтению и интерпретации греческих авторов [10, с. 384]. Он высоко оценивает своего учителя как исследователя, называя его «первоклассным антиковедом»: «Как историк он прежде всего был источниковедом, особенно по эпиграфике, папирологии и археологии, историком античной культуры, в том числе истории религии. Как филолог – крупным историком греческого языка и литературы, знатоком всех ее жанров, знаменитым фольклористом и исследователем фольклорных истоков сказки» (I, с. 131).

В мемуарах А.С. Шофмана рядом с фигурой И.И. Толстого упоминается С.В. Меликова-Толстая (1885–1942), которая так же, как и ее коллега по кафедре и одновременно муж, на протяжении пяти лет преподавала будущему историку в том числе и практический курс греческого языка: «София Венедиктовна запомнилась весьма серьезным, глубоким и широко эрудированным педагогом. Древнегреческий язык она знала в совершенстве, и из любых его лабиринтов выйти ей не стоило особого труда» [10, с. 384–385].

Столь высокая оценка абсолютно справедлива. По окончании Высших женских (Бестужевских) курсов, где ее основными учителями были Ф.Ф. Зелинский и М.И. Ростовцев, София Венедиктовна в 1907 г. была рекомендована к загра-

ничной командировке. Для своей научной стажировки она выбрала Берлинский университет, в котором в начале XIX в. преподавали видные немецкие специалисты в области классической филологии. Здесь ее главным университетским учителем был У. Виламовиц-Мёллендорф; кроме того, С.В. Меликова посещала лекции и семинары известных филологов-классиков Г.А. Дильса и Э. Нордена, а также специалиста в области индоевропейского языкознания В. Шульце [11, с. 364]. В Берлине определилась ведущая сфера ее научных интересов – греческая диалектология. По свидетельству тех, кто хорошо знал С.В. Меликову, в ней гармонично сочетались безупречные профессиональные качества и человеческое обаяние; это была цельная личность, которая, несомненно, повлияла на А.С. Шофмана [10, с. 386–387].

У доцента (позднее – профессора) И.М. Тронского (1897–1970) Аркадий Семенович тоже занимался на протяжении пяти лет: слушал основательный, детальный курс лекций по римской литературе; под его руководством изучал грамматику латинского языка и читал римских авторов [9, с. 24–25]. В комментировании текстов Иосиф Моисеевич практиковал не столько исторический, сколько филологический анализ, который был исключительно глубоким, исчерпывающим. Строгий и требовательный, И.М. Тронский оказывал влияние на студентов «не эмоциями, не внешней эффектностью, не ораторским искусством..., а железной логикой, силой своей необычайной эрудиции. Это был какой-то кладезь знаний», – вспоминал А.С. Шофман [10, с. 387–388].

Запомнились Аркадию Семеновичу, среди прочих филологических дисциплин, общий курс по истории русской литературы П.Н. Беркова (1896–1969), спецкурс по истории книги А.И. Малеина (1869–1938) и лекции по Гомеру М.С. Альтмана (1896–1986), который несколькими годами ранее защитил кандидатскую диссертацию «Семантика собственных имен у Гомера» [9, с. 25–26]. А.В. Болдырев (1896–1941) руководил педагогической практикой, в ходе которой студенты-классики преподавали древнегреческий и латинский языки на разных отделениях университета [10, с. 387].

В круг университетских учителей А.С. Шофмана входили известные ученые, читавшие разного рода курсы по истории древнего мира. Видный египтолог и ассириолог В.В. Струве (1889–1965), который в 1935 г. стал действительным членом Академии наук, читал общий курс по Древнему Востоку – его филологи классического отделения слушали вместе со студентами-историками. С.И. Ковалёв (1886–1960) читал спецкурс по истории Греции, а О.О. Крюгер (1893–1967) – по римской истории; оба они получили степень доктора исторических наук в 1938 г. [9, с. 26; 10, с. 389]. Каждый из них был своеобразной личностью и неповторимым лектором, их выразительные портреты Аркадий Семенович описывает в своих воспоминаниях.

По мнению А.С. Шофмана, С.И. Ковалёв имел далеко не привлекательную внешность, был высоким и несколько сутулым; «на вид он казался суровым, малоразговорчивым, даже недоступным». Но в действительности Сергей Иванович оказался «человеком весьма доступным, высокоинтеллигентным и просто добрым» [10, с. 389–390]. Его лекции всегда отличались глубиной, логикой, методологической заостренностью, хорошей стилистической отделкой; в них не было ничего лишнего. Позднее, в 50-е годы XX в., Аркадий Семенович познако-

мился с С.И. Ковалёвым ближе, бывал у него дома, когда приезжал в Ленинград; к этому времени относится их переписка (см. (II)).

Оценивая Сергея Ивановича как ученого, А.С. Шофман тесно связывал его деятельность «с развитием советской исторической науки», считая его «одним из первых, кто взял на себя тяжелый труд осмысления всеобщей истории на базе марксистско-ленинского мировоззрения». С.И. Ковалёв, по его мнению, «по-новому разработал греко-римскую историю, вопросы периодизации и историографии, сюжеты из македонской истории и эллинизма, античного христианства и др.» (I, с. 197). Примечательно, что здесь А.С. Шофман указывает на те научные темы и сюжеты, которые были близки и ему самому как исследователю – один из показателей значительного влияния университетского учителя на его ученика (см. [3, с. 9]).

Для понимания античной истории Северного Причерноморья, а также для расширения общего и профессионального кругозора А.С. Шофману, по его признанию, много дал спецкурс академика С.А. Жебелёва (1867–1941), который в годы студенческой юности Аркадия Семеновича занимался преимущественно историей юга России в древности. С 1934 по 1937 г. он возглавлял кафедру истории античных колоний Северного Причерноморья в Академии истории материальной культуры, с 1937 по 1939 г. заведовал сектором Древнего Причерноморья в Институте истории материальной культуры [12, с. 256]. А.С. Шофман характеризует Сергея Александровича как «человека глубоких знаний»: это был «тонкий филолог-классик, прекрасный переводчик, высоко эрудированный эпиграфист, знаменитый историк» [10, с. 395]; в то же время он – «отзывчивый и добрый человек, скромный и чуткий воспитатель молодого поколения» (I, с. 116); ср. [12, с. 262]).

В 1932 г. в Ленинградском университете О.М. Фрейденберг (1890–1955), ученицей С.А. Жебелёва и И.И. Толстого, а затем последовательницей Н.Я. Марра, была организована кафедра классической филологии, которую она возглавляла на протяжении всех лет учебы А.С. Шофмана. Страницы его воспоминаний об Ольге Михайловне согреты особой душевной теплотой. Он присутствовал на защите ее диссертации в июне 1935 г. и радовался присуждению ей докторской степени. А когда в следующем году, после издания этого труда в виде книги, на О.М. Фрейденберг обрушился шквал несправедливой критики, Аркадий Семенович искренне ей сочувствовал [10, с. 399–415]. По-видимому, благодаря ее содействию он был оставлен при кафедре в качестве преподавателя после окончания университета [10, с. 409].

В начале лета 1949 г., уже находясь в Казани, А.С. Шофман письменно обратился к Ольге Михайловне с просьбой о содействии в постановке на защиту подготовленной им докторской диссертации. В условиях того времени она была бессильна помочь ученику, скорее сама нуждалась в помощи. Ее ответ более чем красноречив: «Ваши мытарства с диссертацией тоже мне понятны. И у нас некому провести ее: проф. С.Я. Лурье отчислен от Университета (и повсюду), а других историков у нас нет. Возможно, если бы Вы приехали в Ленинград, Вы могли бы уговорить Ив. Ив. Толстого или Иос. Моис. Троцкого [первоначальное написание фамилии Иосифа Моисеевича Тронского]. Сейчас не совсем удачное время для защит» (III, л. 1–1об.) Это было «не совсем удачное время» и во многих других отношениях.

Свою alma mater и университетских учителей Аркадий Семенович помнил всегда и всюду: в Ашхабаде, куда он приехал преподавать в 1940 г., и в Казани, куда переехал работать после страшного землетрясения, разрушившего туркменскую столицу в ночь с 5 на 6 октября 1948 г. [3, с. 15–16]. «Подытоживая свою долгую, сложную и далеко не простую жизнь, – пишет А.С. Шофман, – я должен констатировать, что в ней было разное, как у всех людей. Были счастливые дни, были ненастные, были успехи и поражения, но среди всех... сложных жизненных коллизий были незабываемые встречи с моими учителями, о которых я всю свою жизнь храню благодарную память» [10, с. 378].

В 1945 г. А.С. Шофман, которому тогда шел 32-й год, окончательно определился с ведущей темой своих научных изысканий. 31 июля в Москве под председательством А.В. Мишулина состоялось заседание возглавляемого им сектора древней истории Института истории Академии наук, на котором Аркадий Семенович представил тему планируемой докторской диссертации: «История Македонии до Александра Македонского включительно». Участвовавшие в обсуждении его доклада А.Б. Ранович, П.Н. Тарков и сам А.В. Мишулин в итоге поддержали предложенную тему [3, с. 11–12]. В последующие годы в рамках избранной темы А.С. Шофман опубликовал десятки статей и четыре книги: два тома лекций «Очерки по истории Македонии и македонского народа» [13] и две части монографического исследования «История античной Македонии» [14, 15].

Для изучения античной Македонии ученому было необходимо как погружение в материал разнообразных источников, включая нарративную традицию, памятники эпиграфики, нумизматики и археологии, так и основательное знание зарубежной литературы. Материалов доступных А.С. Шофману библиотек для этого было явно недостаточно. Общение с зарубежными коллегами, преимущественно из стран «народной демократии» и особенно из балканских стран, помогало ему во многом решать проблему доступа к новейшим публикациям. Работы А.С. Шофмана по античной Македонии выгодно отличались от публикаций многих его западноевропейских коллег-современников тем, что содержали эпиграфические и археологические материалы, опубликованные на сербском, хорватском, македонском и болгарском языках [3, с. 19].

Таким образом, необходимость решения конкретной задачи в процессе исследования стала предпосылкой для складывания *международного круга научных контактов* А.С. Шофмана. Этому способствовала и «оттепель» во внутриполитической жизни страны, начавшаяся в середине 50-х годов XX в.: осуждение культа личности Сталина и репрессий, ослабление цензуры, повышение уровня свободы слова, относительная открытость Западу, большая свобода творчества в литературе, искусстве и науке, в том числе в гуманитарных дисциплинах, – всё это Аркадий Семенович с воодушевлением поддерживал.

Сербский историк греческого происхождения Фанула Папазоглу (1917–2001) из Югославии была одной из первых, с кем Аркадий Семенович установил прочные и продолжительные академические контакты (см. (IV)). Он высоко оценил ее основательную монографию «Македонски градови у римско доба» («Македонские города в римскую эпоху»), изданную в Скопье в 1957 г., как и ее статьи о городах Стоби (Στόβοι), Эион (Ἴϊόν), Амфиполь (Ἀμφίπολις), или Хрисополь (Χρυσόπολις), Гераклея Линкестис (Ἡρακλεία Λυκηστίς) и др. По мнению учено-

го, заслуга Ф. Папазоглу состоит в доказательстве интенсивной и разнообразной жизни македонских городов в эллинистическое и римское время ([15, с. 49–52], ср. [16, с. 381]).

В начале 60-х годов XX в. А.С. Шофман установил связь с видным болгарским историком античности и фракологом Христо М. Дановым (1908–1999), послал ему обе части своей «Истории античной Македонии» [14; 15] и получив в ответ оттиск его большой статьи “Pontos Euxinos” из знаменитой энциклопедии по античности А.Ф. Паули и Г. Виссова (см. (V. 261/3; 261/5. Л. 2) [17]). В январе 1975 г. Х.М. Данов по просьбе Аркадия Семеновича прислал ему библиографию трудов болгарских ученых для готовившегося тогда учебного пособия «Историография античной истории» (V. 261/6. Л. 1–2). Позднее полученные сведения А.С. Шофман использовал в главе об изучении античности в европейских странах социализма [16, с. 377–380]. Рецензию на обе части «Истории античной Македонии» написал Х.М. Данов в соавторстве с Александром Фолом (1933–2006), известным болгарским фракологом, входившим в число зарубежных корреспондентов А.С. Шофмана (см. (VI)). Рецензией на это издание откликнулся и тогда еще совсем молодой ученик Г. Бенгтсона, впоследствии видный бельгийский антиковед Хайнц Хайнен (1941–2013) [18].

Казанский антиковед вел академическую переписку, обменивался научными публикациями, а иногда и встречался с коллегами из Македонии и Сербии (входивших тогда в состав Югославии), Венгрии, Польши и Чехословакии. «Из этих научных связей и личных контактов вырастали новые идеи, новые темы исследований и разработок» [7, с. 91].

В памяти А.С. Шофмана сохранилась встреча с еще одним иностранцем – Димитриосом Иоаннисом Цибукидисом (1921–2006), греческим политэмигрантом, длительное время, в частности в период режима «черных полковников», проживавшим в России. Аркадий Семенович выступил оппонентом на защите его докторской диссертации «Древняя Греция и Восток», состоявшейся в Институте востоковедения Академии наук в 1977 г. Позднее по теме диссертации Д.И. Цибукидис опубликовал книгу об эллинистической проблематике в греческой историографии 1850–1974 гг. [19]. А.С. Шофман был ответственным редактором как этого издания, так и монографии об Александре Македонском, подготовленной Д.И. Цибукидисом совместно с известным востоковедом Б.Г. Гафуровым [20]. В 1981 г. греческий историк побывал в Казани, куда он приезжал оппонировать диссертацию ученицы А.С. Шофмана Т.Г. Тимофеевой, посвященную политике Александра Македонского в оценке английской и американской историографии новейшего времени. О сотрудничестве с Д.И. Цибукидисом Аркадий Семенович вспоминал с душевной теплотой (I, с. 61).

А.С. Шофман поддерживал коллегиальные и дружеские отношения со многими российскими историками и филологами из Москвы, Ленинграда, Воронежа, Саратова, Смоленска, Томска, с белорусскими учеными из Минска, с украинскими коллегами из Киева, Запорожья, Львова и Харькова.

А.В. Мишулин (1901–1948) – один из первых в ряду московских коллег, о которых Аркадий Семенович отзывался с особой признательностью. Их знакомство состоялось, вероятно, в ноябре 1941 г. в Ашхабаде, куда вместе с Московским университетом был эвакуирован А.В. Мишулин и где к тому времени А.С. Шофман уже больше года работал в педагогическом институте. Старший

коллега «подарил» младшему благодатную тему исследования, и в результате со временем появилась «История античной Македонии» [3, с. 10; 21, с. 47]. По словам Аркадия Семеновича, от А.В. Мишулина «веяло необыкновенной теплотой», с ним было легко и приятно говорить и работать (I, с. 228); в то же время он «был видным ученым, специалистом по истории древнего мира, внесшим значительный вклад в изучение важнейших проблем социально-экономической истории античности, методологии и историографии, истории древних славян и международных отношений» [22, с. 184].

На кафедре истории древнего мира *Московского государственного университета* работали профессора А.Г. Бокшанин (1903–1979) (см. I, с. 229–262), Н.Н. Пикус (1907–1971), позднее В.И. Кузицин (1930–2013), а *сектор древней истории Института истории* (с 1968 г. – *Института всеобщей истории*) *Академии наук* возглавлял С.Л. Утченко (1908–1976) (см. I, с. 263–309). С каждым из них Аркадия Семеновича связывали долгие годы сотрудничества, деловой и частной переписки (см. VII, VIII), личного общения (I, с. 56–57). Благодаря коллегиальной и дружеской поддержке А.Г. Бокшанина, Н.Н. Пикуса и С.Л. Утченко он успешно защитил в МГУ докторскую диссертацию «Возникновение Македонского государства» (1965 г.). По инициативе С.Л. Утченко как главного редактора «Вестника древней истории» Аркадий Семенович опубликовал в этом журнале две рецензии на научные издания (в соавторстве с В.Д. Жигуниным) и несколько статей о деятельности Александра Македонского. В.И. Кузицин предложил А.С. Шофману подготовить три главы в коллективном учебном пособии «Историография античной истории», которое увидело свет в 1980 г. [16, с. 81–124, 373–392].

А.И. Немировский (1919–2007) основал кафедру истории древнего мира и древних языков в *Воронежском университете* (1968) и заведовал ею вплоть до своего переезда в Москву в 1977 г. По определению Аркадия Семеновича, это был «талантливый историк, писатель и поэт, известный публицист... вдумчивый педагог и интересный переводчик с немецкого, французского и итальянского языков» (I, с. 61–62). Многим он известен как историк Древнего Рима, исследователь этрусской культуры и истории античного историописания. А.С. Шофман нередко бывал в Воронеже, выступая оппонентом на защитах диссертаций учеников А.И. Немировского и читая лекции его студентам. Среди коллег и друзей А.С. Шофмана Александр Иосифович – одна из самых ярких творческих личностей, дружеские связи с ним он сохранял, очевидно, до конца своих дней (I, с. 62).

По оценке Аркадия Семеновича, в его время в *Томском государственном университете* не было крупных антиковедов. Но, благодаря деятельности медиэвиста А.И. Данилова (1916–1980), а затем Б.Г. Могильницкого (1929–2014), там сложилась школа историографии и методологии истории, которая способствовала становлению историографических исследований в Казанском университете (I, с. 63). Первая встреча А.С. Шофмана с Б.Г. Могильницким произошла в середине января 1967 г. в Томске на защите докторской диссертации Бориса Георгиевича, на которой казанский профессор выступил официальным оппонентом. С того момента началось многолетнее сотрудничество двух ученых, в орбиту которого оказались вовлечены казанские и томские молодые историки и которое сопровождалась личной дружбой профессоров [23, с. 7–8]. Наиболее важный результат совместной работы историков обоих университетов состоит «в разви-

тии двух признанных научных школ в области историографии всеобщей истории» [24, с. 284].

На историческом факультете *Белорусского государственного университета* (г. Минск) А.С. Шофман особо выделял двух коллег, входивших в «дальний» круг его академических контактов: заведующего кафедрой древней и средневековой истории Ф.М. Нечая (1905–1990), специалиста по социальной и экономической истории Раннего Рима, и профессора той же кафедры Г.М. Лившица (1909–1983), признанного в стране антиковеда, исследователя истории античного христианства, известного, помимо прочего, тем, что он дважды получил докторскую степень: по историческим и философским наукам. По признанию Аркадия Семеновича, с этими учеными его связывали многолетняя дружба и плодотворное сотрудничество: он неоднократно приезжал в столицу Белоруссии в качестве оппонента на защиты кандидатских и докторских диссертаций и для чтения лекций студентам исторического факультета (I, с. 62). Г.М. Лившиц (в соавторстве с А.Г. Бокшаниным) опубликовал в «Вестнике древней истории» две рецензии на книги А.С. Шофмана: «История античной Македонии» (ч. I–II) и «Восточная политика Александра Македонского» [25; 26].

Более близкий в пространственном отношении круг научного общения А.С. Шофмана связан с *Казанью*. Здесь многие десятилетия работал А.М. Ременников (1918–2007), выпускник Московского университета, знаток взаимоотношений Подунавья с Римом в эпоху Поздней империи, заведующий кафедрой всеобщей истории Казанского педагогического института. На протяжении многих десятилетий Алексей Михайлович выступал как рецензент некоторых дипломных работ и оппонентом на защитах ряда кандидатских диссертаций, подготовленных под руководством А.С. Шофмана. В соавторстве с другими учеными из окружения Аркадия Семеновича А.М. Ременников опубликовал рецензии на его книги «Восточная политика Александра Македонского» [27] и «Распад империи Александра Македонского» [28].

И всё же круг наиболее важных научных контактов в профессиональном и личностном отношении для А.С. Шофмана представлял *Казанский университет*. Аркадий Семенович был лично, нередко близко, знаком с профессорами и доцентами Университета на протяжении более чем сорока лет. Он знал множество историй (в том числе и анекдотических) о своих коллегах, а некоторые из них, например, об академике А.Е. Арбузове (ст.), который ушел из жизни в 1968 г. возрасте 90 лет, рассказывал ученикам в непринужденной обстановке.

А.С. Шофман нередко общался с А.П. Норденом (1904–1993), видным специалистом в области геометрии, лауреатом академической премии имени Н.И. Лобачевского, долгие годы заведовавшим кафедрой геометрии Казанского университета [2, с. 61–62]. Участником научного кружка «Античный понедельник» конца 70-х – первой половины 80-х годов XX в. это имя хорошо знакомо, потому что внук видного математика, А.П. Норден (мл.), регулярно посещал кружок, под руководством Аркадия Семеновича подготовил и в 1987 г. защитил диссертацию об изучении проблем античной истории в оксфордской школе антиковедения [2, с. 62].

Прошедший школу в своей *alma mater* у знаменитых учителей, А.С. Шофман был, несомненно, носителем «идеи университета». В своей академической деятельности он руководствовался несколькими четкими принципами:

- единством преподавания и исследования;
- необходимостью не только передавать, но и умножать научные знания;
- нацеленностью на постоянный научный поиск в процессе обучения со стороны как профессоров, так и студентов;
- пониманием того, что научный потенциал и творческие способности являются важнейшим показателем для оценки деятельности тех, кто работает в университете;
- убежденностью в том, что «единство наук – высшая формы духовной деятельности человека» и что цель научного познания состоит в создании «единой картины мира» [ср.: 29, с. 61–62].

А.С. Шофман был убежден в том, что профессор – ключевая фигура, вокруг которой выстраивается жизнь университета: он является исследователем и организатором науки; ведет учебный процесс, приобщая студентов и аспирантов к научному знанию и научному поиску; воспитывает молодых коллег и тем самым готовит себе академическую смену [9, с. 23].

В Университете главным местом служения А.С. Шофмана был *историко-филологический факультет* с его развитыми исторической, лингвистической и литературоведческой школами, уникальным сочетанием татарского и русского отделений и научным единением историков и филологов. На факультете было много самобытных и ярких личностей, но наиболее близкие отношения у Аркадия Семеновича сложились, по-видимому, с Г.Н. Вульфсоном (1920–2002) и Л.И. Савельевой (1921–2010).

С Григорием Наумовичем у него были доверительные, дружеские отношения. Г.Н. Вульфсон, занимаясь политической историей и общественным движением в России XIX в., изучал, как и А.С. Шофман, историю Казанского университета, а также проблемы отечественной историографии и источниковедения [30, с. 259–260].

Л.И. Савельева была выпускницей классического отделения Московского университета, ученицей видного латиниста и известного переводчика античных авторов Ф.А. Петровского. Защитив кандидатскую диссертацию «Эпиграммы Марциала» (1950), а затем докторскую – о творчестве Теренция Афры (1971), она заведовала кафедрой русской и зарубежной литературы [31, с. 8–9], читала общий курс по истории античной литературы для филологов и на протяжении многих десятилетий вела занятия по элементарной грамматике древнегреческого языка (который укладывался в 4 семестра) для всех желающих – историков и филологов. Некоторые ученики А.С. Шофмана успешно осваивали оба курса. Любовь Ивановна была научным редактором ряда книг Аркадия Семеновича, в частности «Истории античной Македонии» (ч. II). Она выступала рецензентом при обсуждении диссертаций по античной истории и историографии, подготовленных воспитанниками А.С. Шофмана.

Как никто другой на факультете, А.С. Шофман подходил для должности заведующего *кафедрой всеобщей истории*. Он возглавлял ее с 1948 по 1986 г. (с коротким перерывом в 1960 – начале 1961 г.). Уже в 1951–1952 гг. он опубликовал серию статей по истории Казанского университета в многотиражной газете «Ленинец»; в 1954 г. по той же теме им были изданы статьи и брошюра [32, с. 83]. Так Аркадий Семенович начал изучать большую и многосложную тему, которая со временем привела его самого и кафедральных коллег к исследованию разных

аспектов историографии всеобщей истории: становления востоковедения, славяноведения и балканистики в Университете. В частности, А.С. Шофман исследовал деятельность известных ученых в области как отечественной славистики, так и востоковедения (Д. Банзарова, П.Я. Петрова, Г. Гомбоева, К.А. Коссовича) [3, с. 18]. Он разработал и в 1960 г. издал лекционный курс по истории Македонии и македонского народа, который охватывал исторические события в одном из ключевых регионов Европы на протяжении трех эпох: Античности, Средневековья и Нового времени [13].

Под влиянием заведующего кафедрой старейший ее член В.И. Адо (1905–1995), который работал с 1946 г. в должности старшего преподавателя, а с 1965 – доцента, начал изучать особенности отражения в российской прессе итогов Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и хода Берлинского конгресса, а также в целом русско-болгарских отношений этого периода [3, с. 21; 30, с. 27; 33, с. 119]. А.Н. Сергеев (1918–1993) защитил кандидатскую диссертацию о В.И. Григоровиче как исследователе-слависте (1966), а затем издал книгу о его исторических взглядах (1978) [3, с. 20–21; 30, с. 279].

В 60-е – начале 70-х годов XX в. на кафедре всеобщей истории заметно оживилась научная деятельность; многие ее члены защитили кандидатские диссертации: П.Б. Уманский (1962), Н.А. Бурмистров (1965), Л.И. Шайдуллина (1965), А.Д. Константинова (1966), В.Д. Жигунин (1970), Н.А. Мазитова (1970). Такой результат в немалой степени был заслугой заведующего кафедрой. В *кафедральное окружение* А.С. Шофмана также входили А.З. Ханина и М.М. Базина, преподаватели латинского языка М.Д. Блохина и М.А. Галеева. Позднее в составе кафедры стали работать, наряду с Р.Н. Имангалиевым, Г.П. Мягковым и Я.Я. Гришиным, непосредственные ученики Аркадия Семеновича: М.Г. Юнусова, Е.А. Чиглинцев и Ф.Н. Ахмадиев [6, с. 157].

Для концентрации научных усилий членов кафедры А.С. Шофман предложил совместное исследование различных аспектов историографии всеобщей истории и методологии исторического познания. В результате под его редакцией вышли сборники «Вопросы историографии всеобщей истории» (вып. I–V. 1965–1971), «Критика буржуазных концепций всеобщей истории» (вып. 1–4. 1972–1976) (см. [7, с. 83]) и несколько коллективных монографий.

Особенно значимыми были достижения кафедры в изучении историографии античной истории. В мировой науке об античности Аркадий Семенович различал отдельные «национальные историографии»: немецкую, французскую, английскую и американскую (в его терминологии – англо-американскую), итальянскую и, разумеется, русскую [34, с. 35–36]. История антиковедения в Казанском университете стала одной из главных сфер научных занятий А.С. Шофмана ([35, 36], ср. [32]). Отдельные национальные историографии, наиболее значимые научные школы и особенно яркие, влиятельные личности в мировом антиковедении вызывали интерес у Аркадия Семеновича не только потому, что были предметом изучения его учеников. Всё это также составляло основу для его размышлений над развитием науки об античности во времени и пространстве, представлявшимся ученому сложным, разнообразным и вместе с тем единым процессом.

А.С. Шофман был создателем и главой общепризнанной научной школы, в рамках которой его ученики защитили десятки диссертаций и опубликовали

сотни работ, посвященных творчеству таких выдающихся историков античности, как:

– У. Митфорд (Т.А. Милашевская (Сидорова)), Дж. Грот (А.А. Галеева), Р. Сайм (Ю.А. Окунь), У. Тарн (Н.А. Зенкина), А.Дж. Тойнби (Н.А. Сергеев), М. Финли (А.А. Безгубенко) – в Англии;

– Б.Г. Нибур (М.Г. Юнусова), Т. Моммзен (Л.М. Тарасова), Э. Мейер (М.А. Бухараева) – в Германии;

– М.С. Куторга (А.Д. Константинова), М.М. Хвостов (И.Н. Матвеева) – в России [34, с. 35];

– А. Валлон (Е.А. Чиглинец) – во Франции [ср.: 7, с. 83–84].

Другие ученики А.С. Шофмана исследовали конкретные проблемы античности в историографии Франции, Германии, Англии, Соединенных Штатов Америки и России:

– проблемы античной Македонии во французской (Г.В. Атласов), итальянской (Ю.В. Лукиянов) и англо-американской (С.А. Сергеев) историографии;

– деятельность Александра Македонского в германской (Н.С. Талашова) и англо-американской (Т.Г. Тимофеева) историографии;

– эллинизм в западногерманской (Л.Р. Ротермель), французской (А.А. Розовский), американской (Л.Т. Гайфуллин) историографии,

– установление гегемонии Рима на Балканах (В.И. Кашеев) и противостояние Рима и Карфагена (И.Х. Гарипзанов) в англо-американской историографии;

– проблема «римского империализма» во французском антиковедении (А.Н. Хашов);

– проблемы античной истории в оксфордской школе (А.П. Норден);

– античный Рим в российской историографии (В.А. Летяев),

– проблемы античного рабства в советской историографии (Т.В. Курная).

В рамках научной школы Аркадия Семеновича были изучены актуальные проблемы истории отечественной исторической науки:

– «русская историческая школа» всеобщих историков (Г.П. Мягков);

– изучение европейской историографии в России (Ф.Н. Ахмадиев);

– западноевропейская культура в советской историографии (Л.А. Сыченкова).

В первой половине 80-х годов XX в. А.С. Шофман высказывал намерение создать (совместно со своими учениками) значительный по объему, фундаментальный труд по истории античной историографии в новое и новейшее время. Ключевыми фигурами этой обобщающей работы должны были стать наиболее значимые исследователи античного мира, труды и научные концепции которых к тому времени уже были изучены самим А.С. Шофманом и его молодыми коллегами.

Вполне логично и закономерно, что опыт исследования истории античной Македонии и раннего эллинизма ([37; 38], ср. [39]), а затем размышления над вопросами историографии античности привели Аркадия Семеновича к постановке проблем теории и методологии истории как науки. Интерес ученого к теории истории отразился в его концепции «конгломератного государства» и в его исследовании института «антитагма» у Александра и диадохов.

Серия публикаций А.С. Шофмана о взглядах «основоположников марксизма-ленинизма» на проблемы античности завершилась изданием учебного пособия «Маркс, Энгельс, Ленин об античном обществе» (1971) [40] с хрестоматией,

включавшей соответствующие фрагменты из работ «классиков», и объемным введением, в котором детально излагались взгляды А.С. Шофмана на марксистскую концепцию античной истории [40, с. 7–135]. Здесь, как и в некоторых других случаях, заметно влияние С.И. Ковалева [40, с. 5], к исследовательскому масштабу которого Аркадий Семенович, кажется, всегда стремился приблизиться. Знавший своего учителя и старшего коллегу, как никто другой, В.Д. Жигунин подчеркивал, что А.С. Шофман «до конца своих дней оставался марксистом по убеждениям, хотя требовал творческого подхода к марксистской теории» [6, с. 158]. Под влиянием Аркадия Семеновича обозначенную исследовательскую тему успешно разрабатывала его ученица Н.С. Талашова, подготовив серию статей, учебных пособий и монографию о культурно-историческом опыте античности в общественно-политической деятельности Карла Маркса.

На протяжении нескольких академических лет для студентов, специализировавшихся по кафедре всеобщей истории, Аркадий Семенович читал курс по теории и методологии истории. Позднее силами некоторых членов кафедры под его руководством было подготовлено учебное пособие (формально, на самом деле – коллективная монография) о периодизации всемирной истории [41]. В ней рассмотрены различные варианты периодизации, появившиеся в разное время и у разных исследователей, проанализированы такие категории периодизации, как общее и особенное, предложен подход к историческому времени как количественной основе периодизации, наконец, представлена темпоральная (момент, период, эра) и стадийная структуры периодизации (эпоха, этап, стадия, ступень). Созданная по инициативе А.С. Шофмана, это была новаторская работа, хотя и выполненная в рамках марксистской интерпретации истории. Выход книги стал событием в мире отечественной исторической науки.

Ученики А.С. Шофмана продолжили разрабатывать, так же как их учитель, и конкретно-исторические проблемы античности:

– международное положение Македонии в период развитого эллинизма; международная политика эллинистических государств в 280–220 гг. до н. э. (В.Д. Жигунин);

– эллинистический мир и Рим: война, мир и дипломатия в 220–146 гг. до н. э. (В.И. Кашеев);

– античный Кипр (Э.Б. Петрова);

– Тацит и его историческая концепция (А.А. Елагина);

– идеология первоначального христианства (Л.Е. Семёнов).

В 1966 г. начал свою работу созданный по инициативе Аркадия Семеновича научный кружок (семинар) «Античный понедельник» [29, с. 70–71; 42], один из наиболее важных компонентов академического окружения его руководителя. Среди учеников А.С. Шофмана немало творческих личностей: Н.С. Талашова (1942–2000), В.Д. Жигунин (1943–2001) [43], Г.В. Атласов (1939–2002) [44], Ю.В. Лукиянов (1947–2006), Л.Е. Семёнов (1945–2021), Е.А. Чиглинецов (1955–2021) [45], Т.А. Милашевская (Сидорова), Г.П. Мягков, М.Г. Юнусова, Э.Б. Петрова, Л.А. Сыченкова, М.А. Бухараева, Л.Р. Ротермель и многие другие, оставившие заметный след и в истории «Античного понедельника», и в российской науке, и в научной жизни Аркадия Семеновича.

Воссоздавая жизненный путь А.С. Шофмана, мы видим, как много ярких, неординарных личностей в разные годы окружало его. Общаясь сначала со сво-

ими университетскими учителями, потом с многочисленными коллегами из разных городов и стран, а затем, уже создав свою научную школу, – с учениками разных поколений, Аркадий Семенович совершенствовал и умножал свои духовные и интеллектуальные силы, проявив себя как поистине незаурядная творческая личность.

Источники

- I – *Шофман А.С.* Не угаснет огонь Прометея. (Из истории советского антиковедения). Казань, 1991. 312 с. (текст) +39 с. (прим.) (машинопись) // Арх. каф. всеобщей и публичной истории КФУ.
- II – ОРРК НБ КФУ. Ф. 24 (Шофман Аркадий Семенович). Ед. хр. 291–306. Письма С.И. Ковалёва к А.С. Шофману.
- III – ОРРК НБ КФУ. Ф. 24. Ед. хр. 599. Письмо О.М. Фрейденберг к А.С. Шофману от 4.07.1949 г.
- IV – ОРРК НБ КФУ. Ф. 24. Ед. хр. 512–537. Письма Ф. Папазоглу к А.С. Шофману.
- V – ОРРК НБ КФУ. Ф. 24. Ед. хр. 261/1–8. Письма Хр. Данова к А.С. Шофману.
- VI – ОРРК НБ КФУ. Ф. 24. Ед. хр. 598/1–4. Письма А. Фола к А.С. Шофману.
- VII – ОРРК НБ КФУ. Ф. 24. Ед. хр. 552–559. Письма Н.Н. Пикуса к А.С. Шофману.
- VIII – ОРРК НБ КФУ. Ф. 24. Ед. хр. 325–329. Письма В.И. Кузицина к А.С. Шофману.

Литература

1. *Schopenhauer A.* Parerga und Paralipomena: Kleine philosophische Schriften / Hrsg. von J. Frauenstädt. Berlin: Druck und Verlag von A.W. Hahn, 1862. Bd. 1. XIII, 530 S.
2. Казанский университет (1804–2004): Биобиблиографический словарь / Глав. ред. Г.Н. Вульфсон. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. Т. 3. 767 с.
3. *Кащеев В.И.* Аркадий Семенович Шофман как исследователь античной Македонии // Историки в поисках новых смыслов / Сост. и отв. ред.: Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань: Новое знание, 2003. С. 7–26.
4. Список научных трудов Аркадия Семеновича Шофмана // Античность: события и исследования / Под ред. В.Д. Жигунина и др. Казань: Экоцентр, 1998. С. 9–17.
5. *Дильтей В.* наброски к критике исторического разума / Пер. с нем. А. Огурцова // Дильтей В. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Три квадрата, 2004. Т. 3. С. 239–345.
6. *Жигунин В.Д.* Шофман Аркадий Семенович (1913–1993) // Жить историей: 60 лет историческому факультету Казанского университета / Отв. ред. Ю.И. Смыков. Казань: Хэтер, 1999. С. 154–158.
7. *Мягков Г.П.* «Мы зажгли свои свечи от их творческого огня»: Историк А.С. Шофман в череде поколений // Мир историка: Историографический сборник / Под ред.: В.П. Корзун, А.В. Якуба. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 2009. Вып. 5. С. 72–100.
8. Историк в историческом и историографическом времени / Сост. и отв. ред.: Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань: Яз, 2013. 406 с.
9. *Кащеев В.И.* Memento mori – memento vivere: Воспоминания А.С. Шофмана об университетских учителях // Историк в историческом и историографическом времени / Сост. и отв. ред.: Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань: Яз, 2013. С. 23–27.
10. *Шофман А.С.* Не угаснет огонь Прометея. (Из истории советского антиковедения) / Подготовка текста, вводная статья и комментарии Г.П. Мягкова // Мир историка:

- историографический сборник / Под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 2009. Вып. 5. С. 376–417.
11. *Кащеев В.И.* Классическая филология в Саратовском университете: истоки ее изучения и преподавания (1917–1920) // Современные наукоемкие технологии. 2020. № 12, ч. 2. С. 362–367.
 12. *Кащеев В.И.* Жебелёв Сергей Александрович // Словарь Петербургских антиковедов XIX – начала XX века: в 3 т. / Отв. ред. А.К. Гаврилов. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana, 2021. Т. I. С. 255–263.
 13. *Шофман А.С.* Очерки по истории Македонии и македонского народа: (С древнейших времен до первой мировой войны): Курс лекций: в 2 т. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1961. Т. 1. 288 с.; Т. 2. 233 с.
 14. *Шофман А.С.* История античной Македонии: в 2 ч. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1960. Ч. I. Доэллинистическая Македония. 300 с.
 15. *Шофман А.С.* История античной Македонии: в 2 ч. Казань: Изд-во Казан. ун-та 1963. Ч. II. Македония и Рим. 434 с.
 16. *Историография античной истории / Под ред. В.И. Кузицина.* М.: Высш. школа, 1980. 415 с.
 17. *Danoff Chr.M.* Pontos Euxeinos // Pauly' Realencyclopadie der classischen Altertumswissenschaft. Supplementum. Stuttgart, 1962. Bd. IX. Sp. 867–1920.
 18. *Heinen H.* [Rez.:] Šofman A.S. Istorija antičnoj Makedonii (Geschichte des antiken Makedoniens). Bd. 1. Vorhellenistisches Makedonien. Bd. 2. Makedonien und Rom. Kazan, 1960–1963. 300 + 434 S. // *Македоника.* 1969. Т. 9. Р. 349–353.
 19. *Цибукидис Д.И.* Древняя Греция и Восток. Эллинистическая проблематика греческой историографии (1850–1974) / Отв. ред. А.С. Шофман. М.: Наука, 1981. 253 с.
 20. *Гафуров Б.Г., Цибукидис Д.И.* Александр Македонский и Восток / Отв. ред. А.С. Шофман. М.: Наука, 1980. 456 с.
 21. *Кащеев В.И.* Аркадиј Семјонович Шофман како истражувач на Античка Македонија (крај на 1930-тите – почеток на 1960-тите години) // *Историја.* Скопје, 2004. Год. 40, број 1–2. С. 45–60 (на макед. яз.)
 22. *Шофман А.С.* А.В. Мишулин как историк античности // *История и историки.* Историографический ежегодник. 1981. М.: Наука, 1985. С. 184–204.
 23. *Могильницкий Б.Г.* А.С. Шофман и Томский университет // *Историк в историческом и историографическом времени / Сост. и отв. ред.: Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинец.* Казань: Яз, 2013. С. 7–8.
 24. *Мягков Г.П., Чиглинец Е.А.* Б.Г. Могильницкий: «...отыскать возможность духовно-нравственного возрождения науки и всего общества». Памяти выдающегося ученого // *Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки.* 2014. Т. 156, кн. 3. С. 283–289.
 25. *Бокцианин А.Г., Лившиц Г.М.* [Рец.:] Шофман А.С. История античной Македонии. Ч. I. Казань, 1960; Ч. II. Казань, 1963 // *Вестник древней истории.* 1965. № 2. С. 137–141.
 26. *Бокцианин А.Г., Лившиц Г.М.* [Рец.:] Шофман А.С. Восточная политика Александра Македонского. Казань: Изд-во КГУ, 1976. 520 с. // *Вестник древней истории.* 1977. № 1. С. 226–229.
 27. *Ременников А.М., Слонимский М.М.* [Рец.:] Шофман А.С. Восточная политика Александра Македонского. Казань: Изд-во КГУ, 1976. 520 с. // *Вопросы истории.* 1977. № 5. С. 180–182.
 28. *Талашова Н.С., Ременников А.М.* [Рец.:] Шофман А.С. Распад империи Александра Македонского. Казань: Изд-во КГУ, 1984. 224 с. // *Вопросы истории.* 1985. № 7. С. 135–137.

29. *Кащеев В.И.* Научный историко-филологический семинар как форма становления творческой личности: Прошлое. Настоящее. Перспективы // *Инновационные подходы к развитию личности.* Одесса: Куприенко С.В., 2019. Ч. 2. С. 60–78.
30. Казанский университет (1804–2004): Биобиблиографический словарь / Глав. ред. Г.Н. Вульфсон. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. Т. 2. 879 с.
31. *Воронова Л.Я.* Памяти Любови Ивановны Савельевой (1921–2010) // *Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки.* 2011. Т. 153, кн. 2. С. 7–12.
32. *Кащеев В.И.* Антиковедение в Казанском университете как предмет исследований А.С. Шофмана // *Изв. Сарат. ун-та. Сер. История. Право. Международ. отношения.* 2005. Т. 5, вып. 1/2. С. 82–92.
33. *Жить историей: 60 лет историческому факультету Казанского университета / Отв. ред. Ю.И. Смыков.* Казань: Хэтер, 1999. 192 с.
34. *Чиглинцев Е.А.* А.С. Шофман и казанское антиковедение: векторы научного поиска // *Историк в историческом и историографическом времени / Сост. и отв. ред.: Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев.* Казань: Яз, 2013. С. 34–37.
35. *Шофман А.С.* Фёдор Герасимович Мищенко. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1974. 112 с.
36. *Шофман А.С.* Михаил Михайлович Хвостов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979. 112 с.
37. *Шофман А.С.* Восточная политика Александра Македонского. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. 520 с.
38. *Шофман А.С.* Распад империи Александра Македонского. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1984. 224 с.
39. *Ротермель Л.Р.* А.С. Шофман как исследователь раннего эллинизма // *Историк в историческом и историографическом времени / Сост. и отв. ред.: Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев.* Казань: Яз, 2013. С. 37–42.
40. *Шофман А.С.* Маркс, Энгельс, Ленин об античном обществе. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1971. 270 с.
41. *Периодизация всемирной истории. Учебное пособие / Науч. ред. А.С. Шофман.* Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1984. 224 с.
42. *Алмазова Н.С.* «Настоящая лаборатория научной работы»: казанский семинар «Античный понедельник» в контексте понятия научной школы // *Вестн. Университета Дмитрия Пожарского.* 2016. № 2(4). С. 131–160.
43. *Мягков Г.П.* Слово о друге // *Мѹѹа.* Сборник научных трудов, посвященных памяти В.Д. Жигунина. Казань: Ритор, 2003. С. 4–10.
44. *Мягков Г.П.* Первый из «гетайров» профессора Шофмана: Геннадий Атласов о Школе «Анналов» // *Античное наследие в последующие эпохи: рецепция или трансформация? / Сост. и отв. ред.: Э.В. Рунг, Е.А. Чиглинцев.* Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. С. 38–44.
45. *Синицын А.А.* Памяти Евгения Александровича Чиглинцева // *Вестн. Рус. христиан. гуманит. академии.* 2021. Т. 22, № 1. С. 385–387.

Поступила в редакцию 16.10.2023

Принята к публикации 10.12.2023

Кащеев Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского
ул. Астраханская, д. 83, г. Саратов, 410012, Россия
E-mail: kasseev@mail.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.7-26

Historian A.S. Shofman and His Academic Environment*V.I. Kashcheev**Saratov State University, Saratov, 410012 Russia*E-mail: *kascheev@mail.ru*

Received September 16, 2023; Accepted December 10, 2023

Abstract

The article deals with the problem of academic environment evolution in which an antiquity historian, A.S. Shofman (1913–1993) conducted his research and taught students in different periods of his life. The author shows that Shofman's personal qualities, such as determination, ability to work in any external conditions, considerate and, at the same time, demanding attitude to his students and colleagues, sense of humor, irony, self-deprecation, and others played an important role in his development as a scholar. It is also pointed out that fate often brought him to teachers and colleagues who facilitated his success. Different spheres of his scientific communication are studied: prominent scholars of Ancient History and Philology – his teachers at Leningrad State University; international scientific contacts with his colleagues from Macedonia and Serbia, which used to be the part of Yugoslavia, from Hungary, Poland and Czechoslovakia. His relationship with Russian historians and philologists from Moscow, Leningrad, Voronezh, Tomsk and Belorussian scholars from Minsk were also discussed as well as academic environment at Kazan State University, especially at the Department of World History which A.S. Shofman headed for several decades. The article reveals the influence of his scientific surroundings on his development as a scholar and on themes of his research. A.S. Shofman, in his turn, shaped the mode of activity of the Department he headed and set up a scientific school in Kazan State University well-known in the country

Keywords: A.S. Shofman, academic environment, Leningrad State University, Kazan State University, World History, theory of history, historiography, classical studies, ancient Macedonia, history of Hellenism, scientific school

References

1. Schopenhauer A. *Parerga und Paralipomena. Kleine philosophische Schriften*, hrsg. von J. Frauenstädt. Bd. 1. Berlin, Verlag von A.W. Hahn, 1862. XIII, 530 S.
2. Vulfson G.N. (Ed.) *Kazanskii universitet (1804–2004): Biobibliograficheskii slovar'* [Kazan University (1804–2004): A Biobibliographical Dictionary]. Vol. 3. Kazan, Kazan. Univ., 2004. 767 p. (In Russian)
3. Kashcheev V.I. Arkady Semenovich Shofman as a researcher of ancient Macedonia. In: Myagkov G.P., Chiglintsev E.A. (Eds.) *Istoriki v poiskah novykh smyslov* [Historians in Search of New Meanings]. Kazan, Novoe znanie, 2003, pp. 7–26. (In Russian)
4. List of research works of Arkady Semenovich Shofman. In: Zhigunin V.D. etc. (Eds.) *Antichnost': sobytiya i issledovaniya* [Antiquity: Events and Research]. Kazan, Ekocentr, 1998, pp. 9–17. (In Russian)
5. Dilthey W. Sketches for the criticism of historical reason, transl. from German by A. Ogurtsov. In: Dilthey W. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], in 6 vols. Vol. 3. Moscow, Tri kvadrata, 2004, pp. 239–345. (In Russian)

6. Zhigunin V.D. Shofman Arkady Semenovich (1913–1993). In: Smykov Yu.I. (Ed.) *Zhit' istoriei: 60 let istoricheskomu fakul'tetu Kazanskogo universiteta* [To Live by History: 60 Years of the History Faculty of Kazan University]. Kazan, Heter, 1999, pp. 154–158. (In Russian)
7. Myagkov G.P. “We lit our candles from their creative fire”: A Historian A.S. Shofman in a series of generations. In: Korzun V.P., Yakub A.V. (Eds.) *Mir istorika: Istoriograficheskij sbornik* [The Historian's World: Historiographical Collection]. Iss. 5. Omsk, Omsk Univ., 2009, pp. 72–100. (In Russian)
8. Myagkov G.P., Chiglintsev E.A. (Eds.) *Istoriik v istoricheskom i istoriograficheskom vremeni* [Historian in Historical and Historiographical Time]. Kazan, Yaz, 2013. 406 p. (In Russian)
9. Kashcheev V.I. Memento mori – memento vivere: Memoirs of A.S. Shofman about his university teachers. In: Myagkov G.P., Chiglintsev E.A. (Eds.) *Istoriik v istoricheskom i istoriograficheskom vremeni* [Historian in Historical and Historiographical Time]. Kazan, Yaz, 2013, pp. 23–27. (In Russian)
10. Shofman A.S. The fire of Prometheus will not go out. (From the history of Soviet classical studies) In: Korzun V.P., Yakub A.V. (Eds.) *Mir istorika: Istoriograficheskii sbornik* [The Historian's World: Historiographic Collection]. Iss. 5. Omsk, Omsk Univ., 2009, pp. 72–100. (In Russian)
11. Kashcheev V.I. Classical philology at Saratov University: The origins of its study and teaching (1917–1920). *Sovremennye naukoemkie tekhnologii* [Modern High Technology], 2020, no 12.2, pp. 362–367. (In Russian)
12. Kashcheev V.I. Zhebelev Sergey Alexandrovich. In: Gavrilov A.K. (Ed.) *Slovar' Peterburgskikh antikovedov XIX – nachala XX veka* [A Biographical Dictionary of St. Petersburg Classicists in the 19th – Early 20th Centuries], in 3 vols. Vol. 1. St. Petersburg, Bibliotheca Classica Petropolitana, 2021, pp. 255–263. (In Russian)
13. Shofman A.S. *Ocherki po istorii Makedonii i makedonskogo naroda. (S drevneishih vremen do pervoi mirovoi voiny): Kurs lektsii* [Essays on the History of Macedonia and the Macedonian People, from Ancient Times to the First World War. Course of Lectures]. 2 vols. Kazan, Kazan. Univ., 1960. 288, 233 p. (In Russian)
14. Shofman A.S. *Istoriya antichnoi Makedonii. Ch. I. Doellinisticheskaya Makedoniya* [A History of Ancient Macedonia. Part I. Pre-Hellenistic Macedonia]. Kazan, Kazan. Univ., 1960. 300 p. (In Russian)
15. Shofman A.S. *Istoriya antichnoi Makedonii. Ch. II. Makedoniya i Rim* [A History of Ancient Macedonia. Part II. Macedonia and Rome]. Kazan, Kazan. Univ., 1963. 434 p. (In Russian)
16. Kuzishchin V.I. (Ed.) *Istoriografiya antichnoi istorii* [Historiography of Ancient History]. Moscow, Vysshaya shkola, 1980. 415 p. (In Russian)
17. Danoff Chr.M. Pontos Euxeinos. *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Supplemente*. Bd. S.IX. Stuttgart, 1962, Sp. 867–1920. (In German)
18. Heinen H. [Rez.:] Šofman A.S. *Istorija antičnoj Makedonii (Geschichte des antiken Makedoniens)*. Bd. 1. Vorhellenistisches Makedonien; Bd. 2. Makedonien und Rom. Kazan, 1960: 300 S.; 1963: 434 S. *Μακεδονικά*, 1969, t. 9, pp. 349–353. (In German)
19. Tsibukidis D.I. *Drevnyaya Greciya i Vostok. Ellinisticheskaya problematika grecheskoi istoriografii (1850–1974)* [Ancient Greece and the East. Hellenistic Problems of Greek Historiography (1850–1974)], ed. by A.S. Shofman. Moscow, Nauka, 1981. 253 p. (In Russian)
20. Gafurov B.G., Tsibukidis D.I. *Aleksandr Makedonskii i Vostok* [Alexander the Great and the East], ed. by A.S. Shofman. Moscow, Nauka, 1980. 456 p. (In Russian)
21. Kashcheev V.I. Arkady Semenovich Shofman as a researcher of ancient Macedonia, the late 1930s – early 1960s. *Istorija*, 2004, vol. 40, no. 1–2, pp. 45–60. (In Macedonian)
22. Shofman A.S. A.V. Mishulin as a historian of antiquity. In: *Istoriya i istoriki. Istoriograficheskii ezhegodnik* [History and Historians. Historiographical Yearbook]. 1981. Moscow, Nauka, 1985, pp. 184–204. (In Russian)
23. Mogilnitsky B.G. A.S. Shofman and Tomsk University. In: Myagkov G.P., Chiglintsev E.A. (Eds.) *Istoriik v istoricheskom i istoriograficheskom vremeni* [Historian in Historical and Historiographical Time]. Kazan, Yaz, 2013, pp. 7–8. (In Russian)

24. Myagkov G.P., Chiglintsev E.A. B.G. Mogilnitsky: "...to find the possibility of the spiritual and moral revival of science and the whole society." In memory of an outstanding scholar. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2014, vol. 156, no. 3, pp. 283–289. (In Russian)
25. Bokshchanin A.G., Livshits G.M. [Rec.:] Shofman A.S. History of Ancient Macedonia. Part I. Kazan, Kazan Univ., 1960; Part II. Kazan, 1963. *Vestnik Drevnei Istorii* [The Journal of Ancient History], 1965, no. 2, pp. 137–141. (In Russian)
26. Bokshchanin A.G., Livshits G.M. [Rec.:] Shofman A.S. Eastern Policy of Alexander the Great. Kazan, Kazan Univ., 1976. 520 p. *Vestnik Drevnei Istorii* [The Journal of Ancient History], 1977, no. 1, pp. 226–229. (In Russian)
27. Remennikov A.M., Slonimsky M.M. [Rec.:] Shofman A.S. Eastern Policy of Alexander the Great. Kazan, Kazan Univ., 1976. 520 p. *Voprosy Istorii* [Problems of History], 1977, no. 5, pp. 180–182. (In Russian)
28. Talashova N.S., Remennikov A.M. [Rec.:] Shofman A.S. Disintegration of the Empire of Alexander the Great. Kazan, Kazan Univ., 1984. 224 p. *Voprosy Istorii* [Problems of History], 1985, no. 7, pp. 135–137. (In Russian)
29. Kashcheev V.I. Research historical and philological seminar as a form of formation of a creative person: The past. The present. Prospects. *Innovacionnye podhody k razvitiyu lichnosti* [Innovative Approaches to Personal Development]. Part 2. Odessa, Kuprienko S.V., 2019, pp. 60–78. (In Russian)
30. Vulfson G.N. (Ed.) *Kazanskii universitet (1804–2004): Biobibliograficheskii slovar'* [Kazan University (1804–2004): A Biobibliographical Dictionary]. Vol. 2. Kazan, Kazan Univ., 2004. 879 p. (In Russian)
31. Voronova L.Ya. In memory of Lyubov Ivanovna Savelyeva (1921–2010). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2011, vol. 153, no. 2, pp. 7–12. (In Russian)
32. Kashcheev V.I. Classical studies at Kazan University as a subject of A.S. Shofman's research. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Seriya Istoriya. Pravo. Mezhdunarodnye Otnosheniya*, 2005, vol. 5, no. 1–2, pp. 82–92. (In Russian)
33. Smykov Yu.I. (Ed.) *Zhit' istoriei: 60 let istoricheskomu fakul'tetu Kazanskogo universiteta* [To Live by History: 60 Years of the History Faculty of Kazan University]. Kazan, Heter, 1999. 192 p. (In Russian)
34. Chiglintsev E.A. A.S. Shofman and Kazan classical studies: vectors of scientific research. In: Myagkov G.P., Chiglintsev E.A. (Eds.) *Istoriik v istoricheskom i istoriograficheskom vremeni* [Historian in Historical and Historiographical Time]. Kazan, Yaz, 2013, pp. 34–37. (In Russian)
35. Shofman A.S. *Fedor Gerasimovich Mishchenko*. Kazan, Kazan Univ., 1974. 112 p. (In Russian)
36. Shofman A.S. *Mikhail Mikhailovich Khvostov*. Kazan, Kazan Univ., 1979. 112 p. (In Russian)
37. Shofman A.S. *Vostochnaya politika Aleksandra Makedonskogo* [Eastern Policy of Alexander the Great]. Kazan, Kazan Univ., 1976. 520 p. (In Russian)
38. Shofman A.S. *Raspad imperii Aleksandra Makedonskogo* [Disintegration of the Empire of Alexander the Great]. Kazan, Kazan Univ., 1984. 224 p. (In Russian)
39. Rothermel L.R. A.S. Shofman as a researcher of early Hellenism. In: Myagkov G.P., Chiglintsev E.A. (Eds.) *Istoriik v istoricheskom i istoriograficheskom vremeni* [Historian in Historical and Historiographical Time]. Kazan, Yaz, 2013, pp. 37–42. (In Russian)
40. Shofman A.S. *Marks, Engels, Lenin ob antichnom obschestve* [Marx, Engels, Lenin on Ancient Society]. Kazan, Kazan Univ., 1971. 270 p. (In Russian)
41. Shofman A.S. (Ed.) *Periodizatsiya vsemirnoi istorii. Uchebnoe posobie* [Periodization of World History. Tutorial]. Kazan, Kazan Univ., 1984. 224 p. (In Russian)
42. Almazova N.S. "A real laboratory of scientific work": Kazan seminar "Antique Monday" in the context of the concept of a scientific school. *Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo*, 2016, no. 2, pp. 131–160. (In Russian)
43. Myagkov G.P. A word about a friend. In: *MNHMA. Sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennykh pamyati V.D. Zhigunina* [MNHMA. Collection of Works Dedicated to the Memory of V.D. Zhigunin], Kazan, Ritor, 2003, pp. 4–10. (In Russian)

44. Myagkov G.P. The first of Professor Shofman's *hetairoi*: Gennady Atlasov about the Annales School of History. In: Rung E.V., Chiglintsev E.A. (Eds.) *Antichnoe nasledie v posleduyushchie epohi: recepciya ili transformaciya?* [Ancient Heritage in Subsequent Eras: Reception or Transformation?], Kazan, Kazan. Univ., 2018, pp. 38–44. (In Russian)
45. Sinitsyn A.A. In memory of Evgeniy Aleksandrovich Chiglintsev. *Vestnik Russkoi Hristianskoi Gumanitarnoi Akademii* [Review of the Russian Christian Academy for the Humanities], 2021, vol. 22, no. 1, pp. 385–387. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Кащеев В.И. Историк А.С. Шофман и его научное окружение // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2023. Т. 165, кн. 4-5. С. 7–26. [https://doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.7-26](https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.4-5.7-26). ⟩

⟨ **For citation:** Kashcheev V.I. Historian A.S. Shofman and His Academic Environment. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 4-5, pp. 7–26. [https://doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.7-26](https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.4-5.7-26). (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94

doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.27-42

УЧЕНЫЙ И ПЕДАГОГ П.Б. УМАНСКИЙ: У ИСТОКОВ КАЗАНСКОЙ АМЕРИКАНИСТИКИ

О.В. Бодров¹, Г.П. Мягков²

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия,

^{1, 2}Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова, г. Казань,
420111, Россия

Аннотация

В плеяде ученых и преподавателей Казанского университета второй половины XX в. особое место занимает Петр Борисович Уманский (1930–1993), один из наиболее ярких представителей казанской школы всеобщей истории и отечественной американистики. Выпускник Казанского университета 1952 г., он, пройдя научную школу у известного советского историка Г.Р. Левина (1915–2003), после обучения в аспирантуре в 1962 г. защитил кандидатскую диссертацию в Ленинградском педагогическом институте им. А.И. Герцена на тему «Ф. Дуглас и аболиционистское движение в США в 30–50-е гг. XIX в.», встав в дальнейшем у истоков изучения американской историографии Войны за независимость США. П.Б. Уманский является автором работ, опубликованных в изданиях Казанского университета, в центральных журналах («Новая и новейшая история», «Вопросы истории», «История и историки» и др.), он был участником Первой всесоюзной историографической конференции и Первого симпозиума американистов в Москве, а также других научных форумов. Значителен вклад П.Б. Уманского в формирование научной школы исследователей-американистов в Казанском университете. Его ученики и ныне продолжают работать в *alma mater*, воспитывая новое поколение историков. Начиная с 50-х годов XX в. и всю свою жизнь П.Б. Уманский являлся одним из лучших лекторов-международников в Татарстане. Статью дополняют воспоминания сына историка, Евгения Петровича Уманского.

Ключевые слова: П.Б. Уманский, Казанский университет, школа новистики, всеобщая история, отечественная американистика, историография нового и новейшего времени

Советская эпоха в изучении проблем всеобщей истории способствовала появлению целого ряда региональных научных центров и породила плеяду знаковых университетских ученых, среди которых достойное место занял яркий представитель Казанской школы всеобщей истории Петр Борисович Уманский (1930–1993).

Фото 1. Петр Борисович Уманский. 80-е годы XX в.

Длительный период советского «исторического безвременья», когда были расформированы целые факультеты и кафедры, исчезли ведущие научные направления и надолго прервалась связь с традициями дореволюционной российской историографии, завершился в стране в целом и в Казанском университете в частности в 1939 г. восстановлением историко-филологических факультетов. В 1943 г. кафедра истории КГУ была поделена на кафедры отечественной и всеобщей истории, однако война помешала нормальному учебному процессу и пополнению преподавательских кадров. Многолетний перерыв, вызванный Великой Отечественной войной, поиском научных кадров и становлением всеобщей истории как науки, затянулся на целое десятилетие и охватил период 40–50-х годов XX в. Важным моментом в этом процессе для Казанского университета можно считать появление на кафедре всеобщей истории в 1948 г. А.С. Шофмана. Он руководил ею до 1986 г. с небольшим перерывом в 1960 г., когда ее возглавлял работавший на кафедре с ноября 1958 г. известный советский медиевист, методолог, впоследствии ректор Томского университета и министр просвещения РСФСР А.И. Данилов.

Именно к рубежу 50–60-х годов XX в. ведущим направлением научных исследований на кафедре становится историографическое, а преподаватели кафедры с середины 50-х годов вступают на путь изучения отечественного и зарубежного антиковедения, медиевистики, славяноведения. Одним из наиболее ярких представителей этого поколения явился выпускник историко-филологического факультета КГУ 1952 г. П.Б. Уманский. Защитив дипломную работу на кафедре всеобщей истории под руководством В.И. Адо, он в последующем связал свою

судьбу с изучением истории США. С именем П.Б. Уманского соотносится тот факт, что американистика более 30 лет была одним из основных научных направлений в деятельности кафедры всеобщей истории КГУ, а возглавивший эту работу ученый стал известным российским американистом. Молодая советская американистика делала только первые шаги, но ее значение возрастало с каждым годом: Соединенные Штаты после Второй мировой войны превратились в главного идейно-политического оппонента Советского Союза, и необходимость знаний об их «все и вся» детерминировалась, кроме собственно научных, еще и важными политическими целями.

Другой особенностью научно-педагогической деятельности П.Б. Уманского стал тот факт, что именно с него на кафедре начинается преподавание отдельного курса «Новейшей истории стран Европы и Америки», который до этого входил в курс новой истории и специально не выделялся. В 1954 г. на заседании работников кафедры новой и новейшей истории Московского университета, проведенном под эгидой Министерства высшего образования, было официально утверждено понятие «II период новейшей истории» – по аналогии со вторым периодом общего кризиса капитализма, связанного с событиями Второй мировой войны. Чуть позже указанный раздел становится обязательным в школьной программе преподавания истории, когда партийным и правительственным постановлением от 7 октября 1959 г. «О некоторых изменениях преподавания истории в школе» новая и новейшая история были разделены [1].

До момента появления на кафедре всеобщей истории в качестве штатного сотрудника 1 сентября 1960 г. П.Б. Уманский окончил заочную аспирантуру в Ленинградском педагогическом институте им. А.И. Герцена и успешно преподавал в различных высших и средних специальных учебных заведениях Казани. В 1958 г. он стал соавтором одного из первых в СССР учебного пособия по новейшей истории зарубежных стран для учителей средней школы, которое вышло в свет в Казани под редакцией М.Т. Мещерякова [2]. Творческий коллектив казанцев в составе В.И. Адо, Н.А. Бурмистрова, Р.Г. Виноградовой, Г.Н. Вульфсона, Н.А. Мазитовой, О.В. Несмелова, Т.В. Порфирьевой, В.П. Рыжковой, А.К. Сапегги, Р.Ш. Тагирова, Д.И. Фельдмана представил широкую панораму общественно-политического и социально-экономического развития стран Запада и Востока с 1917 по 1958 гг. включительно. Книга была разделена на два больших раздела – до и после Второй мировой войны (последняя выделялась в качестве одной из тем), а также на девять тем и 40 уроков, снабжена богатым иллюстративным материалом, каждому уроку предшествовали методические советы, в завершение приводилась хронологическая таблица основных дат и список рекомендуемой литературы. Сотрудники кафедры всеобщей истории активно участвовали в выпуске как данного, так и последующих учебных пособий для средней школы, всячески помогая становлению нового предмета зарубежной истории.

А.И. Данилов пригласил молодого и эрудированного П.Б. Уманского, к тому же, хорошо знавшего английский язык, для чтения курса новейшей истории, спецкурсов по истории и историографии ключевых проблем США, а также активизации всей работы со студентами, специализирующимися по кафедре. Результаты не заставили себя ждать. В 1960 г. он получает благодарность ректора КГУ за успешное руководство дипломными работами, а в 1962 г. курсовая работа по Кубинской революции, написанная под его руководством, была отмечена I пре-

мией на Всесоюзной конференции по Латинской Америке. В сентябре того же года Петр Борисович защищает кандидатскую диссертацию в ЛГПИ на тему: «Ф. Дуглас и аболиционистское движение в США в 30–50 гг. XIX в.». Выполненная под руководством известного советского историка Г.Р. Левина (1915–2003), она была посвящена исследованию такой актуальной проблемы американской истории, как массовое движение за отмену рабства, ставшей особенно злободневной в условиях начавшегося бурного подъема борьбы негров за свои права в 60-е годы XX в. Несмотря на достаточную разработанность темы в американской и отечественной историографии, вопрос о роли собственно негритянского народа и его идейных вожаков в аболиционистском движении, как показал диссертант, оставался за кадром: социально-экономическая и политическая характеристика плантационного рабства, основные течения в американском аболиционизме, место и роль Ф. Дугласа в этом движении – таковы были основные проблемные точки авторского анализа [3].

Опубликованная на следующий год отдельной монографией, диссертация П.Б. Уманского получила высокую оценку научной общественности и по прошествии 40 лет сохраняет свою значимость в историографии вопроса. Как говорилось в одной из рецензий на эту работу, автор «сумел на конкретном материале последовательно проследить изменения в аболиционистском движении и раскрыть эволюцию взглядов его виднейших представителей. В этом отношении его книга выгодно отличается от многих имеющихся у нас исследований по истории США первой половины XIX в.» [4, с. 160]. А один из главных выводов работы, связанный с развитием воззрений самого Ф. Дугласа, «убедительно доказан в книге благодаря весьма скрупулезному анализу разнообразных источников и литературы», тщательно отобранных, систематизированных и критически переосмысленных [4, с. 162]. Выход в свет монографии П.Б. Уманского в канун убийства президента США Р. Кеннеди, последовательно отстаивавшего права черных американцев, связал незримыми нитями историю и современность и стал значительным событием в жизни кафедры.

В 1963 г. «свежеиспеченный» кандидат наук приказом декана историко-филологического факультета профессора Н.А. Гуляева назначается его вторым заместителем и успешно работает в этом качестве до 1967 г. Ученый разрабатывает и читает на дневном, вечернем и заочном отделениях спецкурсы, обилие и разнообразие тем которых иногда просто поражает: в 60-е годы XX в. это «Основы исторических исследований», «Национально-освободительное движение в странах Латинской Америки», «Негритянское освободительное движение в США», «Американская буржуазная историография новейшего времени». В 70-е годы – «Американская историография войны за независимость», «Основные проблемы современных международных отношений», «Внешняя политика США (1945–1975 гг.)». В 80-е годы – «Движение против гонки вооружений в странах Западной Европы (конец 70-х – начало 80-х годов XX в.) – на вечернем отделении; «Основные направления внешнеполитической деятельности КПСС и Советского правительства на современном этапе» – на отделении журналистики. В самих названиях указанных спецдисциплин отчетливо виден крен в сторону внешней политики и текущего международного положения в мире, и это не случайно. Начиная с 50-х годов XX в. и всю свою жизнь П.Б. Уманский являлся одним из лучших лекторов-международников в Татарстане, читал лекции по линии

Общества «Знание», в вечернем Университете марксизма-ленинизма и филиале заочной Высшей партийной школы при ЦК КПСС. Аналитичность, информированность и прекрасное владение материалом вкупе с незаурядными ораторскими данными превращали его лекции в любой аудитории в захватывающий «театр одного актера», а научные разработки животрепещущих вопросов истории США и современного западного общества в целом становились интеллектуальным достоянием каждого из его многочисленной аудитории.

П.Б. Уманский популяризировал дискуссионные общественно-политические и актуальные исторические темы и в своей педагогической деятельности. Политическую культуру студенчества формировали организованные под его руководством конференции, круглые столы, посвященные актуальным вопросам внешней политики и международных отношений конференции. Так, авторам настоящей статьи особо запомнились конференции «Существует ли угроза фашизма в США?», «“Новые левые” – кто они?» (60-е годы XX в.), «40 лет СЭВ», «20 лет Гаванской декларации», «Актуальные проблемы антивоенного движения» (80-е годы). Ученый неоднократно получал благодарности за организацию шефской помощи, за сотрудничество со школами Казани. Своей неиссякаемой энергией историк-американист вдохновлял студентов на глубокое и специальное исследование научных проблем истории США в кружке «Американистика», которым бесценно руководил не одно десятилетие. Небольшая по численности группа студентов-«всеобщников», среди которых находился и один из авторов этих строк, заслушивала на своих заседаниях интересные доклады и сообщения, участвовала во всевозможных конференциях, а ее председатель, В. Курносов, выступал на всесоюзном симпозиуме «Американские индейцы в прошлом и настоящем» в ноябре 1982 г. в Москве. В архиве кружка сохранилась запись, сделанная в том же году двумя известными американистами, посетившими Казанский университет, – профессорами В.В. Согриным и А.А. Фурсенко. Эти ученые высоко оценили работу, проводимую в Казани в деле исследования истории США, начало которой положил П.Б. Уманский.

Серьезная работа велась П.Б. Уманским и над научной проблематикой. В 1971–1973 гг. казанский ученый-американист переводился на должность старшего научного сотрудника и уезжал в Москву для подготовки докторской диссертации по теме: «Буржуазная историография США первой американской революции». Текст диссертации был обсужден и рекомендован к защите в секторе США ИВИ АН СССР, но в силу различных обстоятельств, в том числе повышенной требовательности к себе и частого изменения политической конъюнктуры, докторская так и не была защищена. Тем не менее монография увидела свет в 1988 г., будучи опубликованной в Издательстве Казанского университета [5]. Она содержала глубокий историографический анализ важнейшей проблемы в истории США, вокруг которой и сейчас ведутся ожесточенные споры. Из-под пера казанского историка выросли «монблан» школ и направлений, исследовавших «вечную тему» в американской историографии: от отцов-основателей Б. Франклина, Т. Джефферсона, Т. Пейна, через творчество титанов конца XIX – начала XX в. Дж. Бэнкрофта, Р. Хилдрета, Ф. Тернера, К. Беккера и В. Паррингтона и до ярких представителей исторического цеха 50–60-х годов XX в. Л. Харца, Д. Бурстина, Э. Моргана, Ф. Фогеля, К. Росситера, Р. Хофстедтера, М. Дженсена. Красной нитью через рассуждения казанского ученого проходила ключевая проблема их

работ – считать или не считать войну за независимость Первой американской революцией, рассматривать ее социальную сущность в прогрессистской традиции европейских ранних буржуазных революций или апологетически верить в незыблемость божественного предначертания Америки, в ее «особый путь» с присущей ему «согласованностью интересов» всех слоев общества в их бесконфликтном развитии. «Представляется важным, – писал П.Б. Уманский, – в исследовании развития американской немарксистской историографии войны за независимость проследить изменения, имевшие место в использовании источников, расширении их круга, совершенствовании техники обработки, их критики и др. Но еще более важен анализ содержания концептуальных воззрений на одну из ранних буржуазных революций... ибо все двести лет эти воззрения отражали и отражают сегодня острейшую борьбу классов, партий, групп, отстаивавших различные позиции по актуальным вопросам текущей политики...» [5, с. 164]. Таким образом, по мнению автора, историография Американской революции XVIII в. – довольно чуткий барометр, характеризующий обстановку в историографии США на важнейших этапах ее развития. А действительное наследие Первой американской революции всегда будет составной частью демократических традиций истории США [5, с. 166]. И сегодня можно безбоязненно подписаться под этими словами, ибо такая характерная черта П.Б. Уманского как лектора и человека – умение ощущать живую связь истории с острыми идейно-политическими проблемами современности, – и в наши дни актуализируется бурной полемичностью историографических исследований.

Из других публикаций П.Б. Уманского особо следует выделить статьи в центральных изданиях, в числе которых написанная в соавторстве с В.В. Согриным работа «О современном марксизме и критике буржуазной историографии США» [6], совместно с Л.А. Бургановой – «История США в трудах американских историков-марксистов» [7]; «Проблемы Первой американской революции в буржуазной историографии США» [8]; рецензии в центральных журналах – в «Новой и новейшей истории» [9–14], в «Вопросах истории» [15–17].

В январе 1969 г. П.Б. Уманский принял участие в Первой всесоюзной историографической конференции в Москве, которая явилась крупным событием в процессе укоренения в стране этой новой отрасли исторической науки, и выступил с докладом «Проблемы первой американской революции в буржуазной историографии США», опубликованном в том же году [18]. В 1971 г. казанский историк с целой группой своих учеников (Ю. Михайловым, Г. Мягковым, Б. Царевым, Л. Бургановой) стал делегатом Первого симпозиума американистов в Москве, что свидетельствовало о его возросшем авторитете в научном сообществе [19]. А в 1976 г., в год 200-летия Войны за независимость в США, он был приглашен на Второй симпозиум историков-американистов, где прочитал доклад на тему «О политических аспектах американской революции» [20].

Известно, что в Казани в 60–70-е годы XX в. шаг за шагом складывается крупный историографический научный центр с широким диапазоном исследований как по отечественной, так и по зарубежной истории исторической мысли [21; 22, с. 26]. Особое значение в этом процессе имело обретение казанскими историографами своего печатного органа. В 1964 г., через год после выхода в Томском университете сборника «Методологические и историографические вопросы исторической науки», задуманного А.И. Даниловым еще в казанский

период, подобное периодическое издание начинает издаваться на кафедре всеобщей истории КГУ¹. Первые выпуски «Вопросов историографии всеобщей истории» (Казань, 1964, 1967) содержали статьи П.Б. Уманского по американской историографии аболиционистского движения XIX в. [23, 24].

Казанские историки-«всеобщники» также активно включились в исследование теоретико-методологических проблем всеобщей истории. Результатом этого стала серия книг под названием «Методология исторического познания и буржуазная наука». В работе над первой из них [25] приняли участие В.Д. Жигунин, А.Д. Константинова, П.Б. Уманский, Л.А. Бурганова, Г.П. Мягков, Т.А. Сидорова, А.В. Сергеев, Р.Н. Имангалеев и др. Авторский коллектив ставил вполне конкретные задачи – выявить категориальный аппарат западной исторической науки и обозначить ее главные общеметодологические черты. Обозначенная проблематика разрабатывалась и П.Б. Уманским, автором третьей главы, посвященной теории американской исключительности [26]. Не претендуя на решение глобальных проблем гносеологии, авторы монографии тем не менее добились главного: в доступной для массового читателя форме изложили свою точку зрения, используя некоторые яркие примеры исторической практики зарубежных школ, теорий и личностей.

Осмысливая творческий путь П.Б. Уманского, особо следует сказать о его учениках. Под его руководством в Казани защитили кандидатские диссертации по истории и истории исторической науки США Ю.А. Михайлов («Принцип историзма в исследованиях К. Маркса и Ф. Энгельса гражданской войны в США», 1970); Л.А. Бурганова («Проблемы истории США эпохи домонополистического капитализма в американской марксистской историографии», 1978); Л.М. Троицкая («“Прогрессистское” направление в современной буржуазной историографии США и проблемы ранней американской истории (концепции М. Джексона и Дж.Т. Мэйна)», 1978); Л.Н. Сидоров («Англо-американская война 1812–1814 гг. в буржуазной историографии США», 1982); Т.А. Смолова («“Имперская” школа в буржуазной историографии США конца XIX – начала XX в. и проблемы ранней американской истории», 1983); Е.П. Уманский («Л. Гибсон и проблемы колониальной истории Америки в буржуазной историографии США», 1983); С.З. Шукунда («Вопросы ранней американской истории в буржуазной историографии США (1920 – 1930-е гг.)», 1988); Т.И. Алексеева («Американские буржуазные революции XVIII и XIX вв.: советская историография ключевых проблем», 1988). Через школу П.Б. Уманского прошли доктор исторических наук Г.П. Мягков, кандидат философских наук Б.В. Царев, кандидаты исторических наук О.В. Бодров, В. Курносов, И. Ицкович, В. Мозго, Н. Карташова и многие другие.

Казанский ученый всесоюзного значения П.Б. Уманский стоял у истоков послевоенной советской американистики, его имя не раз звучало со страниц центральных изданий и с трибуны всесоюзных конференций, он активно пропагандировал научные знания, значительно подняв авторитет Казанской исто-

¹ Сначала под названием «Вопросы историографии всеобщей истории» (Вып. 1–5, 1964–1971); затем – «Критика буржуазных концепций всеобщей истории» (Вып. 1–4, 1972–1976). Впоследствии регулярность выхода сборников была нарушена в силу разных причин, а восстановлена лишь в 1999 г. с появлением «Слю Moderna. Зарубежная история и историография». Вышло 8 выпусков (с 1999 г. по 2011 г.) под ред. проф. И.И. Шарифжанова.

риографической школы и оставив яркий след в жизни Казанского университета, Казани, отечественной исторической науки. Однако портрет героя нашей статьи был бы неполным, если бы мы не обратились к воспоминаниям его сына, Евгения Петровича Уманского², в которых он рассказывает об истории своей семьи, жизненном пути Петра Борисовича, делится своим восприятием отца как Ученого и Человека.

Воспоминания о моем отце

Петр Борисович Уманский был видным представителем поколения шестидесятников нашего города и оставил след не только в истории Казанского государственного университета, в котором он проработал большую часть своей сознательной жизни, но и в общественно-политической атмосфере Казани 70-80-х годов прошлого века. Глядя с высоты сегодняшнего времени на этих людей, понимаешь, насколько наивными и, возможно, далекими от действительности были их представления об обществе, в котором они жили. Но настолько же заслуживают уважения их идеалы и жизненные ориентиры, особенно на контрасте с циничной идеологией современного общества потребления.

Настоящие имя и фамилия Петра Борисовича при рождении – Петр Берович Гейфман. Фамилия *Уманский* – это фамилия его жены, Софьи Борисовны, которую он взял в 1952 году. Точной причины смены фамилии сейчас, наверное, никто уже не скажет, хотя с высокой степенью вероятности можно утверждать, что определяющую роль в этом решении сыграла охватившая страну в тот период атмосфера антисемитизма, апогеем которой явилось раскручиваемое в 1952 г. «дело врачей». Все же фамилия *Уманский*, в отличие от *Гейфман*, оставляла возможность «двойной» трактовки национальности ее носителя. Другой возможной причиной перемены фамилии могли быть сложные отношения Петра Борисовича с его отцом – Борисом (Бером) Михайловичем Гейфманом, личностью яркой и противоречивой. Точных данных о том, каким образом Борис Михайлович оказался на окраине советской империи, в Ашхабаде (Петя родился в Ашхабаде в 1930 г.), не имеется. Однако со слов Розаль Натановны Лернер, мамы Петра Борисовича, он был сослан туда за политическую деятельность против властей. В Ашхабаде Борис Михайлович работал директором книжного магазина и, по всей видимости, по тем временам был обеспеченным человеком, но через несколько лет после рождения Пети родители развелись, и с ранних лет он жил только с матерью. Позднее Борис Михайлович был осужден и получил срок (причиной судимости, по неподтвержденным данным, была несдача радиоприемника после начала войны), на свободу он вышел в конце 40-х – начале 50-х годов, отношений с бывшей женой не поддерживал. Розаль Натановна была женщиной чрезвычайно экспрессивной, не признающей полутонов (во многом эти качества передались Петру Борисовичу), она не могла простить ему измены и вычеркнула Бориса Михайловича из жизни сына. Я же узнал о существовании деда по отцовской линии только в 9 лет, когда Борис Михайлович приехал к отдыхающему в пионерском лагере в Анапе внуку. Разумеется, наличие судимости отца могло поставить крест на карьере начинающего историка, да еще еврея

² Евгений Петрович Уманский – кандидат исторических наук, директор юридической фирмы «Тат-юринформ», umansky@tatjurinform.ru.

по национальности, и смена фамилии в таком случае представлялась шагом абсолютно оправданным.

Ашхабад 30-х годов XX в. – это не современная столица нефтегазодобывающего Туркменистана, поражающая взгляд своими величественными позолоченными дворцами и статуями вождей, зданиями из великолепного мрамора, но самое захолустье Советского Союза, восточный грязный город с пересекающими его во всех направлениях арыками, по которым любили кататься маленькие дети. Здесь, кстати, Петр Борисович теоретически мог встретиться со своим старшим коллегой по кафедре всеобщей истории Казанского университета – Аркадием Семеновичем Шофманом, который также проживал в Ашхабаде до землетрясения 1948 г., полностью сравнявшего город с землей (это не метафора!) и уничтожившего до двух третей его жителей. Чтобы прокормить сына, Розаль Натановна работала «от зари до зари» на самых разнообразных, зачастую тяжелых работах, мальчик рос без присмотра и вполне мог разделить участь своих многочисленных сверстников, росших без воевавших или убитых отцов и уже в юности получивших тюремные сроки. По собственным словам Петра Борисовича, его спасением стала тяга к учебе.

В 1944 г. Петр с мамой переехали в город, только что переживший, возможно, самое страшное и кровопролитное сражение за всю историю человечества, – Сталинград. Зачем это понадобилось Розаль Натановне, неясно: ведь города как такового не существовало, все здания в нем были разрушены, но мать с сыном все-таки поселились в кое-как уцелевшем пригороде Сталинграда – в Красноармейском районе, где в 1947 г. Петр закончил среднюю школу № 55 и ему был выдан аттестат зрелости с оценками «отлично» по всем предметам (кроме четверки по русскому языку). В Сталинграде он увлекся шахматами и даже стал чемпионом города среди юношей, но по медицинским показаниям от шахмат пришлось отказаться. Как и большинство советских мальчишек того времени, Петр мечтал стать военным и интенсивно готовился к поступлению в Ленинградское военно-морское училище. Осуществлению мечты помешала стремительно развивающаяся близорукость, полученная в результате неумеренного чтения при плохом электроосвещении, а зачастую – при его полном отсутствии. Еще одним увлечением Петра были история и политика, и после окончания школы он переезжает с мамой в Казань и поступает на историческое отделение историко-филологического факультета Казанского государственного университета.

Выбор Казани был обусловлен ее относительной близостью к Сталинграду и, несомненно, именем ее самого знаменитого студента – Володи Ульянова. Сегодняшним молодым людям сложно представить себе, что означало в Советском Союзе имя его основателя – В.И. Ленина, которое носил тогда Казанский университет (да еще в добрежневскую эпоху, когда не успели девальвироваться ранние советские революционные идеалы). Студенческие годы – самая светлая пора для большинства людей, и Петр не был исключением. Несмотря на житейские сложности, полуголодное существование (Петр жил вначале в общежитии, затем переехал к матери, которая устроилась работницей на швейную фабрику и сняла комнату), жизнь в университете была яркой и насыщенной: помимо учебы, это и активная работа в комсомоле, и подработка в пионерских лагерях. Здесь он пересекался со многими людьми, имена которых позднее вошли в историю нашей республики: в общежитии – тесно общался с будущим руководителем Со-

ветской Татарии – Ф.А. Табеевым (который для окружающих тогда был просто Федей), на факультете – сдружился с будущим работником аппарата ЦК КПСС В.Г. Замаряновым, будущим видным работником Комитета госбезопасности СССР В.С. Морозовым. Последний прошел всю войну и оказал большое влияние на формирование личности молодого Петра, они оставались лучшими друзьями до конца жизни, из которой ушли друг за другом с коротким интервалом, а сын В.С. Морозова – Олег (будущий вице-спикер Государственной Думы РФ и начальник управления внутренней политики Администрации Президента РФ) – позднее защитит кандидатскую диссертацию под руководством Петра Борисовича. Учеба была главным, но далеко не единственным занятием студента (хотя, по воспоминаниям его сокурсников, он «не вылезал» из читального зала университетской библиотеки): помимо этого, он увлекся модным тогда в Казани джазом (достаточно вспомнить, что в это время в городе работали музыканты позднее всемирно известного оркестра под руководством О. Лундстрема) и даже сам играл на ударных инструментах в любительской группе, был заядлым футбольным болельщиком, неплохо играл в волейбол. Во время учебы он успел жениться и развестись, первый брак оказался скоротечным и неудачным, а развод был чреват для Петра Борисовича обсуждениями на комсомольском бюро. Сегодня это трудно представить, но в те годы личная жизнь находилась под пристальным вниманием партийных и комсомольских органов. В конце 5 курса Петр Борисович женился вторично.

В 1952 г. Петр Борисович с отличием окончил университет, но в поступлении в аспирантуру ему было отказано, несмотря на оценки и блестящие характеристики. Наверное, в сложном 1952 г. вряд ли могло быть по-другому, тем не менее молодой специалист не отчаивался. Устроившись на работу преподавателем истории в 11-ю среднюю школу рабочей молодежи Ленинского района г. Казани, он поступает в заочную аспирантуру Ленинградского педагогического института им. Герцена. Если дипломная работа Петра Борисовича была посвящена ирландскому вопросу, то позднее он начинает интересоваться историей США, которая и стала главным делом его жизни. Удивителен такой факт: источники по теме научной работы Петра Борисовича были на английском языке, и он, никогда не учивший и не знавший этого языка, садится за его самостоятельное изучение. В результате через год Петр Борисович практически свободно переводил оригинальные американские и английские работы. Работая в СШРМ, Петр Борисович был младше большинства своих учеников (как в знаменитом фильме «Большая перемена»), но коммуникабельный, открытый и готовый всегда прийти на помощь молодой учитель быстро завоевал авторитет среди своих взрослых учеников, а некоторые из них стали его близкими друзьями на всю жизнь. Позднее Петр Борисович перешел на работу преподавателем истории и обществоведения в 1-й Казанский индустриальный техникум (сегодня в этом здании на ул. Исаева находится Казанский социально-юридический институт). Там, недалеко от техникума, уже будучи отцом двоих детей, он получил квартиру, которую соединил с квартирой своего тестя, в результате чего вся семья оказалась в хорошей по тем временам 3-комнатной квартире возле клуба им. Урицкого, а сам Петр Борисович получил, наконец, возможность заниматься научной работой дома.

В 1962 г. Петр Борисович защищает кандидатскую диссертацию, посвященную теме аболиционистского движения и борьбы за освобождение негров в

США, и в этом же году переходит на работу на кафедру всеобщей истории Казанского университета. С этого момента вся его дальнейшая судьба до последнего дня связана с университетом и с этой кафедрой, доцентом по которой он был утвержден в 1965 г. Историческое отделение КГУ в 60–80-е годы – это место, где работали многие широко известные за пределами Казани ученые: видный советский антиковед профессор А.С. Шофман; знаток французской истории и любимец студентов доцент В.И. Адо; историк-энциклопедист, медиевист доцент А.В. Сергеев, специалист по российской истории профессор Г.Н. Вульфсон, автор многочисленных публикаций по истории Гражданской войны профессор А.Л. Литвин, основатель казанской археологической школы профессор А.Х. Халиков, объездивший полмира этнограф профессор Е.П. Бусыгин и многие другие. Петр Борисович Уманский занял свое особое место в этой плеяде, и это место связано с американистикой. Традиционно центрами американистики в СССР были Москва и Ленинград. За годы работы Петра Борисовича в университете Казань стала третьим центром по изучению американской истории, в первую очередь американской историографии Войны за независимость США. Работы П.Б. Уманского печатались в ведущих научных журналах страны, ему удалось наладить тесные контакты со всеми ведущими американистами Советского Союза, такими как Н.Н. Болховитинов, И.П. Дементьев, Р.Ф. Иванов, В.В. Согрин, А.А. Фурсенко; некоторые из них, например председатель Московского Дома ученых – Р.Ф. Иванов, стали его личными друзьями. Изданная в КГУ монография П.Б. Уманского «Американская революция XVIII века в буржуазной историографии США (конец XVIII – 60-е годы XX века)» стала заметной вехой в изучении соответствующего периода американской исторической науки. За годы работы в Казанском университете П.Б. Уманскому удалось создать казанскую школу американистики, под его научным руководством было защищено несколько десятков кандидатских диссертаций, его ученики работали и до настоящего времени продолжают работать в различных научных и учебных заведениях страны, в том числе и в Институте США и Канады при Российской академии наук. К сожалению, с уходом своего основателя это научное направление Казанского университета прекратило свое существование.

Сам Петр Борисович так и не защитил докторскую диссертацию, хотя все предпосылки для этого были налицо. Помешало этому, возможно, его стремление охватить как можно больше сфер общественной жизни, чего требовал его неумный темперамент. Лекции П.Б. Уманского по новейшей истории были событием не только на факультете, но и во всем университете, зачастую здесь можно было встретить студентов-физиков, химиков или математиков. Его стиль изложения, которому одновременно были присущи глубина, эмоциональность и простота изложения, привлекал слушателей. Петр Борисович был одним из ведущих лекторов республики по линии Общества «Знание». Его интересовали вопросы современного международного положения, и постепенно он стал признанным ведущим специалистом республики в этой области. Имя П.Б. Уманского было известно в большинстве трудовых коллективов города и республики, он неоднократно награждался грамотами по линии Татарского ОК КПСС и Татарского ОК ВЛКСМ за многолетнюю пропагандистскую деятельность. Разумеется, эта деятельность позволила ему также существенно улучшить материальный достаток семьи. Помимо университета, Петр Борисович преподавал в Институте со-

ветской торговли, Университете марксизма-ленинизма, на профсоюзных курсах, неоднократно назначался заместителем декана факультета, руководил студенческими практиками, ездил руководителем групп, в том числе за границу, и т. д. и т. п. При этом он продолжал активно заниматься спортом, был заядлым театралом, не пропуская ни одной сколь-нибудь значимой постановки или гастрولي, стал признанным авторитетом в области киноискусства и постоянным посетителем практиковавшихся в то время «закрытых» просмотров зарубежных фильмов. Умный, находчивый, красноречивый – он быстро становился душой любой компании. Интересен случай, произошедший с ним в Москве, на дне рождения его знакомого генерала МВД: именинник объявил конкурс на лучший тост о себе, и в качестве приза был обещан билет на хоккейный матч проходившей тогда первой суперсерии СССР – Канада. Приз выиграл Петр Борисович, а на хоккее его соседом оказался В.С. Высоцкий. Коммуникабельный Петр Борисович завязал знакомство с выдающимся певцом и поэтом, позднее оно продолжилось во время его поездки в Болгарию, где в это время проходили гастролы театра «На Таганке».

К сожалению, последние годы П.Б. Уманского не были легкими. Как и большинство представителей интеллигенции, он с воодушевлением приветствовал перестройку, однако постепенно на смену надеждам пришли разочарования. Распад СССР и приход капитализма с российской спецификой был воспринят им неоднозначно. С одной стороны, являясь сторонником либеральных ценностей, он понимал позитивный характер происходивших перемен, радовался возможности читать ранее запрещенные книги и смотреть ранее недоступные фильмы. С другой стороны, действительность оказалась куда более суровой, нежели ее рисовали себе либералы-шестидесятники. Будучи членом КПСС с 1957 г., являясь лектором-пропагандистом ОК КПСС, Петр Борисович внутренне не мог согласиться со многим, что несло новое время. Приспособиться к этому времени, встроиться в него он не мог, да и не хотел. К этому добавилась прогрессирующая болезнь, одной из причин которой могло стать то колоссальное перенапряжение, которое он испытывал с самой юности, постоянно ставя перед собой новые цели. Делать что-то наполовину, не растрачивая себя целиком, этот человек не умел. К тому же за несколько месяцев обесценились годами заработанные сбережения. Петра Борисовича не стало 3 октября 1993 г., в день, когда российские танки вели прицельный огонь по зданию российского парламента.

Время стирает все; политические разногласия, сложности личных отношений за давностью лет забываются и уходят на второй план. Петр Борисович Уманский не занимал крупных государственных постов, не был известным писателем или драматургом. Он жил в Казани и трудился в Казанском университете во второй половине XX столетия, и, хотя со дня его смерти прошло более четверти века, его имя не позабыто: работают его коллеги и ученики, на могилу приносят цветы его близкие, достойное место в жизни заняли его дети и четверо внуков, растут десять правнуков.

Литература

1. О некоторых изменениях преподавания истории в школе. Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 7 октября 1959 г. № 1162. URL: <http://www.consultant.ru>, свободный.

2. Новейшая история: Учеб.-метод. пособие для учителей сред. школы. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1958. 251 с.
3. Уманский П.Б. Ф. Дуглас и аболиционистское движение в США в 30–50-х гг. XIX в. (Из истории борьбы негритянского народа США за свободу): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1962. 18 с.
4. Петряев К.Д. К истории освободительного движения в США // Вопросы историографии всеобщей истории: Сб. статей. Вып. 1. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1964. С. 159–162.
5. Уманский П.Б. Американская революция XVIII в. в буржуазной историографии США (конец XVIII в. – 60-е гг. XX в.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988. 184 с.
6. Согрин В.В., Уманский П.Б. О современном марксизме и критике буржуазной историографии США // Марксизм-ленинизм и развитие исторической науки в странах Западной Европы и Америки. В 2-х т. М.: ИВИ РАН, 1985. Т. 1. 274 с.
7. Уманский П.Б., Бурганова Л.И. История США нового времени в трудах американских историков-марксистов // Основные проблемы истории США в американской историографии. М.: Наука, 1974. С. 7–28.
8. Уманский П.Б. Проблемы Первой американской революции в буржуазной историографии США (1918 – 1945 гг.) // История и историки: историографический ежегодник. 1972 / Отв. ред. М.В. Нечкина. М.: Наука, 1973. С. 156–181.
9. Уманский П.Б. Роль негритянских масс США в аболиционистском движении // Новая и новейшая история. 1962. № 3.
10. Уманский П.Б. Всесоюзный симпозиум по истории США и Канады // Новая и новейшая история. 1972. № 5. С. 212–215.
11. Уманский П.Б. «Американский ежегодник, 1972». М., 1972 // Новая и новейшая история. 1973. № 3. С. 181–183.
12. Уманский П.Б. Г.Н. Севостьянов, А.И. Уткин. Томас Джефферсон. М., 1976. // Новая и новейшая история. 1977. № 3. С. 181–189.
13. Уманский П.Б. Н.Н. Болховитинов. США: проблемы истории и современная историография. М., 1980 // Новая и новейшая история. 1980. № 6. С. 222–224.
14. Уманский П.Б. В.В. Согрин. Критические направления немарксистской историографии США XX века. М., 1987 // Новая и новейшая история. 1988. № 6. С. 210–212.
15. Уманский П.Б. История негритянского народа США. В плену ложной концепции // Вопросы истории. № 8. 1961. С. 182–198.
16. Уманский П.Б. Американский ученый о публикации исторических документов в США // Вопросы истории. 1973. № 2. С. 189–190.
17. Уманский П.Б. Р. Иванов. Франклин // Вопросы истории. 1974. № 4. С. 143–145.
18. Уманский П.Б. Проблемы первой американской революции в буржуазной историографии США // Сборник докладов I Всесоюзной историографической конференции. М., [б. и.], 1969.
19. Уманский П.Б. Первая американская революция в современной историографии США («Новые левые», «Новая экономическая история») // Материалы первого симпозиума советских историков-американистов. М.: [б. и.], 1973. С. 209–223.
20. Уманский П.Б. О политических аспектах оценок американской революции XVIII в. в современной буржуазной историографии США // Материалы второго симпозиума советских историков-американистов. М.: [б. и.], 1976. С. 95–111.
21. Чиглицев Е.А. Могущество памяти: всеобщая история и ее исследователи в социокультурном измерении // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале

- XXI века: Сб. ст. и сообщений: в 2 т. / Сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2020. Т. 1. С. 3–7.
22. *Бодров О.В.* Новистика в Казанском университете, 1943 – 2003. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. 144 с.
23. *Уманский П.Б.* Американская буржуазная историография конца XIX – начала XX в. и вопрос об участии негров в аболиционистском движении // Вопросы историографии всеобщей истории: Сб. ст. Вып. 1. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1964. С. 3–10.
24. *Уманский П.Б.* Новейшая американская буржуазная историография (1917–1959 гг.) об участии негров США в аболиционистском движении // Вопросы историографии всеобщей истории: Сб. статей. Вып. 2. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1967. С. 34–49.
25. *Уманский П.Б.* Идеологическая направленность методологии буржуазных историков (на примере интерпретации Первой американской революции в трудах американской революции в трудах американских исследователей «неоконсервативного» направления) // Методология исторического познания и буржуазная наука. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1977. С. 40–69.

Поступила в редакцию 10.09.2023

Принята к публикации 10.11.2023

Бодров Олег Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения и евразийских исследований

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: ovbodrov@mail.ru

Мягков Герман Пантелеймонович, доктор исторических наук, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин¹; профессор кафедры всеобщей и публичной истории²

¹Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова
ул. Московская, д. 42, г. Казань, 420111, Россия

²Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: gmyagkov@yandex.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2023, vol. 165, no. 4-5, pp. 27–42

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.27-42

**P.B. Umansky as a Scholar and Pedagogue:
The Origins of American Studies in Kazan**

Bodrov O.V. ^{a}, Myagkov G.P. ^{a,b***}*

^a*Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia*

^b*Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov, 420111 Russia*

E-mail: ^{*}ovbodrov@mail.ru, ^{**}gmyagkov@yandex.ru

Received September 10, 2023; Accepted November 10, 2023

Abstract

Petr Borisovich Umansky (1930–1993), a distinguished scholar and Kazan University lecturer in the latter half of the 20th century, stands out as a key figure in the Kazan school of world history and American studies in Russia. After graduating from university in 1952, he was mentored by another famous Soviet historian, G.R. Levin. In 1962, he defended his Candidate's dissertation titled "F. Douglas and the abolitionist movement in the United States between the 1830s and 1850s" at the Leningrad State Pedagogical Institute. He later became widely recognized as the founder of the study of American historiography of the War of Independence. His works were featured in the publications of Kazan University and major central journals like "Novaya i Noveishaya Istoriya", "Voprosy Istorii", and "Istoriya i Istoriki". He also actively participated in various scientific gatherings, such as the First All-Union Historiographical Conference and the First Symposium of Americanists in Moscow. At Kazan University, P.B. Umansky played a vital role in shaping the school of researchers specializing in American studies. Many of his former students now teach at his *alma mater* and continue to pass down their knowledge to new generations of historians. With a career spanning from the 1950s until his death, P.B. Umansky was widely hailed as one of the top international lecturers in Tatarstan. The article is supplemented with the memoirs of the historian's son, E.P. Umansky.

Keywords: P.B. Umansky, Kazan University, school of novistics, world history, American studies in Russia, historiography of modern and contemporary times.

Photos

Photo 1. Petr Borisovich Umansky, 1980s.

References

1. On some changes in the teaching of history at school. The Decree of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union and USSR Council of Ministers as of October 7, 1959, no. 1162. URL: <http://www.consultant.ru>. (In Russian)
2. *Noveishaya istoriya: Ucheb.-metod. posobie dlya uchitelei sred. shkoly* [Contemporary History: A Textbook for Secondary School Teachers]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 1958. 251 p. (In Russian)
3. Umansky P.B. F. Douglas and the abolitionist movement in the United States between the 1830s and 1850s (from the history of the struggle for the liberation of black people in the United States). *Extended Abstract of Cand. Hist. Diss.* Leningrad, 1962. 18 p. (In Russian)
4. Petryaev K.D. On the history of the abolitionist movement in the United States. *Voprosy istoriografii vseobshchei istorii: Sb statei* [Problems of World History Historiography: A Collection of Articles]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 1964, pp. 159–162. (In Russian)
5. Umansky P.B. *Amerikanskaya revolyutsiya XVIII v. v burzhuznoi istoriografii SShA (konets XVIII v. – 60-e gg. XX v.)* [The American Revolution of the 18th Century in the Bourgeois Historiography of the United States (from the Late 18th Century to the 1960s)]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 1988. 184 p. (In Russian)
6. Sogrin V.V., Umansky P.B. Modern Marxism and the critique of the bourgeois historiography of the United States. In: *Marksizm-leninizm i razvitie istoricheskoi nauki v stranakh Zapadnoi Evropy i Ameriki* [Marxism-Leninism and the Development of Historical Science in Western Europe and America]. Vol. 1. Moscow, IVI Ross. Akad. Nauk, 1985. 274 p. (In Russian)
7. Umansky P.B., Burganova L.I. New American history in the works of American Marxist historians. In: *Osnovnye problemy istorii SShA v amerikanskoj istoriografii* [The Main Problems of the US History in American Historiography]. Moscow, Nauka, 1974, pp. 7–28. (In Russian)
8. Umansky P.B. Problems of the First American Revolution in the bourgeois historiography of the United States (1918–1945). In: Nechkina M.V. (Ed.) *Istoriya i istoriki: istoriograficheskii ezhegodnik* [History and Historians: A Historiographical Yearbook]. Moscow, Nauka, 1973, pp. 156–181. (In Russian)
9. Umansky P.B. The role of the US black activists in the abolitionist movement. *Novaya i Noveishaya Istoriya*, 1962, no. 3. (In Russian)
10. Umansky P.B. All-Union Symposium on the History of the United States and Canada. *Novaya i Noveishaya Istoriya*, 1972, no. 5, pp. 212–215. (In Russian)
11. Umansky P.B. "American Yearbook, 1972". Moscow, 1972. *Novaya i Noveishaya Istoriya*, 1973, no. 3, pp. 181–183. (In Russian)

12. Umansky P.B. G.N. Sevost'yanov, A.I. Utkin. Thomas Jefferson. Moscow, 1976. *Novaya i Noveishaya Istoriya*, 1977, no. 3, pp. 181–189. (In Russian)
13. Umansky P.B. N.N. Bolkhovitinov. The United States: Problems of history and modern historiography. Moscow, 1980. *Novaya i Noveishaya Istoriya*, 1980, no. 6, pp. 222–224. (In Russian)
14. Umansky P.B. V.V. Sogrin. Critical directions in the non-Marxist historiography of the United States during the 20th century. Moscow, 1987. *Novaya i Noveishaya Istoriya*, 1988, no. 6, pp. 210–212. (In Russian)
15. Umansky P.B. Black history in the United States. Trapped in false concepts. *Voprosy Istorii*, 1961, no. 8, pp. 182–198. (In Russian)
16. Umansky P.B. An American scholar's insight into the publication of historical documents in the United States. *Voprosy Istorii*, 1973, no. 2, pp. 189–190. (In Russian)
17. Umansky P.B. R. Ivanov. Franklin. *Voprosy Istorii*, 1974, no. 4, pp. 143–145. (In Russian)
18. Umansky P.B. Problems of the First American Revolution in the bourgeois historiography of the United States. In: *Sbornik докладov I Vsesoyuznoi istoriograficheskoi konferentsii* [Proc. I All-Union Historiographical Conf.]. Moscow, n. p., 1969. (In Russian)
19. Umansky P.B. The First American Revolution in modern US historiography (New Left, New Economic History). *Materialy pervogo simpoziuma sovetskikh istorikov-amerikanistov* [Proc. 1st Symp. of Soviet Americanist Historians]. Moscow, n. p., 1973, pp. 209–223. (In Russian)
20. Umansky P.B. On the political aspects of assessments regarding the American Revolution of the 18th century in the modern bourgeois historiography of the United States. *Materialy vtorogo simpoziuma sovetskikh istorikov-amerikanistov* [Proc. 2nd Symp. of Soviet Americanist Historians]. Moscow, n. p., 1976, pp. 95–111. (In Russian)
21. Chiglintsev E.A. The power of memory: World history and its researchers in the sociocultural dimension. In: G.P. Myagkov, E.A. Chiglintsev (Eds.) *Vseobshchaya istoriya i istoricheskaya nauka v XX – nachale XXI veka: sbornik statei i soobshchenii* [World History and Historical Science in the 20th and Early 21st Centuries: A Collection of Articles and Brief Communications]. Vol. 1. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2020, pp. 3–7. (In Russian)
22. Bodrov O.V. *Novistika v Kazanskom universitete, 1943–2003* [Novistics at Kazan University, 1943–2003]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2004. 144 p. (In Russian)
23. Umansky P.B. American bourgeois historiography of the late 19th and early 20th centuries and the problem of black abolitionists. In: *Voprosy istoriografii vseobshchei istorii: Sb. st.* [Problems of the Historiography of World History: A Collection of Articles]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 1964, no. 1, pp. 3–10. (In Russian)
24. Umansky P.B. Modern bourgeois historiography (1917–1959) about black abolitionists in the United States. In: *Voprosy istoriografii vseobshchei istorii: Sb statei* [Problems of the Historiography of World History: A Collection of Articles]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 1967, no. 2, pp. 34–49. (In Russian)
25. Umansky P.B. The ideological stance of the methodology used by bourgeois historians (as seen through the works of American “neoconservative” researchers on the First American Revolution). In: *Metodologiya istoricheskogo poznaniya i burzhuznaya nauka* [Historical Study Methodology and Bourgeois Science]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 1977, pp. 40–69. (In Russian)

Для цитирования: Бодров О.В., Мягков Г.П. Ученый и педагог П.Б. Уманский: у истоков казанской американистики // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2023. Т. 165, кн. 4-5. С. 27–42. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.4-5.27-42>.

For citation: Bodrov O.V., Myagkov G.P. P.B. Umansky as a scholar and pedagogue: The origins of American studies in Kazan. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 4-5, pp. 27–42 <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.4-5.27-42> (In Russian)

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94

doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.43-53

ПРОБЛЕМЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СИНОДОВ ЕГИПЕТСКОГО ЖРЕЧЕСТВА В ЭПОХУ ПТОЛЕМЕЕВ

М.С. Апенко

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, 119991, Россия
Институт Всеобщей истории РАН, Москва, 119334, Россия*

Аннотация

В статье рассматривается ряд вопросов, связанных с возникновением синодов египетского жречества. Синоды были важным нововведением эпохи Птолемеев, и информация о них сохранилась в особых трехязычных декретах. В работе даются ответы на вопрос о том, когда возникает институт синодов; кому принадлежала инициатива в их проведении; какими были причины проведения синодов. Отмечается, что институт синодов возникает только в период Птолемея III, а более ранние собрания являются лишь прообразами будущих синодов. Инициатива в принятии решений всегда исходила от царя, даже если в тексте декрета и отмечалось другое. Сделан вывод о том, что синоды возникают как попытка правящего режима заручиться поддержкой жречества в тяжелой ситуации начала правления Птолемея III, когда в стране произошло крупное восстание.

Ключевые слова: Древний Египет, эллинизм, Птолеми, египетское жречество, синодальные декреты, династический культ

Одним из наиболее ярких явлений Египта эпохи Птолемеев являются собрания египетского жречества, часто именуемые в историографии синодами. По результатам этих синодов издавались особые декреты, которые получили название птолемеевских, или синодальных, декретов [1]. Они были записаны на трех языках: иероглифическом позднеэgyptском, демотическом и древнегреческом. По форме эти тексты повторяли почетные декреты полисов с мотивировочной частью, вводимой словом ψήφισμα, и постановляющей частью, которая начиналась со слова δεδῶχθαι с использованием формулы ἀγαθῆι τύχηι [2, р. 37–39]. Главное отличие птолемеевских декретов от полисных заключалось в том, что почести в них оказывала не полисная община, а жреческая корпорация, а их получателем был египетский царь или царская семейная пара, а не любой эвергет.

Текст подобных декретов имеет четкую структуру: мотивировочная часть повествует о благих делах царя по отношению к богам, жрецам и самому Египту; в постановляющей части в качестве почестей царю утверждаются меры по развитию династического культа Птолемеев. Отметим, что все декреты име-

ют единообразную структуру и отличаются незначительно. Первыми, но уже классическими с точки зрения композиции примерами таких текстов являются Александрийский декрет 243 г. до н. э. [3] и Канопский декрет 238 г. до н. э. (Urk. II. 124–154; OGIS. 56) [4]. Всего же нам известно семь полных текстов декретов: помимо двух приведенных декретов времени Птолемея III, стоит упомянуть так называемый декрет Рафии [5] времени Птолемея IV (217 г. до н. э.) и четыре декрета времени Птолемея V. К вышеобозначенным декретам, возможно, стоит прибавить еще один, датируемый временем правления Птолемея IV между 221 и 217 гг. до н. э. [1, S. 194; 6, p. 116], но он сохранился очень фрагментарно [7].

Основные проблемы в изучении синодов египетского жречества

Хотя особенности функционирования синодов египетского жречества и исследуются в историографии, общей работы, которая бы подробно осветила причины возникновения этого института, до сих пор нет. Чаще всего ученые рассматривают лишь отдельные проблемы, связанные с обозначенным институтом. Так, начиная с работы В. Хусса [1], поднимается вопрос о том, что именно является синодом египетского жречества и когда возникает этот институт. Автор утверждает, что первые синоды были проведены еще в правление Птолемея II (282–245 гг. до н. э.) и засвидетельствованы в его царских надписях [1, S. 190–191].

И. Квак в своем исследовании царских надписей периода правления Птолемея II оспаривает позицию В. Хусса [8]. Он отмечает, что царские надписи времени Птолемея II структурно и с точки зрения того, кому принадлежит формальная инициатива в принятии решения, отличаются от декретов времени Птолемея III [8, p. 287]. Обозначенный факт не снимает вопроса о том, являются ли описанные в надписях собрания (или некоторые из них) прообразами синодов. Так, сам И. Квак отмечает, что собрание, описанное в Саисской надписи, может быть «прародителем» института синодов [8, p. 287–289].

В дальнейшем авторы или относили, вслед за В. Хуссом, собрания времени Птолемея II к синодам, отмечая эволюцию этого института в правление Птолемея III [9, с. 281–282], или полностью игнорировали подобные сравнения, предполагая, что это разные традиции [10, p. 105–106; 4, S. 9]. В одной из недавних работ о функционировании жреческих синодов Ж. Горром и А. Веиссе была высказана точка зрения, что период правления Птолемея II – время эксперимента и поиска форм взаимодействия между царем и египетским жречеством [6, p. 114]. При этом, говоря о Саисской надписи, авторы повторяют тезис И. Квака о том, что упомянутое в ней собрание было наиболее близко к традиции синодов [6, p. 121].

Другой важной проблемой является вопрос о том, кому принадлежала инициатива в проведении синодов египетского жречества. Исследователи дают два противоположных ответа. Часть из них считает, что инициатором собраний было именно жречество, поскольку, по текстам декретов, именно оно выступает организатором и воздает почести царю [11, S. 156; 4, S. 12]. Целью подобных собраний было получение выгоды самим жречеством [12, p. 30–36]. Предполагается, что данный факт свидетельствует об укреплении роли жречества как связующего звена между царем и местным населением [4, S. 12].

Другие исследователи скептически относятся к главенствующей роли жречества в подготовке собраний [10, p. 106; 13, S. 144]. В их работах отме-

чается, что инициатива в их проведении принадлежала царю и его окружению [6, р. 128; 10, р. 106; 13, S. 144; 14, S. 292]. В текстах декретов очевидно вмешательство царя в дела жреческой корпорации, например, создание жреческой филы в его честь и изменение календаря [10, р. 106; 15, S. 419–421]. Важным является использование модели полисного декрета для фиксации решений, связанных с египетской культовой жизнью, что, безусловно, следует считать влиянием на нее греческой традиции [8, р. 287]. Некоторые исследователи дают более взвешенную оценку характеру взаимоотношений между царем и жречеством, считая, что благодаря подобным собраниям и жречество, и царь получали некоторые преимущества [1, S. 189; 16, р. 133].

Необходимо отметить, что вопрос о причинах возникновения синодов египетского жречества до сих пор ставился очень редко и ему уделяется мало внимания. Пожалуй, наиболее полно на него постарался ответить И.А. Ладынин, который предположил, что целью синодов было оформить корпоративную организацию жречества, в рамках которой царь вовлекал бы египтян в общее поле лояльности власти в рамках некоей «мегаобщины», объединявшей его подданных – как греков, так и египтян [9, с. 291]. Идеологической формой связи между ними был бы общегосударственный династический культ Птоломеев, который распространялся и на египетскую, и на греко-македонскую часть населения и формы которого для египтян вырабатывались именно синодами [9, с. 291].

Итак, цель нашего исследования – рассмотреть все основные аспекты возникновения института синодов египетского жречества. В связи с этим мы ставим несколько задач: 1) установить, когда возникли синоды египетского жречества и являлись ли синодами собрания, которые фиксируются в источниках до правления Птолемея III; 2) определить, кто являлся инициатором проведения синодов египетского жречества; 3) выяснить, по какой причине появился этот институт и что предопределило его специфическую форму.

Когда возникли синоды?

Важно отметить, что в древнем Египте не существовало традиции сбора представителей египетской элиты, это было новшество эпохи Птоломеев. Так, в «Стеле сатрапа» (Urk. II. 11–22) [17; 18], надписи 311 г. до н. э., то есть времени правления Птолемея, сына Лага, в качестве сатрапа Египта, мы находим сообщение о проведении локального собрания элиты. В изучаемом тексте старейшины округа Буто, видимо на специальном собрании, обращаются к Птолемею (*dd.n.f nty r-gs.f hn^c wrw nw t^c-mhw* «сказал ему тот, кто /был/ подле него со старейшинами Страны северной (Нижнего Египта)» (Urk. II. 16. 5) [18, с. 92]), дабы он восстановил постановления царя Хаббаша середины 330-х гг. до н. э. Далее в тексте описывается схожая ситуация той эпохи, когда знатные люди Буто обратились к этому царю по поводу местной проблемы, связанной с храмовым землевладением (Urk. II. 17. 1–17. 4). Для ее решения Хаббаш собрал представителей местной элиты и жречества (*d(d).in hm.f iw imi in.tw w^cbw b3wyw n{t} P-Dp* «Сказал тогда Величество его: “Дайте, чтобы привели жрецов-уабов /и/ знатных людей Пе-Деп”» (Urk. II. 17. 5) [18, с. 113–114]). В итоге Птолемей подтвердил решение собрания Хаббаша, передал земли, о которых шла речь, богам Пе-Деп (Urk. II. 19. 3–20. 16) и получил за это воздаяние (Urk. II. 21. 8–9).

В правление Птолемея II жреческие собрания проводятся уже регулярно. В надписях на трех царских стелах его времени – Пифомской (Urk. II. 28–54) [19],

Мендесской (Urk. II. 81–105) [20, р. 173–177] и Саисской [21] – говорится о разных собраниях египетской элиты. Рассмотрим каждое из них подробнее.

В надписи Пифомской стелы сообщается о собрании, проведенном в Мемфисе после военного похода в Сирию в 274–273 гг. до н. э., в ходе Первой сирийской войны (274–271 гг. до н. э.) [10, р. 39–40]. В результате похода были возвращены статуи египетских богов. Само собрание (в тексте датировки нет, но, вероятно, около 273 г. до н. э.) проводилось для решения вопроса о том, в какие храмы надо вернуть статуи, и было организовано по инициативе царя (Urk. II. 92. 12–15). Важно, что царь собирает лишь избранных жрецов (*r rdit iwt ndw-ht stp(w) w^cbw* «чтобы были приведены избранные жрецы-советники, жрецы-уабы» (Urk. II. 92. 14)), а не всю жреческую корпорацию. Согласно тексту стелы, доставленные изображения богов происходили из Пифомского нома (*gm.s(n) shm(w) Ntr(w) nw Hwi Zbty pw* «Нашли они, что это – изображения (богов) Восточного Гарпуна (Пифомского нома)» (Urk. II. 93. 1)). Это, по всей вероятности, связано с тем, что надпись была сделана в Пифоме, но подобная формулировка все же снижает значение этого собрания, придавая ему большую локальность.

В надписи Мендесской стелы сообщается о собрании, которое было проведено в связи с поисками нового священного барана после смерти предыдущего (точная датировка этого собрания неизвестна, но, вероятно, оно прошло между 264/3 и 259 гг. до н. э.). Когда жрецы находили нового священного барана Мендеса, они просили помощи царя и тот проводил собрание (Urk. II. 48. 4–13). Как и в предыдущем случае, принимала участие в нем лишь группа жрецов (*r rdi iit (rm)t pr-ⁿhw m w^cbw nw sp^cwt sš(w) hm(w)-ntr [...] m žhw sp 2 rmt imiw niwt.sn* «чтобы привести людей из Дома Жизни – жрецов-уабов из номов, писцов, жрецов-хем-нечер... в тайном знании(?) ... людей, которые в городах их» (Urk. II. 93. 1)), а сам повод оказался весьма утилитарным – необходимость найти новое священное животное.

От упомянутых выше отличается собрание, описанное в Саисской надписи 266/265 г. до н. э. Согласно данному источнику, причиной проведения собрания стало желание Птолемея II организовать процессию в честь его умершей супруги Арсиной II Филадельфы. (СН. сткк. 7–8). Принципиально важно, что в этом случае царь собрал представителей элиты со всего Египта (*imi in.tw n.i žtyw-^c hkžw hwt hmw-ntrw itw-ntrw n gsw-prw nw Šm^cw Mhw* «Пусть будут приведены ко мне номархи, правители крепостей, слуги богов и отцы богов храмов Верхнего и Нижнего Египта» (СН. сткк. 7)). Можно предположить, что конечной целью было или проведение процессии в честь царицы, или помещение статуи богини в храм в Саисе, а также оказание ей особых почестей [8, р. 285].

Обратим внимание на состав собрания: в нем принимают участие представители элиты со всего Египта. Конечно, в тексте не сообщается об участии всего египетского жречества, но важно, что упомянутыми оказались сразу несколько крупных групп в составе египетской элиты, что может говорить о всеегипетском значении собрания и его решений [6, р. 120; 22, р. 88]. Ф. Колломбер считает, что его вероятной целью и решением было официальное распространение культа Арсиной в египетских храмах [22, р. 84–85].

Также в тексте надписи мы находим сообщение о том, что царь спрашивал о делах Египта ([*nd*] *shrw nw Bžkt* «[спросить] дела Египта» (СН. стк. 9)), то есть на собрании обсуждались какие-то общеегипетские вопросы, причем данная формулировка позволяет допустить, что эти вопросы были шире, чем воздание

почестей Арсиное II. Исходя из этого сообщения, В. Хусс и делает вывод, что перед нами синод жречества, а текст представляет собой декрет [1, S. 189–190].

Если рассмотреть все три собрания в целом, становятся очевидными несколько моментов. Во-первых, все они были проведены царем и решения, принятые на них, соотносятся с его волей. Во-вторых, эти собрания были связаны с профессиональной деятельностью жрецов, то есть царь просил помощи в решении задач, находившихся в компетенции жречества. В-третьих, заметна локальность собраний: проводили их в местных центрах, а не в Александрии, цели их проведения связаны с конкретными событиями в конкретном номе. Выделяется только мемфисское собрание, описанное в Пифомской надписи, но даже здесь авторы текста указывают на локальный характер события.

Представляется логичным сравнить эти собрания с синодами жречества времени Птолемея III. Как мы считаем, эти два типа собраний не были тождественными. Синоды, хотя бы формально, проводились по инициативе жречества (οἱ ἀρχιερεῖς καὶ προφῆται <...> εἶπαν «верховные жрецы, пророки <...> сказали» (OGIS. 56. 3–7)), что ярко контрастирует с описанием собраний времени Птолемея II, где именно царю принадлежит и инициатива, и решающее слово. На синоды собирались все категории жречества со всего Египта, и эти категории не менялись в течение полувека: в Александрийском декрете 243 г. до н. э. и в Мемфисском декрете 196 г. до н. э. мы встречаем одни и те же группы жрецов лишь с небольшими изменениями [3, S. 79–80].

Важным отличием собраний времени Птолемея III является и то, что целью синодов было не решение локальных задач, но развитие династического культа правящей династии Птолемеев. Царю оказывались особые почести (например, размещение статуй богов в египетских храмах, создание новой филы богов-эвергетов и другие (*АД. сткк.* 14–15; OGIS. 56. 23–25)), которые распространялись на весь Египет. Сами декреты размещались во всех храмах Египта, где их могла прочитать образованная египетская публика [10, p. 106].

Вышеперечисленные соображения позволяют с уверенностью не соглашаться с тем, что собрания времен Птолемея II и Птолемея III – тождественные явления. Они различаются по своим целям, форме и значению для правящего режима. Таким образом, синоды египетского жречества возникают именно в правление Птолемея III. Пока, однако, мы не можем сказать, были ли эти два типа собраний частью одного процесса. Чтобы ответить на этот вопрос, нужно определить, кому принадлежала инициатива в организации и проведении синодов египетского жречества.

Кто инициировал синоды египетского жречества?

Говоря о собраниях времени Птолемея II и синодах египетского жречества, Шт. Пфайффер заявляет, что перед нами две разные традиции: собрания, описанные в царских надписях, были организованы по воле царя; жреческие же синоды были проявлением благорасположенности жрецов, то есть жрецы по своей инициативе воздавали почести царю [4, S. 12]. Но насколько обосновано такое предположение? Действительно ли жречество по своей воле оказывало почести царю?

Пожалуй, главным аргументом в пользу того, что синоды и их решения были инициированы жречеством, служат сами тексты декретов, в которых это

отчетливо проговаривается. Однако реальная ситуация оказывается гораздо более сложной. Если рассмотреть основную идею, высказываемую в мотивировочной части жреческих декретов, то можно заметить, что она сводится к следующему: царь – легитимный сакральный правитель Египта, который заботится о своих подданных. Основными пунктами мотивировочной части обычно являлись полезные дела на благо храмов, богов Египта, возвращение статуй египетских богов, забота о священных животных (например, (АД, сткк. 5–13; OGIS. 56. 9–20)). Все обозначенные действия должны были показать и в некотором роде доказать, что подобная деятельность царя – это фактически деятельность настоящего царя-ритуалиста, иными словами, что цари династии Птолемеев были настоящими *nsw-bity*. Более того, перечисленные мотивы типичны и для правления Птолемея II. Во фрагментах царских надписей, посвященных собраниям жречества, для легитимации царя важны эти же пункты: возвращение статуй богов, забота о священных животных.

Постановляющая часть декретов предоставляет еще больше аргументов в пользу предположения о том, что инициатором синодов был именно царь. Главной задачей синодов было внедрить династический культ представителей династии Птолемеев в египетскую среду, что уже можно назвать проникновением в египетскую традицию. Реформы, описанные в Канопском декрете, шли еще дальше: создавалась особая фила, почитавшая богов-эвергетов (OGIS. 56. 20–33), изменялся календарь, в который добавлялся високосный день, ставший праздником в честь богов-эвергетов (OGIS. 56. 38–46). Получается, что жрецы сознательно нарушают собственные традиции, чтобы угодить Птолемею III и получить за это выгоду; более того, впоследствии само же жречество отказалось от использования якобы им же самим предложенной реформы календаря, из-за чего она потерпела неудачу [10, p. 108]. Кроме того, возникает еще одна проблема: если ранние собрания жрецов и общеегипетские синоды – это две разные традиции, то почему начиная с правления Птолемея III, кроме синодов, не было иных собраний, через которые царь распространял бы свое влияние и укреплял свой статус и по какой причине он просто передал всю инициативу в легитимации своего правления жрецам?

Поэтому, на наш взгляд, позиция, согласно которой именно царь играл основную роль в организации изучаемых собраний, является более убедительной. Решения синодов являлись не попыткой жрецов угодить царю, а скорее, его собственным вмешательством в их дела [10, p. 106; 15, S. 419–421], чего иногда не хотела и не допускала жреческая корпорация. Эти же наблюдения позволяют нам согласиться с идеей И. Квака о том, что собрание, отразившееся в тексте Саисской стелы, и, как считаем мы, все собрания времени Птолемея II можно охарактеризовать как предтечи синодов [8, p. 287]. Они являются первоосновой для сложения синодов египетского жречества времени Птолемея III, еще не институализированной и не получившей того важного значения, которое у них будет в правление Птолемея III.

Почему возникли синоды?

Остается последний вопрос: почему вообще возникла необходимость в создании такого института? Как нам кажется, большую роль здесь сыграла историческая ситуация, которая сложилась в это время в Египте. В 245 г. до н. э.,

в самом начале правления Птолемея III, в Египте происходит восстание [23]. Насколько мы можем судить, идейная база восстания оказалась связана с представлением о том, что правящий царь утратил свою легитимность и это проявилось в низком разливе Нила в начале его правления, в 246–245 гг. до н. э. (τοῦ τε ποταμοῦ ποτε ἔλλιπέστερον ἀναβάντος καὶ πάντων τῶν ἐν τῇ χώρᾳ καταπεπληγμένων ἐπὶ τῷ συμβεβηκότι ἐνθυμουμένων τὴν γεγενημένην καταφθορὰν ἐπὶ τινῶν τῶν πρότερον βεβασίλευκότων «Когда же река вышла недостаточной устрашились и размышляли о бедствии, бывшем при некоторых царствовавших прежде...») (OGIS. 56. 13–15)). Под «бедствиями» мы, скорее всего, должны понимать реминисценции о тяжелом экологическом и социальном кризисе Первого переходного периода в конце III тыс. до н. э. [9, с. 295]: тогда произошла крупнейшая в истории Египта экологическая катастрофа – из-за аридизации климата в регионе уровень воды в Ниле резко упал [24, с. 28–30]. Отсылка к этой эпохе означала, что Птолемея III сравнивали с царями Первого переходного периода, которые, по представлениям египтян, были неспособны совершать ритуалы или по своим личным качествам были таковы, что проводимые ими ритуалы не имели должного эффекта, что нарушало взаимодействие с богами и вызывало природную катастрофу [24, с. 44–49].

Судя по такому идеологическому посылу лозунга восстания 245 г. до н. э., можно предположить, что его лидеры происходили из среды египетской элиты, мыслявшей в категориях традиционной идеологии своей страны [9, с. 295]. По всей вероятности, в восстании участвовали и представители жречества. В этих условиях царю было необходимо восстановить свой легитимный статус в глазах общества, а также показать, что жречество действительно поддерживает его и считает настоящим сакральным царем. С этой целью и была изменена модель собраний. Они стали проходить в столице, а по их итогам составлялись специальные декреты. В последних жрецы изображались как главные действующие лица. Создавалась иллюзия того, что именно жречество подтверждало выполнение царем его функций ритуальных царей, за что воздавало ему особые культовые почести. Более того, стелы с текстом декретов должны были располагаться во всех храмах Египта, в так называемых дворах народа (букв. «войска») (*wsht mꜣꜥ* (Urk. II. 154.4)) [20, р. 85; 25, р. 469], в той части храма, куда допускались простые люди, не имевшие жреческого сана. Еще более явно это обозначено в греческом тексте, где сообщается, что упомянутые стелы располагались в самом заметном месте храма (ἐν τῷ ἐπιφανεστάτῳ τόλῳ (OGIS. 56. 75)).

Таким образом, вся жреческая корпорация была вынуждена выражать внешнюю лояльность к царской власти. В этом же смысле можно рассматривать и развитие культа богов-эвергетов, в том числе учреждение жреческой филы в их честь (OGIS. 56. 23–25; Urk. II. 134. 6–8). Впрочем, в данном случае могла преследоваться и другая цель – не только обеспечить лояльность жрецов, но и объединить все население Египта при помощи династического культа [9, с. 291].

Между тем сама модель декрета изменяла положение жречества. Последнее начинает восприниматься как особая корпорация, которая, согласно тексту декретов, обладает возможностью даровать царю право на культовые почести. Жречество изображается как особая община египтян, обладающая собственной автономией [9, с. 291]. Таким образом, царь, проникая в жреческую структуру и укрепляя свою позицию, усиливал и позиции жречества, закрепляя особый статус жреческой корпорации.

Выводы

Таким образом, синоды египетского жречества оформляются как политический институт по инициативе царской власти в правление Птолемея III. Именно в это время формируются его основные особенности: форма записи принятых решений в виде декрета, состав участников, включавший все египетское жречество, общеегипетский характер собраний. За основу были взяты мероприятия времени Птолемея II, который тоже использовал собрания жречества для укрепления своего положения в стране. Исходя из этого, стоит говорить о генетическом родстве жреческих собраний времен Птолемея II с синодами Птолемея III, но необходимо подчеркнуть их нетождественность.

Синоды возникли как способ укрепления Птолемеем III своего статуса сакрального царя, который пострадал в результате событий в начале правления. Царь перенес модель полисного декрета на египетскую почву для того, чтобы иметь возможность представить пропаганду собственного легитимного статуса и развитие династического культа как решения жречества. При этом своими действиями царь укреплял и позиции жречества, придавая его корпоративной организации особый статус.

Источники

- АД – *El-Masry Y., Altenmuller H., Thissen H.-J.* Das Synodaldekret von Alexandria aus dem Jahre 243 v. Chr. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2012. 269 S.
- СН – *Апенко М.С.* Саиская надпись. Перевод и комментарий. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023 № 14/2 (124). URL: <https://history.jes.su/s207987840024924-5-1/>, свободный.
- OGIS – *Dittenberger W.* Orientis graeci inscriptiones selectae: supplementum sylloges in scriptionum graecarum. Vol. I. Lipsiae: Hirzel, 1903. 658 p.
- Urk. II – *Sethe K.* Hieroglyphische Urkunden der griechisch-römischen Zeit (Urkunden des ägyptischen Altertums, 2). Leipzig: Hinrichs, 1904–1916. 230 S.

Литература

1. *Huß W.* Die in ptolemaïschen Zeit verfaßten Synodal-Dekreten der ägyptischen Priester. // *Z. Papyrologie Epigraphik.* 1991. Bd. 88. S. 189–208.
2. *Woodhead A.G.* The Study of Greek Inscriptions. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1981. 160 p.
3. *El-Masry Y., Altenmuller H., Thissen H.-J.* Das Synodaldekret von Alexandria aus dem Jahre 243 v. Chr. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2012. 269 S.
4. *Pfeiffer St.* Das Dekret von Kanopos (238 v. Chr.). Kommentar und historische Auswertung. München, Leipzig: De Gruyter, 2004. 406 S.
5. *Thissen H.-J.* Studien zum Raphiadekret. Meisenheim: Hain, 1966. 84 S.
6. *Gorre G., Veisse A.* Birth and disappearance of the priestly synods in the time of the Ptolemies // *Quand la fortune du royaume ne dépend pas de la vertu du prince: Un renforcement de la monarchie lagide de Ptolémée VI à Ptolémée X (169–88 av. J.-C.).* Leuven: Peeters, 2020. P. 113–140.
7. *Raphael M.* Un nouveau décret ptolemaïque // *Mélanges Maspero.* 1938. T. I. P. 509–512.
8. *Quack J.F.* Innovations in ancient Garb? Hieroglyphic texts from the time of Ptolemy Philadelphus // *Ptolemy II Philadelphus and His World.* Boston, Leiden: Brill, 2008. P. 275–289.

9. *Ладынин И.А.* Династический культ и эпонимное жречество Птолемеев // «Боги среди людей»: культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире. М., СПб: РХГА, 2016. С. 265–312.
10. *Hölbl G.* A History of the Ptolemaic Empire. London; N.Y.: Routledge, 2001. 373 p.
11. *Hoffmann F.* Ägypten. Kultur und Lebenswelt in griechisch-römischer Zeit. Eine Darstellung nach den demotischen Quellen. Berlin: De Gruyter, 2000. 355 S.
12. *Bernand A.* La prose sur pierre dans l'Égypte hellénistique et romaine. T. II: Commentaires. Paris: Editions du CNRS, 1992. 178 p.
13. *Onasch Chr.* Zur Königsideologie der Ptolemaer in den Dekreten von Kanopus und Memphis (Rosettana) // Arch. Papyrusforsch. Verw. Geb. 1976. H. 24–25. S. 137–155.
14. *Beyer-Rothoff B.* Untersuchungen für Aussenpolitik Ptolemaios III. Bonn: Habelt, 1993. 342 S.
15. *Taeger F.* Charisma: Studien zur Geschichte des antiken Herrscherkultes, 2 Bd. Bd. I. Stuttgart: Kohlhammer, 1957. 718 S.
16. *Thompson D.* Memphis under the Ptolemies. Princeton, Princeton Univ. Press, 2012. 360 p.
17. *Schäfer D.* Makedonische Pharaonen und hieroglyphische Stelen: Historische Untersuchungen zur Satrapenstele und verwandten Denkmälern. Leuven: Peeters, 2011. 323 S.
18. *Ладынин И.А.* Птолемей, сын Лага, и жрецы Буто. «Стела сатрапа» (Египетский музей, Каир, 22182): Иероглифический текст, перевод и комментарий. М., СПб.: РХГА, 2022. 228 с.
19. *Thiers Chr.* Ptolémée Philadelphie et les prêtres d'Atoum de Tjékou. Nouvelle édition commentée de la "stele de Pithom" (CG 22183). Montpellier: Université Paul Valéry Montpellier III, 2007. 257 p.
20. *De Meulenaere H., MacKay P.* Mendes II. Warmister: Aris & Phillips, 1976. 243 p.
21. *Апенко М.С.* Саиская надпись. Перевод и комментарий. // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2023 № 14/2 (124). URL: <https://history.jes.su/s207987840024924-5-1/> – doi: 10.18254/S207987840024924-5, свободный.
22. *Collombert Ph.* La "stèle de Saïs" et l'instauration du culte d'Arsinoé II dans la chôra // *Ancient Soc.* 2008. No 38. P. 83–99.
23. *Нуб W.* Eine Revolte der Ägypter in der Zeit der 3. Syrischen Krieg // *Aegyptus*. 1978. H. 58. S. 151–156.
24. *Демидчик А.Е.* Безымянная пирамида. Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии. СПб.: Алетейя, 2005. 272 с.
25. *Wilson P.* A Ptolemaic Lexicon: A Lexicographical Study of the Texts in the Temple of Edfu. Leuven: Peeters, 1997. 1300 p.

Поступила в редакцию 30.08.2023

Принята к публикации 30.10.2023

Апенко Михаил Сергеевич, аспирант кафедры истории древнего мира¹, младший научный сотрудник²

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ленинские горы, д. 1, г. Москва, 119991, Россия

²Институт всеобщей истории РАН
Ленинский проспект, д. 32А, г. Москва, 119334, Россия
E-mail: mikhap97@live.com

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.43-53

The Rise of the Egyptian Priestly Synods during the Ptolemaic Era

M.S. Apenko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991 Russia
Institute of World History, Russian Academy of Sciences, 119334 Russia
E-mail: mikhap97@live.com

Received August 30, 2023; Accepted October 30, 2023

Abstract

This article examines the issues on the emergence of the Egyptian priestly synods known through the trilingual decrees. They were an important innovation in the Ptolemaic era. Their origin is of particular interest. Here, the early history of the synods is analyzed. The following questions are answered: When were the synods established? Who started convening them? And why was this institution founded? Based on the results obtained, a number of conclusions are drawn. Firstly, the synods were introduced during the reign of Ptolemy III, and the earlier assemblies under Ptolemy II should be viewed as their prototypes. Secondly, the synods were arranged and controlled by the king, even if the decrees stated otherwise. Thirdly, the synods were needed to strengthen support for the priesthood in the early reign of Ptolemy III when there was a major uprising during the Third Syrian War. Thus, it was a major tool for boosting the king's legitimacy and securing the loyalty of the Egyptian priesthood.

Keywords: Ancient Egypt, Hellenism, Ptolemies, Egyptian priesthood, synodal decrees, dynastic cult

References

1. Huß W. Die in ptolemäischen Zeit verfaßten Synodal-Dekreten der ägyptischen Priester. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, 1991, Bd. 88, S. 189–208. (In German)
2. Woodhead A.G. *The Study of Greek Inscriptions*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1981. 160 p.
3. El-Masry Y., Altenmüller H., Thissen H.-J. *Das Synodaldekret von Alexandria aus dem Jahre 243 v. Chr.* Hamburg, Helmut Buske Verlag, 2012. 269 S. (In German)
4. Pfeiffer St. *Das Dekret von Kanopos (238 v. Chr.). Kommentar und historische Auswertung*. München, Leipzig, De Gruyter, 2004. 406 S. (In German)
5. Thissen H.-J. *Studien zum Raphiadekret*. Meisenheim, Hain, 1966. 84 S. (In German)
6. Gorre G., Veisse A. Birth and disappearance of the priestly synods in the time of the Ptolemies. In: *Quand la fortune du royaume ne dépend pas de la vertu du prince: Un renforcement de la monarchie lagide de Ptolémée VI à Ptolémée X (169–88 av. J.-C.)*. Leuven, Peeters, 2020, pp. 113–140.
7. Raphael M. Un nouveau décret ptolémaïque. *Mélanges Maspero*, 1938, t. I, p. 509–512. (In French)
8. Quack J.F. Innovations in ancient Egypt? Hieroglyphic texts from the time of Ptolemy Philadelphus. In: *Ptolemy II Philadelphus and His World*. Boston, Leiden, Brill, 2008, pp. 275–289.
9. Ladynin I.A. The dynastic cult and the eponymous priesthood of the Ptolemies. In: *“Bogi sredi ludei”’: kul't pravitelei v ellinisticheskoy, postellinisticheskoy i rimskoy mire* [“Gods among Men”: The Rulers' Cult in the Hellenistic, Post-Hellenistic, and Roman World]. Moscow, St. Petersburg, RKhGA, 2016, pp. 265–312. (In Russian)
10. Hölbl G. *A History of the Ptolemaic Empire*. London, New York, Routledge, 2001. 373 p.
11. Hoffmann F. *Ägypten. Kultur und Lebenswelt in griechisch-römischer Zeit. Eine Darstellung nach*

- den demotischen Quellen*. Berlin, De Gruyter, 2000. 355 S. (In German)
12. Bernard A. *La prose sur pierre dans l'Égypte hellénistique et romaine*. T. II: Commentaires. Paris, Editions du CNRS, 1992. 178 p. (In French)
 13. Onasch Chr. Zur Königsideologie der Ptolemaer in den Dekreten von Kanopus und Memphis (Rosettana). *Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete*. 1976, H. 24–25, S. 137–155. (In German)
 14. Beyer-Rothoff B. *Untersuchungen für Aussenpolitik Ptolemaios III*. Bonn, Habelt, 1993. 342 S. (In German)
 15. Taeger F. *Charisma: Studien zur Geschichte des antiken Herrscherkultes*, 2 Bd. Bd. I. Stuttgart, Kohlhammer, 1957. 718 S. (In German)
 16. Thompson D. *Memphis under the Ptolemies*. Princeton, NJ, Princeton Univ. Press, 2012. 360 p.
 17. Schäfer D. *Makedonische Pharaonen und hieroglyphische Stelen: Historische Untersuchungen zur Satrapensteile und verwandten Denkmälern*. Leuven, Peeters, 2011. 323 S. (In German)
 18. Ladynin I.A. *Ptolemei, syn Laga, i zhretsy Buto*. “Stela Satrapa” (Egipetskii muzei, Kair, 22182): ieroglificheskii tekst, perevod i kommentarii [Ptolemy, the Son of Lagus, and the Priests of Buto. The Satrap Stela (Egyptian Museum, Cairo, 22182): Hieroglyphic Text, Translation and Commentary]. Moscow, St. Petersburg, RkhGA, 2022. 228 p. (In Russian)
 19. Thiers Chr. *Ptolémée Philadelphie et les prêtres d'Atoum de Tjékou*. Nouvelle édition commentée de la “stele de Pithom” (CG 22183). Montpellier, Université Paul Valéry Montpellier III, 2007. 257 p. (In French)
 20. De Meulenaere H., MacKay P. *Mendes II*. Warmister, Aris & Phillips, 1976. 243 p.
 21. Apenko M.S. The Sais Inscription. Translation and commentary. *Istoriya*, 2023, no. 14/2 (124). URL: <https://history.jes.su/s207987840024924-5-1/>. <https://doi.org/10.18254/S207987840024924-5>. (In Russian)
 22. Collombert Ph. La “stèle de Saïs” et l’instauration du culte d’Arsinoé II dans la chôra. *Ancient Society*, 2008, no. 38, p. 83–99. (In French)
 23. Huß W. Eine Revolte der Ägypter in der Zeit der 3. Syrischen Krieg. *Aegyptus*, 1978, H. 58, S. 151–156. (In German)
 24. Demidchik A.E. *Bezmyannaya piramida. Gosudarstvennaya doktrina drevneegipetskoj monarkhii* [A Nameless Pyramid: The State Doctrine of the Ancient Egyptian Heracleopolis Monarchy]. St. Petersburg, Aleteia, 2005. 272 p. (In Russian)
 25. Wilson P. *A Ptolemaic Lexicon: A Lexicographical Study of the Texts in the Temple of Edfu*. Leuven, Peeters, 1997. 1300 p.

Для цитирования: Апенко М.С. Проблемы возникновения синодов египетского жречества в эпоху Птолемеев // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2023. Т. 165, кн. 4–5. С. 43–53. – <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.4-5.43-53>.

For citation: Apenko M.S. The rise of the Egyptian priestly synods during the Ptolemaic era. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 4–5, pp. 43–53 <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.4-5.43-53> (In Russian)

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(38)

doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.54-65

МЕТАФОРА ЯРМА В ДРЕВНЕМ МИРЕ: ОТ СИМВОЛА ИМПЕРСКОГО ГОСПОДСТВА ДО СИМВОЛА ПОДЧИНЕНИЯ

Э.В. Рунг^{1,2}, Е.А. Венедиктова²

¹Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, 125047, Россия

²Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье рассмотрено восприятие ярма как символа господства и подчинения в текстах с территории Древней Месопотамии и Ближнего Востока, а также в произведениях древнегреческих и древнеримских авторов. Предложено взглянуть на метафору ярма как со стороны завоевателей, так и со стороны подчинившихся. В текстах ассирийских царей завоевание рассматривается как наложение ярма, а борьба за возвращение независимости – как освобождение от ярма. Наконец, продемонстрировано, что в древнегреческой традиции метафора ярма применяется чаще всего в контексте описания античными авторами греко-персидского конфликта, что может объясняться заимствованием греками этого концепта с Востока. В ряде случаев ярмо не только выступает в качестве метафоры, означающей подчинение, но и используется в конкретной военно-политической практике.

Ключевые слова: ярмо, хомут, господство, подчинение, империя

Обращаясь к теме восприятия имперской внешней политики, в исторической памяти древних народов следует выделить несколько аспектов, обозначающих эту политику на риторическом, символическом и/или метафорическом уровнях. Особенно интересен тот факт, что символом завоевания на Древнем Ближнем Востоке и в античном мире часто выступает копые, а метафорой господства и подчинения – ярмо. К последнему мы и обратимся в данной статье.

Ярмо, имевшее вид деревянного хомута, выступает средством обуздания и управления прирученных человеком животных, в частности крупного рогатого скота или лошади. Наименования обозначенного предмета в разных языках соотносятся с общим индоевропейским корнем и обозначаются древнегреческим словом ζυγόν, латинским *jugum*, древнерусским *уго*, древнеиндийским *yugam*, хеттским *iugan* и т. д. По корню перечисленные слова связаны с глаголом, выражающим значение «соединять», «сочетать», «связывать» (напр. лат. *jungo* – «соединять») [1, с. 334]. Однако уже в древности ярмо становится символическим обозначением подчинения, и такое значение сохраняется за этим словом и поныне [2, с. 472].

Латинское выражение *sub jugum* – «под ярмом» – стало устойчивой метафорой позорного подчинения в древнеримском мире, глагол *subjugo* означает «прогонять под игом/ярмом», «подчинять, покорять, поработать», существительное

subjugatio переводится как «порабощение, покорение» (причем из латыни данные слова перешли и в современные европейские языки) [3, с. 566, 964].

Между тем истоки восприятия ярма как метафоры подчинения восходят к истории Древнего Ближнего Востока. На аккадском языке «ярмо» звучит как *abšānu* [4, р. 65] или *nīru* [5, р. 260–265], но часто записывается при помощи логограммы GIŠ.ŠUDUN, где GIŠ – детерминатив, служащий для обозначения предметов, сделанных из дерева. Однако образ ярма стал использоваться в качестве метафоры политического подчинения во второй половине II тыс. до н. э. До этого времени слово со значением «ярмо», хотя и встречалось в текстах с территории Месопотамии, всегда употреблялось в своем первоначальном смысле для обозначения хомута волов. Обстоятельства, при которых изучаемая лексема стала использоваться в метафорическом значении, точно установить невозможно. «Теологический словарь Ветхого Завета» ссылается на вавилонский миф о сотворении человека, в котором отмечается, что Мардук создал людей, чтобы они несли ярмо, то есть служили Мардуку, а не другим богам [6, р. 72]. В этом же словаре приводится объяснение того, почему ярмо стало символом подчинения именно в Месопотамии, а не в Египте: «Эта религиозно-политическая метафора не найдена в Египте, так как, по мнению египтян, стабильность мира зависела не от подчинения народа царю и подчинения царя богам, а от присутствия царя, который также был богом»¹ [6, р. 72]. Дадим возможность египтологам судить о том, насколько верно это утверждение. Примечательно, однако, свидетельство Диодора Сицилийского (в контексте его обращения к легендарной истории Египта в его первой книге) о том, что фараон Сесоосис (Сесострис) впрягал в колесницу под ярмо правителей подчиненных ему государств: «Но всякий раз, когда он желал выехать в храм или в город, то выпрягал из своей четверки коней и вместо них впрягал царей и иных правителей, показывая всем тем самым, как он полагал, что в битве за доблесть он победил самых лучших и отличающихся смелостью и нет противника, могущего с ним сравниться» (Diod. I. 58. 2). Можно предположить, что данный отрывок, если имеет под собой основания, свидетельствует о попытке египтян буквально перенять ассирийскую практику помещения под хомут царской колесницы пленных правителей (об этой практике см. [7, р. 249; 8, р. 71]). Скептическое отношение к достоверности этого сообщения, переданного также в более обобщенном виде Иоанном Цецем (FGrHist. 688. F. 69), выражает И.А. Ладынин. По мнению исследователя, здесь «мы видим реальные ассирийские реминисценции, которые, в их перенесении на великого египетского царя- завоевателя, призваны представить его как создателя переднеазиатской межрегиональной государственности» [9, с. 153].

Однако тот факт, что египетские цари могли реально знать о значении метафоры ярма в Передней Азии, следует из данных Амарнского дипломатического архива. Здесь ярмо как символ подчинения упоминается в двух письмах к фараону неких подчиненных ему правителей Палестины (Бааль-Мехера и Яатири): «И теперь я поместил свою шею под ярмо, которое я несу, так что пусть царь, мой господин, оценит, что я служу ему очень преданно и его город служит ему»² (EA 257); «И теперь я поместил свою шею под ярмо, и я несу его». (EA 296). Эти письма являются

¹ Перевод с английского языка здесь и далее наш. – Э.Р., Е.В.

² Перевод с аккадского языка здесь и далее наш. – Э.Р., Е.В.

наиболее значимым свидетельством того, что восприятие ярма верноподданными лишено было еще каких бы то ни было негативных коннотаций.

Однако в большинстве своем тексты из Месопотамии свидетельствуют о восприятии ярма как символа покорения непосредственно со стороны завоевателей-ассирийцев. Как можно судить по корпусам надписей из Ассирии, выражение «ярмо моего господства» (*ni-ir be-lu-ti-ia*) встречается в текстах царей среднеассирийского периода, Тукульти-Нинурты I (1244–1207 гг. до н. э.) и Тиглатпаласара I (1115–1076 гг. до н. э.). В своей надписи Тукульти-Нинурта I сообщает о покорении враждебных правителей следующим образом: «Я наложил на них ярмо моего господства» (RIMA. I: A.0.78. Col. iii, 4). В надписях Тиглатпаласара I заявлено, что этот царь подчинял города и страны и также накладывал на них тяжелое ярмо своего господства (RIMA. II: A.0.87. Col. i, 54, 93; ii, 85). Повторяющееся выражение «тяжелое ярмо моего господства» (*ni-ir EN-ti-ia DUGUD*) является образным обозначением территориальной экспансии этого ассирийского царя. В одном из его текстов отмечается, что он «наложил тяжелое ярмо своего господства» на враждебные города и сделал их подданными бога Ашшура (RIMA. II: A.0.87. Col. ii, 85). По словам Дж. Постгейта, впервые со времени Тиглатпаласара I ясно засвидетельствована регулярная практика взимания ассирийским царем ежегодной дани с тех, кто «несет ярмо Ашшура» [10, p. 253–254].

В надписях ассирийских царей новоассирийского периода символическое значение ярма встречается уже намного чаще и в иных контекстах. В надписях Тиглатпаласара III (745–727 гг. до н. э.) уже упоминается о ярме бога Ашшура (*ni-ir^a aš-šur*) (RINAP. I: 5, 11; 42, 37'–38'), а в текстах Саргона II (722–705 гг. до н. э.) восстание народов против ассирийского господства, в частности, описывается как сбрасывание ярма бога Ашшура (RINAP. II: 1, 20, 189; 2, 222; 7, 22, 55; 65, 80), а завоевание – как, напротив, наложение ярма бога Ашшура (RINAP. II: 1, 76; 8, 8, 20; 9, 15; 13, 18; 77, 24'; 88, 6'; 111, 31) или подчинение ярму бога Ашшура (RINAP. II: 63, 15'; 82, 13'''). Нахождение же во власти ассирийского царя описывается как то, что тот или иной народ, город или правитель несут ярмо бога Ашшура (RINAP. II: 7, 70). Отсылка к ярму бога Ашшура вполне соответствовала сакральному статусу ассирийских царей, которые мыслили себя носителями власти, данной им этим богом. Однако наряду с этим встречаются и более традиционные упоминания о завоеваниях ассирийцев (без ссылки на бога Ашшура): «на них я наложил ярмо моего господства» (RINAP. II: 7, 22; 8, 27; 10, 22; 12, 17–18, 23; 13, 88–89; 42, 18–19; 74, 74–75; 83, ii', 10–11; 116, 36); «ярмо моего господства я наложил» (RINAP. II: 7, 116); «ярмо моего господства он несет» (RINAP. II: 7, 36); «ярму моего господства подчинились» (RINAP. II: 12, 37–38); «сбросили ярмо моего господства» (RINAP. II: 65, 346). М. Ливерани справедливо полагает, что выражение «наложить ярмо Ашшура» (или «ярмо господства» царя) является метафорой, намекающей на установление даннической зависимости и трудовой повинности (*taxation and forced labor*) покоренного населения [11, p. 539]. В надписях Синнахериба (705–681 гг. до н. э.), помимо прочего, описывается положение враждебных стран или царей как не склонившихся под его ярмо (RINAP. III: 1, 62, 71; 2, 18, 42; 3, 18, 42' 4, 39, 69; 15, iv, 7; v, 45; 16, iii, 75; iv, 77; v, 68–69; 17, ii, 88; 17, iv, 23–24; v, 54; 18, ii, 1''–2''; iii, 16, 4''; 22, ii, 61–62; iii, 19, 79; 23, ii, 58; iii, 16–17'; 46, 20, 27–28, 38; 140, r, 13; 142, o, 4') и, наоборот, покоренных

военной силой – как склонившихся под его ярмо (RINAP. III: 2, 33; 3, 33; 4, 31; 15, ii, 37'; 16, ii, 74–75; 17, ii, 56–57; iii, 39; 22, ii, 36; 23, ii, 34; iii, 70; 36, r, 2'; 46, 17; 140, o, 14'). В текстах Асархаддона (680–669 гг. до н. э.) снова появляются упоминания ярма бога Ашшура: «сбросил ярмо бога Ашшура» (RINAP. IV: 1, ii, 67; 6, ii, 12'); «ярмо Ашшура, моего господина, он сбросил» (RINAP. IV: 34, o, 14'); «я наложил на них ярмо бога Ашшура, моего господина» (RINAP. IV: 60, o, 15'). В текстах Ашшурбанипала (669–627 гг. до н. э.) отсылка к ярму становится, пожалуй, самой частотной по сравнению с надписями его предшественников. Это может быть непосредственно связано с завершением оформления при этом царе имперской идеологии Ассирии, когда такой символ подчинения, как ярмо, вполне осознанно становится идеологемой. Она употребляется в нескольких контекстах. Во-первых, покоренные народы описываются как склонившиеся под ярмо царя: «под ярмо я заставил их склониться» (RINAP. V/1: 3, ii, 49; 4, ii, 22'; 6, iii, 72; 7, iii, 28; 9, i, 61; 11, ii, 55); «я заставил его/их склониться под мое ярмо» (RINAP. V/1: 7, i, 98'; 11, x, 20, 37; 12, ii, 20'); «они (он) склонились/склонился под мое ярмо» (RINAP. V/1: 3, ii, 69; iii, 83; 6, iv, 78'; 7, iv, 46'; 8, iii, 23'; iv, 5'; 9, ii, 44; 11, iii, 16; v, 92); «они склонились под мое ярмо» (RINAP. V/1: 3, v, 96; 4, ii, 42'; iii, 5'; v, 58'; 7, vi, 9'). Во-вторых, непокоренные народы обозначаются как не склонившиеся под ярмо царя: «они не склонились под мое ярмо» (RINAP. V/1: 3, vi, 13; 4, vi, 16; 6, vii, 15; 8, vii, 15'; 9, iv, 43); «царям, моим предкам, он не склонился под ярмо» (RINAP. V/1: 3, iii, 7–8; 4, iii, 1–2; 6, iv, 11; 7, iii, 34; 9, i, 61; 11, ii, 64). В-третьих, восставшие народы и правители обозначаются как те, кто сбросил ярмо царя: «он (они) сбросил(и) ярмо моего господства» (RINAP. V/1: 3, iv, 2; vii, 83; 55; 4, iv, 24'; vii, 88; 6, v, 8, 80; 7, iv, 62'; v, 23; vii, 43; 11, ii, 115; vii, 19, 87); «я ярмо Ашшура, которое они сбросили, наложил» (RINAP. V/1: 11, iv, 103); «он сбросил ярмо господства, которое Ашшур наложил на него и которое он тянет» (RINAP. V/1: 11, vii, 87–88). Особо выразительно в текстах Ашшурбанипала описывается подчинение ближневосточных правителей:

«Царьки (*ma-al-ki*) (которые живут) в середине моря и цари (LUGAL.MEŠ), которые живут на высоких горах, увидели мощь этих моих дел и испугались моего могущества. Якин-лу, царь страны Арвад [Арад], Мугаллу, царь страны Табал и Санда-шарме из страны Хилакку, которые не поклонились царям, моим предкам, склонились под мое ярмо (GIŠ.ŠUDUN-ia). Они доставили своих дочерей, свое собственное потомство, в Ниневию для выполнения работы в домах, вместе со значительным приданым и большим брачным даром, и они поцеловали мои ноги» (RINAP V/1: 3, ii, 63–74).

При этом завоевательная идеология Ассирии уже в меньшей степени требует религиозного оправдания, а потому упоминание ярма бога Ашшура, хотя и встречается, но очень редко, и может рассматриваться как реликт прошлого, характерный для надписей Саргона II. Примечательно, что среди нововавилонских текстов метафора ярма встречается единожды в Цилиндре Набонида, последнего царя Вавилона, но в очень характерном контексте:

«Пусть мои враги трепещут при простом упоминании моего значимого имени. Пусть они склоняются к моим ногам, пусть несут мое ярмо до конца своих дней и пусть приносят свои значительные подати в город Вавилон передо мной» (RINBE. II: 25, ii, 44–46).

Таким образом, в Ассирии символическое значение ярма, будучи важным элементом имперской идеологии и пропаганды со стороны завоевателей, не имело еще негативных коннотаций, какие она приобретет позднее.

В Передней Азии же появление подобных негативных коннотаций связано с пропагандой Кира Великого, который в своем Цилиндре объявил о «мирном» освобождении Вавилона от ярма Набонида: «Каждый день он причинял еще больше зла городу (священного Мардука). [...] Он истязал] его [людей], навел на всех их разорение ярмом (*i-na ab-ša-a-ni*) без облегчения» (Cylinder, 8); «Народу Вавилона, на который Набонид наложил невыносимое ярмо (*ab-ša-a-ni*) против воли богов, я принес облегчение их истощению и покончил с их тяжелым трудом» (Cylinder, 26). Идеология Кира, построенная на отрицании завоевательной идеологии ассиро-вавилонских царей, возможно, проводит и к отказу от употребления слова «ярмо» в текстах последующих ахеменидских царей.

Можно предположить персидское влияние на греков при появлении у них в негативном контексте метафорического обозначения завоевания как наложения ярма. Греки могли впервые познакомиться с ярмом как символом покорения еще до персов, в ходе взаимодействия со странами Ближнего Востока, но в контексте Греко-персидских войн метафора ярма приобретает негативные коннотации. У греков эта фигура речи существовала в нескольких лексических вариациях: ζεύγμα, ζεύγη, ζεύγος, ζυγός и ζυγόν [12, с. 732–733, 737]. Глагол ζυγῶ означает «соединять ярмом» («подчинять», «покорять») [12, с. 737].

Гомер, по-видимому, не использовал еще слово «ярмо» в метафорическом значении, поскольку все случаи употребления им этого и синонимичных лексем связаны с тягловыми животными – лошадьми или волами. Впервые, по всей видимости, метафорическое значение у слова «ярмо» появляется в стихах Феогнида Мегарского, греческого поэта конца VI – начала V в. до н. э. Сами слова ζυγόν и ζεύγη встречаются в элегиях Феогнида дважды. В первом случае делается отсылка к установлению тирании: «Пятой ступи на глупый народ, стрекалом бей / острым, тяжелое наложи ярмо» (Λὰξ ἐπίβα δῆμῳ κενεόφρονι, τύπτε δὲ κέντρῳ / ὀξεί καὶ ζεύγην δύσλοφον ἀμφιτίθει) (Theog. Fr. 847–850). Во втором случае Феогнид, говоря о ярме, имел в виду именно лидийскую монархию, что становится очевидным из следующего фрагмента: «Никогда врагам шеи не подставляй под ярмо / тяжелое, хоть Тмол над головой нависни» (Οὐποτε τοῖσ' ἐχθροῖσιν ὑπὸ ζυγὸν ἀρχένα θήσω / δύσλοφον, οὐδ' εἴ μοι Τμῶλος ἔλεστι κάρηι) (Theog. Fr. 1023–1024). В этом фрагменте определенно говорится о врагах греков, а упоминание горы Тмола прямо ассоциируется с Лидией. Характерно, что у Феогнида в эпическом стиле дважды слово «ярмо» используется с эпитетом «тяжелое (для шеи)» (δύσλοφος, λόφος – означает «шея», «затылок»), иногда употребляемым в переносном смысле, то есть «невыносимое, мучительное». И вот здесь мы можем вспомнить, что ассирийские правители использовали выражение «тяжелое ярмо моего господства».

Однако далее «ярмо» в метафорическом значении неоднократно используется применительно к Греко-персидским войнам, сначала в «Персах» Эсхила и затем уже в труде Геродота. В этой связи появляется новый эпитет для характеристики ярма – «рабское ярмо» (δοῦλος ζυγός), поскольку греки описывали покорение их персами при помощи глагола δουλόω – «порабощать», называя подданных персидского монарха «рабами царя» [13]. Эсхил видит цель похо-

да Ксеркса в намерении наложить «рабское ярмо» на Элладу: ζυγὸν ἀμφιβαλεῖν δοῦλιον Ἑλλάδι (Aesch. Pers. 50). Геродот словами самого Ксеркса, характеризуя предназначение его экспедиции, употребляет определение «рабское (ярмо)» (δοῦλιος ζυγός): «Не остается больше ни одного города и народа на свете, который осмелился бы восстать против нас, когда мы разделаемся с теми, о которых я сказал. Так мы наложим и на виновных перед нами, и на невиновных ярмо рабства» (Hdt. VII. 8) [14, p. 57–59]. Таким образом, важный образ, часто встречающийся в «Персах» Эсхила, – это образ ярма (ζυγός) [15, p. 167]. Кроме названного примера (Aesch. Pers. 50, 594), афинский драматург употребляет слово ζυγός в связи с упоминанием составленного из лодок моста, посредством которого Ксеркс соединил оба берега пролива Геллеспонт (Aesch. Pers. 72).

В последнем примере применительно к Геллеспонту «ярмо» употребляется в метафорическом смысле. Эсхил (Aesch. Pers. 750) подчеркивает «нечестие» Ксеркса, граничащее с безумием (νόσος φρενῶν) в эпизоде у Геллеспонта: царь обуздал пролив ярмом (букв. «набросил ярмо на горло понта» – ζυγὸν ἀμφιβαλὼν αὐχένι πόντου (Aesch. Pers. 72)), наложил на него, как на строптивного раба, железные оковы (πέδαϊς σφυρηλάτοις (Aesch. Pers. 747)), тем самым намереваясь одолеть Посейдона.

А. Дан рассматривает греческое и персидское отношение к «обузданию» Геллеспонта. Она доказывает, что, если для греков «наказание Боспора» было оскорблением божества, то для персов, напротив, это было обузданием злого демона, который попытался помешать Ксерксу в завоевании мира [16]. Согласно Геродоту (Hdt. VII. 8, 10), Ксеркс объявил о намерении, «связав» Геллеспонт мостом (ζεύξας τὸν Ἑλλήσποντον), повести войско в Элладу, и в этом он сравнивается со своим отцом Дарием, который «связал» мостом Боспор Фракийский (ζεύξας Βόσπορον τὸν Θρηϊκίον) во время похода против скифов (Hdt. VII. 23). Далее следует хрестоматийный сюжет о том, как Ксеркс «высек море», затем приказал погрузить в море пару оков (πέδέων ζεύγος) и заклеить воды клеймом (Hdt. VII. 35).

Наиболее выразительно образ ярма как символа завоевания присутствует в представлении драматургом Эсхилом так называемого «сна царицы»: Ксеркс поместил под ярмо (ὑπὸ ζεύγυσι) и впряг в одну колесницу женщин, олицетворявших Элладу и Азию, которые до того были в распре (στάσις); одна из женщин, Азия, послушно согласилась находиться под ярмом, другая, Эллада, сбросила упряжь и сломала ярмо (Aesch. Pers. 181–197). Драматург в этом отрывке совмещает значения ярма как конского хомута и как символа подчинения [17, с. 154; 18, с. 126–127]:

«Мне две нарядных женщины привиделись:
 Одна в персидском платье, на другой убор
 Дорийский был, и обе эти нынешних
 И ростом, и чудесной красотой своей
 Превосходили, две единокровные
 Сестры. Одной в Элладе постоянно жить
 Назначен жребий, в варварской стране – другой.
 Узнав, – так мне приснилось, – что какие-то
 Пошли у них раздоры, сын, чтоб спорящих
 Унять и успокоить, в колесницу впряг

Обеих и надел обеим женщинам
 Ярмо на шею. Сбруе этой радуясь,
 Одна из них послушно удила взяла,
 Зато другая, взвившись, упряжь конскую
 Разорвала руками, вожжи сбросила
 И сразу же сломала пополам ярмо».

В IV в. значение ярма как метафоры подчинения уже выходит за пределы контекста Греко-персидских войн. Демосфен цитирует эпитафию, высеченную на камне в память об афинянах, погибших в битве при Херонее, в которой выражение «наложить ярмо на шею» относится к политике Филиппа II по установлению македонской гегемонии в Греции (Dem. XVIII. 289). В начале II в. до н. э. Алкей Мессенский противопоставляет Греко-персидские войны и римскую политику в отношении Греции при Тите Фламинине, который провозгласил освобождение греков от македонского господства (Anth. Pal. XVI. 5) [19, с. 46–47]:

«Некогда Ксеркс приводил на Элладу персидское войско,
 И из Италии Тит войско с собою привел.
 Но если первый стремился ярмо наложить на Европу, –
 Освободить от ярма хочет Элладу второй».

Итак, со времени Феогида Мегарского мы наблюдаем некоторую трансформацию значения слова «ярмо», связанную со сменой эпитетов: если первоначально говорится о «тяжелом» ярме ($\zeta\upsilon\gamma\acute{o}\nu\ \delta\acute{\upsilon}\sigma\lambda\omicron\phi\omicron\nu$), то впоследствии, в контексте Греко-персидских войн и македонского господства, – о «рабском» ярме. Схожую эволюцию «ярмо» как метафора подчинения претерпела в Древней Передней Азии.

О том факте, что в древнеримской культуре ассоциации ярма с идеей подчинения, покорения были довольно сильными, свидетельствуют эпизоды из истории войн римлян с италикками, рассказанные Титом Ливией и другими авторами, причем «ярмо» в понимании италийских народов стало вполне материальным объектом.

Ливий сообщает об унижении эквов после побед римлян над ними: «Война в Тускуле шла несколько месяцев. С частью войска консул осаждал лагерь эквов, другую часть он вверил тускуланцам для отвоевания крепости. Прорваться туда силой так и не удалось, и только голод выгнал врагов оттуда. Доведенных до крайности, их всех – раздетыми и безоружными – провели под ярмом тускуланцы» (Liv. III. 23. 4); «Крови эквов он (диктатор Луций Квинкций Цинциннат) не жаждет, пусть себе уходят, но, чтобы они наконец признали, что покорен и смирен их народ, пройдут они под ярмом. Ярмо это делается из двух копий, воткнутых в землю, и третьего, служащего перекладной. Под таким ярмом и прогнал диктатор эквов» (Liv. III. 28. 10). Дионисий Галикарнасский, ссылаясь на миф о наказании Горация за убийство сестры, объясняет значение обычая проводить под ярмом: «Ведь у римлян существует обычай, по которому всякий раз, когда они одерживают верх над противником и тот складывает оружие, они вбивают в землю два деревянных столба, третий кладут сверху поперек них, а затем проводят под ними пленных, и тех, кто прошел, отпускают на волю к своим. Такое сооружение у римлян зовется игом» (Dion. Hal. Ant. Rom. III. 22. 7).

Вышеописанный римский обычай прогонять под ярмом врагов общеизвестен и находит отражение в сочинениях Цезаря (Caes. BG. I. 7; 12), Саллюстия (Sallust. Jug. 38. 9), Фронтинна (Front. Strat. IV. 1. 19), Флора (Flor. Epit. I. 5. 13),

Тацита (Тас. Ann. XV. 15. 1), Светония (Suet. Nero. 39. 1) и других. По замечанию Арьена ван Лиля, «ритуал прогона под ярмом служил средством унижения пленных врагов без убийства или порабощения их» [20, p. 44]. Если согласиться с этим мнением, то можно сделать вывод, что в римской политической культуре смысл метафоры ярма трансформировался от символа подчинения и порабощения врагов, как это было в Древней Передней Азии и древнегреческом мире, к символу уничтожения их без дальнейших репрессивных действий в отношении военнопленных. Таким образом, рассмотренный материал демонстрирует, что метафора ярма не оставалась неизменной на разных этапах истории Древнего мира и в различных обществах, но, переходя из одного в другое, меняла свое значение. Так, для завоевателей-ассирийцев ярмо было символическим выражением завоевания, для подвластных народов – порабощения; в последнем значении оно появляется в Цилиндре Кира и находит отражение в древнегреческой литературной традиции. В римском обществе метафора ярма, наряду со значением подчинения, приобретает дополнительный уничижительный смысл.

Благодарности. Исследование в части, подготовленной Э.В. Рунгом, выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 20-18-00374-П, выполняемый на базе ННГУ им. Н.И. Лобачевского).

Источники

- Anth. Pal. – Палатинская антология (Алкей Мессенский) // Греческие эпиграммы (VII век до н. э. – IX век н. э.) / Пер., ст. и прим. Л.В. Блуменау. Ред. и дополн. Ф.А. Петровского. (Серия «Античная литература»). М.-Л.: Academia, 1935. С. 105.
- Aesch. Pers. – *Эсхил. Персы* // *Эсхил. Трагедии* / Пер. С.К. Апта. М.: Искусство, 1978. С. 49–90; *Aeschylus. Persians* / Ed. with an Introduction, Translation and Commentary by E. Hall. Warminster, Wiltshire: Aris & Phillips Ltd., 1996. 212 p.
- Caes. BG – *Цезарь Гай Юлий*. Записки о Галльской войне // Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне. / Пер. и комм. акад. М.М. Покровского. М.: Наука, 1948. С. 7–217.
- Cylinder – Цилиндр Кира / Пер. и ком. М.А. Дандамаева // Хрестоматия по истории Древнего Востока: в 2 ч. / Под ред. М.А. Коростовцева, И.С. Кацнельсона, В.И. Кузичина. М.: Высш. школа, 1980. Ч. 2. С. 19–21; *Finkel I. The Cyrus Cylinder: The Babylonian Perspective* // *The Cyrus Cylinder: The King of Persia's Proclamation from Ancient Babylon* / Ed. by I. Finkel. London: I.B. Taurus, 2013. P. 4–34; *Schaudig H. The Text of the Cyrus Cylinder* // *Cyrus the Great: Life and Lore*. Boston, Massachusetts: Plex Foundation; Washington, D.C.: Center for Hellenic Studies, Trustees for Harvard University, 2019. P. 16–25.
- Dem. – *Демосфен*. Речи: в 3 т. / Отв. ред.: Е.С. Голубцова, Л.П. Маринович, Э.Д. Фролов; пер. С.И. Радцига. М.: Памятники истор. мысли, 1996. Т. 3. 624 с.; *Demosthenes. Demosthenis Orationes*, 4 Vols. / Ed. by M.R. Dilts (Oxford Classical Texts). Oxford: Oxford Univ. Press, 2002. V. 1. 352 p.
- Diod. – *Диодор Сицилийский*. Историческая библиотека: в 3 т. / Пер. О.П. Цыбенко. М.: Наука, 2022. Т. 1. 676 с.; *Diodorus Siculus. Library of History*, 12 Vols. / Transl. by С.Н. Oldfather. Cambridge, MA.: Harvard Univ. Press, 1933. V. 1: Books 1–2.34. 512 p.
- Dion. Hal. Ant. Rom. – *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности: в 3 т. / Отв. ред. И.Л. Маяк. М.: Рубежи XXI, 2005. Т. 1. Пер. с древнегреч. Н.Г. Майоровой (гл. I–IX), И.Л. Маяк (гл. X–XC). 272 с.

- EA – *Moran W.L.* The Amarna Letters. Baltimore–London: The John Hopkins Univ. Press, 1992. 446 p.; *Rainey A.F., Schniedewind W.M.* The El-Amarna Correspondence. A New Edition of the Cuneiform Letters from the Site of El-Amarna based on Collations of all Extant Tablets. Leiden–Boston: Brill, 2015. V. 1–2. 1672 p.
- FGrHist. – *Jacoby F.* Die Fragmente der griechischen Historiker. Berlin: Weidmann, 1923–1958. Bd.1–3.
- Flor. Epit. – *Флор Луций Анней.* Эпитомы // Малые римские историки. Веллей Патеркул. Римская история. Анней Флор. Две книги Римских войн. Луций Ампелий. Памятная книжица / Изд. подгот. А. Немировским. М.: Ладомир, 1995. С. 99–190.
- Front. Strat. – *Фронтин Секст Юлий.* Военные хитрости (Стратегемы) / Пер. А.Б. Рановича. СПб.: Алетей, 1996. 232 с.
- Hdt. – *Геродот.* История: в 9 кн. / Пер. Г.А. Стратановского. М.: Ладомир: АСТ, 1999. 582 p; Herodotus: 4 Vols. / Ed. by A.D. Godley. London: W. Heinemann; N.Y.: G.P. Putnam's sons, 1921–1925.
- Liv. – *Ливий Тит.* История Рима от основания города: в 3 т. М.: Ладомир, 2002. Т. 1, Кн. I–X. 702 с.
- RIMA. I – *Grayson A.K.* Assyrian Rulers of the Third and Second Millennia BC (to 1115 BC). Toronto–Buffalo–London: Univ. of Toronto Press, 1987. 378 p.
- RIMA. II – *Grayson A.K.* Assyrian Rulers of the Early First Millennium BC (1114–859 BC). Toronto–Buffalo–London: Univ. of Toronto Press, 1991. 448 p.
- RINAP. I – *Tadmor H., Yamada S.* The Royal Inscriptions of Tiglath-pileser III (744–727 BC), and Shalmaneser V (726–722 BC), Kings of Assyria. Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns, 2011. 246 p.
- RINAP. II – *Frame G.* The Royal Inscriptions of Sargon II, King of Assyria (721–705 BC). University Park, Pennsylvania: Eisenbrauns, 2021. 622 p.
- RINAP. III – *Grayson A.K., Novotny J.* The Royal Inscriptions of Sennacherib, King of Assyria (704–681 BC). Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns, 2012–2014. Pt. 1. 298 p.; Pt. 2. 434 p.
- RINAP. IV – *Leichty E.* The Royal Inscriptions of Esarhaddon, King of Assyria (680–669 BC). Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns, 2011. 389 p.
- RINAP. V/1 – *Novotny J., Jeffers J.* The Royal Inscriptions of Ashurbanipal (668–631 BC), Aššur-etel-ilāni (630–627 BC), and Sîn-šarra-iškun (626–612 BC), Kings of Assyria. Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns, 2018. Pt. 1. 483 p.
- RINBE. II – *Weiershäuser F., Novotny J.* The Royal Inscriptions of Amēl-Marduk (561–560 BC), Neriglissar (559–556 BC), and Nabonidus (555–539 BC), Kings of Babylon. University Park, Pennsylvania: Eisenbrauns, 2020. 295 p.
- Sallust. Iug. – *Саллюстий Гай Крисп.* Югуртинская война // *Саллюстий Гай Крисп.* Сочинения / Пер., ст. и комм. В.О. Горенштейна; отв. ред. Е.М. Штаерман. М.: Наука, 1981. С. 40–105.
- Suet. Nero. – *Светоний Транквилл Гай.* Нерон // *Светоний Транквилл Гай.* Жизнь двенадцати Цезарей / Пер. М.Л. Гаспарова. М.: Наука, 1993. С. 148–171.
- Tac. Ann. – *Тацит Корнелий.* Анналы // *Тацит Корнелий.* Сочинения в двух томах. Т. 1: Анналы. Малые произведения / Изд. подг. А.С. Бобович, Я.М. Боровский, М.Е. Сергеенко. Л.: Наука, 1969. С. 7–326.
- Theog. – *Феогнид.* Элегии // *Доватур А.И.* Феогнид и его время. Л.: Наука, 1989. С. 147–181 (Прил. 1. Феогнидов сборник / Пер. А.К. Гаврилова); The Elegiac Poems of Theognis // *Elegy and Iambus*, 2 Vols. / English Translation by. J.M. Edmonds. Cambridge, MA.: Harvard Univ. Press; London: William Heinemann Ltd., 1931. V. 1. P. 216–401.

Литература

1. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Рус. язык, 1999. Т. 1. 624 с.
2. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Рус. язык, 1999. Т. 2. 560 с.
3. *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. М.: Рус. язык, 1976. 1096 с.
4. *Oppenheim L.A., Reiner E.* (Eds.). The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago, 21 Vols. Chicago, IL: Orient. Inst., 1964. V. 1 (A), Pt. 1. 428 p.
5. *Reiner E., Biggs R.* (Eds.). The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago, 21 Vols. Chicago, IL: Orient. Inst., 1980. V. 11 (N), Pt. 2. 380 p.
6. *Botterweck G.J. Ringgren H., Fabry H.-J.* Theological Dictionary of the Old Testament, 17 Vols. / Transl. by D.E. Green. Michigan; Cambridge, UK: William B. Eerdmans Publ. Co.; Grand Rapids, 2015. V. 11. 639 p.
7. *Pongratz-Leisten B.* The interplay of military strategy and cultic practice in Assyrian politics // Assyria 1995: Proc. 10th Anniv. Symp. of the Neo-Assyrian Text Corpus Project, Helsinki, September 7–11, 1995 / Ed. by S. Parpola and R.M. Whiting. Helsinki: Neo-Assyrian Text Corpus Project, 1997. P. 245–252.
8. *Holloway S.W.* Aššur is King! Aššur is King! Religion in the Exercise of Power in the Neo-Assyrian Empire. Leiden, Boston, Köln: Brill, 2002. 628 p.
9. *Ладынин И.А.* Реминисценции царствования Сенусерта I в сведениях Гекатея Абдерского и Диодора Сицилийского о царе Сесоосисе // Аегуптиака Rossica (выпуск 3): сб. ст. / Под ред М.А. Чагодаева, Н.В. Лаврентьевой. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2015. С. 136–156.
10. *Postgate J.N.* The land of Assur and the yoke of Assur // World Archaeol. 1992. V. 23, No 3: Archaeology of empires. P. 247–263.
11. *Liverani M.* Thoughts on the Assyrian Empire and Assyrian kingship // A Companion to Assyria / Ed. by E. Frahm. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2017. P. 534–546.
12. *Дворецкий И.Х.* Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. Т. 1. 1043 с.
13. *Missiou A.* ΔΟΥΛΟΣ ΤΟΥ ΒΑΣΙΛΕΩΣ: The politics of translation // Classical Q. 1993. V. 43, No 3. P. 377–391.
14. *Bridges E.* Imagining Xerxes. Ancient Perspectives on a Persian King. London–New Delhi–N.Y.–Sidney: Bloomsbury, 2014. 246 p.
15. *Anderson M.* The imagery of the Persians // Greece Rome. 1972. V. 19, No 2. P. 166–174.
16. *Dan A.* Grecs et Perses sur les Détroits: le démon enchaîné et la démesure du Grand Roi // Ancient West East. 2015. V. 14, No 1. P. 191–235.
17. *Рунг Э.В.* Греко-персидские войны в поэтической традиции греков: От Симонида Кеосского до Эхсила // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2007. Вып. 4. С. 149–155.
18. *Поникаровская М.В.* Греко-персидские войны в изображении Эхсила // Вестн. СПбГУ. Сер. 2. 2012. Вып. 3. С. 123–129.
19. *Кащеев В.И.* Лозунг освобождения греков в межгосударственных отношениях Восточного Средиземноморья (III – II вв. до н. э.) // Античный мир и археология. 1990. Вып. 7. С. 41–50.
20. *Lil van A.* The pass under the yoke: Denoting the defeated in ancient Italic ritual practice // Kleos. 2020. No. 3. P. 42–63.

Рунг Эдуард Валерьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Древнего мира; профессор кафедры всеобщей и публичной истории

Российский государственный гуманитарный университет

Миусская площадь, д. 6., г. Москва, 125047, Россия

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия

E-mail: eduard_rung@mail.ru

Венидиктова Елена Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и публичной истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия

E-mail: e_venidiktova@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2023, vol. 165, no. 4-5, pp. 54–65

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.54-65

**The Yoke as a Metaphor in the Ancient World:
From Symbolizing Imperial Domination to Signifying Subjugation**

E.V. Rung^{a,b}, E.A. Venidiktova^{b***}*

^aRussian State University for the Humanities, Moscow, 125047 Russia

^bKazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: *^{*}eduard_rung@mail.ru, ^{**}e_venidiktova@mail.ru*

Received August 1, 2023; Accepted October 1, 2023

Abstract

This article explores the perception of the yoke as a symbol of domination and subordination in texts from Ancient Mesopotamia and the Middle East, as well as from ancient Greek and Roman writings. The metaphor of the yoke is analyzed from the perspective of both the conquerors and subjugated. In the texts of the Assyrian kings, conquest is perceived as the imposition of a yoke, while the fight for independence is portrayed as liberation from it. The Greeks adopted the concept of the yoke from the East, which explains why it was often used to describe the Greco-Persian conflict in the ancient Greek tradition. In many cases, the yoke was not only a metaphor for subordination but also had a military-political meaning. For example, the Assyrians harnessed captives to the royal chariot, while the Romans drove away captive enemies “under the yoke”, which was a structure consisting of two spears or pillars stuck into the ground with a third spear or pillar as a crossbar.

Keywords: yoke, collar, domination, submission, empire

Acknowledgements. E.V. Rung’s study was supported by the Russian Science Foundation (project no. 20-18-00374-P performed at Lobachevsky University).

References

1. Chernykh P.Ya. *Istorko-etimologicheskii slovar’ sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Vol. 1. Moscow, Russ. Yazyk, 1999. 624 p. (In Russian)
2. Chernykh P.Ya. *Istorko-etimologicheskii slovar’ sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Vol. 2. Moscow, Russ. Yazyk, 1999. 560 p. (In Russian)

3. Dvoretiskii I.Kh. *Latinsko-russkii slovar'* [Latin-Russian Dictionary]. Moscow, Russ. Yazyk, 1976. 1096 p. (In Russian)
4. Oppenheim L.A., Reiner E. (Eds.). *The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*. Vol. 1(A), Pt. 1. Chicago, IL, Orient. Inst., 1964. 428 p.
5. Reiner E., Biggs R. (Eds.). *The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*. Vol. 11(N), Pt. 2. Chicago, IL, Orient. Inst., 1980. 380 p.
6. Botterweck G.J. Ringgren H., Fabry H.-J. *Theological Dictionary of the Old Testament*. Vol. 11. Michigan, IN, Cambridge, UK, William B. Eerdmans Publ. Co., Grand Rapids, 2015. 639 p.
7. Pongratz-Leisten B. The interplay of military strategy and cultic practice in Assyrian politics. In: *Assyria 1995: Proc. 10th Anniv. Symp. of the Neo-Assyrian Text Corpus Project, Helsinki, September 7–11, 1995*. Parpola S., Whiting R.M. (Eds.). Helsinki, Neo-Assyrian Text Corpus Project, 1997. pp. 245–252.
8. Holloway S.W. *Aššur is King! Aššur is King! Religion in the Exercise of Power in the Neo-Assyrian Empire*. Leiden, Boston, Köln, Brill, 2002. 628 p.
9. Ladynin I.A. Reminiscences of the reign of Senwosret I in the works of Hecataeus of Abdera and Diodorus Siculus about the King Sesosis. In: M.A. Chagodaev, N.V. Lavrent'eva (Eds.) *Aegyptiaca Rossica: sb. st.* [Aegyptiaca Rossica: A Collection of Articles]. Moscow, Russ. Fond Sodeistviyu Obraz. Nauke, 2015. pp. 136–156. (In Russian)
10. Postgate J.N. The land of Assur and the yoke of Assur. *World Archaeology*, 1992, vol. 23, no. 3: Archaeology of empires, pp. 247–263.
11. Liverani M. Thoughts on the Assyrian Empire and Assyrian kingship. In: Frahm E. (Ed.) *A Companion to Assyria*. Hoboken, NJ, John Wiley & Sons, 2017. pp. 534–546.
12. Dvoretiskii I.Kh. *Drevnegrechesko-russkii slovar'* [Ancient Greek-Russian Dictionary]. Vol. 1. Moscow, Gos. Izd. Inostr. Natl. Slovari, 1958. 1043 p. (In Russian)
13. Missiou A. ΔΟΥΛΟΣ ΤΟΥ ΒΑΣΙΛΕΩΣ: The politics of translation. *Classical Quarterly*, 1993, vol. 43, no. 3, pp. 377–391.
14. Bridges E. *Imagining Xerxes. Ancient Perspectives on a Persian King*. London, New Delhi, New York, Sidney, Bloomsbury, 2014. 246 p.
15. Anderson M. The imagery of the Persians. *Greece & Rome*, 1972, vol. 19, no. 2, pp. 166–174.
16. Dan A. Grecs et Perses sur les Détroits: le démon enchaîné et la démesure du Grand Roi. *Ancient West and East*, 2015, vol. 14, no. 1, pp. 191–235. (In French)
17. Rung E.V. The Greco-Persian Wars in the Greek poetic tradition: From Simonides of Ceos to Aeschylus. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo Universiteta. Seriya 2*, 2007, no. 4, pp. 149–155. (In Russian)
18. Ponikarovskaya M.V. The retelling of the Greco-Persian Wars by Aeschylus. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo Universiteta. Seriya 2*, 2012, no. 3, pp. 123–129. (In Russian)
19. Kashcheev V.I. The liberation slogan of the Greeks in the Eastern Mediterranean interstate relations (3rd–2nd centuries B.C.). *Antichnyi Mir i Arkheologiya*, 1990, no. 7, pp. 41–50. (In Russian)
20. Lil van A. The pass under the yoke: Denoting the defeated in ancient Italic ritual practice. *Kleos*, 2020, no. 3, pp. 42–63.

Для цитирования: Рунг Э.В., Вендиктова Е.А. Метафора ярма в Древнем мире: от символа имперского господства до символа подчинения // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2023. Т. 165, кн. 4–5. С. 54–65. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.4-5.54-65>.

For citation: Rung E.V., Venidiktova E.A. The yoke as a metaphor in the ancient world: From symbolizing imperial domination to signifying subjugation. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 4–5, pp. 54–65. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.4-5.54-65> (In Russian)

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(38)

doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.66-78

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПЕЛАСГАХ В АРХАИЧЕСКУЮ И КЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХИ

О.А. Сурин

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

На основании древнегреческого эпоса, трагедии и лирики изучено отношение греков к пеласгам в архаический и классический периоды, определена роль, которую отводили пеласгам эллинские авторы. Также реконструирована эволюция древнегреческих представлений о пеласгах по данным литературных источников в архаическую и классическую эпохи, для чего было проанализировано использование этнонима пеласгов в древнегреческой культуре, рассмотрено упоминание пеласгов в эпосе и определен их образ в трагедии и лирике. Был использован метод сравнительного анализа: сведения о пеласгах в эпосе, трагедии и лирике сопоставлялись друг с другом, благодаря чему удалось выявить особенности изображения пеласгов в разных видах источников. Выдвинуты гипотезы о причинах существования различных образов пеласгов в источниках. Выявлено отсутствие влияния гомеровского видения пеласгов на последующие литературные произведения. Сформулированные в ходе исследования выводы обладают научной новизной для историографии и подводят к решению многолетних историографических споров в исследованиях пеласгов.

Ключевые слова: пеласги, историческая память, исторические представления, этиологические мифы, эпос, трагедия

В конце бронзового и начале железного века в Средиземноморье происходили исторические процессы, которые могли отразиться в памяти населения Эгеиды и запечатлеться в его мифах, легендах и эпосе. Вследствие забвения письменности на большей части территории бывшего ахейского мира, за исключением Кипра [1, с. 30–31], население региона не имело аутентичных и понятных ему записанных сведений о случившихся в прошлом событиях. В устной среде, при отсутствии записанных свидетельств, нарратив о прошлом изменяется, воспоминания о событиях былых времен перемешиваются, обрастая вымыслами.

Одним из нарративов о прошлом в древнегреческой культуре, отсылающим в том числе к событиям бронзового века, были легенды, связанные с пеласгами. В научной литературе отсутствуют комплексные работы, посвященные этому древнему народу. В историографии пеласгов до сих пор существуют нерешенные проблемы. Одна из них – это характер трансформации тех представлений, которые имелись у древних греков о пеласгах. При этом необходимо учитывать то, что греки и пеласги продолжали жить бок о бок даже в классическую эпоху. Изучению взглядов эллинов на соседний народ и посвящена данная статья.

Цель исследования – реконструировать эволюцию представлений греков о пеласгах по данным литературной традиции (эпос, трагедия, лирика) в архаическую и классическую эпохи.

Сосредоточенность именно на подобных источниках объясняется несколькими обстоятельствами. Греческое историописание, зародившееся в классическую эпоху, представляет собой особую группу источников, и сведения о пеласгах в нем требуют отдельного рассмотрения. Стоит признать, что деление на мифологическую традицию и условно рациональную, историческую не всегда является методологически верным решением. Историописание греков опиралось на сюжеты мифов и легенд, взятых из эпоса, трагедии и лирики. Трагики же могли испытывать влияние историописания при создании своих произведений. Но в контексте проблемы представлений о пеласгах необходимо учитывать, что греческое историописание содержит сведения, которые отсутствуют в других литературных источниках. Отдельного рассмотрения требуют и данные эпиграфики. Записанный гомеровский эпос является наиболее ранним известным нам греческим письменным источником, в котором упоминаются пеласги. Греческая драма и лирика испытали значительное влияние сюжетов эпоса, а в ряде трагедий в нарративе присутствуют пеласги.

Этноним пеласгов

В «Гомеровской энциклопедии» (2011) в статьях Р.Л. Фаулера говорится о пеласгах как о догреческом народе, который в эллинской репрезентации был самым значимым из догреческих племен [2], наиболее часто ассоциируемым греками с их собственным этногенезом [3]. Там же речь идет и о том, что обозначение греками какого-либо конкретного народа (или народов) под именем пеласгов не достоверно, ибо мифы о них многовариантны и противоречивы. В конечном итоге Р.Д. Фаулер сравнивает представления эллинов о пеласгах с их же представлениями об амазонках [2]. Но данная современная трактовка вопроса о том, кого именно греки называли пеласгами, вызывает скепсис, ибо известно, что обозначенным этнонимом они называли народ, все еще существовавший в классическую эпоху (Hdt. I. 57; Thuc. I. 3. 2).

Истоки появления этнонима пеласгов исследователи ищут во II тыс. до н. э. В работах, посвященных концу бронзового века в Средиземноморье, пеласгов признают одним из «народов моря», известным из египетских источников как «пелесет» [4, с. 100–103], отождествляемых с библейскими филистимлянами и названием Палестины [5, с. 707]. Помимо этого, пеласгов считают возможными предками этрусков [6, с. 16–30]. Существуют гипотезы, бывшие особенно популярными в первой половине и середине XX в., что язык пеласгов оказал значимое влияние на становление греческого языка, войдя в состав так называемого догреческого субстрата [7, с. 20–25]. Имеются различные реконструкции происхождения этнонима пеласгов как пришедшего в греческий из других языков и получившего в греческом и латинском сильно отличающееся произношение и написание [8].

Открытым остается вопрос о значении этнонима пеласгов. Использовался ли он в разные века применительно к одной и той же этнической группе, или греки могли называть пеласгами различные народы, жившие в разные эпохи? В данном контексте следует учитывать, что в античных источниках существуют

противоречивые сведения о родстве пеласгов с другими негреческими и греческими племенами. А.И. Немировский заметил, что древние авторы могли вкладывать в одни и те же названия разные по широте значения [6, с. 21], что встречается у Софокла (Soph. Fr. 270). Пеласгов могли считать частью тирренов (Thuc. IV. 109). Или, наоборот, тирренов называли потомками пеласгов (Dion. Hal. 23; 28). В источниках этнонимы тирренов и пеласгов могли путать друг с другом [9, с. 166].

У. Виламовиц-Мёллендорф вовсе считал этноним пеласгов условным термином, соотносимым с понятием «варвары» [10, S. 144]. Это несколько схоже с выводами А.А. Немировского и А.В. Сафронова о понимании у народов Передней Азии под именем «пелесет»/филистимлян общности, сложившейся из разноэтничной массы «народов моря» [5, с. 707]. Но это не доказывает, что в греческой среде имя пеласгов обозначало общее понятие по отношению к негреческим племенам (даже если допустить, что пеласги – группа народов/племен [11, с. 30]). А.А. Молчанов показал, что в текстах линейного письма В и в гомеровском эпосе нет понятия βάρβαρος из-за особенностей микенских источников [12, с. 32]. Отсутствуют доказательства, согласно которым можно считать название πελασγοί равным по смыслу с βάρβαροι в микенский период и более поздние эпохи. Пеласги являются таким же народом, как и другие упоминаемые в греческих текстах племена, а именно: этеокритяне, которых Гомер называет вместе с пеласгами при перечислении населения Крита (Hom. Od. XIX. 175–178); карийцы, по отношению к которым в той же «Илиаде» используется эпитет βαρβαρόφωνος (Hom. Il. II. 867), то есть «варвароголосые», «говорящие непонятно» [13]. Но ни карийцы, ни этеокритяне, ни другие племена никак не могут называться пеласгами и не связываются с ними. Пеласги – составная часть войска троянцев и их союзников (Hom. Il. II. 840–843), а не обозначение негреческих племен. Более того, в доступных нам источниках нет указаний на то, что пеласги говорили на разных языках. Геродот замечает, что их язык не похож на другие, находящиеся рядом с ним языки (Hdt. I. 57–58). В любом случае вопрос о тождественности тех, кого именовали пеласгами в дописьменный период и в позднейшие эпохи, до сих пор остается открытым.

Пеласги в гомеровском эпосе

А.В. Сафронов считает, что традиция о пеласагах в древнегреческой среде сложилась до VIII в. до н. э. [14, с. 43]. В дописьменную эпоху народный эпос, в котором указанная традиция существовала, хотя и был условно устойчив, но, как показали исследования А.Б. Лорда, мог постепенно меняться с каждым новым певцом и поколением сказителей [15, с. 15]. Сама историческая память представляла собой не единое целое, греческая география и ареал обитания способствовали автономности населения и быстрому развитию различных сюжетов, в том числе и о пеласагах.

Отсюда следует тезис, что единая традиция о пеласагах в греческой исторической памяти отсутствовала, но вместо нее было несколько, а скорее всего, множество различных преданий. Для проверки этого тезиса необходимо сравнить сведения о пеласагах, с одной стороны, в эпосе, а с другой – в трагедии и лирике.

Гомеровский эпос содержит следующие упоминания о пеласагах. Их предводителем в «Илиаде» был Гиппофой из Ларисы (Hom. Il. II. 840–843; X. 429; XVII.

279–318). Он и его войско являлись союзниками троянцев. Помимо самих пеласгов, в «Илиаде» упоминаются два связанных с ними прилагательных. Первое – Пеласгический Аргос (Πελασγικὸν Ἄργος), обозначающий территорию в Фессалии (Ном. II. II. 681). Именно отсюда приводит свое войско Ахилл. Примечательно, что в Пеласгическом Аргосе находится другой город Лариса, не связанный с тем, из которого пришли пеласги Гиппофоя. Второе «пеласгическое» прилагательное – название культа Зевса в Додоне (Ζεῦ ἄνα Δωδωναίῃ Πελασγικέ), которому молится Ахилл (Ном. II. XVI. 223). В другой гомеровской поэме, «Одиссее», пеласги упоминаются уже как один из народов, населяющих Крит, совместно с ахейцами, киконами, этеокритянами и дорийцами (Ном. Od. XIX. 175–178). В гомеровском эпосе существует также эпитет, встречающийся дважды в «Илиаде» и «Одиссее», – «божественные пеласги» (δῖοί τε Πελασγοί).

Местонахождение Ларисы, откуда прибыл Гиппофой, – дискуссионный вопрос в историографии [16, с. 82–85]. Еще Страбон утверждал, что Лариса находилась не в Трое, а южнее нее (Str. 620). Дж. Манро указывает местонахождение Ларисы в Европе, приводя в доказательство перечисление союзников Приама: пеласги идут перед фракийцами (Ном. II. II. 840–847). Дж. Манро называет Ларису в Месембрии Ларисой из «Илиады» [17, р. 110–112]. Ряд авторов, а среди них А.В. Сафронов и А.И. Немировский, считает, что Лариса располагалась где-то на северо-западе Малой Азии [14, с. 43; 6, с. 18]. Таким образом, имеется как минимум три версии локализации Ларисы. Установить ее местонахождение необходимо для того, чтобы понять область расселения пеласгов, согласно Гомеру. Вероятно, греческие представления о местонахождении Ларисы, откуда прибыл Гиппофой, менялись со временем. В контексте изменения ментальной географии в архаический период благодаря греческой торговле и колонизации перемена представлений о локализации Ларисы вполне возможна [18].

Если продолжить реконструкцию ареала обитания пеласгов в гомеровском эпосе, то, кроме Ларисы, в «Илиаде» и Крита в «Одиссее» местообитание пеласгов больше нигде не указывается. Но, как было отмечено, местонахождение Ларисы – дискуссионный вопрос.

Однако у Гомера есть эпитеты, связанные с пеласгами и привязанные к двум конкретным топонимам – области в Фессалии, где находится Пеласгический Аргос, и Додоне в Эпире с расположенным в ней центром почитания Зевса Пеласгического. Без сомнения, можно утверждать, что в Пеласгическом Аргосе пеласги во время Троянской войны не проживали, ибо, как указывается в «Каталоге кораблей», под предводительством Ахилла к Илиону прибыли мирмидоняне, называющиеся и эллинами, и ахейцами (Ном. II. II. 681–684), причем эллины здесь – население небольшой области в Фессалии, на что указывает Фукидид (Thuc. I. 3. 3). Ни о каких пеласгах, прибывших с Ахиллом, не упоминается, а мирмидонцы не ассоциировались с пеласгами [19], что является аргументом в пользу знания Гомера об их отсутствии в Пеласгическом Аргосе во время Троянской войны либо об их малочисленности и неподвластности Ахиллу. Относительно Додоны, если следовать только гомеровскому эпосу, – у нас нет никаких аргументов ни в пользу их проживания в Эпире, ни в пользу их отсутствия в нем во время Троянской войны. Великий аэд не посчитал нужным упомянуть об этом.

Реконструкция этнического расселения в гомеровском эпосе важна для понимания представлений греков ранней архаики о пеласгах и их местопребыва-

нии как в архаический период, так и ранее. Но эпос как источник имеет свои особенности в передаче сведений о прошлом и окружающем мире. Л.А. Гиндин и В.Л. Цымбурский со ссылками на других исследователей показали, что коллективная память, отраженная в «Илиаде» и «Одиссее», не передает конкретную историческую эпоху, а является набором напластований когда-то сформировавшихся и с течением времени менявшихся образов и представлений. Итогом этого является сосуществование в одном временном промежутке персонажей и народов из разных эпох в сюжете текста [9, с. 17–21]. Подобный феномен отметил и А.И. Немировский, указавший на отсутствие у Гомера цели описать этническую картину мира Троянской войны [6, с. 19]. Ю.В. Андреев же подчеркивал, что Гомер упоминает дорийцев и ионийцев лишь эпизодически, чтобы заведомо архаизировать текст, сделать его «отдаленным» во времени для слушателей [20, с. 44–45].

Следует не согласиться с Дж. Манро, указавшим, что, каким бы ни был процесс складывания гомеровских поэм, они передают сведения героической эпохи о пеласагах [17, р. 109]. Более достоверной является мысль о том, что сведения о пеласагах, содержащиеся в эпосе Гомера, – часть исторических представлений времени ее записи, а никак не более ранней эпохи. Как заметил А.Б. Лорд, эпическое сказание каждый раз складывается заново во время очередного воспроизведения на публику. Хотя оно относительно стабильно в целом, постепенно в нем происходят определенные изменения [15, с. 24–25].

Резюмируя анализ гомеровского эпоса относительно сведений о пеласагах, необходимо сказать следующее. В поэмах Гомера нет упоминаний о родстве греков и пеласгов. Пеласги и «пеласгические» прилагательные соотносятся с довольно обширной территорией: с Фессалией, Эпиром, Критом и неким городом Лариса, местонахождение которого трудно определить точно. Но проживают пеласги только в двух последних локациях. У Гомера пеласги нигде не упоминаются применительно к Аттике и Пелопоннесу, как это отражено в более поздних источниках. В тексте «Илиады» пеласги сражаются против данайцев и аргивян, а после Троянской войны проживают на одном острове с дорийцами – на Крите. Можно утверждать, что для авторов эпоса пеласги ничем не выделялись по сравнению с другими «присутствующими» в тексте народами, сведения о них ограничиваются немногими упоминаниями.

Пеласги в трагедии и лирике

Письменная фиксация текста «Илиады» и «Одиссеи» была произведена примерно в VIII – VII вв. до н. э., хотя есть суждения и о более ранней его записи [21, с. 30]. С точки зрения Я. Ассмана, само изобретение письменности и создание записанного нарратива влияет на характер исторической памяти, на то, какую роль она играет в обществе, как эволюционирует, организуется и т. д. [22, с. 100–103]. На основании этого можно предположить, что образ пеласгов в записанном эпосе, как в самом раннем крупном греческом литературном произведении, стал источником для формирования представлений о пеласагах в последующие эпохи. Чтобы проверить, существовала ли тесная связь между более поздними представлениями греков о пеласагах и гомеровским эпосом, необходимо проанализировать тексты трагедий и лирики, в которых упоминаются пеласги.

В своих произведениях на пеласгов ссылается Эсхил. В трагедии «Просительницы» Данаиды прибыли на родину своих предков в Аргос, где они встретились с местным правителем Пеласгом и называемым его именем народом пеласгов (Aesch. Supp. 252–253). Пеласг, согласно тексту трагедии, правит обширной территорией (Aesch. Supp. 250–270). Как говорит он сам, его отцом был Палехтон, форма имени которого (Παλαίχθωνος) указывает на возможные представления о рождении его из земли, что делает невозможным проследить его род далее (Aesch. Supp. 250–251). Пеласг удивляется, узнав о происхождении Данаид, говоря, что они похожи на ливиянок и носят одежды варваров, намекая таким образом на свое «эллинство» (Aesch. Supp. 278–290).

В греческой культуре, особенно в аттической, после греко-персидских войн резко выявилась дихотомия между «эллинским» и «варварским» [23, с. 524–525] и окончательно выстроилась модель общеэллинской идентичности [24, р. 44–45]. Варварские народы, такие как лидийцы [25] и троянцы [26], стали упоминаться в трудах и речах в негативном контексте. Но в «Просительницах» нет никакого негатива по отношению к пеласгам. Наоборот, в противопоставлении «эллинского» и «варварского» пеласги у Эсхила соотносятся с первым. Полисное устройство Аргоса в анализируемой пьесе и противопоставление между «варварскими» Данаидами и «эллинскими» пеласгами связаны не с тем, что греки в V до н. э. действительно считали пеласгов эллинами, а со стилистическими и сюжетными особенностями древнегреческой трагедии как жанра. В ней варвары и греки, а также «варварство» и «эллинство» в целом часто противопоставлялись друг другу, что играло значимую роль в сюжете, в построении образа персонажей, противоборствующих сторон [27, с. 42].

По всей видимости, сведения о пеласгах в «Просительницах» имеют мало общего с тем, что сообщает о них гомеровский эпос. Пеласги живут в Аргосе, причем не только в Фессалии (Пеласгический Аргос), но и на Пелопоннесе. Конечно, события, описанные в мифе о Данаидах, хронологически происходили раньше, чем события в мифах троянского цикла. Но в любом случае, никакая Лариса в «Просительницах» не упоминается, главный город пеласгов – Аргос.

Следует обратить внимание на персонификацию пеласгов у Эсхила, а именно – на Пеласга. Персонажей с таким именем в греческой культуре было несколько. Псевдо-Аполлодор, ссылаясь на Псевдо-Гесиода [28], пишет о том, что сам Пеласг был рожден землей (Apollod. Bibl. II. 1. 1; III. 8. 1; Hes. Fr. 160). И речь здесь идет о другом Пеласге – о правителе Аркадии, по имени которого, как цитируют Псевдо-Гесиода античные авторы, и был назван одноименный народ (Hes. Fr. 160–161). Пеласги, согласно тому же автору, владели обширной территорией, в том числе Додоной, как и пеласги у Эсхила (Hes. Fr. 319). Эсхилевский персонаж является либо выдумкой трагика, либо отображением локальных афинских представлений о пеласгах. Если следовать Э.Д. Бикерману, греки переносили свою концепцию историописания на другие народы, создавая для них эпонимы, которые входили в греческую генеалогическую картину мира [29]. Но, даже если Пеласг придуман Эсхилом, сам факт его хтонического происхождения коррелирует с представлениями афинян о рождении аттических басилеев из земли и идентичными представлениями у фиванцев [30, с. 183–185], а также с хтоническим происхождением

псевдо-гесиодовского Пеласга. Эсхилевский Пеласг не связан с афинской генеалогической традицией, но его образ мог быть вдохновлен представлениями об афинской автохтонии.

В анализируемой драме город пеласгов Лариса упоминается один раз. Софокл в не дошедшей до нас трагедии «Ларисейцы» называет ее матерью предков-пеласгидов (Soph. Fr. 374), но предположить, о ком именно здесь говорится, не представляется возможным. Из-за небольшого числа фрагментов этой трагедии более ничего по обсуждаемой теме утверждать нельзя.

Еще один поэт, Еврипид, в трагедии «Гераклиды» именуется пеласгами население Микен и Аргоса, подчиненных Еврисфею (Eur. Heracl. 309–318). Пеласгов он называет эллинами (Eur. Heracl. 130–131). В трагедии «Геракл» автор именуется Арголиду Пеласгией (Eur. HF. 460–466). Название пеласгов у Еврипида носят только жители Аргολиды, но никак не афиняне. Более того, пеласги и афиняне противопоставляются друг другу. То, что по одежде посланник Еврисфея Копрей называется эллином, а по поступкам оценивается как варвар, не обязательно связано с тем, что Еврипид считал пеласгов эллинами, что объясняется уже упомянутым противопоставлением эллинства и варварства в древнегреческой трагедии. Поэт не раз использовал данный прием сравнения и оценивания персонажей в других своих драмах, чтобы показать афинян или греков в целом в положительном свете [26].

Таким образом, Эсхил и Еврипид по-разному конструируют образ пеласгов в своих трагедиях. У Эсхила они выступают как «выразители» эллинского образа жизни, закона, обычая. Он противопоставляет их Данаидам и Эгиптиадам, которые, хотя и были потомками аргосского царя, но утратили свое «эллиństwo». Еврипид, наоборот, показывает пеласгов с негативной точки зрения. Пеласги у него являются синонимом аргивян, населения Пелопоннеса. Стоит учитывать, что аргивяне здесь – не жители города Аргоса, а древнее название жителей Пелопоннеса. Они вступают в противостояние с афинянами, изображаемыми верными законам и богам людьми. Это связано с тем, что Еврипид творил в эпоху Пелопоннесской войны, когда афиняне воевали против спартанцев и их союзников, значительную часть которых составляли жители Пелопоннеса. Скорее всего, Еврипид подобрал для обозначения противников афинян в трагедии этноним пеласгов потому, что возвращения Гераклидов по сюжету еще не произошло, а обозначить население Пелопоннеса было необходимо для создания их негативного образа.

В лирике пеласги упоминаются очень редко. Так, поэт Павсаний, живший, предположительно, в архаическую эпоху, называет Пеласга богоподобным, рожденным черной землей (γαῖα) (Paus. VIII. 1. 4). В одной из своих гипорхем Пиндар соотносит равнину Дотий в Фессалии с пеласгийскими конями (Pi. Fr. 107). Таким образом, прослеживаются сюжеты, связывавшие Пеласга с рождением его земель, а пеласгов – с Фессалией.

В результате проведенного анализа видно, что в эллинской трагедии, в частности у Эсхила и Еврипида, пеласги – в первую очередь население Аргоса и более северных территорий. Хотя они и могли называться эллинами, таковыми, по представлениям трагиков, они не являлись, ибо перенесение на пеласгов греческого образа жизни связано с особенностями трагедии и театрального состава

зания, противопоставлением эллинского и варварского. В самих трагедиях нет сведений о родстве между греками и пеласгами, что, вероятно, связано с выбранными сюжетами.

Заключение

Большая часть литературных текстов о пеласгах посвящена событиям до Троянской войны. Сведения о пеласгах, полученные в результате анализа эпоса, с одной стороны, и трагедии и лирики – с другой, никак не связаны друг с другом. У Гомера пеласги – союзники троянцев, враги аргивян, а в трагедии пеласги сами являются аргивянами, их связь с троянцами никак не обозначена. Город пеласгов Лариса в трагедии упоминается только у Софокла, у других трагиков он отсутствует. В тексте эпоса пеласги никак не связаны с греками. В трагедии же Эсхил и Еврипид именуют пеласгами население Пелопоннеса и других территорий, впоследствии ставшее греческим.

Эпос появился и развился значительно раньше трагедии. Более того, гомеровский эпос во многом складывался на основании ионийско-эолийских локальных мифов Малой Азии, хотя и под влиянием оформляющегося панэллинского троянского сюжета [31], а трагедии, в которых упоминаются пеласги, – аттического происхождения. На основании вышеизложенного можно предположить, что во времена складывания и записи «Илиады» и «Одиссеи» греческие представления о пеласгах были иными, чем в последующую эпоху, либо ионийцы и эолийцы, проживавшие в Малой Азии, не были носителями сведений о пеласгах, позднее отразившихся в аттической трагедии. Вероятнее всего, верными являются оба суждения, хотя второе представляется более достоверным.

События в вышеперечисленных трагедиях происходят до Троянской войны, в отличие от гомеровского эпоса, посвященного ей. Это также могло стать причиной различий между сведениями о пеласгах в эпосе, с одной стороны, и трагедии и лирике – с другой.

Реконструировать единый «панэллинский» взгляд на пеласгов на основании проанализированных источников не представляется возможным. Кроме того, нельзя представить ареал обитания пеласгов, согласно изученным данным. Указанные факты приводят к выводу о том, что существовало множество различных локальных представлений о пеласгах: как минимум одно из них связывало их с Атикой, другое – с ионийско-эолийской средой Малой Азии, вероятнее всего, с Троадой.

В древнегреческой культуре прослеживается эволюция образа пеласгов. В эпосе это всего лишь одно из племен, союзных троянцам, населяющее Ойкумену наравне с другими народами. В трагедии и лирике, появившихся много позже эпоса, пеласги или их этноним уже тесно связываются с греками как их народ-предшественник. Эволюция представлений о пеласгах происходит в общем ключе формирования панэллинской идентичности и образа варвара в греческой культуре, причем формирование идентичности греков вокруг гомеровского эпоса, которое выявил Г. Надь, на образ пеласгов никак не повлияло [31].

Источники

- Hdt. – *Геродот. История* / Пер. Ф.Г. Мищенко. М.: Академич. проект, 2016. 599 с.
- Thuc. – *Фукидид. История* / Пер. Ф.Г. Мищенко и С.А. Жебелёва. М.: Академич. проект, 2012. 557 с.
- Soph. – *Софокл. Драмы* / Пер. Ф.Ф. Зелинского, изд. подг. М.Л. Гаспаров и В.Н. Ярхо. М.: Наука, 1990. 605 с.
- Dion. Hal. – *Дионисий Галикарнасский. Римские древности: в 3 т.* / Пер. Н.Г. Майоровой, И.Л. Маяк, Л.Л. Кофанова, А.М. Сморгочкова, В.Н. Токмакова, А.Я. Тыжова, А.В. Щеголева. Отв. ред. И.Л. Маяк. М.: Рубежи XXI, 2005. Т. 1. 270 с.
- Hom. Od. – *Гомер. Одиссея* / Пер. В.А. Жуковского, изд. подг. В.Н. Ярхо. М.: Наука, 2000. 483 с.
- Hom. Il. – *Гомер. Илиада* / Пер. Н.И. Гнедича, изд. подг. А.И. Зайцев. Л.: Наука, 1990. 572 с.
- Str. – *Страбон. География* / Пер. Г.А. Стратановского под ред. О.О. Крюгера, общ. ред. С.Л. Утченко. М.: Ладомир, 1994. 944 с.
- Aesch. – *Эсхил. Трагедии* / Пер. Вяч. Иванова, изд. подг. Н.И. Балашов, Дим. Вяч. Иванов, М.Л. Гаспаров, Г.Ч. Гусейнов, Н.В. Котрелев, В.Н. Ярхо, отв. ред. Н.И. Балашов. М.: Наука, 1989. 592 с.
- Apollod. Bibl. – *Аполлодор. Мифологическая библиотека* / Пер., ст. и прим. В.Г. Боруховича, отв. ред. Я.М. Боровский. Л.: Наука, 1972. 216 с.
- Hes. – *Гесиод. Полное собрание текстов* / Пер. В. Вересаева и О.П. Цыбенко, вступ. ст. В.Н. Ярхо, ком. О.П. Цыбенко и В.Н. Ярхо. Лабиринт, 2001. 256 с.
- Eur. Heracl. – *Еврипид. Гераклиды // Еврипид. Трагедии: в 2 т.* / Пер. Инн. Анненского, ст. М.Л. Гаспарова и В.Н. Ярхо, прим. В.Н. Ярхо, отв. ред. М.Л. Гаспаров. М.: Ладомир-Наука, 1999. Т. 1. С. 123–167.
- Eur. HF. – *Еврипид. Геракл // Еврипид. Трагедии: в 2 т.* / Пер. Инн. Анненского, ст. М.Л. Гаспарова и В.Н. Ярхо, прим. В.Н. Ярхо, отв. ред. М.Л. Гаспаров. М.: Ладомир-Наука, 1999. Т. 1. С. 385–446.
- Paus. – *Павсаний. Описание Эллады: в 2 т.* / Пер. С.П. Кондратьева под ред. Е.В. Никитюк, отв. ред. Э.Д. Фролов. СПб.: Алетейя, 1996. Т. 2. 562 с.
- Pi. – *Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты* / Изд. подг. М.Л. Гаспаров; отв. ред. Ф.А. Петровский. М.: Наука, 1980. 504 с.

Литература

1. Молчанов А.А. Таинственные письма первых европейцев. М.: Наука, 1980. 119 с.
2. Fowler R.L. Pelasgians // The Homer Encyclopedia, 3 Vols. / Ed. by M. Finkelberg. Chichester: Wiley, 2011. V. 2. P. 637.
3. Fowler R.L. Pelasgian Argos // The Homer Encyclopedia, 3 Vols. / Ed. by M. Finkelberg. Chichester: Wiley, 2011. V. 2. P. 636.
4. Сафронов А.В. Очерки по истории Восточного Средиземноморья в XIV – XII вв. до н. э. М.: ИВ РАН, 2018. 176 с.
5. Немировский А.А., Сафронов А.В. Кто погубил Хаттусу? // Индоевропейское языкознание и классическая филология. СПб.: ИЛИ РАН, 2015. № 19. С. 699–713.
6. Немировский А.И. Этруски. От мифа к истории. М.: Наука, 1983. 261 с.
7. Откупщиков Ю.В. Догреческий субстрат. У истоков европейской цивилизации. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. 263 с.

8. *Windekens A.J.* The name of the Pelasgians // *Names*. 1958. V. 6, No 3. P. 184–186. <https://doi.org/10.1179/nam.1958.6.3.184>.
9. *Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л.* Гомер и история Восточного Средиземноморья. М.: Восточ. литература, 1996. 328 с.
10. *Wilamowitz-Moellendorff U.* *Philologische Untersuchungen I*. Berlin: Weidmannsche Buchh., 1880. 358 S.
11. *Блаватская Т.В.* Греческое общество второго тысячелетия до новой эры и его культура. М.: Наука, 1976. 186 с.
12. *Молчанов А.А.* Отношение к варварам в общеахейской династической традиции // *Античная цивилизация и варвары* / Под ред. Л.П. Маринович. М.: Наука, 2006. С. 30–46.
13. *Shawn A.R.* Barbarophonos: Language and Panhellenism in the Iliad // *Classical Philol.* 2005. V. 100, No 4. P. 299–316.
14. *Сафронов А.В.* Можно ли использовать греческую эпическую традицию для реконструкции истории Восточного Средиземноморья в конце Позднебронзового века? // *Scripta Antiqua*. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. 2019. № 7. С. 43–61.
15. *Лорд А.Б.* Сказитель / Пер. с англ. и коммент. Ю.А. Клейнера и Г.А. Левитанова. Послесл. Б.Н. Путилова. Статьи А.И. Зайцева, Ю.А. Клейнера. М.: Восточ. литература, 1994. 368 с.
16. *Гиндин Л.А.* Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М.: Наука, 1967. 200 с.
17. *Munro J.A.R.* Pelasgians and Ionians // *J. Hellenic Stud.* 1934. V. 54, No 2. P. 109–128.
18. *Подосинов А.В.* Куда плавал Одиссей? О географических представлениях греков архаической эпохи. М.: Языки славян. культуры, 2015. 200 с.
19. *Брагинская Н.В.* Кто такие мирмидонцы? // *От мифа к литературе*. Сборник в честь семидесятилетия Е.М. Мелетинского. М.: РГГУ, 1993. С. 231–256.
20. *Андреев Ю.В.* Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции XI – VIII вв. до н. э. СПб: Нестор-История, 2004. 496 с.
21. *Фролов Э.Д.* Парадоксы истории – парадоксы античности. СПб.: Издат. дом СПбГУ, 2004. 420 с.
22. *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славян. культуры, 2004. 368 с.
23. *Суриков И.Е.* Роль категории полиса в формировании дихотомии «цивилизация – варварство» в античной Греции // *Античная Греция: Ментальность, религия, культура (Opuscula selecta I)*. М.: Языки славян. культуры, 2015. С. 509–525.
24. *Hall J.M.* *Ethnic Identity in Greek Antiquity*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997. 228 p.
25. *Соловьева А.С.* Восприятие греками лидийцев в архаическое и классическое время // *Scholae*. Философское антиковедение и классическая традиция. 2021. Т. 15, № 1. С. 179–190.
26. *Чепель Е.Ю.* «Греки, измыслившие варварские злодеяния»: образ варвара в «троянских» трагедиях Еврипида // *Вестн. РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение*. 2010. № 10. С. 198–211.
27. *Каллистов Д.П.* Античный театр. Л.: Искусство, 1970. 176 с.

28. *West M.L.* “The Hesiodic Catalogue of Women”. Its Nature, Structure and Origins. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1985. 194 p.
29. *Bickerman E.J.* *Origines gentium // Classical Philol.* 1952. V. 47, No 2. P. 65–81.
30. *Гущин В.Р.* Образ прошлого как политический миф: афинская автохтония (V – IV вв. до н. э.) // *Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция.* 2019. Т. 13, № 1. С. 180–197.
31. *Надь Г.* *Греческая мифология и поэтика / Пер. с англ. Н.П. Гринцера.* М.: Прогресс-Традиция, 2002. 432 с.

Поступила в редакцию 10.08.2023

Принята к публикации 10.10.2023

Сури́н Олег Александрович, ассистент кафедры всеобщей и публичной истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: surinoleg02.10.97@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2023, vol. 165, no. 4-5, pp. 66–78

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.66-78

Ancient Greek Ideas about the Pelasgians in the Archaic and Classical Periods

O.A. Surin

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: surinoleg02.10.97@mail.ru

Received August 10, 2023; Accepted October 10, 2023

Abstract

This article uses ancient Greek epic poetry, tragedy, and lyrics to describe how the Greeks treated the Pelasgians in the Archaic and Classical periods and provides a glimpse into the role assigned to them by the Hellenic authors. The evolution of the ancient Greeks' ideas about the Pelasgians in the Archaic and Classical periods is traced. The place of the ethnonym of the Pelasgians in ancient Greek culture is outlined. The references to the Pelasgians in epic literature are examined. The image of the Pelasgians in tragedy and lyrics is reconstructed. The method of comparative analysis was employed: a thorough review of epic poetry, tragedy, and lyrics allowed for a comparison of the specifics of how the Pelasgians were portrayed. Hypotheses are proposed for the differences in the portrayal of the Pelasgians. Homer's influence on subsequent works is not evident. The study's findings provide new perspectives on historiography and resolve the longstanding disputes surrounding the study of the Pelasgians.

Keywords: Pelasgians, historical memory, historical perceptions, etiological myths, epic poetry, tragedy

References

1. Molchanov A.A. *Tainstvennye pis'mena pervykh evropeitsev* [Mysterious Scripts of the First Europeans]. Moscow, Nauka, 1980. 119 p. (In Russian)
2. Fowler R.L. Pelasgians. In: Finkelberg M. (Ed.) *The Homer Encyclopedia*. Vol. 2. Chichester, Wiley, 2011, p. 637.

3. Fowler R.L. Pelasgian Argos. In: Finkelberg M. (Ed.) *The Homer Encyclopedia*. Vol. 2. Chichester, Wiley, 2011, p. 636.
4. Safronov A.V. *Ocherki po istorii Vostochnogo Sredizemnomor'ya v XIV – XII vv. do n.e.* [Essays on the History of the Eastern Mediterranean between the 14th and 12th Centuries B.C.]. Moscow, IV Ross. Akad. Nauk, 2018. 176 p. (In Russian)
5. Nemirovskii A.A., Safronov A.V. Who destroyed Hattusa? In: *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European Linguistics and Classical Philology]. St. Petersburg, ILLI Ross. Akad. Nauk, 2015, no. 19, pp. 699–713. (In Russian)
6. Nemirovskii A.I. *Etruski. Ot mifa k istorii* [Etruscans: From Myth to History]. Moscow, Nauka, 1983. 261 p. (In Russian)
7. Otkupshchikov Yu.V. *Dogrecheskii substrat. U istokov evropeiskoi tsivilizatsii* [Pre-Greek Substrate. Tracing the Roots of European Civilization]. Leningrad, Izd. Leningr. Gos. Univ., 1988. 263 p. (In Russian)
8. Windekens A.J. The name of the Pelasgians. *Names*, vol. 6, no. 3, pp. 184–186. <https://doi.org/10.1179/nam.1958.6.3.184>.
9. Gindin L.A., Tsymburskii V.L. *Gomer i istoriya Vostochnogo Sredizemnomor'ya* [Homer and the History of the Eastern Mediterranean]. Moscow, Vost. Lit., 1996. 328 p. (In Russian)
10. Wilamowitz-Moellendorff U. *Philologische Untersuchungen I*. Berlin, Weidmannsche Buchh., 1880. 358 S. (In German)
11. Blavatskaya T.V. *Grecheskoe obshchestvo vtorogo tysyacheletiya do novoi ery i ego kul'tura* [Greek Society and Culture of the Second Millennium B.C.]. Moscow, Nauka, 1976. 186 p. (In Russian)
12. Molchanov A.A. Perceptions of barbarians in the Achaean dynastic tradition. In: Marinovich L.P. (Ed.) *Antichnaya tsivilizatsiya i varvary* [Ancient Civilization and Barbarians]. Moscow, Nauka, 2006, pp. 30–46. (In Russian)
13. Shawn A.R. Barbarophonos: Language and Panhellenism in the Iliad. *Classical Philology*, 2005, vol. 100, no. 4, pp. 299–316.
14. Safronov A.V. Is it possible to use the Greek epic tradition to reconstruct the history of the Eastern Mediterranean at the end of the Late Bronze Age? *Scripta Antiqua*, 2019, vol. 7, pp. 43–61. (In Russian)
15. Lord A.B. *Skazitel'* [The Singer of Tales]. Moscow, Vost. Lit., 1994. 368 p. (In Russian)
16. Gindin L.A. *Yazyk drevneishego naseleniya yuga Balkanskogo poluoostrova* [The Language Spoken by the Ancient Population of the Southern Balkan Peninsula]. Moscow, Nauka, 1967. 200 p. (In Russian)
17. Munro J.A.R. Pelasgians and Ionians. *Journal of Hellenic Studies*, 1934, vol. 54, no. 2, pp. 109–128.
18. Podosinov A.V. *Kuda plaval Odissei? O geograficheskikh predstavleniyakh grekov arkhaiskoi epokhi* [Where Did Odysseus Sail? About Geographical Ideas of the Greeks of the Archaic Period]. Moscow, Yazyki Slavyan. Kul't., 2015. 200 p. (In Russian)
19. Braginskaya N.V. Who are the Myrmidons? In: *Ot mifa k literature. Sbornik v chest' semidesyatiyatiletiya E.M. Meletinskogo* [From Myth to Literature. A Collection of Articles in Honor of the 75th Anniversary of the Birthday of E.M. Melitinsky]. Moscow, Izd. RGGU, 1993, pp. 231–256. (In Russian)
20. Andreev Yu.V. *Gomerovskoe obshchestvo Osnovnye tendentsii sotsial'no-ekonomicheskogo i politicheskogo razvitiya Gretsii XI–VIII vv. do n.e.* [The Homeric Society. The Main Trends in the Socio-Economic and Political Development of Greece between the 11th and 8th Centuries B.C.]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2004. 496 p. (In Russian)
21. Frolov E.D. *Paradoksy istorii – paradoksy antichnosti* [Paradoxes of History – Paradoxes of Antiquity]. St. Petersburg, Izd. Dom SPbGU, 2004. 420 p. (In Russian)
22. Assmann J. *Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination]. Moscow, Yazyki Slavyan. Kul't., 2004. 368 p. (In Russian)
23. Surikov I.E. The role of the category of polis in shaping the “civilization–barbarism” dichotomy in Ancient Greece. In: *Antichnaya Gretsia: Mental'nost', religiya, kul'tura (Opuscula selecta I)* [An-

- cient Greece: Mindset, Religion, and Culture (Opuscula selecta I)]. Moscow, Yazyki Slavyan. Kul't., 2015, pp. 509–525. (In Russian)
24. Hall J.M. *Ethnic Identity in Greek Antiquity*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1997. 228 p.
 25. Solov'eva A.S. Greek perception of the Lydians in the Archaic and Classical periods. *Scholae*, 2021, vol. 15, no. 1, pp. 179–190. (In Russian)
 26. Chepel' E.Yu. "The Greeks who invented barbaric evil deeds": The image of a barbarian in the "Trojan" tragedies of Euripides. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*, 2010, no. 10, pp. 198–211. (In Russian)
 27. Kallistov D.P. *Antichnyi teatr* [Antique Theater]. Leningrad, Iskusstvo, 1970. 176 p. (In Russian)
 28. West M.L. "The Hesiodic Catalogue of Women". *Its Nature, Structure and Origins*. New York, Oxford Univ. Press, 1985. 194 p.
 29. Bickerman E.J. Origines gentium. *Classical Philology*, 1952, vol. 47, no. 2, pp. 65–81.
 30. Gushchin V.R. The image of the past as a political myth: Athenian autochthony (in the 5th–4th centuries B.C.). *Scholae*, 2019, vol. 13, no. 1, pp. 180–197. (In Russian)
 31. Nady G. *Grecheskaya mifologiya i poetika* [Greek Mythology and Poetics]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2002. 432 p. (In Russian)
-

⟨ **Для цитирования:** *Сурин О.А.* Древнегреческие представления о пеласгах в архаическую и классическую эпохи // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2023. Т. 165, кн. 4–5. С. 66–78. <https://doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.66-78>. ⟩

⟨ **For citation:** *Surin O.A.* Ancient Greek ideas about the Pelasgians in the Archaic and Classical periods. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 4–5, pp. 66–78. <https://doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.66-78>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(37).07

doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.79-91

РИМСКИЕ ЦЕНТУРИОНЫ КАК АГЕНТЫ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ: ДЕЛЕГИРОВАННЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ И СУДЕБНЫЕ ФУНКЦИИ

Е.С. Иванова

*Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, 603005, Россия*

Аннотация

В статье рассмотрены судебные и административные полномочия центурионов с целью показать их роль в провинциальном управлении Римской империи. В историографии отмечалось, что в Риме как в «государстве без бюрократии» армия занимала особое место в управлении провинциями. Канцелярии наместников состояли из военных с центурионами первых когорт во главе. Несмотря на руководящее положение центурионов в провинциальной администрации, их управленческие функции редко попадают в фокус внимания историков и изучены недостаточно. Современные исследователи представляют судебную власть этих офицеров либо как нежелательное для центрального руководства явление из-за возможного злоупотребления властью со стороны военнослужащих, либо как исключительную практику в силу отсутствия необходимости в ней в романизированных и урбанизированных районах империи. Для уточнения характера судебной власти центурионов в статье на основе сведений из эпиграфических источников и папирусов исследованы основные аспекты судебной и административной деятельности центурионов, включая их обязанности, делегированные носителями римского империя, и особенности участия упомянутых офицеров в работе муниципальных органов власти. Сделан вывод о том, что дополнительные управленческие полномочия центурионов были явлением довольно распространенным и во многих случаях обладали легитимным статусом, не противоречили римскому праву и происходили из традиционных римских практик.

Ключевые слова: империализм, Римская империя, «государство без бюрократии», провинциальное управление, римская армия, центурионы

В «Римской истории» Диона Кассия самыми выдающимися людьми эпохи первых Антонинов названы два бывших центуриона – Квинт Флавий Лонгин Марций Турбон и Сервий Сульпиций Симилис (Dio Cass. LXIX. 18), оба дослужившиеся до должности префекта претория. В этом пассаже интересен как авторский выбор героев, так и их карьерный рост. Примечательно, что Дион Кассий восхваляет их не за ратные подвиги, а за нравственность и трудолюбие, проявленные в судебной деятельности в случае с Турбоном. Упоминание должностных функций, не относящихся напрямую к военному делу, и сведений о частной жизни (отъезд Симилиса в деревню) нетипично для описаний античными авторами биографий солдат и офицеров. Редкость подобных деталей удивительна в связи

с тем фактом, что армия играла большую роль в разных сферах жизни римского общества, включая управление и суд. В «государстве без бюрократии» [1, р. 35], как часто называют в историографии Римскую империю, военнотружущие заменяли гражданских чиновников и участвовали в работе канцелярий наместников провинций. Особое место в провинциальном управлении занимали центурионы, руководившие штатом наместника. Несмотря на их высокое положение в административной иерархии, деятельность центурионов как управленцев редко являлась объектом научного исследования и гражданские функции этих офицеров изучены недостаточно [2].

В историографии отмечалось, что именно центурионы I когорты руководили канцеляриями наместников провинций, занимая должность *princeps praetorii* [3, р. 326]. Также благодаря работам Б. Добсона и Ч. Манклоу в научный оборот введен обширный эпиграфический материал со сведениями о занятии центурионами должностей, связанных с управлением городом [3, р. 299–308; 4, р. 107–151]. Однако наибольший интерес у исследователей вызвали адресованные им египетские петиции. На данный момент известно около 50 петиций, в которых «маленькие люди» римского Египта излагают центуриону суть правонарушений, с которыми им пришлось столкнуться, и просят справедливости [5, р. 88–90; 6, р. 86–87]. Мнения ученых о роли центурионов в петиционных делах расходятся. Так, Р. Дэвис и Р. МакМаллен считают, что петиции свидетельствуют лишь об их полицейской и розыскной деятельности [7, р. 175–186; 8, р. 49–76]. По мнению Б. Кэмпбелла, при расследовании незначительных дел центурионы исполняли и судебные функции, но их судебные решения были лишены легитимности и исполнялись провинциалами только из страха перед военной силой офицера [9, р. 433]. Поскольку Б. Кэмпбелл в целом акцентирует внимание на негативных аспектах в отношениях римской армии и провинциального населения, то и судебная власть центуриона представляется историку очередной возможностью для злоупотреблений и применения насилия к провинциалам. По этой причине он считает, что назначение наместниками центурионов в качестве *judex datus* – явление редкое (и опасное), а неформальная судебная деятельность упомянутых офицеров должна была пресекаться высшими властями [9, р. 434]. Противоположный взгляд на судебную власть центурионов представлен в статье М. Пичина, который отмечает, что в удаленных от центра уголках империи центурионы оставались единственными представителями римской власти [6]. Местному населению приходилось к ним обращаться, поскольку другого способа получить оперативные решения по своим вопросам у провинциалов не было. Таким образом, неформальная судебная деятельность центурионов связывается М. Пичиным с неразвитостью административного аппарата в Римском государстве [6, р. 95–97].

В трудах обоих упомянутых выше авторов судебная власть центурионов представлена как явление исключительное, что объясняется либо опасностью злоупотреблений (Б. Кэмпбелл), либо отсутствием необходимости в ней в более романизированных и урбанизированных, чем римский Египет, частях империи (М. Пичин). Однако стоит подчеркнуть, что, исполняя военные функции, центурионы оставались гражданами римской *civitas*, у которых было не только право, но и обязанность участвовать в общественной жизни своего Города. В данной статье мы ставим своей целью показать, что судебная власть центурионов во многих случаях не противоречила римскому праву, имела легитимный статус и

происходила из традиции делегирования полномочий подчиненным носителями римского империя.

В первую очередь обратимся к XVI сатире Ювенала:

...Немаловажно и то, что тебя не посмеет ударить
Штатский: напротив, удар получив, он сам его скроет.

<...>

Кто наказания ищет за это, получит бардейца
В судьи себе... обычай Камилла
Надо блюсти, и солдат не должен судиться вне вала
Иль далеко от знамен. Справедливейшим будет, конечно,
Центурионов разбор солдатского дела: наказан
Будет обидчик, коль есть законный для жалобы повод.

<...>

Скажет судья: «Дай свидетеля», – пусть кто-нибудь, кто побои
Видел, посмеет сказать: «Я видал»...
Мог бы скорей привести ты свидетеля ложного против
Штатского, чем отыскать такого, кто правду сказал бы
Против военных людей или что-нибудь против их чести¹.

(Iuv. Sat. XVI. 7–34)

Из текста Ювенала следует, что центурионы обладали судебной властью над своими солдатами и участвовали в разборе даже тех дел, где одной из сторон выступало гражданское лицо. Примеры таких процессов встречаются в упомянутых выше египетских документах (Р. Оху. XIX, 2234; BGU I, 4), а в римской Британии и вовсе произошел случай, представляющийся аллюзией на текст Ювенала. Эта история сохранилась на деревянной табличке, найденной в Виндоланде² и датированной 104–120 гг. н. э. С одной стороны таблички написан отчет о торговле пшеницей, с другой – петиция к наместнику провинции от анонимного просителя, побитого розгами и, вероятно, требовавшего возмещения (часть текста утрачена). Эти документы, по-видимому, составлены одним лицом, поскольку почерки на обеих сторонах таблички идентичны. Содержание отчета на обороте позволяет предположить, что пострадавший был торговцем [10, р. 17]. Итак, в своем прошении он излагает следующее: «...Я обращаюсь к твоему [наместника] авторитету (*majestatem*) и умоляю не допустить, чтобы меня, невинного человека, били розгами (*castigatum esse*), и, господин, префекту не мог я пожаловаться, так как болезнью он скован (*valetudini detinebatur*). Я был с жалобой у бенефициария и у центурионов его [префекта] части. Я умоляю твое милосердие не допустить, чтобы мне, человеку из-за моря и невинному... приходилось быть окровавленным розгами (*cruentatum esse*), как совершившему преступление» (Tab. Vindol. 344)³. Э. Бёрли предполагает, что торговец пострадал от действий военнослужащего [10]. В таком случае бездействие центурионов объясняется желанием выгородить сослуживца.

Эпизод с побитым торговцем показывает, что в процитированной сатире Ювенала могли отразиться реальные ситуации. Но важно уточнить, что об-

¹ Пер. Ф.А. Петровского.

² Римский военный лагерь на севере Англии.

³ Здесь и далее перевод наш, если не указано иное. – Е. И.

ращение пострадавшего гражданского лица к центуриону и его суду не было нормальной римской практикой [11, с. 108]. Потерпевший в первую очередь направлял иск претору, который далее определял процедуру рассмотрения дела. Если обстоятельства позволяли решить его по правилам общей юрисдикции, то судьей оставался сам претор. В противном случае магистрат следовал древней традиции, упомянутой Ювеналом, согласно которой дела воинов разбирались только внутри лагерных стен. Тогда среди военнослужащих претор избирал судью (*judex datus*) и передавал ему иск [11, с. 109]. Таким «назначенным судьей», по-видимому, и был герой Ювенала. В историографии, однако, существует гипотеза, что сатирик подразумевал под судьей не центуриона, а эвоката (*evocatus a quaestionibus*). Замена ранга произошла из-за того, что слово «эвокат» не подходило по размеру стиха [12, р. 95, 104]. Верность данного предположения вызывает сомнение в связи с тем, что центурионы в роли *judex datus* известны и из других источников.

Основные сведения о центурионах, являвшихся «назначенными судьями», происходят из эпиграфики и папирусных документов. Так, Луций Сальвий и Марк Светий, центурионы XI легиона, в период между 37 и 41 гг. н. э. стали *judices dati* по решению легата Луция Волузия Сатурнина (AE 1890, 11). Около 30 лет спустя другой легат того же легиона, Авл Дуций Гемин, назначил Авла Резия Максима и Квинта Эбутия Либерала, центурионов первой когорты, судьями для разбора тяжбы двух местных племен – недитов и кориниенов, чтобы установить границу между ними (CIL III, 2883). Несколько иные задачи выполняли центурионы, служившие в Египте. В папирусных документах на древнегреческом языке аналогом термина *judex datus* выступает κριτής τοῦ δοθέντος. Такие судьи рассматривали частноправовые иски о разделе имущества (P. Оху. XIV, 1637. 9–10) и о подтверждении права собственности на землю (SB I, 5954). Что касается нарративных источников, то в них нет прямых упоминаний о центурионах как *judices dati*. Наиболее близкие к данному назначению обязанности были у Прокла Вителлия, известного из рассказа Иосифа Флавия (Ios. Ant. Iud. XIX. 6. 3). Прокл Вителлий получил распоряжение от наместника Сирии, Публия Петрония, найти виновных в установке статуи императора в синагоге и предоставить их Петронию для расправы. Описанное преступление, по мнению Публия Петрония (Ios. Ant. Iud. XIX. 6. 3), грозило восстанием иудейского народа и на этом основании считалось довольно серьезным. По этой причине центуриону были переданы полномочия только на осуществление розыскной деятельности, а непосредственно судебный процесс должен был провести сам наместник.

Из приведенных примеров следует, что центурионы в качестве «назначенных судей» выступали представителями носителей империи (магистратов или наместников провинций), которые передавали в ведение сотникам незначительные дела и определенные полномочия для их разбора. Сам статус *judex datus* и соответствующие полномочия были кратковременными и действовали до окончания выполнения конкретного поручения.

При необходимости наделения офицеров более широкими правами и долгосрочными обязанностями их переводили в разряд *centuriones regionarii*. В отличие от строевых центурионов, командовавших подразделениями, регионарии переходили в распоряжение наместника провинции, который командировал их в определенные ее регионы (удаленные от центра, стратегически важные или со

сложной военно-политической обстановкой) для управления территорией и обеспечения безопасности [13, p. 155]. На данный момент из эпиграфики и папирусов известно 26 регионариев, руководивших районами в разных частях империи. Эти документы найдены в Британии, Паннонии, Нижней Мёзии, Дакии, Азии, Сирии, Египте и Африке и относятся в большинстве своем к посвященным текстам (*tituli sacri*) [13, p. 155]. Особо примечательны надписи из Британии, содержащие сведения не только об исполнении центурионами-регионариями личных обетов богам, но и о восстановлении ими общественных культовых сооружений. Например, Гай Север Эмерит «священное место (*locum religiosum*), разрушенное заносчивостью, доблести и могуществу Августа очищенное возвратил» (RIB 152) (см. также (RIB 587)). Египетские регионарии (ἐπί τῶν τόπων ἐκατοντάρχης), как и простые центурионы, получали от населения петиции и разбирали иски. Так, к регионарию Клотию обращался сборщик налогов Немезий с просьбой принудить другого сборщика налогов Хориона выполнять свои обязанности, «чтобы не было недостатка в государственных налогах» (P. Mich. X, 582. 2) (см. также (BGU II, 522; Stud. Pal. Pap. XXII, 55)).

Как и в случае с «назначенными судьями», термин *centuriones regionarii* не встречается в трудах античных авторов. Но в некоторых эпизодах по исполняемым центурионами функциям можно предположить, что офицер относился к данному разряду. Так, у Диона Кассия император Коммод возлагает на центуриона обязанность председательствовать на народных собраниях племени маркоманов: «Сверх того он [Коммод] потребовал, чтобы они [маркоманы] не устраивали сходки часто и в разных местах, а собирались бы раз в месяц в одном и том же месте и в присутствии римского центуриона» (Dio Cass. LXXIII. 2)⁴. А в рассказе Тацита (Tac. Ann. IV. 72) примипилар Оленний, собиравший подати у союзного Риму племени фризов, прямо называется правителем этого народа (*primipilaribus regendis Frisiis*). В целом, исходя из весьма скудных сведений, можно заключить, что в круг обязанностей регионариев входили вопросы финансовой, экономической, административной, судебной и полицейской деятельности.

В завершение обзора судебных должностей центурионов остается рассмотреть только те документы из Египта, где офицеры не названы ни назначенными судьями, ни регионариями. Отметим, что большая часть источников происходит из оазиса Эль-Файюм и датируется II – III вв. н. э. Адресанты петиций по своему статусу преимущественно относятся к перегринам. Сведения, представленные в петициях, крайне противоречивы. Рассмотрим вначале историю молодых людей из Александрии, пострадавших от группы ситологов в селении Бакхия (BGU III, 908). Потерпевшие обратились к центуриону Мессию Авдаку, который перенаправил их к префекту Миницию Италу. Последний назначил судебный процесс над ситологами. Но прежде, чем виновные были наказаны, они в очередной раз побеспокоили александрийцев и сломали двери в их дома. Тогда молодые люди составили новую петицию к центуриону с просьбой «приказать им держаться подальше» от них до суда префекта. Итак, в данной истории центурион принял сообщение о преступлении и должен был обеспечить безопасность пострадавших, то есть выполнить полицейские функции. Непосредственно суд над обвиняемыми сотник передал префекту, как и полагалось по римскому праву. Можно

⁴ Пер. А.В. Махлаюка.

предположить, что и в остальных случаях порядок действий был примерно тот же: центурион принимает петицию, проводит расследование и передает дело префекту. К тому же, из папирусов известны и другие судебные процессы, где роль центуриона сводилась к конвоированию обвиняемых до места судебного заседания (P. Mich. VI, 425). Однако данную схему подтверждают не все папирусы.

Во многих случаях формулировки требований истцов явно указывают на проведение судебного процесса самим центурионом. Так, Мел, сын Хориона, подавая иск центуриону Аммония Патерну против своего двоюродного брата за учиненные им грабеж и насилие, завершает петицию следующими словами: «Поэтому я прошу приказать вызвать его, чтобы я мог у тебя найти справедливость» (193 г. н. э.) (P. Mich. III, 175. 20–22). Схожая формулировка присутствует в петиции к центуриону Кренулевию Квинтилиану от Номии, дочери Гериея, которую обманул опекун ее детей: «...Прошу, если ты сочтешь нужным, приказать привести его к тебе, чтобы дать ответ» (211 г. н. э.) (BGU I, 98)⁵. Общей чертой таких петиций является известность состава преступления и личности правонарушителя. От центуриона ожидают допроса и/или ареста подозреваемого, а также применения его властных полномочий для восстановления справедливости и выплаты компенсации истцу (за счет ответчика). Примечательно, что нигде не упоминается требование о наказании ответчика, за исключением возмещения ущерба. Возможно, участие центурионов в разборе подобных дел допускалось именно в связи с отсутствием необходимости выносить судебные приговоры – достаточным было принудить ответчика к возмещению вреда.

Интересно, что в случаях, когда состав преступления был неясен, а личность злоумышленника не установлена, центурион не всегда приступал к расследованию. Розыскной работой порой занимались сами потерпевшие с помощью блюстителя порядка (δημόσιος), как в истории крестьянина Гориона, у которого украли двух свиней: «Обходя [деревню] вместе с блюстителем порядка для проведения расследования, я столкнулся с тем, что Мен, сын Аммония, не позволяет мне... войти к нему. Поэтому я прошу привести его к тебе для допроса, чтобы я мог свое имущество получить назад и добиться справедливости» (195 г. н. э.) (SB III, 6952). Центурион Сервилий Пудент, которому был адресован данный документ, подключился к делу только на его финальной стадии, чтобы принудить Мена вернуть свиней Гориону. Более активного участия в расследовании ожидали от центуриона Аммония Патерна односельчане Акиарий, сын Эсуврия, и Оннофрий, сын Панефреммия, обратившиеся к нему при краже 12 сосудов с семенами: «...Мы просим, чтобы ответственные за это провели необходимое расследование и чтобы нам было разрешено [забрать] то, что у нас украдено...» (193 г. н. э.) (BGU II, 454). Итак, в данном случае центурион должен был назначить ответственных за расследование. Сами центурионы, по-видимому, занимались розыскной деятельностью только при получении такого поручения от вышестоящих властей (см. примеры (SB I, 5954; P. Оху. XIV, 1637)).

Дополнительную сложность в установлении роли центурионов при разборе петиционных дел создает отсутствие сведений о конкретных действиях, которые предпринимали офицеры после получения прошения. Имеется только один папирус (SB VI, 9290), согласно которому центурион, получив, вероятно, жалобу

⁵ См. также: P. Оху. XIX, 2234; P. Oslo. II, 21; SB XVI, 12951; BGU I, 36; P. Gen. I, 3.

на ответчика, вызывает его к себе на допрос (см. подробнее в [7, р. 182]). Письмо датируется серединой II в. н. э. и адресовано анонимному подозреваемому: «От Домиция Юлиана, центуриона. Тебе было приказано при получении первого письма не поступать несправедливо, но прийти ко мне и объяснить, кому принадлежит урожай, о котором возник спор. Теперь, получив это письмо, приходи ко мне. Советники эксегета Герона обвинили тебя в ограблении» (SB VI, 9290). Если допустить, что содержание петиции, поданной Домицием Юлиану, было схоже с известными нам документами и заканчивалось просьбой о вызове на допрос и компенсации вреда, то деятельность центуриона оправдывает ожидания потерпевшего: подозреваемый вызван, чтобы дать ответ о спорном предмете, и будет вынужден вернуть его обратно, если действительно окажется виновником грабежа.

Таким образом, можно прийти к следующим выводам. Действия центуриона при получении петиции, вероятно, зависели от социального статуса участников дела. В приведенной выше истории с александрийцами у центуриона было недостаточно властных полномочий, чтобы вызвать к себе на допрос таких государственных чиновников, как ситологи, и принудить их к выполнению требований истцов. По этой причине дело было передано префекту. В других, менее значительных, случаях сотники, возможно, следовали рекомендации Ульпиана проконсулам: «Незначительные обвинения проконсул должен выслушивать и разбирать вне суда и либо оправдать тех, кого обвиняют, либо наказать палками, либо, (если те) рабы, высечь кнутом» (Dig. 48. 2. 6)⁶. Другими словами, если разбор дела происходил вне рамок нормального судопроизводства, то и судья, наделенный судебными полномочиями, был не нужен. По этой причине любой центурион, будучи представителем римской власти, мог разбирать мелкие тяжбы провинциалов-перегринов.

Что касается судебных тяжб между римскими гражданами, то центурион как армейский офицер не обладал полномочиями для их рассмотрения. Однако центурион как римский гражданин имел право вступить в судебную декурию, о чем свидетельствует Цицерон. В «Первой филиппике против Марка Антония» оратор критикует восстановление третьей декурии судей, которую Антоний хотел образовать из центурионов и солдат легиона «жаворонков»: «Но что это за третья декурия? – “Центурионов”, – говорят. Зачем? Разве этому сословию должность судьи законом Юлия, а также ранее законами Помпея и Аврелия, не была доступна? – “Был установлен ценз”, – говорят. Правда, и не только центурионам, но и римским всадникам» (Cic. Phil. I. 8. 20). Так, по сведениям Цицерона, римское право допускало избрание центурионов, соответствовавших имущественному цензу (400 тыс. сестерциев), в состав совета уголовного суда.

Светоний добавляет к этому, что при Августе (Suet. Aug. 32. 3) появилась новая декурия с более низким цензом в 200 тыс. сестерциев. Сведения о членах данной декурии (дуценариев) оказалось сложно обнаружить в эпиграфических источниках из-за многозначности термина *ducenarius*. Так назывались и командиры отряда в 200 человек, и прокураторы с жалованьем в 200 тыс. сестерциев [14]. Что касается более широкого термина, *iudex ex quattuor decuriis* («судья из четырех декурий»), то он также редко встречается в надписях, и центурионы в этих

⁶ Пер. Л.Л. Кофанова.

источниках не упоминаются⁷. Более распространенным является термин *iudex ex V decuriis* («судья из пяти декурий»)⁸. Например, «Квинту Юлию Аквиле, сыну Гая... всаднику, причисленному к V декуриям, центуриону I Вспомогательного легиона... Юлий Фидий Аквила, брату лучшему, поставил» (CIL VIII, 15872). Упоминание принадлежности к судебной декурии перед перечислением военных постов, по мнению Б. Добсона, указывает на то, что судебная деятельность всадника осуществлялась им до поступления на военную службу [3, p. 151]. Поскольку подобный порядок должностей встречается во многих всаднических надписях⁹, допустимо предположить, что действующих центурионов в судебных декуриях не было. С другой стороны, в историографии отмечается, что избрание в декурии было знаком почета для привилегированных сословий, а формальное членство в декуриях могло быть пожизненным [15, p. 97, 229]. В подобном случае центурионы из всадников, вероятно, сохраняли свои судебные полномочия и на военной службе, и при выходе в отставку. Однако обе гипотезы исключают присутствие в судебных декуриях центурионов, выслужившихся из рядовых. В эпиграфике сведения о них также не сохранились¹⁰. Возможно, бывшим легионерам членство в декурии было недоступно из-за имущественного ценза. Кроме того, препятствием мог послужить и высокий уровень конкуренции с привилегированными условиями, о чем косвенно свидетельствует Плиний Старший, упоминавший, что даже самим всадникам не хватало места в декуриях (Plin. N.H. XXXIII. 8).

Итак, несмотря на свидетельство Цицерона о законности присутствия центурионов в составе судебных декурий, доступный корпус источников не позволяет обнаружить действующих офицеров среди *iudices*.

Однако в надписях центурионов из всадников встречаются и другие названия судебных должностей: *praefectus iure dicundo* (CIL VIII, 853), *praetor iure dicundo* (CIL IX, 5840), *duumvir iure dicundo*¹¹ и *quattuorvir iure dicundo*¹². Основными обязанностями дуумвиров и квартумвиров (дуумвиры вместе с двумя эдилами) было отправление правосудия в соответствии с указаниями наместника провинции (Dio Chrys. Or. 31. 162). Эти магистраты имели право разбирать иски, касавшиеся суммы менее 1000 сестерциев (Lex Irn. IXB. 84). В случае согласия участвующих в деле лиц дуумвиры также могли решать вопросы, относившиеся к категории *actiones famosae* («позорящие иски»), например, дела о кражах или применении насилия (Lex Irn. IXB. 84). Однако маловероятно, что им были подсудны серьезные уголовные преступления, поскольку вынести смертный приговор римскому гражданину мог только наместник провинции [16, p. 130]. Для отправления правосудия дуумвиры назначали судей, арбитров или *recuperatores* из числа декурионов. Хотя по муниципальному закону Флавиев ценз для этих должностей составлял всего 5 тыс. сестерциев (Lex Irn. IXB. 86), среди их носителей преимущественно встречаются центурионы из всаднического сословия (см. исключения (CIL XI, 5646, 5960)). Принадлежность к всадникам либо прямо

⁷ См. список надписей с данным термином в (ILS III, Ind. VI, p. 364–365).

⁸ Пятую декурию впервые сформировал Калигула (Suet. Cal. 16. 2), но о ее цензе ничего не известно.

⁹ Центурионы: CIL VIII, 15872; AE 1957, 249. Militia equestris: AE 1925, 44; 1939, 81; 1910, 78; 1954, 140; CIL VIII, 9374; 27572.

¹⁰ См. надписи центурионов из всадников, избранных в судебные декурии: AE 1957, 249; CIL VIII, 15872; XI, 19; 1836.

¹¹ CIL XI, 386; 1221; I, 3186; III, 381; 12587; AE 1997, 1418; 2001, 1204; CIL X, 218; AE 1933, 247.

¹² CIL III, 12280; XI, 624; AE 1997, 397.

указана в надписях, либо предполагается на основании того, что военную службу новобранец начал сразу в ранге центуриона, как, например, в данной эпитафии: «Гаю Валерию Фирмину, декуриону колонии Савария, центуриону V Лукской когорты Антонина, Валерия Календина, тетка по отцу (*amita*), племяннику благочестивейшему останки (*reliquias*) похоронила» (AE 2014, 1054)¹³.

Префекты и преторы «для отправления правосудия» обладали полномочиями, аналогичными тем, что были у дуумвиров, но в отличие от последних не избирались гражданской общиной, а назначались наместником провинции или лично императором в города, лишенные самоуправления. В некоторых случаях необходимость назначения префекта была вызвана тем, что на должность дуумвира избирали в знак почета важного человека, например императора, который не имел возможности лично исполнять обязанности магистрата и оставлял вместо себя своего представителя [16, р. 127]. Среди центурионов таким представителем императора (Адриана или Антонина Пия), предположительно, выступал Марк Фанний Витал. Его посвятельная надпись происходит из города Тубурбо Майус, получившего статус муниципия и права самоуправления незадолго до назначения Витала: «Марку Фаннию Виталу, сыну Марка... центуриону IV когорты Сигамбров и I когорты Испанцев, отпущенному в почетную отставку божественным Адрианом, префекту для отправления правосудия... который в честь жречества 10 тыс. сестерциев на общее дело [республике] внес и сверх того устроил театральные игры и торжественный обед (*ludorum scaenicorum et epulum*)...» (CIL VIII, 853).

Надпись Витала примечательна еще и тем, что офицер стал префектом после выхода в отставку. Учитывая, что во многих случаях муниципальные должности в эпитафиях и почетных надписях перечисляются после описания военной карьеры [3, р. 299–308; 4, р. 107–151], можно предположить, что центурионы избирались на муниципальные должности уже в статусе ветеранов. Из этой схемы, однако, выбиваются посвятельные надписи, в которых офицеры указывают только актуальный для времени совершения священнодействия статус и в которых также присутствуют упоминания гражданских постов. Например: «Зуб в жертву принесла Манлия Пудентилла, светлейшая женщина и жрица, с Луцием Валерием Максимом, супругом своим. <...> Луций Валерий Максим, центурион легиона и декурион колонии Тимгад... Гению отечества своего за памятное благочестие (*memori pietate*) поставили» (AE 2008, 1697) (см. также (CIL III, 1940; IX 5840)). В связи с немногочисленностью подобных примеров можно заключить, что общей тенденцией было поступление военнотружущих на муниципальные должности уже после выхода в отставку, но в исключительных случаях совмещение военного поста и городской магистратуры не возбранялось. К тому же, как предполагает Ч. Манклоу, назначение военных было выгодно самим городам, которые получали доступ к их материальным средствам и патрональным связям [4, р. 108–109]. Примеры пожертвований, подобных сделанным Фаннием Виталом, действительно, не редкость в эпиграфических источниках¹⁴. Однако «платой» за такие благодеяния был контроль со стороны императорской власти и ограничение самоуправления, поскольку и центурионы, и другие всаднические

¹³ См. также: CIL IX, 1604; VIII, 1647; 18112; XI, 5216; 5646; III, 1940; 3846; 7334; II, 4463; AE 2008, 1697; 2018, 543; 1961, 330.

¹⁴ См. примеры: CIL X, 3757; XIV, 3472; IX, 2983, 3044; XI, 711; 6224.

офицеры, даже выходя в отставку, оставались верными слугами принцепса. Таким образом, участвуя в общественной жизни гражданских общин, и действующие центурионы, и ветераны выступали связующим звеном между армией, городами и императором. В этом отношении их деятельность является примером сотрудничества императорской власти и муниципальной знати, которое и обеспечивало эффективную работу «государства без бюрократии».

Таким образом, можно заключить, что в большинстве случаев судебные полномочия центурионов обладали легитимностью и не противоречили римскому праву. Исполнение этих дополнительных функций было связано со следующими обстоятельствами. В первую очередь, основные обязанности центурионов по поддержанию воинской дисциплины подразумевали право судить и наказывать за ее нарушение. Отсюда именно центурион выступал судьей в делах между солдатами, а также получал от претора право разбирать конфликты военных с гражданскими лицами. Кроме того, долг каждого достаточно состоятельного римского гражданина состоял в участии в общественной жизни общины и исполнении городских магистратур. По этой причине центурионы в отставке поступали на муниципальные должности, а в редких случаях, возможно, совмещали военную и гражданскую деятельность. Но главным фактором, обусловившим наделение центурионов судебной властью, заключался в праве императора и его представителей при необходимости делегировать полномочия другим лицам. Благодаря этому праву центурионы выступали и в роли *judex datus*, и в качестве регионариев, а также имели возможность преодолевать все социальные барьеры и подниматься до таких высоких должностей, как прокураторы провинций и префект Египта. Однако перспективы карьерного роста и социальной мобильности центурионов требуют дополнительного изучения и являются предметом отдельного исследования.

Благодарности. Работа подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 20-18-00374 «Имперское Средиземноморье: модели, дискуссии и практики империализма от Античности до раннего Нового времени».

Источники

Надписи и папирусы

AE – L'année épigraphique.

BGU – Berliher griechische Urkunden. Aegyptische Urkunden aus den königlichen Museen zu Berlin. Bd. 1–9.

CIL – Corpus inscriptionum Latinarum / Hrsg. A. Degrassi.

ILS – Inscriptiones Latinae selectae / Ed. H. Dessau. Vol. I–III. Berolini: Apud Weidmannos, 1892–1916. URL: <https://archive.org/search.php?query=Inscriptiones%20latinae%20selectae>, свободный.

P. Mich. – Papyri in the University of Michigan Collection / Ed. C.C. Edgar, A. E. R. Boak, J. G. Winter et al.

P. Oxy. – The Oxyrhynchus papyri / Ed. B. P.Grenfell, A. S. Hunt et al.

RIB – Collingwood R.G., White R. Roman Inscriptions of Britain. Vol. I: Inscriptions on Stone. Oxford: Clarendon Press, 1965. p. xxxiv + 790.

SB – Preisigke F. et al. Sammelbuch griechischer Urkunden aus Ägypten.

Tab. Vindol. – Tabulae Vindolandenses: The Vindolanda Writing-tablets / Ed. A.K. Bowman and J. D. Thomas.

**Сочинения античных авторов, юридические памятники,
сборники текстов**

- Cic. Phil. – *Цицерон Марк Туллий*. Филиппики // *Цицерон Марк Туллий*. Речи: в 2 т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. Т. 2: Годы 62–43 до н. э. С. 273–332.
- Dig. – Дигесты Юстиниана: в 8 т. / Науч. ред.: В.Г. Ульянищев; Редкол.: В.С. Ем, А.А. Иванов, А.В. Копылов, Л.Л. Кофанов (Отв. ред.), Е.В. Кулагина, А.Д. Рудоквас, В.А. Савельев (Науч. ред.), Е.А. Суханов (Науч. ред.). Т. 7: Полутом 2: Кн. 48–50. М.: Статут, 2005. 564 с.
- Dio Cass. – *Кассий Дион Коккейан*. Римская история. Книги LXIV–LXXX / Пер. с древнегреч. под ред., коммент. и статья А.В. Махлаюка. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ; Нестор-История, 2011. 456 с. Книги LI–LXIII. 2014. 680 с.
- Ios. Ant. Iud. – *Иосиф Флавий*. Иудейские древности: в 2 т. / Пер. с греч. Г. Г. Генкеля. М.: Ладомир, 1994.
- Iuv. Sat. – *Ювенал*. Сатиры / Пер. Д.С. Недовича и Ф.А. Петровского, вступ. ст. А.И. Белецкого. (Серия «Античная библиотека»). СПб.: Алетей. 1994. 220 с.
- Lex Iri. – *González J., Crawford M.H.* The Lex Iritana: a new copy of the Flavian municipal law // *The Journal of Roman Studies*. 1986. Vol. 76. P. 147–243.
- Plin. N.H. – *Pliny the Elder*. Naturalis Historia: Libri XXXVII / Karl Friedrich Theodor Mayhoff. Lipsiae: Teubner, 1906. URL: <https://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text:1999.02.0138>, свободный
- Suet. Aug. – *Светоний Транквилл Гай*. Жизнеописание Августа // *Жизнь двенадцати цезарей* / Изд. подгот. М.Л. Гаспаров, Е.М. Штаерман. М.: Наука, 1993. С. 34–73.
- Suet. Cal. – *Светоний Транквилл Гай*. Жизнеописание Гая Калигулы // *Жизнь двенадцати цезарей* / Изд. подгот. М.Л. Гаспаров, Е.М. Штаерман. М.: Наука, 1993. С. 101–123.
- Tac. Ann. – *Тацит Корнелий*. Анналы; Малые произведения / Пер. с лат. А.С. Бобовича. М.: АСТ: Астрель, 2010. 505 с.

Литература

1. *Garnsey P., Saller R., Elsner J.* The Roman Empire: Economy, Society and Culture. Oakland, CA: Univ. of Calif. Press, 2015. 328 p.
2. *Иванова Е.С.* Центурионы в государственном управлении Римской империи: обзор историографии и постановка проблемы // *Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского*. 2022. № 6. С. 8–16.
3. *Dobson B.* The primipilares of the Roman army: PhD Thesis. Durham: Durham Univ., 1955. 338 p.
4. *Manklow C.H.* Standing by the standards: Military rank and social status in the Roman West from Augustus to Diocletian: PhD Thesis. Cambridge: Univ. of Cambridge, 2020. 221 p.
5. *Alston R.* Soldier and Society in Roman Egypt: A Social History. London: Routledge, 1995. 263 p.
6. *Peachin M.* Petition to a centurion from the NYU papyrus collection and the question of informal adjudication performed by soldiers // *Miscellanea in memory of P.J. Sijpesteijn* / Ed. A.J.B. Sirks and K.A. Worp. The American Society of Papyrologists, 2007. P. 79–97.
7. *Davies R.W., Breeze D.J., Maxfield V.A.* Service in the Roman army. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press with the Publ. Board of the Univ. of Durham, 1989. 336 p.
8. *MacMullen R.* Soldier and Civilian in the Later Roman Empire. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1963. 217 p.
9. *Campbell J.B.* The Emperor and the Roman Army, 31 BC–AD–235. Oxford: Clarendon Press, 1984. 457 p.

10. *Birley A.R.* Vindolanda; new writing-tablets 1986–9 // Roman Frontier Studies 1989: Proc. XVth Int. Congr. of Roman Frontier Studies. Exeter: Univ. of Exeter Press, 1991. P. 16–20.
11. *Махлаюк А.В.* Castrensis iurisdictio и правовой статус воинов в римском гражданском процессе // Вестн. Литератур. ин-та им. А.М. Горького. 2014. № 3. С. 104–113.
12. *Durry M.* Juvénal et les prétoriens // Revue des études latines. 1935. Т. 13. P. 95–106.
13. *Cupcea G.* Centurions: Military or Social Elite? // Social Interactions and Status Markers in the Roman World / Ed. by G. Cupcea, R. Varga. Summertown, Oxford: Archaeopress, 2018. P. 151–164.
14. *Watson G.R., Campbell B.* Ducenarii // Oxford Research Encyclopedia of Classics. 2015. URL: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780199381135.013.2311>, свободный.
15. *Bablitz L.* Actors and Audience in the Roman Courtroom. London, New York: Routledge, 2007. 290 p.
16. *Roselaar S.T.* Local administration // The Oxford Handbook of Roman Law and Society. Oxford: Oxford Univ. Press. 2016. P. 124–136.

Поступила в редакцию 30.07.2023

Принята к публикации 30.09.2023

Иванова Елена Сергеевна, аспирант, младший научный сотрудник кафедры истории Древнего мира и Средних веков

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ул. Ульянова, д. 2, г. Н. Новгород, 603005, Россия

E-mail: selenai.ei95@gmail.com

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2023, vol. 165, no. 4-5, pp. 79–91

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.79-91

Roman Centurions as Agents of Imperial Power: Delegated Authority and Judicial Functions

E.S. Ivanova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, 603005 Russia

E-mail: selenai.ei95@gmail.com

Received July 30, 2023; Accepted September 30, 2023

Abstract

This article explores the influential role of the Roman centurions in the provincial government of the Roman Empire by analyzing their judicial and administrative powers. The results of modern historiographical research show that the military institution was closely intertwined with the Roman “government without bureaucracy:” the provincial governors’ offices were mainly staffed by military personnel and headed by the first cohort’s centurions. However, their administrative functions, although crucial in governing the provinces, have been insufficiently studied. The judicial power of the centurions has been viewed by scholars in two different ways: either as detrimental to the central government due to possible abuse by military personnel or as exceptional because it was not needed in the Romanized and urbanized areas of the empire. Here, based on the epigraphic evidence and papyrus data, the judicial and administrative duties of the centurions, including those delegated by the Roman imperium’s holders, are considered. Their involvement in the work of the municipal authorities is discussed. The conclusion is made that it was quite common for the centurions

to hold extra managerial powers. In many cases, this was deemed legitimate as it did not contradict Roman law and stemmed from the long-established Roman practices.

Keywords: imperialism, Roman Empire, “government without bureaucracy”, provincial administration, Roman army, centurions

Acknowledgements. This study was supported by the Russian Science Foundation (project no. 20-18-00374, The Imperial Mediterranean: Models, Discourses, and Practices of Imperialism from Antiquity to the Early Modern Time).

References

1. Garnsey P., Saller R., Elsner J. *The Roman Empire: Economy, Society and Culture*. Oakland, CA, Univ. of Calif. Press, 2015. 328 p.
2. Ivanova E.S. Centurions in the state administration of the Roman Empire: A review of historiography and posing the problem. *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta imeni N.I. Lobachevskogo*, 2022, no. 6, pp. 8–16. (In Russian)
3. Dobson B. The primipilares of the Roman army. *PhD Thesis*. Durham, Durham Univ., 1955. 338 p.
4. Manklow C.H. Standing by the standards: Military rank and social status in the Roman West from Augustus to Diocletian. *PhD Thesis*. Cambridge, Univ. of Cambridge, 2020. 221 p.
5. Alston R. *Soldier and Society in Roman Egypt: A Social History*. London, Routledge, 1995. 263 p.
6. Peachin M. Petition to a centurion from the NYU papyrus collection and the question of informal adjudication performed by soldiers. In: *Miscellanea in Memory of P.J. Sijpesteijn*. Sirks A.J.B., Worp K.A. (Eds.). *Am. Soc. Papyrol.*, 2007, pp. 79–97.
7. Davies R.W., Breeze D.J., Maxfield V.A. *Service in the Roman Army*. Edinburgh, Edinburgh Univ. Press with the Publ. Board of the Univ. of Durham, 1989. 336 p.
8. MacMullen R. *Soldier and Civilian in the Later Roman Empire*. Cambridge, MA, Harvard Univ. Press, 1963. 217 p.
9. Campbell J.B. *The Emperor and the Roman Army, 31 BC–AD–235*. Oxford, Clarendon Press, 1984. 457 p.
10. Birley A.R. Vindolanda; new writing-tablets 1986–9. *Roman Frontier Studies 1989: Proc. XVth Int. Congr. of Roman Frontier Studies*. Exeter, Univ. of Exeter Press, 1991, pp. 16–20.
11. Makhlayuk A.V. Castrensis iurisdictio and the legal status of warriors in the Roman civil procedure. *Vestnik Literaturnogo Instituta imeni A.M. Gor'kogo*, 2014, no. 3, pp. 104–113. (In Russian)
12. Durry M. Juvénal et les prétoriens. *Revue des études latines*, 1935, t. 13, p. 95–106. (In French)
13. Cupcea G. Centurions: Military or social elite? In: Cupcea G., Varga R. (Eds.) *Social Interactions and Status Markers in the Roman World*. Summertown, Oxford, Archaeopress, 2018, pp. 151–164.
14. Watson G.R., Campbell B. Ducenarii. In: *Oxford Research Encyclopedia of Classics*, 2015. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780199381135.013.2311>.
15. Bablitz L. *Actors and Audience in the Roman Courtroom*. London, New York, Routledge, 2007. 290 p.
16. Roselaar S.T. Local administration. In: *The Oxford Handbook of Roman Law and Society*. Oxford, Oxford Univ. Press, 2016, pp. 124–136.

⟨ **Для цитирования:** Иванова Е.С. Римские центурионы как агенты императорской власти: делегированные полномочия и судебные функции // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2023. Т. 165, кн. 4–5. С. 79–91. – <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2022.4-5.79-91>. ⟩

⟨ **For citation:** Ivanova E.S. Roman centurions as agents of imperial power: Delegated authority and judicial functions. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 4–5, pp. 79–91. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.4-5.79-91>. (In Russian) ⟩

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 291.336(368)

doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.92-102

И СНОВА О КЛЯТВЕ РУСОВ... (ОТВЕТ Д.В. ПУЗАНОВУ)

О.Л. Губарев

Газета «Троицкий вариант – Наука», г. Троицк, 142191, Россия

Аннотация

Статья является ответом на критику со стороны Д.В. Пузанова. Рассмотрена критическая аргументация и изложены контраргументы. Приведены новые аргументы в пользу гипотезы о том, что клятва русов-язычников при заключении договоров с греками предусматривала волшебное «побиение» нарушителей клятвы их собственным «ожившим» оружием. Проанализированы изображения скандинавских орнаментов, демонстрирующие «живое» оружие, способное действовать независимо от человека. Представлены примеры потребительского отношения скандинавов к своим богам, рассматривавшегося как своего рода договор о помощи божества своему почитателю. Приведены ссылки на историографические источники, подтверждающие мнение о том, что скандинавы и русы воспринимали оружие как живое существо, имеющее свою биографию и судьбу и способное действовать самостоятельно, «оживать» и «умирать».

Ключевые слова: «живое» оружие, нид, русы, клятва, нарушение договора, нападение оружия на нарушителей

Прежде всего, мы хотели бы поблагодарить Д.В. Пузанова за критику нашей статьи [1], посвященной клятвам русов и славян при заключении Игорем мирного договора с греками [2]. Любая критика, заставляющая глубже задуматься над исследуемым вопросом, должна только приветствоваться. Для ответа на критику постараемся отделить факты от их интерпретации. Факты же таковы.

В опубликованной нами статье была выдвинута гипотеза о том, что клятва русов-язычников Игоря при заключении договора с греками предусматривала в случае его нарушения волшебное «побиение» воинов их собственным оружием. Были приведены примеры из «Саги о Ньяле», в которой такое волшебное нападение своего же оружия на воинов имеет место в связи с отступничеством викинга Бродира, нарушившего свой договор с богом. Также был приведен пример из «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде», где оружие, висящее на стене, «оживает» и нападает на воинов после произнесения Торлейвом хулительной песни (нида).

Норманны рассматривали свои отношения с божествами скандинавского пантеона как *договор*¹. Норманн приносил жертвы своему божеству, а оно

¹ Выделение курсивом наиболее значимых деталей по всему тексту наше. – О.Л.

должно было обеспечить ему удачу в торговле, победу в битве и т. д. В случае невыполнения божеством своей части договора и неоказания своему почитателю помощи норманн мог отказаться от поклонения божеству и от веры в богов, как, например, рассказывается в «Саге о Храфнкеле Годи Фрейра» (ИС, с. 38). О подобном же весьма прагматичном отношении к богам у русов сообщает араб Ибн-Фадлан, побывавший у русов на Волге [3. с. 142–143]. Поэтому Бродир, нарушивший свой договор с богом, должен был, согласно представлениям скандинавов, подвернуться божественной каре.

Основной тезис Д.В. Пузанова, если мы его правильно поняли, заключается в том, что при нарушении клятвы воины гибнут от своего оружия вследствие заклятий колдунов, магии и воли богов, в частности Перуна. Любые заклятия, магические заклинания и колдовство подразумевают наличие актора, того, кто заклинает, кто накладывает эти заклятия, – мага, волхва, колдуна, волшебника. Волей богов можно объяснить любые события, что постоянно и имело место в раннем Средневековье.

Однако в тексте договора русов с греками абсолютно нет намека на какое-либо колдовство, сопутствовавшее заключению договора, или присутствие среди представителей договаривающихся сторон магов, волхвов или колдунов.

Д.В. Пузанов считает спорным тот факт, что сам вид наказания за нарушение договора, встречавшийся только у одного народа – скандинавов, может служить этническим маркером. Однако в этом не сомневался А.А. Котляревский, который полагал клятву славян с бросанием камня в воду таким же этническим маркером, как и клятва скандинавов на оружии [4, с. 161–162]. Также рассматривает клятву русов как этнический маркер и В.В. Кулешов [5. с. 257].

Ритуал, в частности принесение клятвы, мог иметь практическое значение и при этом являться этническим маркером с учетом общности пространства и времени². Отметим, что Д.В. Пузанов, не считая клятву русов этническим маркером, все же не усомнился в скандинавской природе последних. Думается, что значительное количество работ, посвященных клятве русов, говорит о том, что историки рассматривают эту клятву именно как этнический маркер, указывающий на скандинавскую природу русов. Например, так считают Е.А. Мельникова, А.А. Фетисов, М.Х. Эриксен и др. [6–8].

Попытки оспорить приведенную позицию предпринимаются исключительно антинорманистом А.А. Романчуком, который, в отличие от того же Д.В. Пузанова, считает русов отнюдь не северными германцами, скандинавами, а западными славянами. Однако попытки А.А. Романчука найти славянские аналоги скандинавским клятвам на оружии вряд ли можно признать убедительными [9].

Определение русов как северных германцев представляется слишком обобщенным. Русы были не просто северными германцами, то есть скандинавами. Русы Рюриковичей были «быстроногими» данами, согласно свидетельству Титмара Мерзебургского и двум византийским хроникам [10].

² По исторической сцене прошло такое количество разных племен и народов, что где-то во времени на какой-то территории подобные практики могли и встречаться. Здесь важно соответствие рассматриваемого обряда временному промежутку – IX–XI вв. – и территории Северной и Восточной Европы. А.А. Романчук в своей статье о клятвах русов и славянских, германских и кельтских параллелях этим клятвам как раз нарушает упомянутый принцип, приводя аналоги клятве русов, значительно отстоящие от Руси IX–XI вв. и территориально, и хронологически.

В «Повести временных лет» русы упоминаются в перечне скандинавских народов как раз вместо данов и фризов, а в интересующем нас договоре Игоря с греками, помимо скандинавской клятвы русов на оружии, присутствует типичная фризская формула, указывающая, что договор заключается на все время, «дондеже солнце сяеть и весь миръ стоять» [11], что позволяет отождествлять русов с фризскими данами.

Д.В. Пузанов признает, что ряд историков, например В.В. Долгов [12, с. 448] и А.И. Рисей [13, р. 149], придерживается тех же взглядов на «жи-вое» оружие скандинавов, что и автор настоящей статьи. Хотим добавить, что нашу точку зрения разделяет в своей докторской диссертации и С. Брюнинг [14, 15].

Д.В. Пузанов отмечает, что А.И. Рисей объединяет в одну группу оружие, лошадей и корабли, говоря о том, что в представлении скандинавов они обладали признаками живых существ. Тем не менее наш оппонент не видит, чтобы А.И. Рисей приводила соответствующие примеры [2, с. 169].

А примеры она на самом деле все же привела, и все в той же статье, на которую ссылается Д.В. Пузанов. В «Песни о Вёлунде» речь идет о клятве, в которой упомянутые объекты объединены в одну категорию предметов – гарантов клятвы: «Сперва поклянись мне крепкой клятвой, *бортом ладьи и краем щита, конским хребтом и сталью меча...*». Также эти сущности объединяются в клятве Дага. В статье А.И. Рисей дается множество ссылок на эти клятвы [13, р. 141, 142, 146, 148, 150].

Затем Д.В. Пузанов, приводя ссылки на авторов, отмечает, что, по мнению некоторых исследователей, словами об «иссечении» собственным оружием могут быть обозначены как обязательство принести себя в жертву в случае нарушения клятвы, так и смертный приговор, осуществляемый оружием казнимого, смерть от собственного оружия в поединке или быто-вой ситуации.

Но в таком случае непонятно, какую роль играют в клятве русов *щиты*. Их складывают на землю, чтобы не защититься ими при самоубийстве, при прине- сении себя в жертву или при падении на собственный меч? И какую роль в этом могли бы играть *стрелы*? Нарушители договора должны стрелять из луков сами в себя?

Далее Д.В. Пузанов признает, что оружие, *заклятое определенным образом*, должно было обладать некой мистической силой, но считает, что вовсе не обязательно, чтобы имело место нападение внезапно «ожившего» оружия на нарушителей договора [2, с. 170].

Не обязательно – как это понимать? То есть могло быть, а могло и не быть? Это уже шаг вперед к признанию возможности того, о чем мы писали в нашей статье [1]. Во-первых, в клятве русов, как мы уже отмечали выше, нигде не говорится о заклании мечей кем-либо (волшебниками, колдунами, волхвами?). Во-вторых, ясно определена роль щитов – «да не ущитятся щиты своими» (ПВЛ, с. 38), что предполагает попытку защиты именно припадении «ожившего» оружия.

Д.В. Пузанов обращает внимание на то, что и в эпизоде «Саги о Ньяле» с «посечением» воинов их собственным оружием, и в клятве русов для защиты от «ожившего» при нарушении клятвы оружия используются щиты. Но дальше он отмечает, что из текста клятвы русов неясно, как именно мечи будут нападать на своих хозяев [2, с. 171].

Действительно, в клятве русов процедура «посечения» воина мечом не расписана детально, но разве это аргумент, чтобы отрицать веру скандинавов в нападение «ожившего» оружия на клятвопреступников?

Далее наш оппонент замечает, что ему представляется сомнительной попытка определить точный вид, который должно было принять магическое наказание за нарушение договора. Он считает, что она делается на основе грамматического анализа текста клятвы, который он, без всяких на то оснований, продолжает считать «заговорным текстом» [2, с. 170].

Но, во-первых, в договоре русов с греками сказано четко и недвусмысленно, что нарушители клятвы «да не ущитятся щиты своими, и да посѣчени будут мечи своими, от *стрѣль* и от иного оружья своего». И *повторно* сказано, что клятвопреступник (неважно, кто именно – христианин или язычник) «да заколень будеть своимъ оружьемъ» (ПВЛ, с. 38). И при чем тут грамматические формы?

Если допустить, что клятвопреступников кто-то будет закалывать их же собственным оружием – а русов, заключавших договор, было множество! – то палачей также должно быть очень много, и преступников нужно еще поймать! Что очень маловероятно.

Еще как-то можно вообразить, что преступник упадет на свой меч, заколется своим мечом, обменяется оружием в поединке и погибнет от своего меча, но как представить подобную гибель от *стрел*? А ведь об этом сказано в клятве. Другое дело, если *стрелы*, как и *мечи*, *копья* и *другое оружие*, «оживут» и нападут на воинов, как это описано в «Саге о Ньяле» (ИС, с. 360).

По мнению С.Е. Брюнинг, наиболее убедительным доказательством того, что мечи у скандинавов являются одушевленными предметами, служит их способность действовать автономно, выполнять физические действия независимо от владельца [14, р. 93–96]. Кроме того, «мечи – не единственное «живое» оружие, наделенное свободой воли. В «Битве при Брунабурге» норманны и скотты *garum agieted* («были уничтожены копьями»)»³ [14, р. 196].

Оружью скандинавы приписывали такое свойство живых существ, как голос. С.Е. Брюнинг, изучив кеннинги, связанные с «живым» оружием, указывает, что скальд Гутхорм Синдри описывает сражение как «голос мечей» (*rödd hjörvar*). Также существовал кеннинг битвы «поющие мечи» (*söngr sverða*) [14, р. 190]. Кстати, в «Слове о полку Игореве» мы встречаем похожее выражение: «Копья поют!», при объяснении которого возникли затруднения [16, с. 519], но с учетом веры русов в «живое» оружие упомянутый кеннинг вполне понятен.

Во-вторых, Д.В. Пузанов, еще не доказав, что оружие нападает на своих владельцев вследствие колдовства или заклятия, неоднократно говорит о том, что рассматриваемый им текст клятвы трактуется как «заговорный» [2, с. 170]. Наш оппонент отмечает, что, согласно П.С. Стефановичу, оружие «оживает» вне воли Перуна (что подтверждает наши выводы), но затем ссылается на утверждение П.С. Стефановича о том, что складывание оружия на землю является магическим актом [2, с. 170].

Если допускать веру скандинавов в магические свойства «живого» оружия, например, в его способность «оживать» и нападать на преступника, то с тем, что

³ Здесь и далее перевод с английского наш, если не указано иное. – О.Г.

это магический акт, вполне можно согласиться. Но если рассматривать магию как следствие заклинаний и колдовства, то в тексте договора ни о каких заклѣтѣх и магии в этом смысле речи не идет. А.А. Фетисов указывал, что происхождение клятвы связано с некими мифологическими и этнокультурными представлениями раннесредневекового варварского общества [7, с. 301].

Позиция Д.В. Пузанова не совсем понятна: с одной стороны, он признает, что предметы оружия у скандинавов имеют свои «биографии», совсем как *живые* существа, и что оружие могло быть гарантом клятвы; с другой стороны, он исключает возможность волшебного избияния нарушителей клятвы их собственным «ожившим» оружием без всяких заклѣтий [2, с. 170–171].

Д.В. Пузанов считает, что в «Саге о Ньяле» мы искусственно подводим под нарушение клятвы отступничество от христианской веры [1, с. 241–242]. Чтобы понять нашу позицию, нужно учесть то практическое отношение скандинавов к богам и их помощи в делах и в битве, о котором мы упоминали выше: от божества ожидали помощь. С ним как бы заключали *договор* и, выполняя свою часть *договора*, принося ему жертвы и молитвы, ожидали от бога (от языческого божества скандинавского пантеона или от Белого Христа) выполнения его части договора – победы и защиты в бою, поддержки в жизни, а также удачи в делах.

Этим объясняется и многобожие скандинавов, ибо каждое божество скандинавского пантеона отвечало за свою область деятельности, в которой оказывало помощь человеку. И выбор между скандинавскими богами и Христом определялся тем, кто из них, в понимании скандинавов, был более могущественным и способным принести победу в бою и обеспечить защиту.

В случае невыполнения божеством своей части условного *договора* скандинав считал отношения расторгнутыми, как об этом рассказано в «Саге о Храфнкеле Годи Фрейра». После того как враги сожгли капище и убили коня, посвященного Фрейру, а последний не защитил Храфнкеля и никак не наказал преступников, Храфнкель отказывается от веры в богов и договора с ними: «Он сдержал слово и больше никогда не совершал жертвоприношений» (ИС, с. 38).

Когда вследствие объединения земель под властью могущественных конунгов появилось много потерявших свою собственность людей, оставшихся без божественной помощи и защиты, выросло и количество безбожников, разорвавших свой договор с богами [17, р. 263–268].

Далее, когда речь идет о ниде, который произнес Торлейв Ярлов Скальд, Д.В. Пузанов формально прав [2, с. 171]. Оружие «ожило» и напало волшебным образом на своих владельцев после произнесения Торлейвом хулительной песни. Здесь есть заклѣтие и произносящий его актер.

Однако истинная причина того, что Торлейв произнес нид, направленный против ярла Хакона, – нарушение ярлом торгового мира. У скандинавов существовали понятия «немирья» (*úfriðr*), «мира» (*friðr*) и «торгового мира» (*kaupfriðr*) [18, с. 81]. «Немирья» означало, что хотя между правителями и нет прямой войны, но отношения враждебные: торговец едет в чужую страну на свой страх и риск и может потерять не только имущество, но и жизнь.

Между тем, если между странами нет «немирья» и существуют отношения «торгового мира», то никто не может безнаказанно ограбить или убить торговца.

Ярл, убив спутников Торлейва и ограбив его самого, нарушил условия торгового мира – условный мирный договор между правителем и посещающими его страну торговцами.

Д.В. Пузанов, говоря о приведенных нами примерах из «Саги о Ньяле» и «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде» [1, с. 242], считает, что в них показаны различные контексты, в которых «ожившее» оружие может причинить вред своим хозяевам. Но тут же делает непонятное нам заключение о том, что «живые» скандинавские мечи на поверку оказываются *не такими уж и живыми* [2, с. 172]. То есть как это понять? Они «живые», но при этом и не очень «живые»? Но оставим в стороне это выражение рецензента, посчитав его просто неудачно сформулированным. Признавая наличие у оружия скандинавов «биографий», как у живых существ, Д.В. Пузанов здесь противоречит сам себе.

Е. Дэвидсон, например, считает, что найденные в скандинавских погребениях сломанные мечи означают, что их хотели «убить», чтобы они сопровождали владельца в загробный мир [19, с. 10–11]. В описаниях скандинавских сражений речь идет о *битве оружия*, а не людей с оружием. Так, в англо-саксонском эпосе «Беовульф» Хигелак погибает, «мечами иссеченный» (Б., с. 177). Но в оригинале здесь стоит слово *hiorodryncum*, что С. Хини в своем переводе «Беовульфа» перевел таким образом: меч «удовлетворил жажду», напившись крови Хигелака [14, р. 196]. Д.В. Пузанов упоминает статью А.И. Рисёй и дает на нее ссылки, игнорируя тем не менее то, что она говорит именно о договорах русов с греками и клятве на оружии. Эту важную цитату необходимо привести, чтобы понять реальную позицию историка: «Я нахожу аргумент Грундтвика убедительным; если человек нарушил свое обещание, которое было скреплено клятвой, принесенной на священных предметах, то они покарают его за совершенный проступок... Эта мысль хорошо прослеживается в договоре от 945 г. между Русью и греками. Если Русь нарушит договор, «да погибнут они от мечей своих, от стрел и от иного своего оружия, и да будут они вечными рабами». Такие формулировки показывают, что в дохристианские времена люди действительно верили, что решающая роль в восстановлении справедливости переходит в конечном счете от объекта к субъекту, поскольку предметы, которые используются во время произнесения клятвы, могут пробудиться к жизни и отомстить клятвопреступнику. Таким образом, граница между живой и неживой материей стирается» [13, р. 148].

Таким образом, А.И. Рисёй совершенно недвусмысленно подтверждает наши взгляды на «оживающее» оружие. Это становится очевидным при внимательном чтении текста договора.

Приведем здесь также в подтверждение своих взглядов цитаты из докторской диссертации С.Е. Брюнинг, целиком посвященной данному вопросу. Исследователь рассматривает изображения на скандинавских рунических камнях и предметах, трактовка которых подтверждает нашу гипотезу об «оживающем» оружии [15, р. 438, fig. 38–40].

С.Е. Брюнинг показывает, что группа скандинавских и демонстрирующих скандинавское влияние изображений представляет мечи действующими без посредничества человека. Это относящийся к IX – X вв. рисунок с надгробного памятника (Жиркби Хилл, Северный Йоркшир); рисунок XI в. на глыбе песча-

ника (Бускеруд, Норвегия) и – за географическими границами упомянутой диссертации – рисунок с декоративного топорика Андрея Боголюбского из Владимиро-Суздальской области (XI – XII вв.) (полностью он приведен в [20, р. 263]) (рис. 1–3).

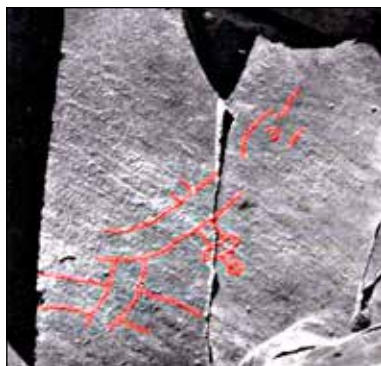

Рис.1. Рисунок на песчанике. Меч Сигурда Убийцы Фафнира, действующий отдельно от своего владельца. Бускеруд, Норвегия, IX в. [15, р. 438, fig. 38]

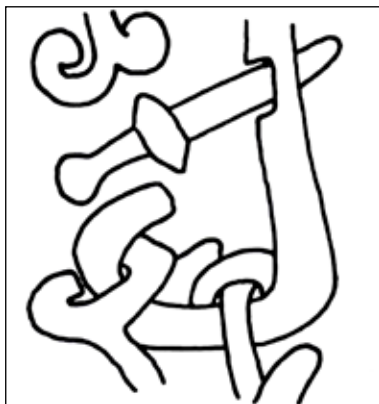

Рис. 2. Элемент рисунка на надгробье. Орнамент также изображает меч Сигурда Убийцы Фафнира, действующий независимо от своего владельца. Киркби Хилл, Северный Йоркшир, IX – X вв. [15, р. 438, fig. 39]

Рис. 3. Меч, самопроизвольно поражающий дракона. Орнамент с декоративного топорика из Владимиро-Суздальской области [20, р. 263, fig. 16]

Таким образом, помимо свидетельств источников, есть еще и свидетельства изобразительные, на которых представлены мечи, действующие без помощи че-

ловека. Действительно, изображений такого рода найдено немного, так же как и упоминаний об «оживающем» оружии, нападающем на своих владельцев, в скандинавских сагах. Тем не менее эти свидетельства существуют и говорят именно о том, что в скандинавской традиции мечи и другое оружие считались «живыми» существами, выступали гарантами мира и при нарушении клятвы или договора могли волшебным образом напасть на нарушителей клятвы.

В заключение еще раз хотим поблагодарить Д.В. Пузанова за критику и высказанные соображения, что помогает глубже продумать свои тезисы и найти более убедительные доказательства сформулированной гипотезы.

Источники

- ИС – Исландские саги: в 2 т. / Под общ. ред. О.А. Смирницкой. СПб.: Нева: Летний сад, 1999. Т. 2. 560 с.
- ПВЛ – Повесть временных лет. Часть первая. Текст и перевод. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 406 с.
- Б. – Беовульф / Пер. с др.-англ. В. Тихомирова. СПб.: Азбука-классика. 2005. 288 с.

Литература

1. *Губарев О.Л.* О клятвах русов и славян // *Stratum plus*. 2013. № 5. С. 239–245.
2. *Пузанов Д.В.* Насколько «живым» было оружие норманнов и русов? // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2021. Т. 163, кн. 6. С. 168–178. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2021.6.168-178>.
3. *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1956. 347 с.
4. *Котляревский А.А.* Древности юридического быта балтийских славян. Опыт сравнительного изучения славянского права. Прага: тип. К.Л. Клауди, 1874. 168 с.
5. *Кулешов В.С.* Золотые браслеты русов IX – XI вв.: тексты, вещи и функции // В камне и в бронзе: Сб. ст. в честь А. Песковой. СПб.: Невская Книжная Типография, 2017. С. 253–258. (Тр. Ин-та истории материальной культуры. Т. 48)
6. *Мельникова Е.А.* «Обручья» некрещеной Руси в русско-византийском договоре 944 г. и «кольца клятвы» древнескандинавской правовой традиции // *Средние века*. № 75 (3-4). 2014. С.176–192.
7. *Фетисов А.А.* Ритуальное содержание «клятвы оружием» в русско-византийских договорах X в. // Фетисов А.А., Щавелев А.С. Викинги. Между Скандинавией и Русью. М.: Вече, 2009. С. 295–314
8. *Eriksen M.H.* The powerful ring. Door rings, oath rings and the sacral place: Ch. 6 // *Viking Worlds: Things, Spaces and Movement* / Ed. by M.H. Eriksen, U. Pedersen, B. Rundberget, I. Axelsen, H.L. Berg. Oxford: Oxbow Books, 2014. P. 73–88. <https://doi.org/10.2307/j.ctvh1dgwk.10>.
9. *Романчук А.А.* Происхождение клятв русов «оружьем и обручьем»: славянские, германские и кельтские параллели // *Revista Arheologica, serie noua*. 2018. V. XIV, No 1. P. 93–107.
10. *Karlin-Hayter P.* “Swift Danes” // *Byzantion*. 1965. V. 35, No 1. P. 359.
11. *Губарев О.Л.* «Дондеже солнце съяет и весь миръ стоять» (магическая формула в договоре Руси с греками 945 г.) // *Valla*. 2017. Т. 3, № 3. С. 16–22.

12. Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси. Миры повседневности XI – XIII вв. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2017. 592 с.
13. Riisoy A.I. Performing oaths in eddic poetry: Viking Age fact or Medieval fiction? // J. North Atlantic. 2016. Spec. V. 8. P. 141–156. <https://doi.org/10.3721/037.002.sp811>.
14. Brunning S. The “living” sword in early medieval Northern Europe: An interdisciplinary study: PhD thesis: 2 V. London: Univ. Coll. London, 2013. V. 1: Thesis, appendices and bibliography. 406 p.
15. Brunning S. The “living” sword in early medieval Northern Europe: An interdisciplinary study: PhD thesis: 2 V. London: Univ. Coll. London, 2013. V. 2: Illustrative material. 500 p.
16. Творогов О.В. Примечания // Слово о полку Игореве. Л.: Сов. писатель, 1967. С. 461–536.
17. Turville-Petre E.O.G. Myth and Religion of the North: The Religion of Ancient Scandinavia. Westport: Bloomsbury Publ. PLC, 1975. 340 p.
18. Мельникова Е.А. Скандинавы в Восточной Европе: от стихийного потока к государственному регулированию // Рос. история. 2019. № 4. С. 66–81.
19. Ellis Davidson H.R. The Sword in Anglo-Saxon England: Its Archaeology and Literature. Oxford: Clarendon Press, 1962. 237 p.
20. Hamer A.J. Njáls Saga and Its Christian Background: A Study of Narrative Method. Leuven: Peeters, 2014. 292 p.

Поступила в редакцию 25.07.2023

Принята к публикации 25.09.2023

Губарев Олег Львович, колумнист

Газета «Троицкий вариант – Наука»

микрорайон «В», д. 52. г. Троицк (Субъект РФ Москва), 142191, Россия

E-mail: LvovichG@rambler.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2023, vol. 165, no. 4-5, pp. 92–102

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023. 4-5.92-102

Further Discussion on the Oath of the Rus... (Responding to D.V. Puzanov)

O.L. Gubarev

“Troitskii Variant–Nauka” Newspaper, Troitsk, 142191 Russia

E-mail: LvovichG@rambler.ru

Received July 25, 2023; Accepted September 25, 2023

Abstract

This article is a response to the criticism by D.V. Puzanov. The main arguments and counterarguments are summarized. New evidence is provided in favor of the hypothesis that the oaths taken by the pagan Rus and the Greeks to ratify the agreements between them assumed that the oath breakers would be magically slain by their own “animated” weapons. This is because the Scandinavians, including the Rus, believed that their weapons were “alive” and capable of “reviving” or “dying” regardless of the owner’s desire.

The images of the Scandinavian ornaments with “living” weapons acting independently of their owners are analyzed. Through a number of examples, the practical attitude of the Scandinavians to their faith is shown: they treated the gods as partners in a kind of agreement about divine help. References are provided to the historiographical sources that support the idea of animation of weapons in the Scandinavian and Rus cultures, in which weapons appeared as living creatures with their life paths and destinies, as well as capable of physical action, “reviving”, and “dying”.

Keywords: “living” weapon, nid, Rus, oath, violation of agreement, weapon’s attack on oath breakers

Figure Captions

Fig. 1. Carved standstone. The sword of Sigurðr, the Slayer of Fáfnir, acting autonomously. Buskerud, Norway, 9th c. [15, p. 438, Fig. 38].

Fig. 2. Part of the grave marker. Decorative ornament depicting the animated sword of Sigurðr, the Slayer of Fáfnir. Kirby Hill, North Yorkshire, 9–10 cc. [15, p. 438, Fig. 39].

Fig. 3. The sword piercing the dragon by itself. Ornament on the decorated Vladimir-Susdal axe [20, p. 263, Fig. 16].

References

- Gubarev O.L. About the oaths of the Rus and Slavs. *Stratum plus*, 2013, no. 5, pp. 239–245. (In Russian)
- Puzanov D.V. Were weapons of the Normans and Rus’ “alive”? *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2021, vol. 163, no. 6, pp. 168–178. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2021.6.168-178>. (In Russian)
- Kovalevskii A.P. *Kniga Akhmeda Ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921–922 gg. Stat’i, perevody i kommentarii* [Ahmad ibn Fadlan’s Book about His Journey to the Volga Area in 921–922. Articles, Translations, and Commentaries]. Kharkiv, Izd. Khar’k. Univ., 1956. 347 p. (In Russian)
- Kotlyarevskii A.A. *Drevnosti yuridicheskogo byta baltiiskih slavyan. Opyt sravnitel’nogo izucheniya slavyanskogo prava* [Antiquities of the Legal Life of Baltic Slavs. An Attempt of Comparative Studies in Slavic Law]. Prague, Tip. K.L.Klaudi, 1874. 168 p. (In Russian)
- Kuleshov V.S. Gold bracelets of the Rus people in the 9th–11th centuries: Texts, things, and functions. In: *V kamne i v bronze: Sb. st. v chest’ A. Peskovo* [In Stone and Bronze: A Collection of Articles in Honor of A. Peskova]. St. Petersburg, Nevskaya Kn. Tip., 2017, pp. 253–258. *Trudy Instituta Istorii Material’noi Kul’tury*, vol. 48. (In Russian)
- Mel’nikova E.A. “Bracelets” of the unbaptized Russia in the Rus–Byzantine Treaty of 944 and the “oath rings” of the Old Norse legal tradition. *Srednie Veka*, 2014, no. 75 (3–4), pp. 176–192. (In Russian)
- Fetisov A.A. Ritual content of the oath by weapons in the Rus–Byzantine treaties of the 10th century. In: Fetisov A.A., Shchhavelev A.S. *Vikingi. Mezhdru Skandinaviei i Rus’yu* [Vikings. Between Scandinavia and Rus]. Moscow, Veche, 2009, pp. 295–314. (In Russian)
- Eriksen M.H. The powerful ring. Door rings, oath rings and the sacral place. In: Eriksen M.H., Pedersen U., Rundberget B., Axelsen I., Berg H.L. (Eds.) *Viking Worlds: Things, Spaces and Movement*. Ch. 6. Oxford, Oxbow Books, 2014, pp. 73–88. <https://doi.org/10.2307/j.ctvh1dgwk.10>.
- Romanchuk A.A. The origin of the oaths sworn by the Rus on “weapons and bracelets”: Slavic, Germanic, and Celtic parallels. *Revista Arheologica, serie noua*, 2018, vol. XIV, no. 1, pp. 93–107. (In Russian)
- Karlin-Hayter P. “Swift Danes”. *Byzantion*, 1965, vol. 35, no. 1, p. 359.
- Gubarev O.L. “As long as the sun shines and the whole world stays” (a magic formula in the agreement between the Rus and the Greeks in 945). *Valla*, 2017, vol. 3, no. 3, pp. 16–22. (In Russian)
- Dolgov V.V. *Byt i nravy Drevnei Rusi. Miry povsednevnosti XI – XIII vv.* [Everyday Life and Customs in Ancient Rus. The Worlds of Daily Routine in the 11th–13th Centuries]. St. Petersburg, Izd. Olega Abyshko, 2017. 592 p. (In Russian)
- Riisoy A.I. Performing oaths in eddic poetry: Viking Age fact or Medieval fiction? *Journal of the North Atlantic*, 2016, spec. vol. 8, pp. 141–156. <https://doi.org/10.3721/037.002.sp811>.

14. Brunning S. The “living” sword in early medieval Northern Europe: An interdisciplinary study. *PhD Thesis*. Vol. 1: Thesis, appendices and bibliography London. Univ. Coll. London, 2013. 406 p.
15. Brunning S. The “living” sword in early medieval Northern Europe: An interdisciplinary study. *PhD Thesis*. Vol. 2: Illustrative material. London, Univ. Coll. London, 2013. 500 p.
16. Tvorogov O.V. Endnotes. In: *Slovo o polku Igoreve* [The Tale of Igor’s Campaign]. Leningrad, Sov. Pisatel’, 1967, pp. 461–536. (In Russian)
17. Turville-Petre E.O.G. *Myth and Religion of the North: The Religion of Ancient Scandinavia*. Westport, Bloomsbury Publ. PLC, 1975. 340 p.
18. Mel’nikova E.A. Scandinavians in Eastern Europe: From spontaneous flow to government regulation. *Rossiiskaya Istorija*, 2019, no. 4, pp. 66–81. (In Russian)
19. Ellis Davidson H.R. *The Sword in Anglo-Saxon England: Its Archaeology and Literature*. Oxford, Clarendon Press, 1962. 237 p.
20. Hamer A.J. *Njáls Saga and Its Christian Background: A Study of Narrative Method*. Leuven, Peeters, 2014. 292 p.

⟨ **Для цитирования:** Губарев О.Л. И снова о клятве русов... (ответ Д.В. Пузанову) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2023. Т. 165, кн. 4-5. С. 92–102. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.4-5.92-102> ⟩

⟨ **For citation:** Gubarev O.L. Further discussion on the oath of the Rus... (responding to D.V. Puzanov). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 4-5, pp. 92–102. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.4-5.92-102>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 291.336(368)

doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.103-112

ОБЪЕКТЫ КАК АГЕНТЫ (НЕКОТОРЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ОТВЕТУ О.Л. ГУБАРЕВА)

Д.В. Пузанов

*Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН,
г. Ижевск, 426004, Россия*

Аннотация

Статья является продолжением дискуссии об акторных характеристиках оружия северных германцев. В ней предпринята попытка разобраться с понятиями и историко-ведческими аргументами, на которые опирается в своей статье О.Л. Губарев. Отмечается, что исходной посылкой историографического направления, которое представляет упомянутый автор, является не результат анализа представлений о «живом» в какой-либо культурной традиции, а совокупность упрощенных априорных представлений. Делается вывод о том, что вопросы восприятия различными сообществами способности предметов влиять на социум, а также деления природы на живую и неживую и наличия у тех или иных существ души следует рассматривать как отдельные проблемы, имеющие четкие связи далеко не во всех культурных традициях.

Ключевые слова: русы, исландские саги, заклинания, вооружение, волшебные предметы, субъектность, терминология, методология

Статья, с которой началась настоящая дискуссия [1], была вдохновлена антропологическими работами, открывшими реальное существование нечеловеческих акторов социальных отношений (выделим лишь один труд, оказавший на автора наибольшее влияние, – [2]). При этом также пересматривались и отношения «субъект – объект». Было показано, что это подвижные характеристики, которые в разных ситуациях могут меняться местами. Наконец, исследования в рамках указанного направления продемонстрировали, как всевозможные вещи, животные и люди могут конструировать общий социальный порядок.

Не все описанные выше позиции нашли отражение в обсуждаемой статье. Более того, она явилась частью еще не опубликованных разысканий из области особенностей средневекового восприятия акторности чудесных предметов. В них содержалась полемика со сторонниками отождествления любой социальной активности с признаками одухотворенности, характерными не только для скандинавистики. В некотором «анимизме», вере в живую сущность священных реликвий обвиняют даже христиан средневековья, хотя, в отличие от скандинавского язычества, данная культура сохранила богатую философскую традицию, в которой вопрос воздействия на мир священных реликвий никогда не связывался с проблемой активности живой природы.

Наша статья была посвящена критическому разбору всей концепции «живого» скандинавского оружия, непосредственно интерпретациям О.Л. Губарева было уделено не так много места, хотя он действительно выделяется среди других исследователей тем, что, пожалуй, наиболее радикально воспринимает идею наличия у скандинавских мечей сознания. Вероятно, именно по этой причине наши аргументы в его пересказе сильно искажены [3].

Но прежде чем перейти к их разъяснению, надо оговорить понимание некоторых терминов. Так, нам неясно, что имеют в виду исследователи, считающие скандинавское оружие «живым» (или «полуживым»). А ведь здесь возможны два ответа: либо у северных германцев была некая категория, равнозначная нашим представлениям о живой природе, куда, в отличие от многих иных предметов, вписывалось вооружение¹, либо «живое» – это категория современного человека. В первом случае следовало бы начинать с определения того, что собственно скандинавы считали «живым» вообще и чем их взгляд в своем основании отличался от нашего. Во втором случае бессмысленно спорить о том, было ли скандинавское оружие в представлении северных германцев «живым». Если это действительно категория нашей культуры, то логичнее было бы рассматривать в качестве «живых» те феномены, которые мы и считаем живыми, и изучать то, чем взгляд скандинавов на них же отличен от нашего. Либо, наконец, можно было бы дать свое определение «живого» и показать, какие эта, теперь уже теоретическая, концепция, приносит плоды.

Критикуемые нами авторы не ставили перед собой цели ответить на подобные вопросы, а просто извлекали из исторического источника признаки, присущие скандинавскому оружию. И на основании свойств, которые, по мнению исследователей, были характерны для живого существа, делался вывод, что оружие было «живым» («полуживым», «оживающим»). Но возникает вопрос: зачем рассматривать все именно через дихотомию «живой» – «неживой», когда больший смысл выделяемые исследователями свойства приобретают в рамках других категорий? Имя собственное характерно для *некоторых* рукотворных предметов, элементов ландшафта, людей, *некоторых* домашних животных. Биография (в бытовом понимании) – принадлежность человека (как живого, так и мертвого). Способность быть гарантом договоренностей – свойство символического разума, причем, скорее, коллективного, «прячущегося» за множество живых и неживых существей (вплоть до текстов договоров, институтов, *неодушевленных реликвий*², воли предков, богов и т. д.). Способность двигаться по своей воле – свойство животного.

О.Л. Губарев, отмечая нашу необъективность при характеристике работы А.И. Рисёй («Примеров, когда бы оружие, лошади и корабли явственно объединялись в одну категорию в самих скандинавских источниках, А.И. Рисёй не привела» [1, с. 169]), подчеркивает, что она такие примеры приводила [3, с. 94].

¹ Где эта категория обретала свое «бытие» – тоже важный вопрос. Что мы должны анализировать: семантику, скрытую в языке; посвященные специально этому вопросу размышления язычников-философов; отраженные в структурах разума универсалии?

² Типологически скандинавское оружие, выступающее гарантом клятвы, вполне может быть сопоставлено (и сопоставляется некоторыми исследователями) с древнерусским крестом, который целовали друг другу князья. Этот крест был материализован в виде реальных осязаемых реликвий [4, с. 249–250], имел свойство наказывать нарушителя клятвы [5, с. 262–263], использовался в общих молитвенных формулах, в которых могли упоминаться святые, ангелы, Богородица [5, с. 266–268], но явно не воспринимался как живое существо.

Но ведь она писала о том, что оружие «в некоторой степени наполнено жизнью»³, далее не совсем удачно прибавив, что «то же самое касается кораблей и, очевидно, лошадей» [6, р. 149]. Есть ли примеры того, чтобы скандинавы объединяли эти предметы и животное именно по упомянутому принципу? Не логичнее ли предположить, что все перечисленные сущности оказываются гарантами клятвы, потому что они окружают быт воина и служат важным источником его силы? Да, нам следовало дать более корректную формулировку. Но вот что интересно: рассматривая два класса объектов и животное, которые часто упоминаются в письменных источниках при описании присяги, ни А.И. Рисёй, ни О.Л. Губарев не замечают, что в предельной степени «наполненная жизнью» лошадь, которая в нашем обществе считается несомненно живым существом, выглядит гарантом клятвы ничуть не более убедительным, чем меч. Так в жизни ли тут дело?

Деление всего мира на живую и неживую, одухотворенную и бездушную составляющие – результат определенной философской рефлексии. Даже в рамках одной и той же средневековой христианской культуры трактовка этого феномена у каждого интеллектуала может быть своей. В нашей предыдущей статье мы не совсем точно утверждали, что христианство «довольно четко отождествляет одушевленность с психологичностью животных и людей» [1, с. 171]. В той же культуре существовало и заимствованное у Аристотеля деление душ на разумную (или словесную), чувственную и растительную разновидности [7, с. 21]. Это, впрочем, не разрушает нашей аргументации: вера христиан в чудесное воздействие на мир икон и креста не означала их веры в наличие у данных предметов души – ни бессмертной человеческой, ни материальной животной или растительной. Возвращаясь к скандинавской культуре, отметим, что непонятно, в какой степени северных германцев вообще беспокоили подобные проблемы. Не исключено, что каждый из них ответил бы на вопрос: «Является ли оружие живым?» по-разному. А кто-то и не понял бы, о чем его спрашивают. Если бы речь не шла об исчезнувшей культуре, то полученные исследователем ответы во многом зависели бы от особенностей перевода. Однако корректная формулировка вопроса возможна только при четком понимании отличительных свойств изучаемых категорий.

В реальных бытовых ситуациях люди пользуются достаточно дробными функциональными классификациями, в которых свойства живой и неживой природы причудливым образом переплетены. «Биографии», как и имена, в том значении, в котором их употребляют в исследованиях, намекая на веру северных германцев в «живые» мечи, маркируют в первую очередь роль живой или неживой сущности в воспроизводстве социальных связей и степень ее персонификации в глазах окружающих. Ни в одном обществе люди не дают имена каждому встреченному животному или растению, когда идут по незнакомому лесу. Так и в отношениях с людьми: один из распространенных способов в культуре модерна показать несерьезные намерения любовника – продемонстрировать, что он не запомнил даже имени партнера (или не спросил). Что касается «биографии», то, отмечая в нашей статье противоречие в том, что мы признавали ее наличие у скандинавских мечей, но отрицали их принадлежность к живым существам, О.Л. Губарев, как нам представляется, просто не понял нашего аргумента и

³ Здесь и далее перевод с английского наш, если не указано иное. – Д.П.

сильно упростил мысль А.И. Рисёй [3, с. 96]. В своей статье мы не признавали наличие у мечей биографии, «как у живых существ». Что это вообще может значить? Неужто все живые существа в представлении северных германцев были созданы гномами, как некоторые скандинавские мечи (пример, который обычно приводится в подтверждение наличия у мечей «биографий»)? Мы писали: «Идея биографии предметов подкупает своей материалистичностью. Кроме того, она указывает на некоторое преимущество волшебных предметов перед другими магическими сущностями» [1, с. 171]. А.И. Рисёй заимствовала идею «биографии» мечей из концепции Л. Хедигера [6, р. 149]. Суть ее передана исследовательницей вполне корректно, но эта идея была проинтерпретирована в рамках другой философской и методологической базы.

Л. Хедигер изложил значение этой «биографии» в специальном разделе с говорящим названием «Objects as Agents» [8, р. 137–140]. И его концепция будет работать одинаково в любом обществе независимо от того, что в нем думают о живом и неживом мире: «Материальные объекты не просто имеют определенное назначение в обществе, но и являются его неотъемлемой частью... Такой подход к пониманию материальной культуры подразумевает, что предметы приобретают смысл благодаря социальным взаимодействиям, в которых используются; они накапливают “биографии”. Для этих целей могут изготавливаться особые, «престижные» предметы... Они “материализуют” конкретные ценности и социальные институты. Поскольку артефакты со временем меняются достаточно медленно, особенно в доиндустриальных обществах, они также олицетворяют стабильность и постоянство...» [8, р. 137]. Отметим, что Л. Хедигер подчеркивает преимущество предметов перед менее стабильными сущностями в воспроизводстве социальных связей. Свести все к «живой» природе таких агентов – обескровить концепцию.

В свою очередь, существованию у предметов «биографии» в таком значении никак не препятствует даже современный антропоцентризм. У Черниговской гривны есть не только собственное имя: коллективное сознание археологов помнит, как был обнаружен этот артефакт, и строит предположения об особенностях его бытования в прошлом. Означает ли это, что археологи считают ее «живой»? Богатой, загадочной и легендарной истории происхождения (а иногда и исчезновения/уничтожения) какого-нибудь особо ценного бриллианта, вроде Санси, «завидуют» биографии известных людей. Подобные казусы возникают и с именами. В современном обществе могут давать названия кораблям и считать абсурдом сочинение кличек для куриц: в кинофильме «Десять ярдов» (2004, США) Джимми Тудески, изображая сумасшествие, называет своих домашних птиц по именам.

Так почему же тогда в историографии утвердилось мнение, что имя – маркер живого существа? Почему этот тезис многим кажется очевидным? Почему так легко историки изменили смысл теории накопления предметами «биографий», отказавшись от всего ее исследовательского потенциала? Наконец, вряд ли кого-то удивит, что чудесные объекты/субъекты сочетают отдельные свойства разных сущностей. Так почему никому не приходит в голову рассматривать рассказы о летающих людях в качестве свидетельства того, что рассказчики считают людей птицами (причем всех людей)? Проблема тут в мифологемах чужих культур или нашей собственной?

Позволим себе предположить, как это происходит. Современная социальная догма признает социальными акторами (со всеми вытекающими обстоятельствами) только живых людей, все остальное исключается из социального анализа. В результате возникает расхожее представление, что биография, имя, способность выполнять социальные роли в обществе – это исключительные свойства человека. Живая природа интуитивно ощущается как нечто подобное человеку, но недостаточно антропоморфное (особенно если речь идет о животных, также обладающих психикой). Неживая – что-то совсем далекое от человека. И вот мы видим, что неживой объект наделяется некоторыми из перечисленных выше свойств. Значит, люди, которые наделяют его такими свойствами, считают его «живым». Эта логика создает подобие окончательного объяснения феномена многих уникальных артефактов вообще, а не только скандинавских мечей. Но что она, в сущности, объясняет?

От парадигмальных проблем перейдем к источниковедческой стороне спора. Удалось ли О.Л. Губареву подтвердить идею о том, что нарушение клятвы в представлении северных германцев приводило к самовольному оживлению их оружия и щитов, которые оборачивались против хозяина в самом что ни на есть буквальном смысле: выскакивая из ножен, колчанов и (в случае со щитами), видимо, вырываясь из рук? В этом вопросе тоже важно разобраться в терминологии. О.Л. Губарев начинает свой ответ с попытки «отделить факты от их интерпретации» [3]. Но что в данном случае может являться историческим фактом? Так как речь идет о реконструкции мировоззрения и мы с нашим оппонентом одинаково анализируем единичные сообщения (часто это продукты индивидуального сознания), то фактом тут, на наш взгляд, может быть только содержание того, что А.В. Каравашкин и А.Л. Юрганов назвали «прямым высказыванием» [9, с. 167]. Иными словами, мы можем опираться лишь на то, что хотел сказать тот или иной книжник. Причем, если речь идет об исходных фактах, то и способ изложения должен быть максимально бесхитростным, понятным даже человеку с совершенно другим жизненным опытом. Мы не можем выдавать за факт объяснения и причинно-следственные связи, которые сам текст не задает, даже если опираемся при этом на некоторые его элементы. Если смотреть на «факт» с таких позиций, то нам кажется, что многое из того, что является фактами в представлении О.Л. Губарева, можно назвать его собственными интерпретациями.

Например, смысл сложения оружия и щитов в «Повести временных лет» никак не объясняется (да и византийская бюрократия едва ли так хорошо разбиралась в верованиях нехристианского народа) [3]. А если учитывать некоторые особенности религиозных ритуалов, не исключено, что и сами русы понимали их смысл не до конца. Отметим, что, даже цитируя источник, О.Л. Губарев за счет вольных сокращений меняет смысл оригинальной фразы. Угроза погибнуть от собственного оружия звучит в повести несколько раз, и на протяжении текста она видоизменяется. Наиболее пространственный ее вариант присутствует в самом начале, когда послы выражают намерение заключить мир: «Да ни имуть помощи от бога ни от Перуна, да не ущитятся щиты своими, и да посѣчени будуть мечи своими, от стрѣль и от иного оружья своего, и да будуть раби въ весь вѣкъ в будущий» (ЛЛ, стб. 47–48). Нет никаких строгих оснований считать, что щиты тут должны отражать атаку именно *собственного* оружия. Да и, в отличие от сюжета, описанного в «Саге о Ньяле», они ничего отражать как раз и не должны!

По аналогии с тем, как О.Л. Губарев изобразил взаимодействие щитов и оружия, можно было бы утверждать, что выход предметов из-под контроля их хозяев – неперемное следствие исчезновения помощи Бога и Перуна.

Затем в летописи перечисляются договоренности греков и русов, которые записываются в специальную хартию. Греки хотят обязать русов соблюдать положения последней, требуя сложить оружие и щиты на землю: «А на крѣщеньѣ Русь полагають щиты своя, и мечѣ свои наги, обручѣ свои и оружья». При этом отметим, что ответственность здесь весьма персонифицирована, а текст заклания звучит по-другому: «...А иже преступит се от страны наша, ли князь ли инь кто, ли крещень или некрещень, да не имуть помощи от бога, и да будеть рабъ въ весь вѣкъ в будующи, и да заколенъ будеть своимъ оружьемъ» (ЛЛ, стб. 53). То, что кара обрушится на тот же самый отряд русов в том же составе и посредством того же оружия, которое выступило «свидетелем» произнесенных клятв, – тоже далеко не факт. Но что происходит дальше? Послы от греков пришли к Игорю, тот согласился на выдвинутые условия. Русы отправились на холм, где стоял Перун, и «покладоша оружье свое, и щить и золото» (ЛЛ, стб. 54). Должно ли было иметь какой-то общий, *взаимосвязанный* смысл сложение именно этих трех артефактов? Куда в аргументации О.Л. Губарева выпадают золото и обручья?

Отметим также существование альтернативных текстов двух рассмотренных закланий. Радзивилловская летопись, например, в обоих случаях приписывает угрозу стать рабом не только в следующем веке, но и в этом (РЛ, с. 26–27). Можно, конечно, долго размышлять о том, какой смысл в подобном контексте вкладывался в изначально христианское понятие «будущего века», «жизни вечной» (идея рабства с ним никак не вяжется). Но если речь идет о противопоставлении жизни земной существованию в загробном мире⁴, то это свидетельствует по меньшей мере о том, что сами носители языка понимали фразу так: либо на нарушителей клятвы не обязательно должны обрушиться все перечисленные в тексте через знаки препинания кары, либо от нарушителя отвернутся Бог и Перун, в результате чего его возьмут в плен, а затем убьют его же оружием, когда защититься своим щитом он, будучи рабом, естественно, не сможет. Но все это не имеет никакого значения, потому что если русы не водили греков за нос, то перед нами текст заклинания, хотя и данная нами в предыдущей статье характеристика «заговорный текст» не является некорректной⁵. Как бы то ни было, перед нами *магический текст*, от которого странно ожидать определенности нарратива *исландских sag*. Перед магическими текстами не стоит задача увлечь читателя интересным сюжетом. Достаточно перечислить страшные кары, чтобы люди опасались нарушать клятву. А уж как это будет происходить... Не исключено, что русы и сами того не ведали. Допускают такие тексты и определенную иносказательность. Вспомним хотя бы до сих пор вызывающие споры разные формулировки одного из подобных закланий русов: «Да будемъ колоти яко золото» / «да будемъ золоти, яко золото» (ЛЛ, стб. 73; РЛ, с. 37).

⁴ Отметим, что в Древней Руси словосочетание «сей век» могло использоваться для противопоставления земных кар геенне огненной (БЛДР, с. 376).

⁵ Заговор отличается от заклинания только наличием дополнительных компонентов и «косвенным... способом обращения к объекту магического воздействия» [10, с. 260]. Отметим, что русы не обращаются к самому оружию, а акт его сложения на землю связывает с его заклинанием и сам О.Л. Губарев [3].

А вот в «Саге о Ньяле», повторим еще раз [1, с. 171–172], мысль о нападении оружия раскрывается предельно ясно, и причина тут вовсе не в нарушении каких-либо договоров: «Когда на вас напал *кровавый дождь*, то это означало, что вы прольете *много крови*, своей и чужой. Когда *раздался страшный грохот*, это был грохот, слышный во всем мире, и он означал, что вы все *скоро погибнете*. Когда на вас *набросилось оружие*, то это *предвещало скорую битву*. И когда на вас накнулись *вороны*, то это были те *враги*, которые утащат вас *в ад на муки* [курсив наш. – Д. П.]» (ИС, с. 360–361). Само по себе «оживание» оружия здесь не явилось карой, это было знамение – одно из многих. Щиты весьма удачно «справились» с нападением, однако на каждом корабле погибло по человеку. Точно так же на каждом судне ранее скончалось по одному воину и от кипящего кровавого дождя, и от атаки ворон с клювами и когтями, подобными железным. Очень похоже, что автор саги использовал мифологемы, восходящие к дохристианским временам. Но исходную форму этих мифологем не воссоздать, а вот упоминание щитов (которыми, повторюсь, герои отражали одинаково все обрушившиеся на них напасти) – уже явный плод творчества автора, проинтерпретировавшего такие мифологемы в рамках концепции знамений.

«Сагу о Ньяле» датируют концом XIII в. [11, с. 542]. Ее автор уже не мог воспринимать вероотступничество христианина как разрыв договора с Богом, соблюдение которого блюдут живущие в мечях божества. Отметим, что и представления о договорном характере отношений скандинавов-язычников со своими богами, вопреки утверждению О.Л. Губарева [3, с. 96], не факт, а всего лишь исследовательская интерпретация, способ понять некоторые аспекты языческой культуры. Но из этого не следует, что «договорные» отношения скандинавов с людьми и богами строились на одинаковых принципах, нарушение которых грозило одинаковыми карами.

Что касается эпизода из «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде», то здесь предельно четко определен актер, который привел оружие в движение. И дело даже не в том, что это движение началось по мере чтения стихов. Сам эпизод представлен как *месть* пострадавшей стороны: «Догадывается он теперь, что старик этот, верно, был Торлейв... и что так решил он с ним расквитаться за потерю людей своих и добра» (ИС, с. 453). Насколько это подтверждает идею, что оружие, в представлении скандинавов, *самостоятельно* карало нарушителя договора?

Что касается новых аргументов О.Л. Губарева [3, с. 95, 97], то все они представляются нам дискуссионными из-за нерелевантности самих источников. Зачем скандинавы ломали некоторые мечи, которые клали в погребение, мы не знаем, существует множество интерпретаций упомянутого факта, что признается и в работе, на которую сделана ссылка. Даже если рассматривать поломку как способ транспортировки предмета в иной мир, это еще ничего не говорит о его субъектных свойствах. Представления о том, что мертвого надо обеспечить всем необходимым для жизни, как и «порча» предметов, – распространенные явления. Что касается изображений, приведенных в статье нашего оппонента, то как по ним определить, какая именно сила приводила оружие в движение?

Если же делать выводы из буквальной трактовки кеннингов и иных стихотворных метафор, то с таким же успехом можно «доказать», что мужчина, в представлении скандинавов, был растением («тополь сражений, ясень сражений, ясень битвы... дерево сокровищ... дерево встречи валькирий... тополь об-

лака Одина... клен сражения» [12, с. 715–716]), а битва, как и всякое животное, нуждалась во сне («будить битву» [13, с. 64]).

В нашей предыдущей работе мы не ставили своей целью показать, что оружие, согласно скандинавским представлениям, обретало чудесную субъектность *только* по воле богов или в результате магических действий человека (был ли это *профессиональный* колдун – не так важно). Слишком мало данных мы имеем в своем распоряжении, чтобы делать категоричные выводы. Да и едва ли они возможны относительно элементов мировоззрения. Нашей задачей было лишь выстроить такой взгляд на изучаемую культуру, в рамках которого априорные представления исследователя о свойствах живой природы не навязывались бы источнику. Поэтому мы строго разграничили три вопроса: способность предметов влиять на социум (и они действительно влияют), деление мира на живое и неживое и наличие у предметов души. Такое тройное разграничение, кажется, должно позволить исследователю быть чувствительней к особенностям изучаемой культуры.

Поэтому, хотя О.Л. Губареву и не удалось разубедить нас в правильности нашей позиции, мы благодарны ему за возможность еще раз разъяснить свои выводы, углубить и «заострить» их. Интерпретируя разные аспекты мировоззрения прошлого, исследователи могут опираться на представления, которые кажутся им самоочевидными, но которые никто и никогда в должной мере не обосновывал. Мы нуждаемся в подобных дискуссиях, чтобы эти, обычно игнорируемые, проблемы стали заметнее.

Источники

- ЛЛ – Полное собрание русских летописей. М.: Яз. рус. культуры: Кошелев, 1997. Т. 1: Лаврентьевская летопись. 733 с.
- РЛ – Полное собрание русских летописей. Л.: Наука, 1989. Т. 38: Радзивилловская летопись. 177 с.
- БЛДР – Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 2000. Т. 5: XIII век. 530 с.
- ИС – Исландские саги: в 2 т. / Под общ. ред. О.А. Смирницкой. СПб.: Нева: Летний сад, 1999. Т. 2. 560 с.

Литература

1. Пузанов Д.В. Насколько «живым» было оружие норманнов и русов? // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2021. Т. 163, кн. 6. С. 168–178.
2. Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры. М.: НЛЮ, 2012. 584 с.
3. Губарев О.Л. И снова о клятве русов... (ответ Д.В. Пузанову) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2023. Т. 165, кн. 4–5. С. 92–102.
4. Щавелев А.С. Символические функции креста в Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. XIV Чтения памяти член. корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 17–19 апреля 2002 г. М.: ИВИ РАН, 2002. С. 248–254.
5. Федотов Г.П. Собрание сочинений: в 12 т. М.: Мартис; SAM & SAM, 2001. Т. 10: Русская религиозность. Ч. 1. Христианство Киевской Руси. X – XIII вв. 382 с.

6. *Riisoy A.I.* Performing oaths in eddic poetry: Viking Age fact or Medieval fiction? // *J. the North Atlantic*. 2016. Spec. V. 8. P. 141–156. <https://doi.org/10.3721/037.002.sp811>.
7. *Соколов М.В.* Очерки истории психологических воззрений в России в XI – XVIII веках. М.: Изд-во Академии педагогич. наук РСФСР, 1963. 419 с.
8. *Hedeager L.* Iron Age Myth and Materiality. An Archaeology of Scandinavia AD 400–1000. London; N. Y.: Routledge, 2011. xxx, 286 p.
9. *Каравашкин А.В., Юрганов А.Л.* Регион Докса. Источниковедение культуры. М.: РГГУ, 2005. 209 с.
10. *Толстая С.М.* Заклинание // *Славянские древности: в 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого*. М.: Междунар. отношения, 1999. Т. 2: Д – К (Крошки). С. 258–260.
11. *Комментарии // Исландские саги: в 2 т. / Под общ. ред. О.А. Смирницкой*. СПб.: Нева: Летний сад, 1999. Т. 2. С. 537–558.
12. *Сванидзе А.А.* Викинги – люди саги: жизнь и нравы. М.: НЛО, 2014. 800 с.
13. *Мелетинский Е.М.* «Эдда» и ранние формы эпоса. М.: Наука, 1968. 364 с.

Поступила в редакцию 20.07.2023

Принята к публикации 20.09.2023

Пузанов Даниил Викторович, кандидат исторических наук, научный сотрудник

Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН

ул. Ломоносова, д. 4, г. Ижевск, 426004, Россия

E-mail: lpdmor@gmail.com

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2023, vol. 165, no. 4-5, pp. 103–112

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.103-112

Objects as Agents (Some Comments on O.L. Gubarev's Response)

D.V. Puzanov

Udmurt Institute of History, Language, and Literature, UdmFRC, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, Izhevsk, 426004 Russia

E-mail: lpdmor@gmail.com

Received July 20, 2023; Accepted September 20, 2023

Abstract

This article builds on the earlier discussion about the actor traits associated with North Germanic weapons. The historical theories and evidence used by O.L. Gubarev to support his approach are analyzed. It is argued that he seems to echo the historiographical tradition relying on oversimplified a priori assertions, rather than a comprehensive analysis of the concept of “living” things in certain cultures. In his polemical response, he misinterpreted some historical sources and the views of other researchers, while also presenting his own controversial ideas as undeniable facts. In conclusion, it is suggested that the beliefs in the ability of inanimate things to have person-like qualities and play an actual social role, the distinction between living and non-living nature, as well as the practice of attributing souls to non-living entities, should be regarded as separate problems that are not clearly related in all cultures.

Keywords: Rus people, Icelandic sagas, spells, weapons, magic items, subjectivity, terminology, methodology

References

1. Puzanov D.V. Were weapons of the Normans and Rus' "alive"? *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2021, vol. 163, no. 6, pp. 168–178. doi: 10.26907/2541-7738.2021.6.168-178. (In Russian)
2. Descola Ph. *Po tu storonu prirody i kul'tury* [Beyond Nature and Culture]. Moscow, NLO, 2012. 584 p. (In Russian)
3. Gubarev O.L. Further discussion on the oath of the Rus... (responding to D.V. Puzanov). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 4-5, pp. ...-... doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5...-... (In Russian)
4. Shchhavelev A.S. Symbolic functions of the cross in Old Rus. In: *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Mnimye real'nosti v antichnoi i srednevekovoi istoriografii. XIV Chteniya pamyati chlen. korr. AN SSSR V.T. Pashuto. Moskva, 17–19 aprelya 2002 g.* [Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages. Imaginary Realities in Ancient and Medieval Historiography. Proc. XIV Lectures in Memory of V.T. Pashuto, the Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences. Moscow, April 17–19, 2002]. Moscow, 2002, pp. 248–254. (In Russian)
5. Fedotov G.P. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Vol. 10: Russian religiosity. Part 1: The Christianity of Kievan Rus. 10th–13th Centuries. Moscow, Martis, SAM & SAM, 2001. 382 p. (In Russian)
6. Riisoy A.I. Performing oaths in eddic poetry: Viking Age fact or Medieval fiction? *Journal of the North Atlantic*, 2016, spec. vol. 8, pp. 141–156. <https://doi.org/10.3721/037.002.sp811>.
7. Sokolov M.V. *Ocherki istorii psikhologicheskikh vozzrenii v Rossii v XI–XVII vekakh* [Essays on the History of Psychological Views in Russia during the 11th–18th Centuries]. Moscow, Izd. Akad. Pedagog. Nauk RSFSR, 1963. 419 p. (In Russian)
8. Hedeager L. *Iron Age Myth and Materiality. An Archaeology of Scandinavia AD 400–1000*. London, New York, Routledge, 2011. xxx, 286 p.
9. Karavashkin A.V., Yurganov A.L. *Region Doksa. Istochnikovedenie kul'tury* [Doxa Region. Source Study of Culture]. Moscow, RGGU, 2005. 209 p. (In Russian)
10. Tolstaya S.M. Spell. In: *Slavyanskie drevnosti* [Slavic Antiquities]. Tolstoi N.I. (Ed.). Vol. 2: D–K (Kroshki). Moscow, Mezhdunar. Otnosheniya, 1999, pp. 258–260. (In Russian)
11. Commentaries. In: Smirnitckaya O.A. (Ed.) *Islandskie sagi* [Icelandic Sagas]. Vol. 2. St. Petersburg, Neva, Letnii Sad, 1999, pp. 537–558. (In Russian)
12. Svanidze A.A. *Vikingi – lyudi sagi: zhizn' i nray* [The Vikings: The People of Sagas. Their Life and Habits]. Moscow, NLO, 2014. 800 p. (In Russian)
13. Meletinskii E.M. *“Edda” i rannie formy eposa* [“Edda” and Early Epic Forms]. Moscow, Nauka, 1968. 364 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Пузанов Д.В. Объекты как агенты (некоторые пояснения к ответу О.Л. Губарева) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2023. Т. 165, кн. 4–5. С. 103–112. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.4-5.103-112> ⟩

⟨ **For citation:** Puzanov D.V. Objects as agents (some comments on O.L. Gubarev's response). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 4–5, pp. 103–112. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.4-5.103-112>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342.535.2

doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.113-124

РОЛЬ ПРИСЯГИ ПРИ ВСТУПЛЕНИИ ИНОСТРАНЦЕВ В РУССКОЕ ПОДДАНСТВО (XV – НАЧАЛО XX ВЕКА)

И.К. Воронин

*Дальневосточный государственный университет путей сообщения,
г. Хабаровск, 680021, Россия*

Аннотация

В статье выявлена роль присяги как формы непосредственной фиксации перехода иностранцев в российское подданство. Целью исследования является раскрытие содержания таких понятий, как «крестоцелование», «крестоприводная запись», «присяга», существовавших в России XV – начала XX в. Уделено особое внимание генезису сущности и содержания такого правового института, как «присяга». Проведен сравнительно-сопоставительный анализ присяг иностранцев и как подданных российских императоров, и как чиновников на русской службе. На основе результатов исследования сделан вывод, что уже в XVII в. смена подданства не сопровождалась сменой вероисповедания. Более того, присяга произносилась на том языке, на котором говорил иностранец, и перед священнослужителем той конфессии, к которой он принадлежал. В условиях расширения практики принятия иностранцами присяги на русское подданство наблюдается стремление законодателя унифицировать её процедуру. При этом соблюдалось главное требование к присяге – сакральность как текста, так и самого ритуала принесения присяги.

Ключевые слова: подданные монарха, присяга, клятва, крестоцелование, клятвенное обещание, государственная служба, иностранцы, русские подданные

В связи с возросшим объемом миграции иностранцев, прежде всего из стран ближнего зарубежья, в Российскую Федерацию, остро стоит вопрос об их адаптации в российском правовом пространстве. Одним из важнейших правовых механизмов такой адаптации является принесение ими присяги при вступлении в российское гражданство. Неукоснительное соблюдение процедуры принятия гражданства является гарантией соблюдения законности и правопорядка в РФ.

В широком юридическом смысле присяга рассматривается как торжественное обещание (клятва) верности [1, с. 440]. В контексте темы настоящего исследования присяга – непосредственная форма фиксации перехода иностранцев в российское подданство. Целью исследования является выявление видов присяг для иностранцев, существовавших в России XV – начала XX в. Особое внимание уделяется генезису сущности и содержания присяги как правового института. Также проводится сравнительно-правовой анализ содержания текстов присяг иностранцев на верность императору как подданных и присяги иностранцев как чиновников на русской службе.

На основе анализа правовых актов, действовавших в XV – начале XX в., выявляется роль присяги при вступлении иностранцев в российское подданство. Правоприменительная практика изучается на основе опубликованных и неопубликованных (архивных) источников. В ходе проведения научных исследований нами применялись принципы историзма и объективности, а также общие методы научного исследования (анализ, синтез, дедукция, индукция).

Как утверждают отдельные авторы (см., напр., [2, с. 206]), вплоть до конца XVII в. принятие русского подданства было тождественно принятию православия, однако с начала XVIII столетия смены вероисповедания уже не требовалось. Принцип веротерпимости дополнялся принципами индивидуальности и добровольности – никого из желающих перейти на службу к русскому государю не принуждали к вступлению в русское подданство. Когда практика перехода на русскую службу и принятие русского подданства иностранцами приобретает массовый характер, происходит унификация текстов присяги. В то же время оформляется два вида присяги иностранцев: присяга на подданство и служебная. В конечном итоге присяга сыграла огромную роль в адаптации иностранцев к российской действительности в качестве подданных нового государства.

К середине XIX в. был выработан текст присяги, единообразный для всех иностранцев, принимающих российское подданство, и зафиксированный в Своде законов Российской империи (СЗРИ). По мнению Н.Г. Русаковой, вплоть до XVIII в. принятие русского подданства было равнозначно крещению по православному обряду, а присяга на верность была введена Петром I в апреле 1721 г., когда он по случаю завершения Северной войны обратился к пленным шведам с Манифестом «О призыве Шведов в службу и о позволении им в Российском Государстве, по учинении присяги, селиться, вступать в супружество, приобретать недвижимую собственность, заниматься торговлею и промыслами» (ПСЗРИ, т. VI, с. 383–387, № 3778). Текст присяги был опубликован в том же Манифесте. Как считает Н.Г. Русакова, «впервые присяга на подданство как способ натурализации получает правовое закрепление» [2, с. 205]. Автор приводит следующие признаки присяги: а) юридический факт; б) принятие официальной клятвы (торжественного обещания) соблюдать закон и реализовывать права и обязанности в соответствии с принимаемой должностью; в) фиксация момента изменения специального правового статуса субъектов; г) осуществление в особом ритуальном порядке [3, с. 46].

Мы полагаем, что принятие присяги – это процедура, связанная с фиксацией перехода иностранцев в российское подданство, а выработка текста присяги на переход в российское подданство началась не в XVIII в., как предполагает Н.Г. Русакова, а гораздо раньше, и связано это с формированием единого централизованного русского государства, то есть с XV в. Таким образом, хронологические рамки настоящего исследования охватывают период с XV в. до начала XX столетия.

Обряд крестного целования, вероятно, появился на Руси с принятием христианства. Им сопровождали заключение частноправовых сделок. Первые документальные сведения о таких «крестоцеловальных записях» обнаруживаются в грамотах конца XIV в. (СГиД1819, с. 14). Практика их применения существенно расширяется в следующем столетии. В первой трети XVI в. Василий III стал тре-

бовать от многих удельных князей, переходивших к нему на службу, не только крестоцеловальную запись, но еще и поручные записи. Поручители гарантировали, что давший клятву на верность не перейдет впоследствии на службу к другому сюзерену, коим являлся великий князь литовский (СГид1813, с. 403–404, док. № 146).

Примечательно то, что в документах Царского (Государственного) архива, переданных в конце того же XVI в. в архив Посольского приказа и «крестоцеловальные», и поручные записи хранились в одном ящике. Последние представляли собой, по выражению В.И. Гальцова, «поручные записи на верность» [4, с. 140]. Таким образом, великий князь Московский стремился подкрепить крестоцеловальную запись, которая чаще всего была одним из процессуальных приемов между тяжущимися по частным делам, дополнительной субсидиарной ответственностью частных же лиц за поручаемого. Так в русском праве шел поиск адекватных юридических механизмов, гарантирующих службу «верой и правдой» государю как олицетворение единства государственной власти. Вероятно, что тогда (в XVI в.) одно крестоцелование не могло гарантировать выполнение подданными предъявляемых требований.

По мнению А.Ю. Челноковой, к середине XVII в. практика крестоцелования уже в полной мере представляла собой государственную присягу на верность верховному правителю – государю всея Руси [5, с. 209]. При этом по мере укрепления централизованной власти возрастала индивидуальная ответственность подданных перед самодержцем за измену, и не только своим имуществом, но и жизнью. Одновременно с этим возникло различие между иноземцем – жителем другой русской земли и иностранцем – жителем другой страны.

По мнению М.В. Королевой, началом трансформации присяги от обязательств личной верности князю к подданству государю, воплощающему собой государство, следует считать введение Борисом Годуновым обязательного ритуала целования креста. Свидетельством указанного ритуала может являться Смоленская крестоприводная книга 1598 г., опубликованная С.П. Мордовиной и А.С. Станиславским¹. Крестоцелование проходило в церквях по образцовым крестоприводным записям под руководством священников [6, с. 594].

Текст грамоты Алексея Михайловича от 30 января 1657 г. виленскому воеводе Шаховскому «О недопущении поляков и литовцев в город Вильну за чинимые от них грабежи и обиды»: «...И ты бы тех приводил к вере...»² (ПСЗРИ1, т. I, с. 414, № 198) – можно трактовать как принятие ими обряда святого крещения, что вряд ли было приемлемо для большинства из них, так как они были католиками. Поэтому, на наш взгляд, истине соответствует другая трактовка формулы «привести к вере», а именно как принятие от иностранцев присяги на верность русскому царю.

Подтверждением этого тезиса служит тот факт, что в 1682 г. английские «гости» (купцы) Томас Кальдерман, Иван Еремеев сын Марсов, Павел Яковлев сын Вестов, Павел Юрьев сын Вестов³ «были у веры» в Посольском приказе и произнесли клятву верности русским царствующим особам – малолетним брать-

¹ Смоленская крестоприводная книга 1598 г. / Подгот. к печ. С.П. Мордовина, А.С. Станиславский // Источники по истории русского языка. М., 1976. С. 131–166.

² Имелись в виду литовцы и поляки.

³ Имена и фамилии иностранцев, вероятно, русифицированы.

ям Иоанну и Петру Романовым. Текст присяги сохранился и был опубликован в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗРИ1, т. II, с. 403, № 924). Присяга Петру Алексеевичу была принесена в некоторых местах дважды: сначала ему одному, а затем – после стрелецкого бунта – ему и брату Ивану Алексеевичу, провозглашенным соправителями [7, с. 76]. В алфавитном указателе к первому изданию ПСЗРИ Указ Алексея Михайловича помещен в рубрику «Подданство и присяга на оное». Таким образом, и составители ПСЗРИ трактовали «приведение к вере» не как совершение обряда крещения, а как принятие присяги (ПСЗРИ1, т. XLII, ч. 2, с. 445).

При Алексее Михайловиче существовало различие между: 1) крестоцелованием как актом принесения подданными присяги на верную и беспорочную службу государю; 2) крестоцелованием как клятвой на истинность показаний; 3) крестоцелованием как актом принятия святого крещения, в том числе иноверцами, среди которых могли быть и иностранцы. Однако следует признать и тот факт, что строгого разграничения между всеми этими понятиями тогда еще не было, так же как не был законодательно закреплён сам текст присяги. Присяга английских купцов – первое зафиксированное отечественными законодателями – систематизаторами права – клятвенное обещание иностранцев, принимающих российское подданство. Несмотря на свою краткость, она содержит все элементы, которые, так или иначе, имеются в других клятвенных обещаниях иностранцев при принятии российского подданства [8, с. 3; 9, с. 62; 10, с. 73; 11, с. 68]. И текст клятвы 1682 г., и Манифест Петра I, и грамота Алексея Михайловича имели ситуационный характер. В первом случае закон был обращен к группе английских купцов, во втором – к пленным шведам, в третьем – к полякам и литовцам.

Петр «открыл окно в Европу», через которое в Россию на русскую службу хлынули иностранцы, и прежде всего немцы. Политика изоляционизма сменилась политикой привлечения на русскую службу иностранцев. Учитывая это обстоятельство, Правительствующий Сенат в Указ от 27 августа 1747 г. «О клятвенном обещании иностранцев, желающих присягнуть на вечное подданство России» включил текст присяги иностранцев, желающих принять русское подданство, переведенный на немецкий язык. Он был отпечатан на двух языках в типографии Академии наук в количестве 500 экземпляров и разослан в коллегии – Адмиралтейскую, Военную и Иностранную, в которых по большей части и служили иностранцы. Кроме того, определенное количество экземпляров было непосредственно отправлено в Рижскую, Ревельскую и Выборгскую губернии, через которые шел основной поток иностранцев из германских государств (ПСЗРИ1, т. XII, с. 748–749, № 9434). Важно подчеркнуть, что в XVIII в. слово «крестоцелование» в законодательстве вытесняется словом «присяга» (ПСЗРИ1, т. XLII, ч. 2, с. 445–446). В период просвещенного абсолютизма верх берет светская форма схожих понятий. При этом слово «крестоцелование» может толковаться двояко (в зависимости от контекста) – именование как частноправового, так и публичного акта. Слово «присяга», как правило, употреблялось более как именование публичного акта, связанного с принятием иностранцами русского подданства. Структурный анализ текста присяги от 27 августа 1747 г. позволяет выявить следующие его элементы:

1. Вступающий в российское подданство называл свое имя, указывал, что он (уже) бывший подданный другого государства.

2. Клятва обращена к Богу как свидетелю происходящего.

3. Обращение к царствующей особе, в котором подчеркивается её самодержавная власть как верховного правителя страны⁴.

4. Заверение в верной службе лично вышепоименованным и в соблюдении российских законов, охраняющих права и привилегии вступивших в подданство.

5. Перечисление государственных преступлений, которые можно отнести к разряду «измены» государю, включая:

– разглашение государственной тайны;

– участие в заговорах и доноительство об оных властям предержавшим.

6. В заключении следовало обращение к Богу, который «душевно и телесно» поможет приносящему присягу. Предваряя дальнейшие действия, присягающий говорил о том, что в знак преклонения перед Богом «целует слова и крест Спасителя».

В начале XIX в., в эпоху Наполеоновских войн и кризиса российско-французских отношений, Россия вынуждена была принять ряд мер, направленных на укрепление её безопасности. В соответствии с именованным Указом Александра I, данным Сенату 28 ноября 1806 г., «О высылке из России всея подданных Французских и разных Немецких областей, которые не пожелают вступить в подданство; непропуск оных в Россию без паспортов Министра Иностранных дел; о прекращении действия торгового договора с Францией и об учреждении Комиссии для разбора иностранцев» (ПСЗРИ1, т. XXIX, с. 884–891, № 22.371), все подданные Франции и контролируемых ею областей Европы должны были либо принять подданство России, либо покинуть её пределы, либо получить новый вид на жительство⁵. В тексте присяги, включенной в указанный выше именной Указ императора, вопрос о подданстве был поставлен жестко – новые подданные вступали в подданство навечно и ни при каких условиях не могли его сменить, так как это было равносильно преступлению – «измене». Устанавливались четкие сроки принятия присяги, оговаривался строгий порядок её проведения. В особую категорию попадали французские офицеры, находившиеся на территории России либо по делам французской службы, либо как эмигранты, бежавшие из своей страны от революции. Все они ставились на учет и в кратчайшие сроки должны были решить – принять российское подданство или покинуть Россию. По сути, нарушался принцип добровольности принесения присяги, утвердившийся в российском праве еще с XVII в. Однако надо иметь в виду то обстоятельство, что российское правительство действовало в чрезвычайных обстоятельствах в преддверии нападения Наполеона на Россию.

⁴ Кроме того, в этой части присяги упоминались (именно упоминались, не более) имя и титул наследника престола, что служило, с одной стороны, напоминанием о прочности царской власти, имеющей свое продолжение в лице наследника, с другой – обеспечивало преемственность присягнувшего в верности российскому престолу. Среди преемников царского престола, обозначенных в тексте присяги, были не только естественные преемники, то есть дети, точнее сыновья, царствующей особы, но и назначенные ею быть таковыми. Так, Елизавета вписала в текст присяги своего племянника, будущего Петра III.

⁵ Возможность получить новый вид на жительство и остаться жить в России, занимаясь профессиональной деятельностью, получили: французские купцы, торгующие в России не менее 15 лет, французы – профессора и преподаватели учебных заведений, учителя, работавшие по найму, и лица, находившиеся в услужении у частных лиц (см. (ПСЗРИ1, т. XXIX, с. 884–891, № 22.371)).

Ввиду чрезвычайности мер, проводимых царскими властями, в Санкт-Петербурге и других городах создавались специальные комиссии по принятию присяги у иностранцев. Имелись в виду не только французы, но и означенные в Указе голландцы, итальянцы, немцы, проживавшие на землях по левому берегу Рейна (ПСЗРИ1, т. XXIX, с. 884–891, № 22.371).

Текст присяги, обнародованный после неожиданной смерти Александра I и вступления на престол его брата Николая Павловича, также почти повторял предыдущие. Но акцент был сделан на недопустимости участия подданных в различного рода тайных заговорах против царствующей особы. Обо всех этих фактах иностранец, став русским подданным, должен был сообщать властям (ПСЗРИ2, т. I, с. 22, № 13).

Следует отметить то обстоятельство, что текст присяги чиновников на верность службе почти полностью совпадал с текстом присяги на подданство с тем отличием, что первая служила подтверждением искренности верной и непорочной службы новому императору, содержа, помимо апелляции к суду божьему, и предостережение об ответственности перед земным судом, вторая – заверением в верности службы царю и, возможно, в искренности намерений нового подданного (ПСЗРИ2, т. I, с. 24, № 13).

В последующем, когда внутренняя обстановка в стране стабилизировалась, Николаю I удалось осуществить систематизацию русского законодательства, издав в 1832 г. Свод законов Российской империи. Позднее был унифицирован текст присяги, опубликованный в виде приложения к статье 847 «Клятвенное обещание на подданство» тома 9, в котором находится Свод о состояниях (СЗРИ1889, т. 9, с. 194, прил. к ст. 847).

Основополагающий принцип принесения присяги на подданство иностранцами – принцип добровольности [12, с. 91], утвердившийся в России еще со времен Алексея Михайловича, – был реализован в Своде законов. Даже Указ Александра I, обращенный к французам и представителям других народов Европы, подконтрольных французскому императору, не лишал их выбора – принимать или не принимать российское подданство. Исключение составляли, как указано выше, по понятным причинам лишь французские офицеры. О добровольном порядке принесения присяги иностранцами свидетельствует и то, что присяга произносилась на родном языке иностранца. Также власти брали на себя обеспечение перевода процедуры принесения присяги переводчиком. В документах сохранились их имена. Присягу английских купцов переводил Андрей Юрьев (вероятно, обрусевший англичанин «сын Крефта»). Квалифицированные переводчики имелись только в Посольском приказе, позднее в Иностранной коллегии, а в XIX в. – в Министерстве иностранных дел. Указанные выше купцы не только произносили присягу по-английски, но и «по своей вере обещались... при пасторе Александре Юхне». Правда, если анализировать текст присяги 1682 г., то в нем нет указания на то, что каждый присягающий произносил клятву индивидуально (ПСЗРИ1, т. II, с. 403, № 924). Однако уже текст присяги, включенной в Манифест Петра I, изданный в апреле 1721 г., начинался со слов «Я имярек, родом из N: N: обещаюсь и клянусь...» (ПСЗРИ1, т. VI, с. 383, № 3778).

⁶ Примечательно, что эта присяга уже называется не крестоцелованием, а клятвенным обещанием.

В последующих указанных нами текстах присяг эта формула повторяется в той или иной интерпретации. Принципы добровольности и индивидуализации были закреплены в Высочайше утвержденном мнении Государственного совета 10 февраля 1864 г., в ст. 6 которого прямо говорилось: «Принятие русского подданства есть всегда личное для того, который его удостоился...» (ПСЗРИ2, т. XXXIX, отд. 1, с. 107, № 40588).

Эти принципы – добровольность и индивидуальность – при принятии российского подданства действовали и для детей иностранцев, которые выросли в России, но чьи родители не были российскими подданными. Они по достижении совершеннолетия в течение года в льготном порядке могли выбирать – принести или не принести присягу на подданство. Льготный порядок заключался в том, что им не надо было испрашивать права водворения в пределы Российской империи, ждать установленного срока, чтобы обратиться в Министерство внутренних дел с прошением о принятии российского подданства. Все вопросы натурализации юного иностранца решались на уровне губернского правления той губернии, в которой он и его родители проживали [14, с. 278].

В этом отношении показательна судьба некоего Августа Иосифовича Маркса, родившегося 7 февраля 1877 г. в Сызрани. В 1898 г., в возрасте 21 года, он обратился к губернатору Забайкальской области с прошением о принятии его в российское подданство и получил предварительно водворительное свидетельство. После этого он переехал в Благовещенск, где служил помощником капитана на пароходе Товарищества Амурского пароходства. В феврале 1902 г. он подал аналогичное прошение, но уже в адрес губернатора Амурской области, подкрепив просьбу свидетельством о водворении. Департамент общих дел МВД разъяснил губернатору, что вопрос о принятии российского подданства А.И. Марксом, как иностранцем, родившимся в России и обратившимся к властям с соответствующим прошением до истечения года после достижения им совершеннолетия, может быть решен местными властями самостоятельно. (РГИА ДВ, л. 1–5 об.). В декабре 1902 г. по решению Амурского областного губернатора в помещении Амурского губернского правления А.И. Маркс принес присягу на подданство российскому императору (РГИА ДВ, л. 15–17).

Кроме того, юношам-иностранцам, родившимся и выросшим в России или получившим здесь образование, давалось право в годичный срок поступить на гражданскую службу, не принимая подданства, но дав клятву на верность службе. Присяги, произносимые принимаемыми на государственную службу иностранцами (не подданными Российской империи) и российскими подданными, текстуально совпадали (СЗРИ1857, т. 3, с. 85–86, ст. 409–410). Однако в 1844 г. император утвердил мнение Государственного совета, согласно которому из преамбулы служебной присяги были убраны слова «своему истинному и природному»⁷, обращенные к Высочайшей особе – Государю Императору. Члены Госсовета исходили из того, что указанная выше словесная формула уместна лишь для

⁷ Кроме того, в этой части присяги упоминались (именно упоминались, не более) имя и титул наследника престола, что служило, с одной стороны, напоминанием о прочности царской власти, имеющей свое продолжение в лице наследника, с другой – обеспечивало преемственность присягнувшего в верности российскому престолу. Среди преемников царского престола, обозначенных в тексте присяги, были не только естественные преемники, то есть дети, точнее сыновья, царствующей особы, но и назначенные ею быть таковыми. Так, Елизавета вписала в текст присяги своего племянника, будущего Петра III.

русских подданных, вступающих на государственную службу⁸. Пропустившие льготный срок принесения присяги в российское подданство дети иностранцев, достигшие совершеннолетия, получали его на общих основаниях.

Однако принцип индивидуальности принесения присяги, продекларированный в ст. 6 закона 1864 г. «О правилах относительно принятия и оставления иностранцами Русского подданства», нарушается предыдущей статьей этого нормативного акта. В ней говорится о том, что замужние женщины не могут приносить присягу на принятие подданства отдельно от своих мужей (ст. 5) (ПСЗРИ2, т. XXXIX, отд. 1, с. 107, № 40588). Фактически, как и подобает феодальному праву, правовой статус женщин был произведен от статуса их мужей. Так, согласно ст. 17 того же закона, иностранки, вступившие в брак с русскими подданными, автоматически, без присяги, меняли свое подданство на русское точно так же, как и жены иностранцев, принявших русское подданство (ПСЗРИ2, т. XXXIX, отд. 1, с. 109, № 40588). Это состояние они сохраняли и в том случае, если становились вдовами или разводились со своими мужьями⁹.

Выше уже говорилось, что присяга на подданство иностранцами, как является из нормативных актов еще XV – XVII вв., давалась на их родном или доступном для них языке (в том числе на русском), обычно перед духовною особою того вероисповедания, к которому относился присягающий. Но поскольку принятие присяги на русское подданство было тогда еще редким явлением, то принимали её должностные лица Посольского приказа – одного из ключевых ведомств Московской Руси.

Текст присяги со времен Петра I имел огромное значение для формирования чувства верности престолу, а сама присяга стала основным содержанием понятия воинской чести, которая стала восприниматься как нравственная категория, скреплявшая обет верности государю и Отечеству, чьими сынами были подданные Российской империи [13, с. 7].

В XVIII в. Российская империя превратилась в европейскую державу, что сделало её привлекательной для многих иностранцев. Многие из них не прочь были получить гражданские или военные чины. Для продвижения по государственной службе, успешного ведения коммерческих дел также необходимо было получить статус российского подданного. Не единичный, но ставший регулярным характер вступления в русское подданство вызвал необходимость в привлечении к принятию присяги от иностранцев служащих не только центральных, но и территориальных органов управления.

Итак, присяга как форма фиксации (регистрации) перехода в русское (российское) подданство возникает еще в XV в. и утверждается в следующем столетии по мере укрепления централизованного государства. Цель присяги, безусловно, не только зафиксировать факт перехода иностранцев в российское подданство, но и укрепить их правовую связь с русским государством. В рассматриваемый период присяга эволюционировала от частноправового акта к публичному, в ходе осуществления которого менялся статус личности: из чужестранца или иностранца

⁸ Примечательно, что эта присяга уже называется не крестоцелованием, а клятвенным обещанием.

⁹ Однако законодатель проявил определенную заботу о женщинах, бывших ранее русскими подданными, но вступивших в брак с иностранцами. Безусловно, по закону 1864 г., они меняли свое подданство с русского на иностранное. Но в случае отпадения причин таких перемен – за смертью мужа или из-за развода с ним – русские женщины возвращались в прежнее свое подданство, предъявив начальству документы, свидетельствующие о прекращении ими своего брачного состояния.

он становился подданным российского централизованного государства. Это не было равнозначно принятию православной веры, так как от приносящих присягу вовсе не требовали смены вероисповедания. Процедура принесения присяги со временем мало изменилась – она ВСЕГДА проходила в торжественной обстановке и не обязательно в церкви, но непременно в присутствии священника той конфессии, которую исповедовал присягающий. В дальнейшем, когда практика перехода на русскую службу и принятие русского подданства иностранцами приобретает массовый характер, происходит унификация текстов присяги. В XIX в. все более последовательно реализуются принципы индивидуализации и добровольности принятия русского подданства иностранцами, что создает благоприятные условия для перехода в российское подданство многочисленных иностранцев, проживавших в пределах Российской империи. Как показывает кризис начала XIX в., ужесточение требований к принятию присяги на русское подданство французами способствовало усилению безопасности страны.

Источники

- ПСЗРИ1 – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. 1649–1825 гг.: в 50 т. / Под ред. М.М. Сперанского. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. I: 1649–1675 гг. 1072 с.; Т. II: 1676–1688 гг.– 979 с.; Т. IV: 1700–1712 гг. 890 с.; Т. VI: 1720–1722 гг. 817 с.; Т. XII: 1744–1748 гг. 962 с.; Т. XXIX: 1806–1807 гг. 1391 с.; Т. XLII, ч. 2: Указатель алфавитный. 1348 с.
- ПСЗРИ2 – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 – 28 февраля 1881: в 55 т. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Т. I: 12 декабря 1825 г. – 1827 г. – 1527 с.; Т. XIX, отд. 1: 1844 г. 1446 с.; Т. XXXIX, отд. 1: 1864 г. 976 с.
- РГИА ДВ – Российский Государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. 704. Оп. 1. Д. 609: О принятии российского подданства иностранцами. Л. 1–17.
- СЗРИ1857 – Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Первого составленный: издание 1857 года. СПб.: Тип. Второго отд-ния Собств. е.и.в. канцелярии, 1857. Т. 3: Уставы о службе гражданской. 1414 с.
- СЗРИ1889 – Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Первого составленный: издание 1889 года. СПб.: Тип. Второго отд-ния Собств. е.и.в. канцелярии, 1889. Т. 9. 647 с.
- СГид1813 – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Часть первая. М.: Изд. на средства Н.П. Румянцева, 1813. 533 с.
- СГид1819 – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Часть вторая, служащая дополнением к первой. М.: В тип. Селивановского, 1819. 399 с.

Литература

1. Додонов В.Н., Ермаков В.Д., Крылова М.А. Большой юридический словарь. М.: Инфра-М, 2001. 790 с.
2. Русакова Н.Г. Присяга при приобретении гражданства Российской Федерации иностранцами // Юридическая наука и практика: Вестн. Нижегород. акад. МВД России. 2017. № 4(40). С. 205–207.

3. *Русакова Н.Г.* Присяга как общеправовой феномен. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. акад. МВД России, 2010. 119 с.
4. *Гальцов В.И.* Архив Посольского приказа во второй половине XVI – начале XVII вв. // Археографический ежегодник за 1981 г. М.: Наука, 1982. С. 134–148.
5. *Челнокова А.Ю.* Текст и контекст крестоцеловальных записей XVII века // Текст, контекст, интертекст: Сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф. «XIV Виноградовские чтения», Москва, 16–17 октября 2015 г. / Отв. ред.: И.А. Бирич, В.А. Коханова, А.Ю. Челнокова. М.: Моск. гор. педагог. ун-т, 2016. С. 205–210.
6. *Королева М.В.* Становление государственной присяги в России после Смутного времени // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2019. № 6. С. 593–596.
7. *Королева М.В.* Процедура государственной присяги в России XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 4(82). С. 73–82. doi: 10.25986/IRI.2020.82.4.004.
8. *Боков Ю.А.* К вопросу об использовании понятий «гражданин» и «подданный» в правовых и научных источниках // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 5. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7280>, свободный.
9. *Ванюшин Я.Л.* Гражданство и подданство: некоторые вопросы соотношения // Проблемы права. 2010. № 1(21). С. 61–65.
10. *Галушкин А.А.* К вопросу о понятиях «гражданство» и «подданство» в их философско-правовом восприятии // Государство и право. 2013. № 11. С. 73–76.
11. *Евтушенко В.И.* Институт подданства и гражданства в России: историко-правовые параллели // Государство созидующее: правовые ресурсы формирования: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 25-летию юридического института НИУ «БелГУ», Белгород, 22 ноября 2018 г. Белгород: ООО ГиК, 2018. С. 67–70.
12. *Бенда В.Н.* Предназначение различного рода и содержания «клятвенных обещаний» и «присяг на верность», используемых в постпетровское время XVIII в. // Клио. 2018. № 9(141). С. 88–95.
13. *Гончарова Е.В., Павлова М.М.* К вопросу о государственной политике в отношении правового положения сословий Российской империи первой половины – середины XVIII в. // Метаморфозы истории. 2022. № 25. doi: 10.37490/S230861810023093-2. URL: <https://history-metamorph.ru/s230861810023093-2-1/>, свободный.

Поступила в редакцию 20.05.2023

Принята к публикации 19.09.2023

Воронин Иван Константинович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и история государства и права»

Дальневосточный государственный университет путей сообщения

ул. Серышева, д. 47, г. Хабаровск, 680021, Россия

E-mail: voronin@festu.khv.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.113-124

**The Role of the Oath Taken by Foreigners for Becoming Naturalized Russian Citizens
(from the 15th to the Early 20th Century)**

I.K. Voronin

Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, 680021 Russia

E-mail: voronin@festu.khv.ru

Received May 20, 2023; Accepted September 19, 2023

Abstract

This article considers the role of the oath of Russian citizenship as confirmation that foreigners become naturalized as Russian citizens. The concepts of “cross kissing”, “cross-kissing record”, and “oath” are examined in relation to the procedure of citizenship acquisition in Russia from the 15th to the early 20th century. Particular emphasis is placed on the genesis of the essence and scope of the oath institution in Russia. A comparative analysis is performed on the oaths taken by foreigners to assume the positions of public officials and subjects of the Russian emperors. The obtained results show that the change of citizenship did not entail compulsory religious conversion as long as the 17th century. All applicants for Russian citizenship had the right to take the oath in their native language and in front of the clergy member representing the religion they professed. As the oath of citizenship gained legitimacy and popularity in Russia, the lawmakers tried to unify the procedure, while ensuring that the oath text and ceremony remain sacred.

Keywords: subjects of the monarch, oath, vow, cross kissing, sworn statement, public service, foreigners, Russian subjects

References

1. Dodonov V.N., Ermakov V.D., Krylova M.A. *Bol'shoi yuridicheskii slovar'* [The Great Dictionary of Law]. Moscow, Infra-M., 2001. 790 p. (In Russian)
2. Rusakova N.G. The oath of Russian citizenship taken by foreigners. *Yuridicheskaya Nauka i Praktika: Vestnik Nizhegorodskoi Akademii MVD Rossii*, 2017, no. 4(40), pp. 205–207. (In Russian)
3. Rusakova N.G. *Prisyaga kak obshchepravovoi fenomen* [The Oath as a General Legal Phenomenon]. Nizhny Novgorod, Izd. Nizhegorod. Akad. MVD Rossii, 2010. 119 p. (In Russian)
4. Gal'tsov V.I. The archive of the Ambassadorial Prikaz in the second half of the 16th–early 17th centuries. In: *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1981 g.* [Archaeographic Annual of 1981]. Moscow, Nauka, 1982, pp. 134–148. (In Russian)
5. Chelnokova A.Yu. Text and context of the cross-kissing records of the 17th century. In: *Tekst, kontekst, intertekst: Sb. nauch. st. po materialam Mezhdunar. nauch. konf. “XIV Vinogradovskie chteniya”*, Moskva, 16–17 oktyabrya 2015 g. [Text, Context, and Intertext: Proc. Int. Sci. Conf. “XIV Vinogradov Lectures”, Moscow, Oct. 16–17, 2015]. Birich I.A., Kokhanova V.A., Chelnokova A.Yu. (Eds.). Moscow, Mosk. Gor. Pedagog. Univ., 2016. pp. 205–210. (In Russian)
6. Koroleva M.V. Development of the oath of allegiance in Russia after the Time of Troubles. *Rus', Rossiya. Srednevekov'e i Novoe Vremya*, 2019, no. 6, pp. 593–596. (In Russian)
7. Koroleva M.V. The oath of allegiance in Russia during the 17th century. *Drevnyaya Rus'. Voprosy Medievistiki*, 2020, no. 4(82), pp. 73–82. <https://doi.org/10.25986/IRI.2020.82.4.004>. (In Russian)
8. Bokov Yu.A. On the use of the concepts of “citizen” and “subject” in legal and scientific sources. *Sovremennye Problemy Nauki i Obrazovaniya*, 2012, no. 5. URL: <https://science-education.ru/ru/>

- article/view?id=7280. (In Russian)
9. Vanyushin Ya.L. Citizenship and nationality: Some problems of correlation. *Problemy Prava*, 2010, no. 1(21), pp. 61–65. (In Russian)
 10. Galushkin A.A. On the problem of the concepts of “citizenship” and “nationality” in their philosophical and legal perception. *Gosudarstvo i Pravo*, 2013, no. 11, pp. 73–76. (In Russian)
 11. Evtushenko V.I. The institution of citizenship and nationality in Russia: Historical and legal parallels. *Gosudarstvo sozidayushchee: pravovye resursy formirovaniya: Materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashchennoi 25-letiyu yuridicheskogo instituta NIU “BelGU”, Belgorod, 22 noyabrya 2018 g.* [The State that Creates: Legal Resources of Development: Proc. Int. Sci.-Pract. Conf. Celebrating the 25th Anniversary of the Institute of Law of Belgorod State University, Belgorod, Nov. 22, 2018]. Belgorod, OOO GiK, 2018, pp. 67–70. (In Russian)
 12. Benda V.N. The purpose and essence of various kinds of “sworn statements” and “oaths of allegiance” used in the post-Peter the Great period of the 18th century. *Klio*, 2018, no. 9(141), pp. 88–95. (In Russian)
 13. Goncharova E.V., Pavlova M.M. On the state policy regarding the legal status of the estates of the Russian Empire in the first half and middle of the 18th century. *Metamorfozy Istorii*, 2022, no. 25. URL: <https://history-metamorph.ru/s230861810023093-2-1/>. <https://doi.org/10.37490/S230861810023093-2>. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Воронин И.К. Роль присяги при вступлении иностранцев в русское подданство (XV – начало XX века) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2023. Т. 165, кн. 4–5. С. 113–124. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.4-5.113-124>. ⟩

⟨ **For citation:** Voronin I.K. С The role of the oath taken by foreigners for becoming naturalized Russian citizens (from the 15th to the early 20th century). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 4–5, pp. 113–124. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.4-5.113-124>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(47)

doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.125-138

НАБОР «ВОЛЬНЫХ И ОХОЧИХ ЛЮДЕЙ» 1697 Г. И СИСТЕМА КОМПЛЕКТОВАНИЯ РУССКОЙ АРМИИ НАКАНУНЕ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

М.В. Хацкевич

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, 119991, Россия*

Российский государственный архив древних актов, г. Москва, 119435, Россия

Аннотация

В историографии военных реформ Петра I обсуждение вопросов комплектования армии обычно ограничивается описанием массовых наборов даточных, вольных и гулящих людей в 1699 г., а также введения рекрутской повинности в 1705 г. Настоящее исследование посвящено ходу и итогам более раннего мобилизационного мероприятия – набора 1697 г. – и основывается на материалах делопроизводства Разрядного приказа. На примере комплектования полков К. Регимана и Д. Мейна выявлены механизмы набора на разных административных уровнях, отслежены его темпы в разных городах. Особо подчеркивается, к каким социальным последствиям приводила запись в солдаты «вольницы». В статье показано, что быстрое укомплектование двух полков выявило противоречия, вызванные привлечением на службу вольных и гулящих людей, и вынудило правительство свернуть проведение набора. Сделан вывод о том, что изучение практических шагов по проведению набора 1697 г. тем не менее обнаруживает эффективность системы комплектования и преемственность с более поздними мобилизационными мероприятиями конца XVII в.

Ключевые слова: комплектование армии XVII в., военные реформы Петра I, К. Региман, Д. Мэйн, вольница, даточные люди, гулящие люди, Белгородский полк

Введение. В историографии военных реформ Петра I вопрос о преобразовании системы комплектования армии занимает весьма важное место. Значимым фактором преобразования, о котором пишут историки, является введение рекрутской повинности. В связи с этим в фокусе исследовательского внимания находятся две даты: 1699 г. (массовые наборы вольницы и даточных людей) и 1705 г. (первый рекрутский набор; о дискуссии по поводу даты начала рекрутчины см. [1, с. 151–152]). При этом практически игнорируются предшествующие мобилизационные мероприятия, а следовательно, нерешенным остается вопрос о соотношении систем комплектования армии до петровских реформ и после преобразований. Фактически же существует лакуна в изученности наборов даточных и вольных и гулящих людей между 80-ми годами XVII в. и 1699 г.¹

¹ О наборах в XVII в. см. [2; 3].

В статье предполагается сделать шаг к преодолению этой лакуны путем рассмотрения одного из предшествовавших массовым наборам 1699 г. мобилизационных мероприятий – набора 1697 г.

Цель исследования – проследить ход и результаты набора 1697 г. на примере формирования двух полков – полка Карла (Карлуса) Ригемана и полка Давида Мейна (в известном справочнике М.Д. Рабиновича полк К. Ригемана не упоминается, тогда как сведения о полку Д. Мейна имеются [4, с. 26]). Указанные формирования послужили основой для создания будущего Белгородского пехотного полка [5].

Изучение порядка и процедур набора 1697 г. позволит расширить представление о том, как функционировала система комплектования армии накануне проведения массовых наборов даточных и вольницы в 1699 г.

Историография. Поскольку набор 1697 г. в силу разных причин остался «в тени» более поздних и более масштабных мобилизационных мероприятий, в историографии он практически не упоминается. В общих работах, посвященных военным действиям конца XVII в., набор 1697 г. не фигурирует. Исключения составляют несколько исследований, авторы которых приводят указ о сборе 20 тыс. пеших и 10 тыс. конных людей, однако не оригинал указа, а, видимо, его позднейшую копию, датированную маем 1697 г. [5, с. 432; 6, с. 28]. В целом исследователи ограничивались констатацией факта проведения набора, не изучая его хода и результатов.

В недавней статье В.С. Великанова, посвященной созданию Белгородского полка, отмечено значение набора 1697 г. в комплектовании полка и указаны некоторые его подробности [7]. Однако детального рассмотрения хода набора 1697 г. до сих пор предпринято не было².

Источники. Исследование основано на различных типах источников, в которых нашли отражение сведения о наборе 1697 г. Основной корпус составляют неопубликованные делопроизводственные источники Разрядного приказа, отложившиеся в фонде 210 Российского государственного архива древних актов (далее – РГАДА). Информация об организации и отчасти о проведении набора на примере комплектования полков К. Ригемана и Д. Мейна содержится в столбцах Белгородского стола (Ф210 1604; Ф210 1674). Делопроизводство Разрядного приказа выбрано в качестве основного источника, поскольку включает как правительственные распоряжения о наборе, так и донесения с мест от воевод о его проведении на разных этапах, а также челобитные, подававшиеся поступающими на службу. В деле, относящемся к описи «Книги разных городов» того же фонда, почерпнуты сведения об изменениях числа полков в Белгородском разряде к 1699 г. (Ф210 88). Из опубликованных нормативных источников использовался наказ начала января 1697 г. о записи в солдаты в селе Воскресенском, вошедший в состав Полного собрания законов Российской империи (ПСЗ, № 1564). В фундаментальном издании «Письма и бумаги императора Петра Великого» опубликован наказ царя и решение Боярской Думы о судьбе завоеванной крепости Азов (ПиБ I). Помимо этого, картину мобилизационных мероприятий дополняют опубликованные источники личного происхождения: дневник находившегося на русской службе шотланд-

² Некоторые предварительные наблюдения были опубликованы нами в [8].

ского военачальника Патрика Гордона (Г.), а также записки стольника Ивана Желябужского (Ж.).

Предпосылки набора 1697 г. Обретение Российским государством в результате Азовских походов 1695–96 гг. новых территорий означало и необходимость укрепления южных рубежей. Падение Азова вызвало серьезное беспокойство Османской империи, особенно относительно дальнейшей судьбы Крымского ханства. Потому вопрос попытки военного реванша Порты стоял весьма остро [9, с. 180–181]. С другой стороны, для России Азов был лишь начальным пунктом на пути дальнейшей борьбы за Черноморское побережье [10, с. 20]. Потому, наряду с военными мероприятиями, был определен план по колонизации завоеванных территорий.

В связи с этим «под Азов» начинают направляться различные контингенты служилых людей – детей боярских, стрельцов, пушкарей. О серьезности намерений правительства укрепить южные границы свидетельствует, в частности, решение Боярской Думы переселить в Азов «на житье з женами и з детьми» 3000 солдат из «низовых» (поволжских) городов (ПиБ I, с. 111; Ф. 210 1604, л. 371), а также 3000 стрельцов и городовых солдат (ПиБ I, с. 113). Политика по колонизации Азова и Приазовья охватывала различные слои населения. Так, 23 октября 1696 г. по царскому указу Азов был определен местом ссылки для преступников. В ноябре 1696 г. на службу в Азов должны были переводиться служилые люди «московских чинов», которые не явились на смотр более одного раза [11, с. 258–259].

Помимо этого, в планах правительства было создание дополнительных воинских формирований, которые также должны были направиться на укрепление новой южной границы.

Указ о наборе 1697 г. Решение о значительном наращивании численности войск на юге было принято, по всей видимости, осенью 1696 г. В планах правительства было довести число полков Белгородского разряда до 30 (20 пехотных и 10 конных).

В Разрядном приказе сохранились докладные выписки и так называемые статьи, в которых предлагались варианты возможных источников комплектования новых полков.

В «статьях» объяснялось, что увеличение численности войск в Белгородском разряде необходимо «для охранения великороссийских и малороссийских и украинных городов и скорых походов и для воинского промыслу над неприятельскими людьми» (Ф210 1674, л. 415). При этом полагалось довести общее число пехотных, солдатских и стрелецких полков в Белгородском разряде до 20, по 1 тыс. человек в каждом. Большое внимание в документе уделялось также расчетам по снабжению и финансированию новых подразделений. «Статьи» стали основой для составления указа о начале набора.

Указ 1 декабря 1696 г. ставил достаточно амбициозные цели: в пехоту полагалось набрать 17800 человек (Ф210 1674, л. 405; Ж., с. 312). Набор следовало проводить из пустопоместных и не имевших жалованья землевладельцев всех городов (кроме подведомственных Белгородскому разряду), а также «из салдацких и из стрелецких и ис пушкарских и иных нижних чинов служилых, из гулящих и охочих людей, детей их и братью и свойственников, которые в службу поспели» (Ф210 1674, л. 406). Одним из путей включения этих категорий в фискальный

учет было призвание их на военную службу. Стоит отметить, что стремление охватить фискальным учетом вольных и гулящих людей прослеживалось в законодательстве на всем протяжении второй половины XVII в. [3] (ПСЗ, № 1403).

Служба набранных солдат должна была проходить на юге, поэтому после сбора их следовало перевести «на житье» в Курск и Белгород.

О серьезности мобилизационных планов свидетельствует и то, что параллельно для уточнения численности служилых людей в начале 1697 г. проводился их разбор [12, с. 295].

Ход набора. Ход набора возможно проследить на примере комплектования полков Карла Ригемана³ и Давида Мейна⁴. Указанные подразделения оказались единственными новоприборными полками, сформированными между 1697 и 1698 гг. [14] (Ф210 88, л. 400 об.–401). Этим обусловлен выбор полков К. Ригемана и Д. Мейна в качестве основного объекта изучения в данной статье.

Поскольку набор охватывал территорию разных уездов, прием в солдаты осуществлялся в нескольких местах. Желаящие поступить на службу жители Московского и окрестных уездов могли записаться в солдаты в селе Воскресенском, где находилась съезжая изба⁵.

Набор также проводился в различных городах. Как было отмечено выше, первоначально не планировалось охватывать города Белгородского разряда, но документы свидетельствуют о том, что от этого решения впоследствии отказались. В делопроизводстве Разряда (документ, составленный в апреле-мае 1697 г., фиксировал число записанных в солдаты) указаны следующие города, в которых проводился набор: Переславль-Залесский, Ростов, Ярославль, Романов, Пошехонье, Кострома, Владимир, Суздаль, Юрьев-Польский, Торжок, Переславль-Рязанский, Калуга, Белев, Болхов, Карачев, Орел, Углич, Путивль, Луки, Вязьма, Добрый, Козлов, Белгород, Курск, Севск, Ефремов, Клин, Тверь, Волок Ламский, Дмитров, Кашин, Коломна, Тула, Серпухов, Кашира, Рязск, Брянск (Ф210 1604, л. 174–176).

Записавшиеся на службу присылались в Разрядный приказ из нескольких мест: из села Воскресенского, из Преображенского и Семеновского полков (в последних двух случаях – из числа отправленных в отставку солдат), а также из городов (Ф210 1604, л. 56). В Воскресенском запись в солдаты происходила в съезжей избе, в городах – на съезжих дворах.

Порядок набора и отдельные процедуры. Проведение набора возлагалось на специально выделенный штат чиновников. Так, на съезжей избе в селе Воскресенском велено было присутствовать думному дьяку Михаилу Прокофьеву и дьяку Прокофью Деревнину. Оба чиновника имели довольно серьезный опыт службы в приказной системе. Вместе с ними набор должны были проводить шесть приказных служителей Поместного приказа и несколько подьячих Земского приказа [8, с. 586–587].

На местах набор проводился воеводами совместно с направленными к ним служилыми людьми. Для этих целей в города было послано 33 человека «стольников и дворян и дьяков» (Ф210 1604, л. 173).

³ О Карле Регимане см. [13].

⁴ Некоторые предварительные наблюдения были опубликованы нами в [8].

⁵ О Давиде Мейне см. [7, с. 22].

По привлекавшемуся аппарату чиновников видно, что проведение набора требовало опыта приказной работы. Это, в свою очередь, свидетельствует о ведении обширного документооборота в процессе набора. К тому же выбор приказных служителей из двух приказов – Поместного и Земского – указывает на необходимость обращения к документам о землевладении и взимании повинностей.

Обратимся к рассмотрению отдельных процедур записи в солдаты. Стоит оговорить, что, кроме документов центральных учреждений, в нашем распоряжении имеется только документация, направленная в Разрядный приказ с мест. Документы, составлявшиеся на уровне местных администраций и не отправлявшиеся в центр, могут быть восстановлены по упоминаниям в других источниках. Порядок записи в солдаты предполагал подачу челобитной. Как правило, такие челобитные были коллективными: «...Бьют челом холопи твои дети боярские разных городов...» (Ф210 1604, л. 188). (По факту в челобитной перечислены не только дети боярские, но и, например, гулящий человек из Белгорода). Желавшие поступить на службу гулящие люди в челобитной сообщали о себе необходимые сведения (имя, происхождение, сведения о службе и социальном статусе отца; специально отмечалось, что челобитчик «в службе и в тягле не написан») (Ф210 1604, л. 190). Челобитные, как видно из делопроизводства Разрядного приказа, подавались в учреждения на местах, где происходила запись. Решение же по ним принималось в Москве, в Разрядном приказе. Очевидно, для экономии времени челобитные доставлялись сразу вместе с проводниками и самими солдатами.

В источниках отсутствуют явные указания на проверку сведений, сообщаемых челобитчиками, кроме тех, что в отношении просителей проводился «допрос». Однако косвенные данные об иных способах проверки имеются. Так, об отправляемых из Твери на службу гулящих людях в отписке царю говорилось: «А крепостей да на них Тимошку, Иванку и Пахомку да Василку ж ни у ково никаких нет» (Ф210 1604, л. 193). Интересно, что далее в той же отписке сообщается об уже произошедшем зачислении их в солдатскую службу. Видимо, из-за необходимости скорого проведения набора времени на надлежащую проверку сведений из челобитий не имелось. Тем не менее было бы несправедливо считать, что такая работа не проводилась вовсе.

Запись в солдаты непосредственно сопровождалась составлением записных тетрадей. Об одном таком документе можно судить по отписке из Севска, в нем фиксировалось, «которых городов и хто имяны и каких отцов дети» поступают на службу (Ф210 1604, л. 34). Тетради скреплялись подписью воеводы и впоследствии отправлялись вместе с посылными в Разрядный приказ.

На следующем этапе солдаты давали друг за друга поручные записи, в которых поручались, что «им, взяв его Великаго государя денежное и хлебное жалование и ружье, с службы Великаго государя не сбежать, также и воровством никаким не воровать...» (ПСЗ, № 1564). Сведения из поручных записей следовало переносить в записные тетради (очевидно, до их запечатывания и отправки в Разряд).

Судя по тексту поручных записей, одновременно с их составлением происходила выдача жалованья. Новоприборным солдатам выплачивалось 6 руб. в год

(16 алтын 4 деньги в месяц), помимо этого выдавалось жалованье хлебом и припасами (Ф210 1674, л. 388–389). Такая выплата была соотносима с жалованьем в выборных солдатских полках [7, с. 21]. Как следует из челобитных, поступавших затем в Разрядный приказ, жалованье выплачивалось не единовременно сразу на год, а на меньший срок (как правило, на несколько месяцев), и с получением оставшейся части после истечения этого срока могли возникать трудности (см., напр., (Ф210 1604, л. 52–53)).

По итогам проведения набора и после прибытия к местам службы проводились смотры солдат.

Так, по приходе в Большой полк А.С. Шеина солдатам К. Ригемана был устроен смотр, в результате которого составлена роспись «в тетратех за дьячьёю приписью» (Ф210 1604, л. 12). В начале июля роспись была направлена в Разряд тогдашнему главе приказа Т.Н. Стрешневу.

Численность вольных и гулящих людей. Переходя к вопросу о численности записавшихся в солдаты вольных и гулящих людей, отметим, что общая отчетность по набору, отложившаяся в Разрядном приказе, не содержит указания на отдельные социальные группы. О социальном составе набора из вольных и гулящих людей можно судить только по отдельным донесениям с мест, которые, однако, также далеко не всегда содержат подобные сведения. Подтверждение того, что полки формировались в том числе из вольницы, находим в позднейших источниках – в офицерских сказках начала 1720-х гг.: «Белгородский пехотный полк состоялся в регулярной службе по указу его Царского величества и по разбору господина генерала Автамона Михайловича Головина в прошлом 205-м году из гвардии, из Преображенского и Семеновского полков, а в дополнение придано было из новонаборных солдат, которые шли волею в службу...» [16, с. 185].

По документам видно, что вольные и гулящие люди набирались в различных городах⁶. Вполне естественно, что темпы проведения набора в них могли отличаться. Так, в Севске «охочих людей» с 27 февраля по 11 марта 1697 г. набралось 157 человек (Ф210 1604, л. 34). Также в Севск явились казацки и мещанские дети из «черкасских городов». Из этой категории с 26 марта по 3 апреля в солдаты записалось всего шесть человек.

Определение таких людей на службу, по-видимому, было отступлением от нормы. Именно этим должен объясняться запрос, присланный от местных властей, о том, как следует поступать с желающими записываться в армию жителями «черкасских городов» (Ф210 1604, л. 50). Этим же можно объяснить и столь незначительное число записанных в солдаты: местный воевода, вероятно, не решился принять на службу большее число людей, не получив сперва одобрения от центральной власти.

Более успешно проходил набор на восточных рубежах Белгородской черты, в Усмани. По отписке местного воеводы, из гулящих людей на службу записалось 83 человека, затем в конце марта в солдатскую службу поступили еще 39 человек. 25 марта 1697 г. в общей сложности 122 человека были отправлены в Москву в Разрядный приказ (Ф210 1604, л. 168).

⁶ Здесь мы вынуждены скорректировать сведения В.С. Великанова, писавшего о наборе добро-вольцев только в Москве [7, с. 21].

22 апреля 1697 г. из Усмани была доставлена следующая партия новоприборных солдат. (Едва ли речь может идти об одной партии, отправленной в конце марта и прибывшей в Москву через месяц. В отписке за март воевода явно указывает на число солдат, записанных из гулящих людей, и это число абсолютно не соответствует числу гулящих в апрельском документе.) По причине того, что с ними не были присланы записные книги, солдат допрашивали и расписывали непосредственно в Разрядном приказе. Из 108 человек большинство составляли «городовых отцов дети» – 37 человек, казачьих детей насчитывалось 27, стрелецких – 22, солдатских – 9, пушкарских – 4, бобыльских – 6, гулящих насчитывалось всего 2 человека, еще один сказался «поповичем» (Ф210 1604, л. 135). Иными словами, до конца апреля в Усмани из гулящих людей удалось привлечь на службу 124 человека, что по численности превосходило другие категории. Однако большая часть гулящих была принята на службу в первые месяцы проведения набора.

20 марта набор в селе Воскресенском было решено прекратить (Ф210 1604, л. 256). Прием в солдаты продолжился только в Белгороде и Севске и при приводе в Разрядный приказ (Ф210 1604, л. 156–160).

Общая численность набранных в солдаты. Отметим результаты набора к апрелю 1697 г. К 15 апреля 1697 г. в Разрядном приказе в солдаты было записано 2982 человека. Из этого числа: 902 человека были присланы из Преображенского и Семеновского полков («отставленные»), 72 человека «записаны по челобитным розных городов», остальные 2008 человек набраны и присланы из села Воскресенского (Ф210 1604, л. 56).

Из Разрядного приказа 2098 новонабранных солдат были направлены в полк К. Регимана (Ф210 1604, л. 206).

Набор в городах продолжился в апреле и начале мая.

В делопроизводстве Разрядного приказа сохранились сведения о числе приведенных за этот период солдат из городов. В общей сложности к апрелю-маю из 37 городов (упомянутых нами выше) было доставлено 1414 человек. Лишь в четырех городах из 36 было набрано около или более 100 человек (в Орле – 334, в Севске – 195, в Путивле – 161, в Белгороде – 99). В каждом из 14 других городов на службу записалось не более 10 человек. Из других девяти городов было приведено по 10–20 человек (Ф210 1604, л. 174–176). Источник красноречиво свидетельствует о значительной неравномерности числа набранных в разных городах людей.

Известно, что, кроме полка К. Регимана, в конце апреля – начале мая был укомплектован также полк полковника Д. Мейна. Численность последнего составила 1047 человек. Нетрудно рассчитать, что с 15 апреля было набрано еще только 163 человека.

Можно убедиться, что основная динамика набора обеспечивалась за счет приема солдат в селе Воскресенском. После прекращения там приема 20 марта число принятых на службу выросло весьма незначительно.

Отправка полков под Азов и в Белгород, завершение набора. О завершении наборов в полки можно судить по времени их отправки из Москвы. Решение выслать полк Давида Мейна в Белгород было принято до 12 мая. К этому времени, судя по всему, полк Карла Регимана уже следовал в Азов (Ф210 1604, л. 434). 22 мая 1697 г. полк Д. Мейна вышел из Москвы (Ф210 1604, л. 204). Стоит отме-

тить, что обучение новых солдат в таких условиях могло проводиться либо очень короткое время, либо осуществляться уже непосредственно на местах службы.

По итогам набора с К. Ригеманом под Азов было направлено 2098 человек. Остальную часть набранных солдат планировалось прислать в Белгород, в полк князя Я.Ф. Долгорукова. Первоначальное число солдат, которое вместе с полковником Д. Мейном должно было последовать в Белгород, составляло 1220 человек (Ф210 1674, л. 426). Однако в конечном итоге в Белгород было решено отправить 1047 человек (Ф210 1674, л. 434).

К 15 июня 1697 г. направленные из Москвы солдаты прибыли под Азов, где стали частью «Большого полка» боярина А.С. Шеина (Ф210 1604, л. 12).

Итоги набора. Перед оценкой итогов набора 1697 г. стоит отметить, что пополнение численности Белгородского разряда осуществлялось не только за счет формирования новых полков. Помимо этого, уже имевшиеся полки доукомплектовывались семьями служилых людей. Параллельно происходило переселение «на вечное житье» в Белгород, для службы в Белгородском жилом стрелецком полку, стрельцов и пушкарей из других городов. Так, к маю 1697 г. на новые места службы были переселены 11 семей из Переславля-Рязанского и 31 семья из Коломны (Ф210 1674, л. 479–480). Переселенцы в челобитной просили выплатить жалованье, поскольку испытывали серьезные трудности со снабжением на новом месте.

Обратимся к итогам набора 1697 г.

В ходе набора «из вольных и из гулящих и с крепостных людей» было собрано всего 2098 человек, из которых был укомплектован полк К. Регимана, а также 1047 человек, направленных в полк Д. Мейна (Ф. 210 1604, л. 424). В росписи Белгородского разряда начала 1699 г. значатся два новоприборных полка [14] (Ф. 210 88, л. 400 об.–401), то есть никаких других подобных полков в ходе набора 1697 г. сформировано не было (по крайней мере, это касается Белгородского разряда).

Очевидно, в ходе набора достичь планируемой численности Белгородского разряда не удалось (потребовалось проведение мобилизационных мероприятий в последующие годы). Однако обращают на себя внимание весьма высокие темпы и эффективность набора в первые месяцы, и неизбежно возникает вопрос о причинах прекращения набора в селе Воскресенском в марте 1697 г. Притом, как было упомянуто выше, набор не был остановлен повсеместно, что показывало стремление продолжить запись в солдаты в других местах, кроме села Воскресенского.

Для понимания причины этого факта обратим внимание на некоторые социальные последствия набора вольных и гулящих людей.

В указе о наборе 1697 г. запрещалось принимать на службу боярских людей и крестьян, между тем в источниках явно упоминаются взятые в солдаты крепостные люди.

Практика записи на службу холопов и владельческих крестьян приводила к конфликтам помещиков – как с государством, так и с подвластными помещикам дворовыми людьми и крестьянами. Проблема обозначилась еще перед Вторым Азовским походом, когда, согласно сообщению стольника И. Желябужского, «декабря в 13 день [1695 г.] на Болоте кликали клич, чтоб всяких чинов люди шли в Преображенское, и записывались, и шли б служить под Азов. И после той кличи изо всех боярских дворов и изо всяких чинов холопы боярские все взволнова-

лись, и из дворов ходили в Преображенское, и записывались в разные чины, в солдаты и в стрельцы. И по указу великих государей они, люди боярские, которые записывались в Преображенском, взяты в новоприбылые солдаты и стрельцы и посланы на Воронеж под Азов, а жен их и детей отдали в Преображенское и с животами» (Ж., с. 285).

По мнению Н.Г. Устрялова, подобные прецеденты записи в солдаты крепостных под видом вольных в основном объяснялись наличием во владельческих дворах многочисленных обедневших холопов [17, с. 261–262]. Стоит добавить, что, помимо указанной причины, проблема усугублялась невозможностью государственных ведомств удостовериться в вольном статусе записывающихся в солдаты.

Две записи в дневнике П. Гордона также свидетельствуют о сложностях, которые повлекла за собой отдача в солдаты господских людей. 23 января 1696 г. шотландский военачальник отметил факт записи таких людей в Бутырский полк: «Ездил верхом в Бутырки и давал смотр новозаписанным солдатам, кои по провозглашении свободы ушли от своих господ и отыскались» (Г., с. 7). В записи от 5 февраля читаем о последствиях этого: «Многие дворяне целый день донимали меня насчет своих слуг» (Г., с. 9).

Составители комментария к «Дневнику» П. Гордона полагают, что в записи от 23 января имеется в виду освобождение дворовых людей от крепостной зависимости в случае их поступления на службу для участия в Азовском походе (Г., с. 254, прим. 42). При этом авторы пишут об указе от 13 января 1696 г., однако ссылки на указ не приводят.

После объявления о наборе 1697 г. волна побегов холопов и крестьян от владельцев повторилась. Именно этим, на наш взгляд, обусловлено прекращение записи в солдаты в Воскресенском после 20 марта 1697 г. Характерно, что поступление на службу воспрещалось только в селе Воскресенском, в Белгороде же и в Севске, а также в Разрядном приказе запись в солдаты продолжалась. Более того, все прежде записавшиеся в солдаты беглые крестьяне и холопы оставались в полках: «...А по крепостям никому их челобитчиком в холопство и во крестьянство не отдавать» (Ф210 1604, л. 231).

В таких условиях помещики изыскивали возможность повлиять на беглого, наиболее распространенной практикой было удержание его семьи. Так, новоприборный солдат Белгородского полка Денис Горбунетов, несущий службу в Белгороде весной 1697 г., в челобитной упоминает, что его жена, дочь и сын «с пожитками» живут «и по се число» в тульской вотчине у его бывшего помещика стольника Савелья Игнатьева: «...И держит-де он, Савелей, жену ево, оковав, и морит голодною смертью, а ему, Денису, не отдает...» (Ф210 1604, л. 35).

В 1697 г. подобные споры приходилось разрешать только при вмешательстве государственных институций. Для решения указанного выше спора Разрядным приказом был отправлен указ тульскому воеводе, которому велено было забрать у помещика Игнатьева жену и детей солдата Дениса Горбунетова и отдать их ему «с распискою» (Ф210 1604, л. 36). О том, чем фактически завершился конфликт и было ли претворено в жизнь решение Разряда, в делопроизводстве, однако, не упоминается.

Более широких масштабов подобные конфликты достигнут после начала проведения массовых наборов конца 1699 г.

Выводы. Желая укрепить новообретенные южные рубежи, правительство инициировало крупное пополнение людьми Белгородского разряда. Эти мобилизационные мероприятия накануне и после Азовских походов включали в себя как уточнение численности служилых людей и их родственников в Белгородском разряде, так и призыв на службу служилых из разных городов, а также вольных и гулящих людей.

Пример набора 1697 г. позволяет обнаружить несколько характерных черт системы комплектования русской армии конца XVII в.: во-первых, существование штата чиновников с опытом приказной работы, в том числе в приказах, с которыми велось взаимодействие во время набора; во-вторых, проведение набора в относительно сжатые сроки (объявление набора в начале февраля, отправка укомплектованных полков – в середине мая 1697 г.); в-третьих, разная степень активности записывавшихся в полки вольных и гулящих людей в разных городах, наиболее результативная в подмосковном селе Воскресенском; в-четвертых, в целом слаженная система препровождения солдат к местам службы.

Необходимо остановиться и на проявившихся при наборе 1697 г. недостатках системы комплектования. Обсуждая замысел правительства по значительному увеличению численности Белгородского разряда, приходится констатировать, что в 1697 г. реализовать его не удалось. В дальнейшем возникла необходимость проводить новые мобилизационные мероприятия в 1698 г. и затем массовые наборы – в 1699 г. Одной из основных причин ограниченного масштаба и в конечном итоге свертывания набора 1697 г. в селе Воскресенском являются, на наш взгляд, социальные последствия, которые повлекла за собой запись в солдаты беглых под видом вольницы. Государство еще не имело достаточных инструментов ни для контроля этого процесса, ни для предотвращения возможных конфликтов с помещиками. Наблюдались также сложности со снабжением и выплатой жалования солдатам, острой продолжала оставаться проблема побегов.

В целом же можно убедиться в относительной эффективности системы комплектования армии, сложившейся накануне проведения массовых наборов 1699 г. Эта система позволяла в достаточно короткий срок набирать солдат в полки и доставлять их к местам службы. Однако ряд недостатков этой системы продолжил проявляться и в условиях более масштабных наборов последующих лет.

Хотя набор 1697 г. в силу ряда причин не может сравниться по своим масштабам с наборами 1699 г., очевидно, что уже к 1697 г. имелся четкий механизм набора, сложился круг чиновников, осуществлявших проведение набора, в центре и на местах, что в конечном итоге определило эффективность работы по созданию и комплектованию новых полков перед Северной войной.

Источники

- Г. – Гордон П. Дневник, 1696–1698. М.: Наука, 2018. 324 с.
- Ж. – Желябужский И. Дневные записки // Рождение империи / Сост. А. Либерман, С. Шокарев. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 259–358.
- ПиБ I. – Петр I. Письма и бумаги императора Петра Великого: в 13 т. СПб.: Гос. тип., 1887. Т. I. 888 с.
- ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]: в 50 т. – СПб.: тип. 2-го Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1830. – Т. III: 1689–1699. – 693 с.

Ф210 88 – РГАДА. Ф. 210. Оп. 7а. Дела разных городов. Д. 88. 576 л.

Ф210 1604 – РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. Д. 1604. 563 л.

Ф210 1674 – РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. Д. 1674. 688 л.

Литература

1. *Гаврищук В.В.* Строительство российской армии в XVIII в.: Историографическое исследование: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999. 468 с.
2. *Чернов А.В.* Строительство вооруженных сил русского государства в XVII веке (до Петра I): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1949. 1603 с.
3. *Важинский В. М.* Усиление солдатской повинности в России в XVII в. (По материалам южных уездов): Из истории Центрального Черноземного края // Изв. Воронеж. гос. пед. ин-та. 1976. Т. 157. С. 52–68.
4. *Рабинович М.Д.* Полки петровской армии. 1698–1725: Краткий справочник. М.: Сов. Россия, 1977. 112 с.
5. *Пенской В.В., Пенская Т.М.* Первые годы существования Белгородского пехотного полка (1697–1705) // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. 2. С. 431–455.
6. *Гуськов А.Г., Шамин С.М.* Оборона днепровских городков в 1697 году: ключевой эпизод русско-турецкой войны 1686–1700 гг. // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. 2021. № 3. С. 27–35.
7. *Великанов В.С.* К вопросу о создании и первоначальном статусе белгородского солдатского (пехотного) полка // Белгородская черта: сб. ст. и материалов по истории Белгородской оборонительной черты / Редкол.: В.М. Жигалов и др. Вып. 7. Белгород: Изд-во Сичкаревой Е.В., 2022. С. 20–25.
8. *Хацкевич М.В.* Из «вольных людей» в солдаты: о причинах и характере наборов из «вольницы» в конце XVII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к междунар. науч. конф. Москва, 21–22 ноября 2019 г. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2019. С. 585–589.
9. *Бранденбург Н.Е.* Азовский поход Шеина 1697 г. (Материалы для истории военного искусства в России) // Военный сборник. 1868. Т. 63. №10. С. 179–203.
10. *Аваков П.А.* Северо-Восточное Приазовье в составе Российского государства в конце XVII – начале XVIII в. Завоевание, колонизация и управление: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2011. 29 с.
11. *Аваков П.А.* «Азовский проект» Петра I: Северо-Восточное Приазовье во внешней и внутренней политике России конца XVII – начала XVIII в. СПб.: Историческая иллюстрация, 2022. 800 с.
12. *Петрухинцев Н.Н.* «Начало славных дел»: первые преобразования Петра I в контексте внешней и внутренней политики России (1682 – рубеж XVII–XVIII вв.): (очерки по истории ранних реформ Петра). М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2022. 711 с.
13. *Хацкевич М.В.* Два генерала Ригемана на русской службе // Человек архивный: Сб. ст. к семидесятилетию Юрия Моисеевича Эскина и 42-летию его архивной деятельности / Отв. ред. В.А. Аракчеев, отв. сост. П.И. Прудовский. М.: Древлехранилище, 2021. С. 401–411.
14. *Великанов В.С.* К вопросу об организации и численности российских вооруженных сил в 1699 г. // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Четвертой Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 15–17 мая 2013 года. С. 335–350.

15. Государственность России (конец XV в. – февраль 1917 г.): Словарь-справочник: в 4 кн. Кн. 3 (Л–П). М.: Наука, 2001. 446 с.
16. *Татарников К.В.* Русская полевая армия 1700–1730: Обмундирование и снаряжение. М.: Любимая книга, 2008. 352 с.
17. *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого: в 6 т. СПб.: тип. II-го отд-ния Собств. е. и. вел. канцелярии, 1858. Т. 2. 582 с.

Поступила в редакцию 18.07.2023

Принята к публикации 18.09.2023

Хацкевич Максим Валерьевич, соискатель; заведующий архивохранилищем

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ленинские горы, д. 1, г. Москва, 119991, Россия

Российский государственный архив древних актов
ул. Большая Пироговская, д. 17, кор. 1, г. Москва, 119435, Россия

E-mail: mhackevich@gmail.com

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2023, vol. 165, no. 4-5, pp. 125–138

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.125-138

Drafting “Free and Voluntary People” in 1697 and the System of Military Recruitment in Russia on the Eve of the Northern War

M.V. Hatskevich

Moscow State University, Moscow, 119991 Russia

Russian State Archive of Ancient Acts, Moscow, 119435 Russia

E-mail: mhackevich@gmail.com

Received July 18, 2023; Accepted September 18, 2023

Abstract

In the historiography of the military reforms during Peter I’s reign, the focus has primarily been on the 1699 mass recruitment of conscripts for life (*datochnye lyudi*), free people (*vol’nye lyudi*), and itinerants (*gulyashchie lyudi*), as well as on the recruitment duty imposed in 1705. However, to gain a better understanding of the specifics of the Russian army’s recruitment system prior to the Northern War, the earlier mobilization measures must be considered. This article discusses the course and results of the 1697 recruitment by analyzing the regiments of K. Rigeman and D. Maine. The Order-in-Charge Prikaz records are used to disclose the recruitment mechanisms and their progress in different administrative levels and territories. In addition, the Complete Collection of Laws of the Russian Empire is studied as the major regulatory document, and I. Zhelyabuzhsky’s notes and Patrick Gordon’s diary are examined as the primary sources. Detailed descriptions are provided of where soldiers were registered, what documents were required at different stages of recruitment, and how soldiers were transported to their duty stations. The recruitment rates in various cities are shown. The social consequences faced by conscripts of different origins are outlined. It is concluded that despite the difficulties and problems at certain stages, two new regiments were quickly equipped during the 1697 recruitment. The drafting of free people and itinerants led to serious conflicts, forcing the government to gradually curtail the recruitment. Overall, the practical steps taken during the 1697 recruitment proved to be effective and determined subsequent recruitment campaigns of the late 17th century.

Keywords: recruitment of the army in the 17th century, military reforms of Peter I, K. Rigeman, D. Maine, free people, conscripts for life, itinerants, Belgorod Regiment

References

1. Gavrishchuk V.V. *Stroitel'stvo rossiiskoi armii v XVIII v.: Istoriograficheskoe issledovanie* [The Russian Army's Establishment in the 18th Century: A Historiographic Study]. *Doct. Hist. Diss.* Moscow, 1999. 468 p. (In Russian)
2. Chernov A.V. The Development of the armed forces of the Russian state in the 17th century (before Peter I). *Doct. Hist. Diss.* Moscow, 1949. 1603 p. (In Russian)
3. Vazhinskii V.M. Toughening of the military conscription policy in Russia during the 17th century (based on the materials of the southern districts): From the history of the Central Black Earth region. *Izvestiya Voronezhskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Instituta*, 1976, vol. 157, pp. 52–68. (In Russian)
4. Rabinovich M.D. *Polki petrovskoi armii. 1698–1725: Kratkii spravochnik* [Regiments of Peter I's Army. 1698–1725: A Short Guide]. Moscow, Sov. Ross., 1977. 112 p. (In Russian)
5. Penskoi V.V., Penskaya T.M. The early years of the Belgorod Infantry Regiment. *Istoriya Voennogo Dela: Issledovaniya i Istochniki*, 2012, vol. 2, pp. 431–455. (In Russian)
6. Gus'kov A.G., Shamin S.M. The defense of the Dnieper towns in 1697: A key episode of the Russo-Turkish War of 1686–1700. *Vestnik Voronezhskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*, 2021, no. 3, pp. 27–35. (In Russian)
7. Velikanov V.S. Revisiting the arrangement and initial status of the Belgorod soldier (infantry) regiment. In: *Belgorodskaya cherta: sb. st. i materialov po istorii Belgorodskoi oboronitel'noi cherty* [Belgorod Line: A Collection of Articles and Materials on the History of the Belgorod Defensive Line]. Zhigalov V.M. et al. (Eds.). Belgorod, Izd. Sichkarevoi E.V., 2022, pp. 20–25. (In Russian)
8. Hatskevich M.V. From “free people” to soldiers: About the causes and nature of recruiting “free people” at the end of the 17th century. In: *Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya* [Rus, Russia: Middle Ages and Modern Times]. No. 6: Proc. 6th Lectures in Memory of Academician L.V. Milov: Int. Sci. Conf., Moscow, November 21–22, 2019. Moscow, Izd. Mosk. Univ., pp. 585–589. (In Russian)
9. Brandenburg N.E. The Azov campaign of A.S. Shein in 1697 (Materials for the history of military art in Russia). *Voennyi Sbornik*, 1868, vol. 63, no. 10, pp. 179–203. (In Russian)
10. Avakov P.A. Northeastern Azov region as part of the Russian state in the late 17th–early 18th centuries. Conquest, colonization, and control. *Extended Abstract of Cand. Hist. Diss.* Rostov-on-Don, 2011. 29 p. (In Russian)
11. Avakov P.A. “Azovskii proekt” Petra I: Severo-Vostochnoe Priazov'e vo vneshnei i vnutrennei politike Rossii kontsa XVII – nachala XVIII v. [The “Azov Project” of Peter I: Northeastern Azov Region in the Foreign and Domestic Policy of Russia in the Late 17th–Early 18th Centuries]. St. Petersburg, Ist. Illyus., 2022. 800 p. (In Russian)
12. Petrukhintsev N.N. “Nachalo slavnnykh del”: pervye preobrazovaniya Petra I v kontekste vneshnei i vnutrennei politiki Rossii (1682 – rubezh XVII–XVIII vv.): (oчерki po istorii rannikh reform Petra) [“The Beginning of Glorious Deeds”: The First Reforms of Peter I in the Context of Russia's Foreign and Domestic Policy (1682–the Turn of the 17th–18th Centuries): (Essays on the History of Peter I's Early Reforms)]. Moscow, Polit. Entsikl. (ROSSPEN), 2022. 711 p. (In Russian)
13. Hatskevich M.V. Two generals named Rigeman in the Russian service. In: Arakcheev V.A. (Ed.), Prudovskii P.I. (Comp.) *Chelovek arhivnyi: Sb. st. k semidesyatiletiiyu Yuriya Moiseevicha Eskina i 42-letiiyu ego arkhivnoi deyatel'nosti* [Archival Man: A Collection of Articles on the 70th Birthday of Yuri Moiseevich Eskin and the 42nd Anniversary of His Archival Work]. Moscow, Drevlekhranilishche, 2021, pp. 401–411. (In Russian)
14. Velikanov V.S. Revisiting the organization and size of Russian armed forces in 1699. *Voina i oruzhie: Novye issledovaniya i materialy. Trudy Chetvertoi Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 15–17 maya 2013 goda* [War and Weapons: New Research and Materials. Proc. 4th Int. Sci.–Pract. Conf., May 15–17, 2013]. St. Petersburg, 2013, pp. 335–350. (In Russian)

15. *Gosudarstvennost' Rossii (konets XV v. – fevral' 1917 g.): Slovar' spravochnik* [Russian Statehood (Late 15th century–February 1917): A Glossary]. Book 3 (L–P). Moscow, Nauka, 2001. 446 p. (In Russian)
16. Tatarnikov K.V. *Russkaya polevaya armiya 1700–1730. Obmundirovanie i snaryazhenie* [The Russian Field Army in 1700–1730. Uniforms and Equipment]. Moscow, Lyubimaya Kniga, 2008. 352 p. (In Russian)
17. Ustryalov N.G. *Istoriya tsarstvovaniya Petra Velikogo* [History of Peter the Great's Reign]. Vol. 2. St. Petersburg, Tip. II-go Otd. Sobstv. E. I. Vel. Kantselyarii, 1858. 582 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Хацкевич М.В. Набор «вольных и охочих людей» 1697 г. и система комплектования русской армии накануне Северной войны // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2023. Т. 165, кн. 4–5. С. 125–138. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.4-5.125-138>. ⟩

⟨ **For citation:** Hatskevich M.V. Drafting “free and voluntary people” in 1697 and the system of military recruitment in Russia on the eve of the Northern War. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 4–5, pp. 125–138. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.4-5.125-138>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 662.3:930.23:94 (47) «1689/1725»

doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.139-150

ПОРОХОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО РОССИИ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ)

Т.В. Алексеев

*Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского, г. Санкт-Петербург,
197198, Россия*

Аннотация

В статье на основе анализа работ отечественных исследователей дореволюционного, советского и постсоветского периодов представлена картина развития порохового производства в России в годы правления Петра I в конце XVII – первой четверти XVIII в. Показан процесс зарождения государственной военно-технической политики в данной сфере, носивший в целом весьма непоследовательный и зигзагообразный характер. Описаны этапы формирования и развития промышленной инфраструктуры порохового производства. Наряду с этим выявлен ряд характерных черт, указывавших на институционализацию данного производства в качестве составной части военной промышленности России: формирование системы государственного управления отраслью, централизованное внедрение новых технологических приемов порохового производства, налаживание системы подготовки кадров. На основе рассмотрения процессов, происходивших в сфере производства селитры и серы, сделан вывод о том, что попытки решения проблемы самообеспечения порохового производства упомянутыми видами сырья желаемых результатов не принесли. Доказано сохранение в исследуемый период сильного влияния на отечественное производство пороха как европейского сырьевого рынка, так и европейского технического опыта. Сделаны выводы о необходимости и возможности дальнейших исследований в обозначенной предметной области.

Ключевые слова: порох, пороховое производство, селитра, производство селитры, сера, химическая промышленность, военная промышленность, петровская эпоха, пороховой завод, огнестрельное оружие

Преобразования петровской эпохи в России в полной мере затронули и сферу военной промышленности, и одну из ее ключевых отраслей – производство пороха (пороходелие), включая выработку селитры и серы. Происходившие в упомянутых сферах процессы нашли свое отражение в работах целого ряда отечественных исследователей дореволюционного, советского и постсоветского периодов. Наиболее обстоятельно проблема была изучена в капитальных трудах П.М. Лукьянова [1, с. 161–176, 372–379; 2, с. 158–211]. Вместе с тем в отечественной историографии отсутствуют работы обобщающего характера, позволившие бы систематизировать имеющиеся знания о важном периоде в истории пороходелия в России, выявить на этой основе основные тенденции развития отрасли, определившие ее облик на многие десятилетия вперед. Достижению данной цели и служит настоящая статья.

С именем Петра I уже дореволюционные исследователи связывали институционализацию пороходелия в качестве самостоятельной отрасли военного производства. А.Н. Афанасьев писал о царе, что «пороховые заводы составляли предмет особенной его заботливости, потому что были ему крайне необходимы»¹ [3, с. 40]. Роль Петра в строительстве казенных заводов подчеркивал и В. Ратч [4, с. 77]. А Н.Е. Бранденбург высоко оценивал работу сформированного царем артиллерийского ведомства [5, с. 85].

А.Н. Афанасьев видел в деятельности Петра I последовательную реализацию «правительственной точки зрения» на производство пороха и его компонентов. В эту политику автор органично «вписывал» целую серию царских указов, издававшихся на протяжении всего петровского периода [3, с. 41–42]. Н.Е. Бранденбург, напротив, обратил внимание на достаточно непоследовательный характер такой политики. Прежде всего подобная непоследовательность нашла отражение в колебаниях по поводу того, какому сектору – частному или казенному – отдать предпочтение в вопросе снабжения государства таким важным продуктом, как порох. С 1704 г., когда казенный завод на р. Яузе был передан некоему Ф. Аникееву, поставщиками казны становятся исключительно частные производители – так называемые пороховые уговорщики [5, с. 86].

Исследователи на удивление мало внимания уделили уяснению причин подобного поворота в политике правительства. Только Л.В. Забелин уже в постсоветский период отмечал по этому поводу два обстоятельства: во-первых, дымный порох и технология его производства представляли собой консервативную в техническом отношении структуру, не требовавшую вмешательства государства; во-вторых, в пользу частного способа производства выступали соображения экономической выгоды [6, с. 12].

Н.Е. Бранденбург в свое время больше внимания уделил характеру отношений между казной и пороховыми уговорщиками в условиях их доминирования в отрасли. Анализируя контракты, заключавшиеся казной с частными производителями, исследователь замечал, что в них содержались только обязательства поставщиков, а обязательства казны при этом отсутствовали [5, с. 103]. Однако самым вопиющим случаем стала передача по именному указу от 20 марта 1708 г. всей поставки пороха в 20 тыс. пудов одному А. Стельсу. Тем самым было официально объявлено о ликвидации всех существующих обязательств по отношению к остальным пороховым уговорщикам [5, с. 110]. Н.Е. Бранденбург предполагал в качестве причины подобного решения упоминавшиеся Петром I претензии к качеству пороха частных поставщиков [5, с. 111]. Современный исследователь Ю.Е. Манойленко считал, что причиной введения монопольного подряда на изготовление пороха стала неспособность пороховых уговорщиков обеспечить его поставки в полном объеме [7, с. 279].

Монопольное положение А. Стельса, в том числе и в отношении получения селитры, вызвало противодействие и со стороны производителей этого сырья, и со стороны других пороховых уговорщиков, а это, в свою очередь, привело к дефициту селитры для выполнения предпринимателем своих обязательств. По словам Н.Е. Бранденбурга, уже в 1711 г. привилегированное положение А. Стельса поколебалось, когда Ф. Аникиеву также было разрешено делать порох, а по-

¹ Цитаты даны в соответствии с нормами современной орфографии и пунктуации.

сле смерти первого в начале 1712 г. «рушилась окончательно и вся его монополия» [5, с. 115]. Характеризуя период преобладания частных поставщиков (1701–1712 гг.), исследователь писал: «В описываемое время правительство не встречало нужды в порохе... если могли возникать какие либо недоразумения в этом отношении, то причина во всяком случае лежала в вопросе о достаточном снабжении частных заводов селитрой, а не в системе организации самого порохового дела» [5, с. 120].

Знаковым событием в развитии отрасли стало основание казенных пороховых заводов в Санкт-Петербурге. Н.Е. Бранденбург указывал 1712 как год основания завода на Санкт-Петербургском острове [5, с. 126] и 1715 – завода на р. Охте [5, с. 326]. Историограф Охтенского завода К.И. Каменев отмечал отсутствие подлинного указа о строительстве заводов в самой столице, считал, что, «возможно, они вошли в проект строений даже в 1710 году», высказывал сомнения относительно даты их основания в 1712 г., но утверждал, что в 1714 г. «даже производилась на них пороховая работа» [8, с. 6]. Относительно завода на Охте К.И. Каменев также предполагал отсутствие специального указа о его постройке, а датой начала его строительства считал 3 июля 1715 г. [8, с. 11].

У исследователей возникал закономерный вопрос о причинах подобного поворота политики правительства в сторону казенного пороходелия. Н.Е. Бранденбург возможной причиной строительства казенных заводов считал стремление правительства «к децентрализации технических артиллерийских учреждений, группировавшихся до того в Москве» [5, с. 141]. К.И. Каменев к числу возможных причин относил стремление получить более качественный порох. Кроме того, он весьма резонно предположил, что «существовали и просто какие-либо случайные причины, которые даже и впоследствии играли важную роль при учреждении новых пороховых заводов» [8, с. 4].

Уже в советское время В.С. Михайлов также допускал наличие проблем с качеством у пороховых уговорщиков, но определяющим полагал «удобство снабжения армии и трудность транспорта из Москвы при тогдашнем бездорожье» [9, с. 204]. С ним был солидарен Е.Р. Ольховский [10, с. 14]. По мнению В.Г. Геймана, строительство пороховых заводов в Санкт-Петербурге было вызвано стремлением Петра I создать в новой столице «производства всех необходимых для ведения войны военных материалов» [11, с. 261]. Сходных позиций придерживался и Л.Г. Бескровный [12, с. 122]. П.М. Лукьянов, в противоположность Н.Е. Бранденбургу, писал о систематическом невыполнении пороховыми уговорщиками контрактов с Приказом артиллерии, что и побудило правительство обратиться к строительству собственных заводов [2, с. 188]. Ряд современных исследователей соглашались с тезисом о необходимости повышения качества пороха [6, с. 14; 16, с. 56], а также подчеркивали, что условия деятельности в новой столице не вызывали у предпринимателей желания основывать там заводы, и государству приходилось самому браться за выполнение этой задачи [6, с. 14]. Наконец, А.В. Аранович, рассматривая целесообразность основания пороховых заводов в Санкт-Петербурге, делал упор на то, что значительная часть применявшейся селитры привозилась из-за границы и использование местного порта для ее доставки было гораздо выгоднее, нежели порта в Архангельске [14, с. 96].

Помимо нового центра пороходелия в Санкт-Петербурге, авторы указывали и на другие места казенного производства: переработка (перекручивание) по-

роха в Пскове согласно указу 1712 г. [15, с. 3], изготовление пороха в Казанской губернии по указу 1714 г. [15, с. 4], учреждение порохового производства при Сестрорецких железных заводах согласно указу Петра I от 2 октября 1723 г. [8, с. 106; 16, с. 4–8; 17, с. 8–9; 18, с. 118–124], строительство в 1723 г. еще одного казенного завода рядом с уже действующим Охтенским на притоке Охты р. Луппе [8, с. 55]. П.М. Лукьянов кроме вышеперечисленных упоминал еще один казенный завод в Московском уезде на р. Клязьме, основанный при Петре I [19, с. 72], заводы в г. Остроге на Украине и в слободе Усерде Тамбовской провинции [20, с. 204].

Впрочем, развитие казенного пороходелия не означало умаление роли пороховых уговорщиков. Согласно сведениям Н.Е. Бранденбурга, в петровский период действовали следующие частные предприятия: завод Р. Меэра (Мейера) на р. Яузе (бывшая «Верхняя» казенная пороховая мельница) [5, с. 328]; заводы Ф. Аникеева на р. Яузе («Нижняя» казенная мельница) [5, с. 332] и в Московском уезде на р. Клязьме; завод Я. Рутхера и Д. Беркузина (Баргузина) (до 1712 г. принадлежал Стельсу) в 30 верстах от Москвы на р. Клязьме; завод Е. Избранта в 30 верстах от Москвы на р. Воре при д. Глинкове, основанный в 1698 г. [5, с. 334]; завод В. Селиверстова и М. Марькаева, построенный в 1702 г. за счет казенной субсидии; завод Л. Нарыкова; завод Г. Бельского с годовой мощностью до 12 тыс. пудов пороха [5, с. 335]; ряд заводов в Казанской губернии – в дворцовой деревне Кадышево, завод И. Молостова близ Симбирска и др. [5, с. 336]; завод А. Иванова за р. Пресней; завод К. Кондратьева на р. Москве за Даниловым монастырем; мелкие пороховые фабрики на Козьем болоте в Москве [5, с. 337]. Ряд уточнений в данную картину был внесен П.М. Лукьяновым [20, с. 200, 201, 203, 204].

Вопрос об общей численности пороховых заводов в петровский период неоднократно поднимался многими исследователями, но так до сих пор окончательно и не решен. Историограф Шостенского порохового завода пришел к выводу о функционировании в это время не менее 7 или 8 заводов, обеспечивавших производство 30–40 тыс. пудов пороха ежегодно [15, с. 4–5]. Е.И. Заозерская указывала на 2 казенных и 8 частных предприятий [21, с. 155, 164–166], П.М. Лукьянов – на 8 казенных и столько же частных [19, с. 73], С.И. Сметанин и М.В. Конотопов – на 5 казенных и до 10 частных [22, с. 346]. Наконец, А.В. Шипилов отмечал, что «в первой четверти [XVIII] века в стране работало свыше двух десятков пороховых заводов (правда, некоторые из них прекратили свою работу, так что к 1725 году на ходу оставалось 16–17 предприятий)» [23, с. 361].

Итоги военно-технической политики государства в области пороходелия в петровский период наиболее емко, на наш взгляд, сформулировал современный исследователь Ю.Е. Манойленко: «В сфере производства пороха были предприняты попытки ослабить зависимость от “пороховых уговорщиков” путем введения монопольного подряда на его изготовление и строительство казенных заводов. Однако введение монополии не принесло ожидаемых результатов, а казенные заводы, в силу малой производительности, не смогли полностью обеспечить потребности в порохе» [7, с. 282].

Помимо изучения процесса развития сети казенных и частных пороховых заводов, исследователями были освещены и другие стороны пороходелия в петровское время.

Так, Н.Е. Бранденбургом была показана эволюция системы управления пороховым производством. После трансформации Пушкарского приказа в Приказ артиллерии, произошедшей, по оценкам ученого, в 1701 г., в ведение этого нового органа перешли и вопросы, связанные с заготовкой пороха и компонентов для его изготовления [5, с. 21]. После целого ряда организационных новаций, предпринимавшихся, по мнению исследователя, с целью поиска наиболее оптимальных форм управления различными способами заготовки пороха, указом от 3 мая 1715 г. пороховое дело было окончательно передано в ведение генерал-фельдцейхмейстера и подчиненного ему артиллерийского ведомства [5, с. 124]. С некоторыми изменениями подобная система управления просуществовала вплоть до 1917 г.

Авторы пристальное внимание уделили тем важным изменениям, которые были связаны с технологическим совершенствованием порохового производства. Решению неоднократно отмечавшейся проблемы низкого качества производимого заводами пороха [24, с. 662] способствовало внедрение заграничного способа изготовления, заимствованного из Голландии и заключавшегося в обработке пороховой смеси под бегунами [5, с. 153; 8, с. 24]. Пусть и медленно [8, с. 28, 42, 47, 48], но новый, несомненно, прогрессивный способ изготовления пороха в отечественном производстве был освоен, и, по мнению К.И. Каменева, «это была самая крупная перемена в пороховом деле во весь период времени от заведения порохового дела в России, и по ныне [до начала 90-х годов XIX в.]» [8, с. 22]. В 1724 г. поручение перейти на новую технологию было получено и крупнейшими частными производителями Я. Аникеевым и Рутхером, что и было ими вскоре исполнено [8, с. 60].

Исследователи советского периода не были столь благосклонны к оценке деятельности иностранных специалистов [10, с. 14; 11, с. 264]. Такой авторитетный автор, как П.М. Лукьянов, писал: «Хотя Петр I и приглашал специалистов-пороховщиков из-за границы, в основном на пороховых заводах работали русские мастера и рабочие... мастера-иностранцы мало сделали для развития русского пороходелия» [20, с. 209].

П.М. Лукьянов же первым из исследователей пристальное внимание уделил проблеме подготовке кадров для пороховых предприятий. На смену традиционному ученичеству шла подготовка мастеров и подмастерьев порохового дела в специальных школах [2, с. 623], первой из которых стала учрежденная в 1701 г. при Пушечном дворе в Москве школа для обучения «пушкарских и иных посторонних чинов людей детей инженерной науки» [2, с. 624].

Не менее существенные, чем в пороходелии, изменения произошли в петровский период и в области заготовки селитры и серы. В это время данные проблемы вышли на первый план, о чем единодушно заявляют исследователи. Начиная с 1708 г. издается целая серия указов, предписывавших продажу селитры только пороховым уговорщикам [5, с. 90; 15, с. 3]. В 1712–1714 гг. последовали указы о «размножении селитряных заводов и возобновлении пришедших в негодность» в губерниях, расположенных в Поволжье и южных регионах [3, с. 37; 5, с. 125]. При этом все перечисленные нормативные акты категорически запрещали продажу селитры в частные руки и вывоз ее за границу [25, с. 95].

Результаты подобной законодательной активности правительства исследователями оценивались весьма противоречиво. «Все эти меры, конечно, стесняли заводчиков, так как свободный сбыт добываемого ими продукта оказался ограничен-

ным, заводчики сами должны были возить селитру в Москву, добиваться приема и подвергались постоянным пререканиям на счет цены и качества товара» [15, с. 6].

Н.Е. Бранденбургом были выявлены наиболее значимые производители селитры. В Путивле существовал казенный завод, принадлежавший артиллерийскому ведомству, который вначале сдавался в аренду, а в 1704 г. был окончательно передан в частные руки. По мере истощения селитроносных земель заводы открывались на новых местах в пределах Киевской губернии [5, с. 312]. Существовали казенные заводы и в Казанской губернии [5, с. 313]. Частный сектор селитроварения был представлен многочисленными производителями, «которые, однако, по своей совокупности представляли важный источник для удовлетворения потребностей государства...» [5, с. 322]. Из более известных заводчиков выделялись Молоствов, работавший вначале в Казанском уезде, а затем близ Царицына на р. Ахтубе [5, с. 319], Гусев и Суботин в Шацком, Тамбовском, Темниковском и Кадомском уездах, Боровитинов в Киевской губернии [5, с. 322]. Современный исследователь В.В. Кистенев полагал, что самым крупным центром селитроварения в петровское время являлся район Астрахани, а расположенные там казенные и частные заводы производили примерно половину всей добываемой в то время в России селитры [26, с. 15]. Общий годовой объем производства Н.Е. Бранденбург оценивал в 47 760 пудов при расчетной потребности пороховых заводов в 57 тыс. пудов [5, с. 128].

Высоко оценивал период правления Петра I в плане развития селитряного производства П.М. Лукьянов [1, с. 161, 163]. Дополняя сведения Н.Е. Бранденбурга, этот автор указывал также на существование казенных селитряных заводов в Карпове (в будущей Курской губернии) и Осколе [19, с. 71], при вновь построенных пороховых заводах в Санкт-Петербурге, на рр. Охте и Луппе [1, с. 170]. Он также предполагал возможную организацию подобного производства и при частных пороховых заводах [1, с. 164]. По утверждению группы современных петербургских исследователей селитряный завод был открыт и в Санкт-Петербурге на Васильевском острове [27, с. 486].

Относительно недавно было выявлено существование селитряного дела и за Уральским хребтом, в частности в Тобольске [28, с. 10; 29, с. 32; 30, с. 126].

Второй важнейший компонент в составе пороха, сера, согласно именному царскому указу 1700 г., считалась наравне с порохом заповедным товаром и не могла свободно обращаться на рынке [15, с. 2]. В отношении серного производства Н.Е. Бранденбург подметил две противоположные тенденции: указом того же 1700 г. правительство поощряло развитие частного производства, но практически одновременно заводило собственные серные заводы. Подобную непоследовательность автор объяснял как отсутствием частной инициативы, так и надеждами казны получить выгоду от разработки хороших месторождений серы [5, с. 96]. И.К. Кириллов упоминал о существовании в 1727 г. серного завода в Рузском уезде Московской губернии, принадлежавшего москвичам Родионову и Васильеву [31, с. 102].

И.И. Голиков первым указал на функционирование в конце петровского периода трех серных заводов в Казанской провинции [32, с. 274–275]. Эти казенные заводы, о которых писал еще А.Н. Афанасьев [3, с. 39], были сооружены около Сергиевска на р. Сок в 1700 г., а также близ Самары в 1710 г. [5, с. 317]. Однако при среднегодовой потребности в сере в объеме 2975 пудов Сергиевский

завод, например, давал всего 700 пудов. На этом основании Н.Е. Бранденбург полагал, что главным источником серы оставались импортные поставки, причем пороховые уговорщики должны были сами об этом заботиться [5, с. 138].

П.М. Лукьянов прямо называл Петра I организатором производства серы в России [1, с. 379]. Исследователь уточнил, что завод в районе Сергиевска был построен в 1703 г. Позднее рядом с ним был сооружен Ново-Сергиевский завод и еще один на р. Сургут (притоке р. Сок). Все три предприятия в 1725 г. обслуживались 38 мастерами и учениками [1, с. 374]. При этом П.М. Лукьянов признавал, что Петр I прибегал к приглашению иностранных мастеров по серному делу для налаживания производства в бассейне Волги [33, с. 73].

Современный исследователь В.В. Кистенев, показав технологию добычи серы в Самарском крае, пришел к выводу, что созданные здесь предприятия были не выгодны казне ввиду больших затрат на их содержание и низкого выхода готовой продукции. Эти обстоятельства и вынудили власти отказаться в скором времени от подобного способа добычи серы [34, с. 98–99]. Вместе с тем исследователь признавал, что во время своего существования заводы обеспечивали поставки трети всего объема серы, необходимой для производства пороха [26, с. 14].

Подводя итог исследования, следует отметить, что в истории пороходелия петровского времени определяющую роль играла выработка курса военно-технической политики государства в данной сфере. Вряд ли этот процесс можно назвать последовательным, так как зигзаги политики колебались от полного сосредоточения всего производства в частных руках до лихорадочного строительства целой сети казенных заводов, большинство из которых, судя по всему, вряд ли пережили окончание Северной войны в 1721 г. Тем не менее уже к концу петровского периода медленно нарастающая тенденция к доминированию казенного сектора в пороходелии стала приобретать все более зримые очертания. Это тем более примечательно, что в таких отраслях, как производство селитры и серы, упомянутый процесс приобретал обратный характер, более свойственный промышленной политике Петра I, когда первоначально основанные за государственный счет предприятия в силу экономической целесообразности передавались в руки частных поставщиков.

Помимо строительства новых заводов, характерными чертами, свидетельствовавшими об институционализации пороходелия в петровское время, стали: формирование системы государственного управления отраслью, централизованное внедрение новых технологических приемов, налаживание системы подготовки кадров.

Нельзя не отметить и долговременное влияние на отечественное пороховое производство европейского технического опыта, нашедшего отражение прежде всего в заимствовании «голанского маниру», технология которого применялась на отечественных предприятиях длительное время.

Наконец, следует подчеркнуть и то обстоятельство, что проблема самообеспечения пороходелия важнейшими компонентами (селитрой и особенно серой), несмотря на настойчивость Петра I, так и не была решена и далее приобрела уже хронический характер.

Представляется, что дальнейшее изучение развития пороходелия и сопутствующих продуктов в петровский период по-прежнему имеет определенную перспективу. Обращает на себя внимание тот факт, что, помимо таких исследова-

телей, как Н.Е. Бранденбург и П.М. Лукьянов, да еще артиллерийских чиновников – дореволюционных историографов казенных пороховых заводов, никто из ученых проблематикой порохового производства, не говоря уже об изготовлении селитры и серы, специально не занимался. При этом последние по времени работы П.М. Лукьянова вышли в свет более полувека назад. С учетом накопленных с того времени знаний об эпохе великого преобразователя России возможны и необходимы новые исследования и в области пороходелия.

Литература

1. *Лукьянов П.М.* История химических промыслов и химической промышленности в России до конца XIX века: в 6 т. М.: АН СССР, 1949. Т. II. 732 с.
2. *Лукьянов П.М.* История химических промыслов и химической промышленности в России до конца XIX века: в 6 т. М.: АН СССР, 1961. Т. V. 704 с.
3. *Афанасьев А.Н.* Государственное хозяйство при Петре Великом // Современник. 1847. Т. 4. Отд. II. С. 1–79.
4. *Ратч В.* Петр Великий как артиллерист и капитан бомбардирской роты. Начальствующие артиллеристы при Петре // Артиллерийский журн. 1857. № 2. С. 65–102.
5. *Бранденбург Н.Е.* Материалы для истории артиллерийского управления в России. «Приказ артиллерии» (1701–1720 гг.). СПб.: тип. Арт. журн., 1876. 556 с.
6. *Забелин Л.В.* Пороховая промышленность России до Октябрьской революции 1917 г.: (Исторический очерк). Пермь: б. и., 1997. 74 с.
7. *Манойленко Ю.Е.* К истории организации производства артиллерийского вооружения в России в первой четверти XVIII века // История военного дела: исследования и источники. 2013. Т. IV. С. 265–291.
8. *Каменев К.И.* Историческое описание Охтенского порохового завода. Период первый (1715–1815 гг.). СПб.: тип. Арт. журн., 1891. 412 с.
9. *Михайлов В.С.* Очерки по истории военной промышленности // Генерал В.С. Михайлов, 1875–1929: Документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности / Сост. Ю.В. Ильин, Л.Я. Саев, Н.В. Ильина. М.: РОССПЭН, 2007. С. 83–411.
10. Охтинский химический комбинат. 250 лет. 1715–1965: Очерки, документы, воспоминания / Под ред. С.И. Тюльпанова. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1965. 552 с.
11. *Гейман В.Г.* Мануфактурная промышленность Петербурга петровского времени // Петр Великий: сб. статей / Под ред. А.И. Андреева. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 246–283.
12. *Бескровный Л.Г.* Производство вооружения и боеприпасов на русских заводах в первой половине XVIII в. // Исторические записки. 1951. Т. 36. С. 101–141.
13. *Судариков А.М., Смирнова М.В.* Петр I – основатель военной промышленности Санкт-Петербурга // Эпоха Романовых и современные проблемы российского общества: Материалы Междунар. науч. конф. СПб.: Изд-во ГПА, 2013. С. 54–58.
14. *Аранович А.В.* Из истории военного Петербурга. СПб.: Перспектива-Просвет, 2003. 176 с.
15. Столетие Шостенского порохового завода. (1771–1871). СПб.: тип. Майкова, 1871. 126 с.
16. Записки офицеров, командированных в 1834 году для практического образования в разные артиллерийские заведения. Ч. II. СПб.: Тип. Штаба Отд. Корп. Внут. Стражи, 1837. 442 с.
17. *Мартынов В.* Исторический очерк развития оружейного дела на Сестрорецком заводе // Оружейный сб. 1890. № 1. Отд. I. С. 1–47.
18. *Орфеев А.* История Сестрорецкого оружейного завода // Оружейный сборник. 1900. № 2. Отд. I. С. 41–139.

19. *Лукьянов П.М.* История химических промыслов и химической промышленности в России до конца XIX века: в 6 т. М.: АН СССР, 1948. Т. I. 544 с.
20. *Лукьянов П.М.* Производство пороха в России в первой четверти XVIII в. / Полтава: К 250-летию Полтавского сражения: Сб. ст. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 199–209.
21. *Заозерская Е.И.* Мануфактура при Петре I. М.-Л.: АН СССР, 1947. 192 с.
22. *Сметанин С.И., Конотопов М.В.* Развитие промышленности в крепостной России. М.: Академ. Проект, 2000. 470 с.
23. *Шишилов А.В.* Индустрия России первой половины XVIII века: промыслы, ремесло, мануфактура. Воронеж: ВГПУ, 2009. 408 с.
24. *Хмыров М.Д.* Артиллерия и артиллеристы на Руси в единоедержавие Петра Великого (1696–1725) // Артиллерийский журн. 1865. № 11. Отд. IV. С. 639–670.
25. *Ходнев А.И.* Селитряный промысел в России // Артиллерийский журн. 1858. № 1. Отд. ученый и техн. С. 91–128.
26. *Кистенев В.В.* Создание промышленного производства в Среднем и Нижнем Поволжье в первой четверти XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2009. 20 с.
27. *Смирнова Л.В., Платонова С.Э., Керзум А.П.* Химические производства Санкт-Петербурга в дореволюционный период // Проблемы современной экономики. 2010. № 2. С. 485–498.
28. 400 лет Тобольску: Сб. документов и материалов. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1987. 256 с.
29. *Копылов Д.И., Прибыльский Ю.П.* Тобольск. Тюмень: Вектор-Бук, 2007. 374 с.
30. *Курлаев Е.А.* Создание военного производства для обеспечения колонизации Урала и Сибири (конец XVII – первая четверть XVIII вв.) // Уральск. историч. вестн. 2009. № 4 (25). С. 119–128.
31. *Кирилов И.К.* Цветущее состояние всероссийского государства, в каковое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий, отец отечества, император и самодержец всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая: в 2 кн. М.: Унив. тип., 1831. Кн. 1, в которой описаны губернии и провинции, в них города, гарнизоны, артиллерия, канцелярии, конторы, управители с подчиненными, епархии, монастыри, церкви, число душ, расположенные полки и доходы, как оные ныне состоят, губернии Санкт-Петербургская, Московская, Смоленская, Киевская, Воронежская, Рижская, Ревельская. 184 с.
32. *Голиков И.И.* Дополнения к Деяниям Петра Великого: в 18 т. М.: В Унив. тип., у В. Огорокова, 1797. Т. XVIII. 607 с.
33. *Лукьянов П.М.* Краткая история химической промышленности СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 464 с.
34. *Кистенев В.А.* Организация производства серы в Самарском крае в конце XVII – начале XVIII веков / Платоновские чтения: Материалы X Всерос. конф. молодых историков. Самара: Универс-груп, 2005. С. 97–99.

Поступила в редакцию 15.07.2023

Принята к публикации 15.09.2023

Алексеев Тимофей Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии

Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского

ул. Ждановская, д. 13, г. Санкт-Петербург, 197198, Россия

E-mail: timofey1967@mail.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.139-150

**Gunpowder Production in Peter the Great's Russia
(Insights from Russian Historiography)**

T.V. Alexeev

*Mozhaysky Military Space Academy, St. Petersburg, 197198 Russia**E-mail: timofey1967@mail.ru*

Received July 15, 2023; Accepted September 15, 2023

Abstract

Based on an analysis of the studies published by Russian researchers of the pre-revolutionary, Soviet, and post-Soviet periods, the article overviews the development of gunpowder production in Russia during the reign of Peter I, from the end of the 17th century to the first quarter of the 18th century. The early development of military-technical policy pursued by the Russian state in producing gunpowder is considered. Its inconsistency and zigzag nature are shown. The industrial infrastructure for gunpowder production and the major stages of its history are described. The characteristic features that point to its institutionalization as an integral part of the Russian military industry are identified: state management of the industry, centralized introduction of new techniques, and establishment of an effective personnel training system. The conclusion is made that the efforts to achieve self-sufficiency in gunpowder production through the use of saltpeter and sulfur were unsuccessful. Gunpowder production in Russia was also greatly influenced by the European raw materials market and technical expertise. The need for further research on this topic is highlighted.

Keywords: gunpowder, gunpowder production, saltpeter, saltpeter production, sulfur, chemical industry, military industry, Peter the Great's era, gunpowder factory, firearms

References

1. Luk'yanov P.M. *Istoriya khimicheskikh promyslov i khimicheskoi promyshlennosti v Rossii do kontsa XIX veka* [A History of Chemistry-Based Crafts and Chemical Industry in Russia before the Late 19th Century]. Vol. II. Moscow, Akad. Nauk SSSR, 1949. 732 p. (In Russian)
2. Luk'yanov P.M. *Istoriya khimicheskikh promyslov i khimicheskoi promyshlennosti v Rossii do kontsa XIX veka* [A History of Chemistry-Based Crafts and Chemical Industry in Russia before the Late 19th Century]. Vol. V. Moscow, Akad. Nauk SSSR, 1961. 704 p. (In Russian)
3. Afanas'ev A.N. National economy during the reign of Peter the Great. *Sovremennik*, 1847, vol. 4, pp. 1–79. (In Russian)
4. Ratch V. Peter the Great as an artilleryman and a captain of the bombardment company. *Artilleriiskii Zhurnal*, 1857, no. 2, pp. 65–102. (In Russian)
5. Brandenburg N.E. *Materialy dlya istorii artilleriiskogo upravleniya v Rossii. "Prikaz artillerii" (1701–1720 gg.)* [Materials on the History of Artillery Maintenance in Russia. Artillery Prikaz (1701–1720)]. St. Petersburg, Tip. Art. Zh., 1876. 556 p. (In Russian)
6. Zabelin L.V. *Porokhovaya promyshlennost' Rossii do Oktyabr'skoi revolyutsii 1917 g.: (Istoricheskii ocherk)* [Russian Gunpowder Industry before the October Revolution of 1917: (A Brief History)]. Perm, s.n., 1997. 74 p. (In Russian)
7. Manoilenko Yu.E. On the history of artillery weapon manufacturing in Russia in the first quarter of

- the 18th century. *Istoriya Voennogo Dela: Issledovaniya i Istochniki*, 2013, vol. IV, pp. 265–291. (In Russian)
8. Kamenev K.I. *Istoricheskoe opisaniye Okhtenskogo porokhovogo zavoda. Period pervyi (1715–1815 gg.)* [Historical Description of the Okhta Gunpowder Factory. The Early Period (1715–1815)]. St. Petersburg, Tip. Art. Zh., 1891. 412 p. (In Russian)
 9. Mikhailov V.S. Essays on the history of the military industry. In: *General Mikhailov V.S., 1875–1929: Dokumenty k biografii. Ocherki po istorii voennoi promyshlennosti* [General V.S. Mikhailov, 1875–1929: Documents for the Biography. Essays on the History of the Military Industry]. Il'in Yu.V., Saet L.Ya., Il'ina N.V. (Comp.). Moscow, ROSSPEN, 2007, pp. 83–411. (In Russian)
 10. *Okhtinskii khimicheskii kombinat. 250 let. 1715–1965: Ocherki, dokumenty, vospominaniya* [Okhta Chemical Plant. 250th Anniversary. 1715–1965: Essays, Documents, Memoirs]. Tyul'panov S.I. (Ed.). Leningrad, Izd. Leningr. Univ., 1965. 552 p. (In Russian)
 11. Geiman V.G. Manufactures of St. Petersburg in the time of Peter the Great. In: *Petr Velikii: sb. statei* [Peter the Great: A Collection of Articles]. Andreev A.I. (Ed.). Moscow, Leningrad, Izd. Akad. Nauk SSSR, 1947, pp. 246–283. (In Russian)
 12. Beskrovnyi L.G. Production of weapons and ammunition in Russian factories during the first half of the 18th century. *Istoricheskie Zapiski*, 1951, vol. 36, pp. 101–141. (In Russian)
 13. Sudarikov A.M., Smirnova M.V. Peter I, the founder of the military industry of St. Petersburg. *Epokha Romanovykh i sovremennye problemy rossiiskogo obshchestva: Materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [The Era of the Romanovs and Modern Problems of Russian Society: Proc. Int. Sci. Conf.]. St. Petersburg, Izd. GPA, 2013, pp. 54–58. (In Russian)
 14. Aranovich A.V. *Iz istorii voennogo Peterburga* [From the History of St. Petersburg as a Military City]. St. Petersburg, Perspektiva-Prosvet, 2003. 176 p. (In Russian)
 15. *Stoletie Shostenskogo porokhovogo zavoda. (1771–1871)* [The Centenary of the Shostka Gunpowder Factory]. St. Petersburg, Tip. Maikova, 1871. 126 p. (In Russian)
 16. *Zapiski ofitserov, komandirovannykh v 1834 godu dlya prakticheskogo obrazovaniya v raznyia artilleriiskie zavedeniya* [Notes of the Officers Sent in 1834 to Various Artillery Institutions for Practical Training]. Part. II. St. Petersburg, Tip. Shtaba Otd. Korp. Vnut. Strazhi, 1837. 442 p. (In Russian)
 17. Mart'yanov V. A historical sketch of the gunnery development at the Sestroretsk factory. *Oruzheinyi Sbornik*, 1890, no. 1, sect. I, pp. 1–47. (In Russian)
 18. Orfeev A. History of the Sestroretsk arms factory. *Oruzheinyi Sbornik*, 1900, no. 2, sect. I, pp. 41–139. (In Russian)
 19. Luk'yanov P.M. *Istoriya khimicheskikh promyslov i khimicheskoi promyshlennosti v Rossii do kontsa XIX veka* [A History of Chemistry-Based Crafts and the Chemical Industry in Russia before the Late 19th Century]. Vol. I. Moscow, Akad. Nauk SSSR, 1948. 544 p. (In Russian)
 20. Luk'yanov P.M. Gunpowder production in Russia in the first quarter of the 18th century. In: *Poltava: K 250-letiyu Poltavskogo srazheniya: Sb. st.* [Poltava: On the 250th Anniversary of the Battle of Poltava: A Collection of Articles]. Moscow, Izd. Akad. Nauk SSSR, 1959, pp. 199–209. (In Russian)
 21. Zaozerskaya E.I. *Manufaktura pri Petre I* [Manufactory under Peter I]. Moscow, Leningrad, Akad. Nauk SSSR, 1947. 192 p. (In Russian)
 22. Smetanin S.I., Konotopov M.V. *Razvitie promyshlennosti v krepostnoi Rossii* [Industrial Development in Serfdom-Era Russia]. Moscow, Akad. Proekt, 2000. 470 p. (In Russian)
 23. Shipilov A.V. *Industriya Rossii pervoi poloviny XVIII veka: promysly, remeslo, manufaktura* [Industry of Russia in the First Half of the 18th Century: Crafts, Handicrafts, and Manufactory]. Voronezh, VGPU, 2009. 408 p. (In Russian)
 24. Khmyrov M.D. Artillery and gunmen in Russia during the autocracy of Peter the Great (1696–1725). *Artilleriiskii Zhurnal*, 1865, no. 11, sect. IV, pp. 639–670. (In Russian)
 25. Khodnev A.I. Saltpeter making in Russia. *Artilleriiskii Zhurnal*, 1858, no. 1, pp. 91–128. (In Russian)
 26. Kistenev V.V. Establishing industrial production in the Middle and Lower Volga regions during the first quarter of the 18th century. *Extended Abstract of Cand. Hist. Diss.* Samara, 2009. 20 p. (In Russian)

27. Smirnova L.V., Platonova S.E., Kerzum A.P. Chemical production of St. Petersburg in the pre-revolutionary period. *Problemy Sovremennoi Ekonomiki*, 2010, no. 2, pp. 485-498. (In Russian)
28. *400 let Tobol'sku: Sb. dokumentov i materialov* [Celebrating the 400th Anniversary of Tobolsk: A Collection of Documents and Materials]. Sverdlovsk, Sredn.-Ural. Kn. Izd., 1987. 256 p. (In Russian)
29. Kopylov D.I., Pribyl'skii Yu.P. *Tobol'sk* [Tobolsk]. Tyumen, Vektor-Buk, 2007. 374 p. (In Russian)
30. Kurlaev E.A. Starting military production to ensure the colonization of the Urals and Siberia (late 17th–first quarter of the 18th centuries). *Ural'skii Istoricheskii Vestnik*, 2009, no. 4 (25), pp. 119–128. (In Russian)
31. Kirilov I.K. *Tsvetushchee sostoyanie Vserossiiskogo gosudarstva, v kakovoe nachal, privel i ostavil neizrechennymi trudami Petr Velikii, otets otechestviya, imperator i samoderzhets vserossiiskii, i prochaya, i prochaya, i prochaya* [Flourishing of the All-Russian State as Enabled, Achieved, and Multiplied by Peter the Great, the Father of His Fatherland, Emperor, and the Sole Ruler of All Russia, Et Cetera, Et Cetera, Et Cetera]. Book 1: A description of the governorates and provinces, as well as their cities, garrisons, artillery, chanceries, offices, administrators and subordinates, dioceses, monasteries, churches, people in a census list, regiments, and revenues, as they are now, and the provinces of St. Petersburg, Moscow, Smolensk, Kiev, Voronezh, Riga, and Reval. Moscow, Univ. Tip., 1831. 184 p. (In Russian)
32. Golikov I.I. *Dopolneniya k Deyaniyam Petra Velikago* [Additions to the Acts of Peter the Great]. Vol. XVIII. Moscow, Univ. Tip., U N. Novikova, 1797. 607 p. (In Russian)
33. Luk'yanov P.M. *Kratkaya istoriya khimicheskoi promyshlennosti SSSR* [A Brief History of the Chemical Industry in the USSR]. Moscow, Akad. Nauk SSSR, 1959. 464 p. (In Russian)
34. Kistenev V.A. Organization of sulfur production in the Samara region in the late 17th–early 18th centuries. *Platonovskie chteniya: Materialy X Vseros. konf. molodykh istorikov* [Platonov's Lectures: Proc. X All-Russ. Conf. of Young Historians]. Samara, Univers-Grupp, 2005, pp. 97–99. (In Russian)

Для цитирования: Алексеев Т.В. Пороховое производство России петровской эпохи (по материалам отечественной историографии) // Учен. Зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2023. т. 165, кн. 4–5. С. 139–150. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.4-5.139-150>.

For citation: Alexeev T.V. Gunpowder production in Peter the Great's Russia (insights from Russian historiography). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 4–5, pp. 139–150. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.4-5.139-150>. (In Russian)

ИСТОРИОГРАФИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 9.930.25

doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.151-161

«В АРХИВНОЙ РАБОТЕ Я НАХОЖУ ПОДЛИННОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ...». ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ САВВА (1865–1920): ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ ИСТОРИКА

А.К. Гладков

Институт Всеобщей истории РАН, Москва, 119334, Россия

Аннотация

В статье, основанной на анализе разнообразных источников (исторических сочинений, протоколов заседаний научных обществ, писем и мемуаров современников), впервые в отечественной историографии предлагается опыт реконструкции творческой биографии замечательного русского историка и архивиста, профессора Харьковского университета Владимира Ивановича Саввы (1865–1920), самобытный научный путь которого давно привлекает внимание исследователей, однако никогда прежде он не становился предметом специального изучения. Восстановлены основные вехи биографии историка, рассмотрены этапы его профессионального становления, проанализированы научные труды и архивные изыскания В.И. Саввы, а также его коммуникации с крупнейшими учеными второй половины XIX – начала XX в. Данной статьей автор открывает серию исследований, в которых предполагается детальным образом осветить сочинения В.И. Саввы, посвященные русской истории и охватывающие период с XVI по XIX столетия.

Ключевые слова: В.И. Савва, Харьковский университет, архивы, византийская история, московские цари, политический церемониал

Имя Владимира Ивановича Саввы (1865–1920) хорошо знакомо исследователям, занимающимся изучением политической и институциональной истории, общественной мысли и культуры России до начала Нового времени. Фундаментальные труды харьковского профессора, отличающиеся детальным источниковедческим анализом документов XV – XVIII вв., поставили его в один ряд с крупнейшими знатоками отечественного Средневековья. Разнообразные научные изыскания В.И. Саввы, в которых рассмотрены формы усвоения и модификации византийских представлений о верховной власти, церемониальных практик и ритуальных традиций на Руси (Моск.ц.), структура и функции Посольского приказа, а также роль Боярской думы в налаживании дипломатических отношений Московского государства с иностранными державами (Зам.Б.д.; Посол.прик.; Дьяк.подъяч.), показали перспективные направления исследований в уже, казалось бы, хорошо освоенных сферах. Заслуживают внимания и

Фото 1. Владимир Иванович Савва

работы «малого жанра» – статьи, рецензии, заметки по различным вопросам внутреннего развития и внешнеполитических сношений Руси, а также стратегий ее восприятия иноземными путешественниками XVI – XVII вв. (Врем.мест. крещ.; Т.Смит.пут.; Пут.антиох.патр.1; Обр.омов.; Неск.случ.). Отдельно стоит сказать и о публикационных заслугах ученого: подготовленные В.И. Саввой в ходе длительных разысканий в архивохранилищах подборки редких документов XVII – XIX вв. и по сей день представляют большую ценность (Арзам.бармин.; Соч.прот.еп.; Дневн.мас.; Кузьмищ.кор.).

Владимир Иванович, будучи признанным знатоком русской истории, поддерживал деловые контакты с коллегами, часто их консультируя, налаживал профессиональные коммуникации с научными школами Санкт-Петербурга и Москвы, вписывая, так сказать, свои собственные изыскания в более широкий контекст. К слову, его связывали узы дружбы и сотрудничества с С.А. Белокуровым, С.Б. Веселовским, Д.И. Иловайским¹, А.С. Лебедевым, С.Ф. Платоновым, А.Е. Пресняковым, В.К. Трутовским, графиней П.С. Уваровой. Так, из письма А.Е. Преснякова от 1910 г. (Пресняк.Пис. № 728, с. 663) видно, что В.И. Савва был хорошо знаком и с М.К. Любавским (1860–1936) – профессором Московского университета, специалистом по истории России XVII – XVIII вв., княжества Литовского и славянских стран. Позднее М.К. Любавский стал ректором Московского университета (с 1911 по 1917 гг.) и академиком (с 1929 г.).

Авторитет одного из ярчайших представителей харьковской исторической школы второй половины XIX – начала XX в. был достаточно велик. В.И. Савва являлся прекрасным специалистом по истории России XV – XVIII вв. и левобережной Украины, он обнаружил много ценных документов в Московском главном архиве Министерства иностранных дел, собраниях Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге и Харьковского историко-филологического общества. Археолог и источниковед, он состоял в нескольких научных объединениях – Харьковском историко-филологическом, Киевском историческом (Нестора Лето-

¹ В Государственной публичной исторической библиотеке России (ГПИБ) имеется несколько работ В.И. Саввы, подаренных автором Д.И. Иловайскому (1832–1920). С Дмитрием Ивановичем – выдающимся специалистом по средневековой русской истории, автором монографий «История Рязанского княжества» (1858 г.), «Разыскания о начале Руси: вместо введения в русскую историю» (1876 г.), а также пятитомной «Истории России» (1876–1905) – харьковский профессор познакомился в конце XIX – начале XX в. на одном из археологических съездов.

писца) [1, с. 39] и Московском археологическом обществах (19 декабря 1902 г. В.И. Савву избрали членом-корреспондентом, а 19 декабря 1906 г. – действительным членом) [2, с. 313].

Основные труды ученого, несмотря на отдельные критические замечания со стороны старшего поколения харьковских историков (прежде всего представлявшего в Университете «киевские нравы» Д.И. Багалея, которого В.И. Савва упоминает в переписке с С.Б. Веселовским (Весел.Переписк., № 1, с. 366)) и появление в печати неоднозначных рецензий, прошли испытание временем: обе фундаментальные монографии Владимира Ивановича, в целом получившие весьма высокие оценки коллег, – «Московские цари и византийские василевсы» (1901 г.) и «О Посольском приказе в XVI в.» (1917 г.) – по сей день востребованы исследователями. Стоит также заметить, что составленный В.И. Саввой в начале XX в., но изданный С.О. Шмидтом только в 1983 г. справочник, посвященный дьякам и подьячим Посольского приказа XVI в., до сих пор не имеет себе равных.

Масштаб научных исследований В.И. Саввы очевидным образом не соответствует поразительной скудости биографических данных, сохранившихся о нем; об ученом отсутствуют упоминания в крупнейших обобщающих советских изданиях по русской историографии [3–5], за одним лишь исключением [6, с. 371]. Краткая информация представлена только в специальных публикациях начала прошлого столетия [7, с. 110; 8, с. 344–345; 9, с. 53–54; 2, с. 313, 165–166], в то время как сведения о В.И. Савве, указанные в справочных изданиях начала XXI в., зачастую нуждаются в проверке и уточнении [10; 11, с. 277]. Все эти обстоятельства побуждают нас взяться за реконструкцию творческой биографии ученого, внесшего большой вклад в изучение отечественной истории, культуры и общественной мысли [12].

Владимир Иванович Савва родился в 1865 г. в Кишиневе в дворянской семье [2, с. 313]; отец его был чиновником [8, с. 344; 12, с. 37]. В.И. Савва проходил обучение в Кишиневской I гимназии, с успехом закончил ее в 1884 г. и сразу стал студентом Нежинского Историко-филологического института кн. Безбородко [13; 14]. Еще в период студенчества В.И. Савва написал статью, посвященную анализу сведений Константина Багрянородного о приеме русских посольств в Византии (Врем. мест.крещ., с. 3). Некоторые итоги проделанной работы (исследователь, впрочем, пояснил, что в статье счел необходимым пересмотреть результаты своего первого научного опыта, посвященного анализу известий Константина Багрянородного о пребывании княгини Ольги в Царьграде (Врем.мест.крещ., с. 3)) ученый представил слушателям в 1890 г. на заседании Харьковского историко-филологического общества [15, с. 7], членом которого он являлся с 1889 г. [15, с. 24], на следующий год работа была опубликована в виде статьи в его основном печатном органе (Врем.мест.крещ.).

Историк не оставлял своих ранних научных увлечений и при подготовке магистерской диссертации вернулся к данному «церемониальному» сюжету, вероятно, не без подсказки А.С. Лебедева, сыгравшего в судьбе Владимира Ивановича особую роль. С Амфианом Степановичем Лебедевым (1832–1910) – специалистом по истории христианской Церкви, византинистом и русистом – В.И. Савва был знаком много лет. 1 июля 1894 г. А.С. Лебедев по постановлению Министерства народного просвещения возведен в степень доктора рус-

ской истории; 1 августа 1894 г. – утвержден в звании заслуженного профессора. С 20 января 1891 г. по 1899 г. являлся деканом историко-филологического факультета. В некрологе, подготовленном В.И. Саввой по случаю кончины ученого 27 января 1910 г., указано, что некоторое время он жил в одном доме с покойным и «привык засыпать и просыпаться под шелест листов из соседней комнаты, где спал Амфиан Степанович» (Пам.проф.Л., с. 20). Думается, данное упоминание может свидетельствовать об особом расположении А.С. Лебедева к В.И. Савве. Неслучайно автор некролога, поделившийся с читателями теплыми воспоминаниями об усопшем, включил себя в число его «почитателей» (Пам.проф.Л., с. 21). Возможно, в период, когда А.С. Лебедев был деканом, он оказал содействие В.И. Савве в устройстве на работу в Харьковский университет, на время приютив его в своем доме.

Окончив в 1888 г. историческое отделение Нежинского Историко-филологического института кн. Безбородко [7, с. 110; 12, с. 38], Владимир Иванович стал преподавателем истории в одной из лучших частных учебных заведений России – женской гимназии Д.Д. Пономаревой-Оболенской в г. Харькове [7, с. 110]. Возможно, именно тогда и произошло его знакомство с будущей супругой (к слову, о том, что В.И. Савва женат, мы узнаем, в частности, из писем С.Ф. Платонова, адресованных историку, – петербургский ученый неизменно передает приветы возлюбленной Владимира Ивановича (Плат.Переп., № 159, с. 87; № 163, с. 89; № 191, с. 99)). Затем в 1892 г. он успешно сдал экзамены по русской истории в Харьковском университете [8, с. 344] и с 1895 г. начал читать лекции в качестве приват-доцента [2, с. 313; 8, с. 344].

В том числе и по инициативе Владимира Ивановича в 1892 г. при Харьковском историко-филологическом обществе был создан «Педагогический отдел» [12, с. 38; 16]; наряду с В.И. Харциевым, Н.Ф. Сумцовым и М.П. Савыновым ученый вошел в состав специальной подготовительной комиссии [17, с. 2]. В целях популяризации знания среди широких масс населения «Педагогическим отделом» было организовано несколько общедоступных лекций; так, в 1897 г. в Харькове состоялось 9 публичных чтений с участием крупнейших специалистов – действительных членов Историко-филологического общества [18, с. 25].

В.И. Савва вел активную научную (так, согласно протоколам Историко-филологического общества, В.И. Савва в 1897 г. не пропустил ни одного заседания – 2 октября, 31 октября, 12 ноября, 23 ноября, 11 декабря; однако в последующие годы его участие в научной жизни Общества заметно сократилось) [18, с. 4–15] и преподавательскую деятельность: в 1896 г. ученый «прочитал ряд лекций о внутреннем быте Московской Руси XVI и XVII вв. по известиям иностранных писателей» слушательницам чтений, организованных при Харьковском университете Историко-филологическим обществом [8, с. 344]. В течение 1900–1902 гг. Владимир Иванович выступал с лекциями по древнерусской истории перед рабочими и участницами «женских курсов» при Харьковском университете [8, с. 344; 12, с. 38].

В своих публичных выступлениях исследователь обратился к разбору чрезвычайно важных тем, посвященных не только обзору иностранных свидетельств о России, но и определению их значения как исторических источников. Его также интересовали вопросы повседневной организации Московского государства, религиозные представления, система управления и судопроизводства, состав

населения и уровень образованности [19, с. 15]. Особое внимание ученый уделял сравнительному анализу церемоний приема послов и государей в Византии и Московском царстве, а также изучению специфических обрядов и ритуалов, имевших место в державе ромеев и на Руси (Обр.омов.).

12 ноября 1897 г. В.И. Савва представил коллегам по Историко-филологическому обществу доклад «О посольском обряде Московского государства» [18, с. 11] (аннотацию выступления см. в [18, с. 13–14]), в котором привлек не только памятники дипломатических сношений России с европейскими странами, но и известия иностранных авторов. Изучая описание приема послов, сохранившееся в сочинении Константина Багрянородного “*De ceremoniis aulae Byzantinae*”, используя данные о татарском посольском обычае и посольские обычаи, распространенные в России в сношениях с крымским ханом, Владимир Иванович пришел к выводу: в Московском государстве «практиковалось два вида обряда приема иноземных послов: один для послов европейских государей, другой для азиатских» [18, с. 13]. В.И. Савва предполагал, что в основе первого типа лежала идея равенства и братства между государствами, в нем читалось уважение к иноземному послу как к представителю своего правителя, тогда как в восточном типе, напротив, выражалась идея подчиненности и неравенства между властителями [18, с. 13]. Согласно его точке зрения, московские государи, не являвшиеся сторонниками подчиненности между независимыми правителями, не были блюстителями восточного варианта, но, напротив, насаждали посольский обряд европейского типа в сношениях с мусульманскими странами [18, с. 13]. Монголо-татарское иго, как отмечал исследователь, не внесло значительных корректив в русский посольский церемониал, ориентированный на европейский типа отношений, но лишь «наложило известный колорит» [18, с. 13–14].

Уже в конце 80-х – 90-е годы XIX в. В.И. Савва приступил к изучению историко-бытовых и мировоззренческих сторон жизни средневековой Руси, изображенных иностранными путешественниками. Привлечение данных источников, объективно или, зачастую, весьма тенденциозно описывающих русскую социальную, политическую и культурную действительность, позволяло, по мнению Владимира Ивановича, достаточно широко и, что особенно важно, «под особым углом зрения» охарактеризовать быт и нравы людей XVI и XVII вв. (Т.Смит.пут.; Пут.антиох.патр.1; Пут.антиох.патр.2).

В 1900 г. ученый поступил преподавателем истории в Харьковский институт благородных девиц [8, с. 344], а уже в следующем году была напечатана его первая фундаментальная монография, рекомендованная к печати Ученым советом Отделения и в 1902 г. защищенная им в качестве магистерской диссертации [8, с. 163, 344]. Капитальный труд «Московские цари и византийские васелевсы: к вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей» – оригинальное и яркое исследование политической идеологии, церемониала, системы ритуалов и обрядов, усвоенных Русью от державы ромеев.

Кроме того, Владимир Иванович являлся членом Харьковского отделения предварительного комитета по устройству XII археологического съезда, проходившего 15–27 августа 1902 г. в Харькове [20, с. 1, 6]; на этом представительном форуме историком, исполнявшим обязанности секретаря секции «Быт хозяйственный и домашний, юридический общественный и военный» (председатель

Д.И. Багалея), был прочитан доклад «Выход византийских и московских царей в праздник Рождества» (Вых.виз.ц.) [20, с. 10].

В.И. Савва – ведущий специалист кафедры русской истории – был командирован Харьковским университетом в качестве депутата на проходивший с 30 августа по 10 сентября 1904 г. в Санкт-Петербурге съезд славянских филологов и историков. В 1905 г. он принимал участие в XIII археологическом съезде в г. Екатеринбург, на котором прочитал доклад «Откуда двуглавый орел на деньгах Тверского великого князя Михаила Борисовича?» (Отк.дв.ор.) [12, с. 39].

Возможно, на одном из археологических съездов начала XX в. состоялось знакомство В.И. Саввы с В.К. Трутовским² (1862–1932). Владимир Константинович был не только известным археологом и нумизматом, хранителем Оружейной Палаты Московского Кремля, но и, кроме того, постоянным членом организовывавшихся Харьковским университетом научных мероприятий.

В 1905 г. В.И. Савва стал профессором русской истории в Историко-филологическом институте кн. Безбородко (Писк.Вибр. с. 223–224). В 1909 г. в звании ординарного профессора Института вышел в отставку, начав читать лекции в Харьковском университете в качестве приват-доцента. В 1911 г. избран Харьковским университетом и.д. экстраординарного профессора по кафедре русской истории [12, с. 39]. В этом же году после некоторого перерыва (В.И. Савва не был на XIV археологическом съезде в Чернигове (1–15 августа 1908 г.), его фамилия отсутствует в числе депутатов от Историко-филологического факультета Харьковского университета и Историко-филологического общества [21, с. 1–2]) Владимир Иванович участвовал в работе Археологического съезда, проведенного 22 июля – 6 августа в Новгороде, и выступил с докладом «Несколько заметок о Боярской думе в XVI в.» [22, с. 42]. В опубликованных в 1915 г. «Заметках о Боярской думе» (Зам.Б.д.), небольшой по объему работе (всего 18 страниц), вдохновленной статьей С.Б. Веселовского «Две заметки о Боярской думе» [12, с. 39], которая увидела свет в 1911 г. в сборнике в честь С.Ф. Платонова, В.И. Савва анализирует материалы русского делопроизводства и доказывает, что встречающиеся в источниках формулы «бояре поговорили» и «бояре приговорили», как казалось ранее, не идентичны. Исследователь писал: «...в Боярских приговорах формула *бояре поговорили* означала, что Боярская дума к определенному решению не пришла. Можно думать, что формулой *бояре поговорили* государю, когда он в заседании Боярской думы не присутствовал, представлялось, в каких вопросах дума не вынесла определенное решение» (Зам.Б.д., с. 1).

Наблюдения – как С.А. Белокурова и С.Б. Веселовского, так и свои собственные – В.И. Савва неизменно подкреплял показаниями Посольских книг XVI в.; приведенные выше и многие другие выводы ученого, основанные на интерпретации актового материала, обнаруженного и собранного им в ходе многолетних архивных разысканий, нашли обоснование и развернутое продолжение в фундаментальном труде «О Посольском приказе в XVI в.» (Посол.прик.). Книга, задумывавшаяся автором в двух томах, в итоге при жизни В.И. Саввы была издана лишь частично. Впрочем, она не прошла незамеченной и привлекла заслуженное

² В собрании ГПИБ России хранится несколько работ В.И. Саввы, подаренных В.К. Трутовскому. Автографы «Глубокоуважаемому Владимиру Константиновичу Трутовскому» (без подписи В.И. Саввы, а также без указания даты и места вручения) имеются, в частности, на книгах «Материалы из архива Нежинских греческих братств и магистрата» (Нежин, 1908) и «Заметки о Боярской Думе в XVI в.» (Пг., 1915).

внимание специалистов: так, В.Г. Гейман (1887–1965), крупный историк и палеограф, отметив в 1921 г. достоинства и некоторые просчеты рецензируемой работы, своеобразие исследовательского метода, названного им «арифметическим» [23, с. 168], весьма высоко оценил труд харьковского профессора: «Большая заслуга В.И. Саввы перед русской наукой в том, что застывший вопрос о Боярской думе он вновь выдвигает в сферу действенного изучения и подходит к вопросу с новым материалом» [23, с. 167].

Когда отзыв Василия Георгиевича увидел свет в «Русском историческом журнале» за 1921 г., читатель едва ли мог ожидать ответа со стороны автора анализируемой монографии: В.И. Саввы не стало годом ранее. В том же номере журнала в разделе «Скорбная летопись» упоминается лаконичная информация о смерти историка, произошедшей 26 февраля 1920 г. [1, с. 250]. Ученый, как и многие представители русской интеллигенции, столкнувшиеся с суровыми реалиями Гражданской войны, приходом 3 января 1919 г. к власти в Харькове большевиков и крахом устоявшегося социального порядка, покончил жизнь самоубийством [12, с. 40].

Преждевременно и трагично оборвалась жизнь видного историка, профессора Харьковского университета, замечательного источниковеда и археографа, ученого, щедро делившегося своими знаниями, наблюдениями и открытиями с коллегами (в письмах С.Ф. Платонова отложились довольно многочисленные свидетельства на сей счет [12, с. 37]) и слушателями, архивиста, на протяжении многих лет – подобно С.А. Белокурову – обнаруживавшего новые материалы, которые проливали свет на русскую политическую, социальную и культурную действительность XV – XIX вв. Однако за 55 лет, отведенных Владимиру Ивановичу, он успел сделать исключительно много (его кумиром в науке был М.В. Ломоносов [24, с. 12–18]), а его обширное наследие, пусть на сегодняшний день и не в полном виде, но все же доступно потомкам; историки давно и плодотворно изучают труды В.И. Саввы, что говорит о востребованности научных идей харьковского профессора.

Источники

- Врем.мест.крещ. – *Савва В.И.* О времени и месте крещения русской великой княгини Ольги (опыт историко-критического разбора) // Сб. Харьк. ист.-филол. об-ва. 1891. Т. III. С. 3–28.
- Т.Смит.пут. – *Савва В.И.* Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России / Перевод, введение и примечание И.М. Болдакова. Изд. Графа С.Д. Шереметева. СПб., 1893 // Археологические известия и заметки, издаваемые Императорским Московским Археологическим Обществом / Под. ред. А.В. Орешникова. 1894. № 8-9. С. 273–281.
- Пут.антиох.патр.1 – *Савва В.И.* Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в первой половине XVII в., описанное архидьяконом Павлом Алеппским. 4 выпуска (Москва, 1896–98 г.) // Киевская старина. Ежемесячный исторический журнал. 1899. Год восемнадцатый. Т. LXVI (август). С. 70–83.
- Моск.ц. – *Савва В.И.* Московские цари и византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков: Тип. и литогр. М. Зильберберга и С-вья, 1901. 400 с.
- Вых.виз.ц. – *Савва В.И.* Выход византийских и московских царей в праздник Рождества // Известия XII Археологического съезда, 15–27 августа 1902 г. Харьков, 1902. С. 65–66.

- Отк.дв.ор. – *Савва В.И.* Откуда двуглавый орел на тверских монетах? // Известия XIII Археологического съезда в Екатеринославле, 15–27 августа 1905 г. Харьков, 1905. С. 101–103.
- Обр.омов. – *Савва В.И.* Обряд омовения ног в четверг страстной недели в Византии и на Руси // Сб. Харьк. ист.-филол. об-ва. 1908. Т. XV. С. 79–82.
- Арзам.бармин. – *Савва В.И.* Арзамасские и барминские будные станы. Приходо-расходные и сметные книги 1679–1680 гг. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1908. 69 с.
- Кузьмищ.кор. – *Савва В.И.* П.Ф. Кузмищев, корреспондент В.И. Даля. Киев: тип. Т.Г. Мейнандера, 1908. 45 с.
- Соч.прот.еп. – *Савва В.И.* Сочинение против епископов XVIII в. М.: тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1909. 35 с.
- Дневн.мас. – *Савва В.И.* Из дневника масона 1775–1176 гг. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1909. 54 с.
- Пам.проф.Л. – *Савва В.И.* Памяти проф. А.С. Лебедева // Записки Императорского Харьк. ун-та. 1910. Кн. II. С. 20–21.
- Неск.случ. – *Савва В.И.* Несколько случаев изучения иностранных языков русскими людьми во второй половине XVI в. Харьков: тип. «Печ. дело», 1913. 12 с. (оттиск из сб. Харьковского историко-филологического общества в честь проф. В.П. Бузескула).
- Зам.Б.д. – *Савва В.И.* Заметки о Боярской думе в XVI в. Пг.: тип. Г. Шумахера и Б. Брукера, 1915. 18 с.
- Посол.прик. – *Савва В.И.* О Посольском приказе в XVI в. Вып. I. Харьков: тип. Т-ва потр. о-в юга России, 1917. 409 с.
- Дьяк.подъяч. – Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI в. Справочник. Вып. 1-2 / Сост. В.И. Савва. М. Ин-т истории СССР АН СССР, 1983. 228 с.
- Писк.Вибр. – *Пискорский В.К.* Вибрані твори та епістолярна спадщина. Київ: Фонд «Відродження», 1997. 350 с.
- Весел.Переп. – Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками / Под ред. С.А. Левиной, Б.В. Левшина. М.: Древлехранилище, 2001. 527 с.
- Плат.Переп. – *Платонов С.Ф.* Переписка с историками: в 2 т. М.: Наука, 2003. Т. I. Письма С.Ф. Платонова 1883–1930 / Отв. ред. С.О. Шмидт. 388 с.
- Пресняк.Пис. – *Пресняков А.Е.* Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. 1889–1927. СПб.: ДБ, 2005. 967 с.
- Пут.антиох.патр.2 – Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. Пер. с араб. Г. Муркоса. М.: Об-во сохранения литературного наследия, 2016. 728 с.

Литература

1. Русский исторический журнал. 1921. Кн. VIII. 336 с.
2. Императорское московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914 гг.) / Под ред. графини П.С. Уваровой и И.Н. Бороздина. Т. II. М.: скоропеч. А.А. Левенсон, 1915. 447 с.
3. *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М.: Госполитиздат, 1941. 659 с.
4. Очерки истории исторической науки в СССР: в 5 т. / Под ред. М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1960. Т. 2. 852 с.
5. *Шапиро А.Л.* Историография с древнейших времен до 1917 года. М.: Ассоц. «Россия»: Культура, 1993. 761 с.

6. История исторической науки в СССР: в 5 т. / Отв. ред. М.В. Нечкина. М.: Наука, 1965. Т. 1. Дооктябрьский период. Библиография. 702 с.
7. Историко-филологический институт кн. Безбородко в Нежине. 1875–1900. Преподаватели и воспитанники. Нежин: Типо-лит. М.В. Глезера, 1900. 120 с.
8. Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905) / Под ред. М.Г. Халанского, Д.И. Багалея. Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1908. 390 с.
9. Историко-филологический институт кн. Безбородко в Нежине. 1901–1912. Преподаватели и воспитанники. Нежин: Типо-лит. М.В. Глезера, 1913. 98 с.
10. Биобиблиографический словарь ученых Харьковского университета: в 2 т. Харьков: Издательство ХГУ, 2001. Т. II. С. 94–96.
11. Русский биографический словарь в XX томах. М.: Terra-Кн. клуб, 2001. Т. XIII. 478 с.
12. *Гладков А.К.* «Труды и дни» Владимира Ивановича Саввы, или Две судьбы одного харьковского профессора // Университетское образование в полиэтничных регионах Поволжья (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова): сб. статей / Редкол.: О.Н. Широков, Т.Н. Иванова, И.А. Липатова, М.Н. Краснова. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. С. 36–40.
13. *Лавровский Н.А.* Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине (1820–1832 г.). Киев: тип. М.П. Фрица, 1879. 158 с.
14. *Петухов Е.В.* Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине (1820–1832 г.). СПб.: тип. В.С. Балашева и К°, 1895. 63 с.
15. Сб. Харьк. ист.-филол. об-ва. 1891. Том III. 341 с.
16. Устав Педагогического Отдела Историко-филологического Общества, состоящего при Императорском Харьковском университете // Сб. Харьк. ист.-филол. об-ва. 1892. Том IV. С. XXVI–XXVII.
17. Сб. Харьк. ист.-филол. об-ва. 1893. Том V. 490 с.
18. Сб. Харьк. ист.-филол. об-ва. 1899. Том XI. 429 с.
19. Сб. Харьк. ист.-филол. об-ва. 1897. Том IX. 295 с.
20. Изв. XII Археологического съезда в Харькове, 15–27 августа 1902 г. Харьков, 1902. 204 с.
21. Изв. XIV археологического съезда в г. Чернигов, 1–15 августа 1908 г. Чернигов, 1908. 163 с.
22. Изв. XV археологического съезда в г. Новгород, 22 июля – 6 августа 1911 г. М.: Типография В.И. Воронова, 1911. 185 с.
23. *Гейман В.* Новая попытка исследования вопроса о Боярской Думе // Русский исторический журнал. 1921. Кн. 7. С. 166–176.
24. *Гладков А.К.* «...Все испытал и все проник»: некоторые черты «картины мира» М.В. Ломоносова // «Знатным украшением Отечеству послуживший...». Творчество М.В. Ломоносова и культура России Нового времени / Отв. ред. А.К. Гладков. М.: «Сибирская благовонница», 2014. С. 12–18.

Поступила в редакцию 30.08.2023

Принята к публикации 30.10.2023

Гладков Александр Константинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Институт всеобщей истории РАН

Ленинский проспект, д. 32А, г. Москва, 119334, Россия

E-mail: gladkov2010@yandex.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.151-161

**“I Take True Pleasure in Working with Archives...”.
Vladimir Ivanovich Savva: Reflections on the Thorny Path of a Historian**

A.K. Gladkov

Institute of World History, Russian academy of Science, Moscow, 119334 Russia

E-mail: gladkov2010@yandex.ru

Received August 30, 2023; Accepted October 30, 2023

Abstract

This article, for the first time in Russian historiography, reconstructs the biography of Vladimir Ivanovich Savva (1865–1920), an esteemed Russian historian and archivist, based on the analysis of historical writings, meeting minutes from scientific societies, as well as letters and memoirs from his contemporaries. Researchers have long been captivated by his original path as a scholar, yet it has never been the focus of a dedicated study. Here, V.I. Savva's biography and professional development are thoroughly explored. His works and archival research are discussed. The interactions he had with other prominent scholars during the turn of the 20th century are considered. It is the first article in a series that will document and examine V.I. Savva's life and works on Russian history from the 16th to 19th centuries.

Keywords: V.I. Savva, Kharkiv University, archives, Byzantine history, Moscow tsars, political ceremonial

Photos

Photo 1. Vladimir Ivanovich Savva.

References

1. *Russkii Istoricheskii Zhurnal*. 1921, book VIII. 336 p. (In Russian)
2. Uvarova P.S., Borozdin I.N. (Eds.) *Imperatorskoe moskovskoe arkhologicheskoe obshchestvo v pervoe pyatidesyatiletie ego sushchestvovaniya (1864–1914 gg.)* [The Imperial Moscow Archaeological Society in the First Fifty Years of Its Work (1864–1914)]. Vol. II. Moscow, Skoropech. A.A. Levenson, 1915. 447 p. (In Russian)
3. Rubinshtein N.L. *Russkaya istoriografiya* [Russian Historiography]. Moscow, Gospolitizdat, 1941. 659 p. (In Russian)
4. Nechkina M.V. (Ed.) *Ocherki istorii istoricheskoi nauki v SSSR* [Essays on the History of Historical Science in the USSR]. Vol. 2. Moscow, Nauka, 1960. 852 p. (In Russian)
5. Shapiro A.L. *Istoriografiya s drevneishikh vremen do 1917 goda* [Historiography from Ancient Times to 1917]. Moscow, Assots. “Rossiya”, Kul't., 1993. 761 p. (In Russian)
6. Nechkina M.V. (Ed.) *Istoriya istoricheskoi nauki v SSSR* [The History of Historical Science in the USSR]. Vol. 1: Pre-October Period. Bibliography. Moscow, Nauka, 1965. 702 p. (In Russian)
7. *Istoriko-filologicheskii institut kn. Bezborodko v Nezhine. 1875–1900. Prepodavateli i vospitanniki* [The Historical and Philological Institute of Prince Bezborodko in Nizhyn. 1875–1900. Lecturers and Students]. Nezhin, Tipo-Lit. M.V. Glezera, 1900. 120 p. (In Russian)
8. Khalanskii M.G., Bagalei D.I. (Eds.) *Istoriko-filologicheskii fakul'tet Khar'kovskogo universiteta za pervye 100 let ego sushchestvovaniya (1805–1905)* [The Faculty of History and Philology of Kharkov University during the First 100 Years of Its History (1805–1905)]. Kharkiv, Tip. Adol'fa Darre, 1908. 390 p. (In Russian)

9. *Istoriko-filologicheskii institut kn. Bezborodko v Nezhine. 1901–1912. Prepodavateli i vospitanniki* [The Historical and Philological Institute of Prince Bezborodko in Nizhyn. 1901–1912. Lecturers and Students]. Nezhin, Tipo-Lit. M.V. Glezera, 1913. 98 p. (In Russian)
10. *Biobibliograficheskii slovar' uchenykh Khar'kovskogo universiteta* [Biobibliographical Dictionary of Scientists at Kharkiv University]. Vol. II. Kharkiv, Izd. KhGU, 2001, pp. 94–96. (In Russian)
11. *Russkii biograficheskii slovar' v XX tomakh* [Russian Biographical Dictionary in 20 Volumes]. Vol. XIII. Moscow, Terra-Kn. Klub, 2001. 478 p. (In Russian)
12. Gladkov A.K. “Works and days” of Vladimir Ivanovich Savva, or two destinies of one Kharkiv professor. In: Shirokov O.N., Ivanova T.N., Lipatova I.A., Krasnova M.N. (Eds.) *Universitetskoe obrazovanie v polietnichnykh regionakh Povolzh'ya (k 50-letiyu Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I.N. Ul'yanova): sb. statei* [University Education in the Polyethnic Regions of the Volga Region (to the 50th Anniversary of I.N. Ulyanov Chuvash State University): A Collection of Articles]. Cheboksary, TsNS “Interaktiv Plyus”, 2015, pp. 36–40. (In Russian)
13. Lavrovskii N.A. *Gimnaziya vysshikh nauk kn. Bezborodko v Nezhine (1820–1832 g.)* [The Gymnasium of Higher Sciences of Prince Bezborodko in Nizhyn (1820–1832)]. Kiev, Tip. M.P. Fritsa, 1879. 158 p. (In Russian)
14. Petukhov E.V. *Gimnaziya vysshikh nauk kn. Bezborodko v Nezhine (1820–1832 g.)* [The Gymnasium of Higher Sciences of Prince Bezborodko in Nizhyn (1820–1832)]. St. Petersburg, Tip. V.S. Balasheva i K^o, 1895. 63 p. (In Russian)
15. *Sbornik Khar'kovskogo Istoriko-Filologicheskogo Obshchestva*, 1891, vol. III. 341 p. (In Russian)
16. The Charter of the Pedagogical Department of the Historical and Philological Society of Imperial Kharkov University. *Sbornik Khar'kovskogo Istoriko-Filologicheskogo Obshchestva*, 1892, vol. IV, pp. XXVI–XXVII. (In Russian)
17. *Sbornik Khar'kovskogo Istoriko-Filologicheskogo Obshchestva*, 1893, vol. V. 490 p. (In Russian)
18. *Sbornik Khar'kovskogo Istoriko-Filologicheskogo Obshchestva*, 1899, vol. XI. 429 p. (In Russian)
19. *Sbornik Khar'kovskogo Istoriko-Filologicheskogo Obshchestva*, 1897, vol. IX. 295 p. (In Russian)
20. *Izv. XII Arkheologicheskogo S"ezda v Khar'kove, 15–27 avgusta 1902 g.* [Proc. XII Archeol. Meet. in Kharkiv, August 15–27, 1902]. Kharkiv, 1902. 204 p. (In Russian)
21. *Izv. XIV arkheologicheskogo s"ezda v g. Chernigov, 1–15 avgusta 1908 g.* [Proc. XIV Archeol. Meet. in Chernihiv, August 1–15, 1908]. Chernihiv, 1908. 163 p. (In Russian)
22. *Izv. XV arkheologicheskogo s"ezda v g. Novgorod, 22 iyulya – 6 avgusta 1911 g.* [Proc. XV Archeol. Meet. in Novgorod, July, 22–August, 6, 1911]. Moscow, Tip. V.I. Voronova, 1911. 185 p. (In Russian)
23. Geiman V. A new study on the issue of the boyar дума. *Russkii Istoricheskii Zhurnal*, 1921, no. 7, pp. 166–176. (In Russian)
24. Gladkov A.K. “I have experienced and explored everything”: Some insights into M.V. Lomonosov’s worldview. In: Gladkov A.K. (Ed.) “*Znatnym ukrasheniem Otechestvu posluzhivshii...*”. *Tvorchestvo M.V. Lomonosova i kul'tura Rossii Novogo vremeni* [“He Adorned the Fatherland with His Noble Actions”. M.V. Lomonosov’s Work and Russian Culture of the Modern Era]. Moscow, “Sib. Blagozvonitsa”, 2014, pp. 12–18. (In Russian)

Для цитирования: Gladkov A.K. «В архивной работе я нахожу подлинное удовольствие...». Владимир Иванович Савва (1865–1920): тернистый путь историка // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2023. Т. 165, кн. 4–5. С. 151–161. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.4-5.151-161>.

For citation: Gladkov A.K. “I take true pleasure in working with archives...”. Vladimir Ivanovich Savva: Reflections on the thorny path of a historian. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 4–5, pp. 151–161. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.4-5.151-161>. (In Russian)

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК (470-430)+929

doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.162-169

**«ЖЕНСКОЕ ПРИСУТСТВИЕ» В СОХРАНЕНИИ
И АКТУАЛИЗАЦИИ НАСЛЕДИЯ
ИСТОРИКА В.И. ГЕРЬЕ: Е.В. ГЕРЬЕ**

Н.В. Ростиславлева

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, 125047, Россия

Аннотация

В статье рассмотрены основные вехи биографии дочери великого русского историка В.И. Герье Елены Владимировны Герье (1868–1942). Оказавшись в начале Первой мировой войны в Германии, она зарекомендовала себя большим патриотом России: прекрасно владея немецким языком, прилагала все силы, чтобы русские подданные вернулись на родину. Е.В. Герье являлась известным и очень уважаемым общественным деятелем в сфере школьного образования и общественного призрения. Довольно показателен 25-летний юбилей ее многогранной деятельности, продемонстрировавший, что ее усилия были высоко оценены. После Октябрьской революции 1917 г. Е.В. Герье переживала непростые времена: она ухаживала за тяжело больным отцом, была дважды арестована и некоторое время провела в Бутырской тюрьме. Более десяти лет она являлась библиотекарем и научным сотрудником Государственной библиотеки им. В.И. Ленина, пыталась «встроиться» в советское общество. Отмечена важная роль Е.В. Герье в качестве помощника в научных делах В.И. Герье: она переписывала его статьи и вплоть до своей смерти в 1942 г. занималась систематизацией и сохранением наследия своего отца. Именно ее рукой были переписаны воспоминания В.И. Герье, которые являются уникальным источником сведений прежде всего о возникновении высшего женского образования в России.

Ключевые слова: Владимир Иванович Герье, Елена Владимировна Герье, наследие историка, роль в сохранении наследия историка

Интерес автора к творчеству выдающегося русского историка, профессора Московского университета Владимира Ивановича Герье (1837–1919) возник в связи с изучением общественной и научной жизни Российской империи в годы Первой мировой войны в рамках освещения судеб русских немцев в условиях вооруженного конфликта с Германией. Для нас было важно узнать, как В.И. Герье пережил это трудное время.

Когда началась война, историку было уже 77 лет, но он был очень деятелен. Изучение фонда В.И. Герье в НИОР РГБ показало, что в этот тревожный период ученый много занимался общественной деятельностью, в частности созданием союза общественных организаций по снабжению предметами обмундирования армии, флота и лечебных учреждений, уделяя особое внимание такой форме попечительства, как трудовая помощь женщинам-солдаткам и беженцам. В.И. Герье начал активно заниматься вопросами попечительства в августе 1914 г. и к

1916 г. добился успехов, создав рабочие места: в основном женщины и девушки занимались шитьем и изготовлением бумажных цветов, были даже организованы оборудованные швейными машинками мастерские (НИОР РГБ. Оп. 81. Д. 12. Л. 1–2), Владимир Иванович проявил себя как настоящий русский патриот, жертвуя деньги на лазарет, которому он переводил ежемесячно по 50 руб. (НИОР РГБ. Оп. 42. Д. 18. Л. 6). Ученый не подвергался никаким рестрициям со стороны российских властей, хотя в период мировой войны продолжал поддерживать отношения с обществом бывших воспитанников училища при Евангелической церкви Петра и Павла в Москве, среди которых было немало лиц немецкого происхождения (НИОР РГБ. Оп. 42. Д. 42. Л. 1).

Фото 1. Герье Елена Владимировна, сотрудник Румянцевского музея

В этом же фонде отложились воспоминания его дочери, Е.В. Герье (1868–1942), «Школы в Мюнхене и Нюрнберге», которые она записала по итогам своей поездки в Германию, в них речь идет о ее пребывании там в июле – октябре 1914 г. До сих пор не опубликованные воспоминания являются уникальным источником информации о той истерии, которой была охвачена Германия в начале Первой мировой войны, о тех настроениях, которые разделяли немцы в отношении *enemy aliens* («враждебных иностранцев»). Воспоминания представляют интерес в контексте восприятия Германии и немцев подданными Российской империи с немецкими корнями, которые оказались в начале Первой мировой войны на территории враждебного государства и стали предметом ненависти и обвинений со стороны германцев. Этот вопрос в историографии изучен неплохо (см. [1–3]). Необходимо отметить, что Е.В. Герье в эти трудные для нее дни показала себя настоящим патриотом России и благодаря прекрасному знанию немецкого языка делала, что могла, чтобы помочь русским подданным, оказавшимся, как и она, в начале Первой мировой войны в Германии, вернуться на родину. Когда началась война, аккредитивы русских в Германии были заблокированы: дочь В.И. Герье осталась без денег, перебивалась случайными уроками, которые ей помогали найти немецкие коллеги. Угнетал контроль со стороны полиции, подозрения в шпионаже, что заставляло Е.В. Герье иногда реагировать довольно эмоционально. Именно страх, который немецкий историк Б. Хитцер назвала главной эмоцией XX в., мешает людям разделять чувства и разум [4]. Однако Елена Владимировна даже в такой сложной и эмоционально зашкаливающей ситуации смогла

наладить отношения с представителями полиции, которые стали оказывать ей помощь в репатриации (НИОР РГБ. Оп. 93. Д. 17. Л. 39–40). По возвращении из Германии она писала: «Как отратно звучали милые знакомые старые колокола, с каким наслаждением я глядела на знакомые улицы и дома. После девяти недель лишений, почти голодовки, снова в уютной обстановке, среди друзей и знакомых» (НИОР РГБ. Оп. 93. Д. 17. Л. 35). Репатриация Е.В. Герье была успешной, а пережитые в Германии тяготы сделали ее мудрее¹.

После возвращения в Москву дочь В.И. Герье принимала деятельное участие в организации трудовой помощи семьям солдат, призванных на фронт из Москвы. Женщина вошла в состав Центральной бельевой комиссии, которая стала тесно сотрудничать с комитетом Ее императорского Высочества Великой княгини Елизаветы Федоровны (НИОР РГБ. Оп. 74. Д. 7. Л. 1).

Дальнейший исследовательский интерес автора был направлен на изучение вклада Е.В. Герье в систематизацию и сохранение наследия ее отца.

Сам Владимир Иванович Герье родился в немецко-французской семье выходцев из Гамбурга и, как уже отмечалось, поддерживал отношения с немецкой общиной Москвы². Мать Елены Владимировны, Евдокия Ивановна Токарева, – православная, русская по происхождению. Семья проживала в Москве по адресу: Гагаринский переулок, дом 20, где устраивались журфиксы и кипела интеллектуальная жизнь Москвы. Е.В. Герье имела незаконченное высшее образование, как указано в ее личном деле, она окончила гимназию и Московские женские курсы (Архив РГБ. Л. 64), вела активную педагогическую деятельность, в 1898–1917 гг. работала в Московской городской управе, много сил отдала организации профессиональных школ, обладала бурным общественным темпераментом. Так, в фонде В.И. Герье сохранились любопытные документы – поздравительные адреса к 25-летнему юбилею общественной деятельности Е.В. Герье в сфере школьного образования, который она отметила в 1916 г. В поздравительном адресе от деятелей профессиональных школ в Москве отмечается ее личная щедрость, неравнодушие и то, что она привносила в их работу «дух живой» (НИОР РГБ. Оп. 93. Д. 16. Л. 1). В день юбилея ее приветствовал персонал Смоленско-Александровского госпиталя в Москве. Елена Владимировна была попечительницей этого госпиталя, много сделала для его организации и открытия. В адресе отмечалось, что она человек исключительного такта, внимания и участия в жизни больных и всего служебного персонала. Выражалась также надежда, что Е.В. Герье будет продолжать свою работу до ее благополучного окончания, и в конце адреса стояло 36 подписей (НИОР РГБ. Оп. 93. Д. 14. Л. 1). Еще один, очень красиво оформленный, адрес прислали ученицы Московского Смоленского училища. В нем отмечалось, что Е.В. Герье заботится и печется о детях, делает для них много добра. «Мы, дети, не можем вполне оценить Ваши труды, но понимаем, что они очень велики. Мы никогда не забудем нашу милую и добрую попечительницу», – восклицают ученицы (НИОР РГБ. Оп. 93. Д. 15. Л. 1–2). Юбилейные адреса великолепно характеризуют деятельную и неравнодушную натуру дочери историка В.И. Герье, высвечивают ее общественную позицию и стремление помогать людям.

¹ См. о В.И. Герье подробнее в [6–8].

² Т.Н. Иванова, признанный авторитет в изучении творчества В.И. Герье, нашла данные о смерти Е.В. Герье в архиве Академии наук (см. (АРАН. Л. 18 об.)).

После Октябрьской революции 1917 г. Е.В. Герье пришлось непросто: она неоднократно арестовывалась. Первый раз женщина находилась под арестом с 24 августа по 6 сентября 1918 г., а во второй раз ее арестовали 22 августа 1919 г., на следующий день после похорон ее отца. Елена Владимировна провела некоторое время в Бутырской тюрьме и была освобождена по ходатайству библиотеки Румянцевского музея, где с конца августа 1918 г. она работала в качестве библиотекаря, а с 20 октября 1918 г. – научного сотрудника. В этом ходатайстве были указаны ее заслуги в области народного и профессионального образования и образования умственно отсталых детей (Архив РГБ. Л. 2, 4, 5, 8, 9). В итоге Е.В. Герье была освобождена. В дальнейшем, по отзывам коллег, она являлась очень ценным научным сотрудником отдела экономических наук Всесоюзной Публичной библиотеки им. В.И. Ленина (как стала называться библиотека Румянцевского музея), свободно владея немецким, английским, французским и итальянским языками. По причине слабого здоровья Е.В. Герье уволилась из библиотеки 29 сентября 1928 г. и просила назначить ей не страховую, а персональную пенсию «за заслуги отца в истории русского просвещения и в истории женского образования в частности», которая составляла бы 4/9 ее жалованья (Архив РГБ. Л. 55). Ей была назначена пенсия в связи с заболеванием: Елена Владимировна болела туберкулезом легких (Архив РГБ. Л. 10), но, к сожалению, не удалось установить, какого типа пенсию она в итоге получила.

Дочь В.И. Герье хотела полностью интегрироваться в политическую жизнь СССР: будучи еще сотрудником библиотеки, она подавала заявление на восстановление в избирательных правах, но 1 марта 1927 г. ей было в этом отказано (Архив РГБ. Л. 41). Однако она не опускала руки и продолжала трудиться над систематизацией архива отца, чтобы сделать его служение науке и образованию достоянием общественности. О дальнейшей судьбе Елены Владимировны вплоть до ее смерти практически нет документальных материалов³. Из скурых данных архива РГБ можно понять, что Е.В. Герье, несмотря на свое этническое и социальное происхождение, относительно успешно адаптировалась к новому обществу, являлась членом профсоюза, ее карьера оборвалась из-за проблем со здоровьем.

Как уже отмечалось, дочь В.И. Герье была удивительно деятельна, трудолюбива, прекрасно ориентировалась в исследованиях и социальной деятельности отца. Она стала ему большой помощницей. После его смерти она проделала огромную работу по систематизации архива ученого и составлению библиографии научных работ историка (НИОР РГБ. Оп. 33. Д. 69. Л. 1–143). Елена Владимировна выделила следующие рубрики в библиографии научных работ отца: университет, наука и государство, Новая история, историография, историческое общество, история Франции, история Древнего мира, история Средних веков, персоналии (Г. Лейбниц, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, И. Тэн), женское образование, политические статьи, вопросы общественного призрения. Представленная систематизация имеет еще и подразделы, что доказывает, насколько тщательно дочь В.И. Герье изучила творчество своего отца, с какой любовью и трепетом она выполнила свою бесценную для историков работу.

³ Т.Н. Иванова, признанный авторитет в изучении творчества В.И. Герье, нашла данные о смерти Е.В. Герье в архиве Академии наук (см. (АРАН. Л. 18 об.)).

Елена Владимировна переписывала статьи и письма В.И. Герье – например, статью-письмо 1863 г. к его другу Д.А. Капнисту, посвященную религиозным вопросам. В пояснении к архивным документам из фонда В.И. Герье указано, что список подготовлен Е.В. Герье и ее сестрой С.В. Герье в 1941 г. (НИОР РГБ. Оп. 32. Д.19. Л. 1). Рукою Елены Владимировны переписано знаменитое сочинение В.И. Герье «Мои воспоминания» (НИОР РГБ. Оп. 32. Д. 13)⁴. Дочь историка отмечала, что к их переписке она приступила летом 1941 г. во время бомбардировок Москвы гитлеровскими войсками, а ее отец начал писать их в тревожном 1918 г. (НИОР РГБ. Оп. 32. Д. 12. Л. 56–56 об.), тем самым давая понять, насколько символичны эти совпадения. Воспоминания В.И. Герье в настоящее время вызывают огромный интерес исследователей, особенно главы 3 и 4, где речь идет об организации Высших женских курсов. Именно этот аспект деятельности историка заслужил высокую оценку еще на заре советской власти. В 2014 г. переписанные Е.В. Герье главы воспоминаний были опубликованы, что стало событием для изучения интеллектуального пространства московских историков и вызвало новую волну интереса к фонду ученого (Г.).

Фонд В.И. Герье в НИОР РГБ достаточно полный, информативный, хорошо систематизирован. К нему активно обращаются специалисты по отечественной и всеобщей истории (франковеды, германисты), исследователи университетского и высшего женского образования в России, а также историографы. В этом богатом фонде до сих пор можно обнаружить уникальные документы: например, письмо В.И. Герье на немецком языке Г. фон Зибелю, который был ближайшим учеником Л. фон Ранке и директором Прусских государственных архивов (НИОР РГБ. Оп. 35. Д. 8). Все вышеизложенные факты характеризуют масштаб личности В.И. Герье, уровень его научных связей и общественной деятельности, а также профессионализм, самоотверженность, ответственность его дочери, так как значительная заслуга в сохранении наследия ученого, бесспорно, принадлежит Елене Владимировне Герье, которая почитала и глубоко уважала своего отца, но при этом и сама являлась незаурядной личностью, вызывающей интерес историков не только в ракурсе гендерных исследований, но и как тот человек «второго плана» в истории, без которого первый план не мог бы быть так отчетливо прорисован.

Источники

НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 70. Владимир Иванович Герье. 46765 л.

Архив РГБ – Архив Российской государственной библиотеки. Подотдел личного состава. Герье Елена Владимировна. Оп. 22. Д. 161. 67 л.

АРАН – Архив Российской Академии наук. Ф. 665. Оп. 1. Д. 332. 24 л.

Г. – *Герье В.И. Мои воспоминания // Тетра Еуропа: интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX в. М.: Политич. энциклопедия, 2014. С. 177–272.*

⁴ На титуле указано, что это «беловой экземпляр, рукою Е.В. Герье».

Литература

1. Феномен гражданского плена в России и Германии / Под ред. А. Бауэркемпера и Н.В. Ростиславлевой. М.: РГГУ, 2023. 481 с.
2. *Богомолов И.К.* «Охотно верилось, что крови не прольется...»: русские подданные в Германии и Австро-Венгрии накануне и в годы Первой мировой войны // Россия и Германия в годы Первой мировой войны: между безопасностью и гуманностью. М.: РГГУ. С. 89–116.
3. *Mauer T.* Fremde Feinde – oder Freunde? Studenten und Gelehrte aus dem Russischen Reich in Göttingen vom späten 19. Jahrhundert bis zum Ende des Ersten Weltkrieges // Göttinger Jahrb. 2006. V. 54. S. 89–112.
4. *Hitzer B.* Emotionsgeschichte – ein Anfang mit Folgen // H-Soz-Kult 3.11.2011. URL: <http://hsozkult.geschichte.hu-berlin.de/index.asp?id=1221&view=pdf&pn=forum&type=forschungsberichte>, свободный.
5. *Ростиславлева Н.В.* «Был все эти годы гражданским пленным № 52»: о статусе русских в Германии в годы Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2020. № 3(65). С. 79–97.
6. *Иванова Т.Н.* Научное наследие В.И. Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX века). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2010. 382 с.
7. *Иванова Т.Н., Мягков Г.П., Школа В.И.* Герье: основные черты и место в научном пространстве России // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2013. № 44. С. 165–185.
8. *Ростиславлева Н.В.* Размышления об истории Германии В.И. Герье: мотивация исследователя // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2022. – № 78. С. 118–127.

Поступила в редакцию 30.09.2023

Принята к публикации 30.11.2023

Ростиславлева Наталья Васильевна, доктор исторических наук, проф. кафедры всеобщей истории

Российский государственный гуманитарный университет

Миусская пл., д. 6, г. Москва, 125047, Россия

E-mail: ranw@mail.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.162-169

**The “Female presence” in Safeguarding and Continuing
the Heritage of Historian V.I. Guerrier: E.V. Guerrier***N.V. Rostislavleva**Russian State University for the Humanities, Moscow, 125047 Russia**E-mail: ranw@mail.ru*

Received September 30, 2023; Accepted November 30, 2023

Abstract

This article considers the main milestones in the life of Elena Vladimirovna Guerrier (1868–1942), the daughter of the prominent Russian historian V.I. Guerrier. She was highly educated and fluent in four European languages, including German. During World War I, she was in Germany where she cemented her status as a fervent patriot of Russia and made every attempt to repatriate Russian subjects. E.V. Guerrier became widely respected for her contributions in the fields of school education and philanthropy. The recognition she received on the 25th anniversary of her hard work highlights that her public endeavors and initiatives were highly appreciated. After the October Revolution in 1917, E.V. Guerrier went through difficult times. She took care of her ailing father, who eventually succumbed to his illness. She was also arrested twice and served some time at Butyrka prison. In an attempt to integrate into Soviet society politically, E.V. Guerrier worked as a librarian and researcher at Lenin’s State Library for over ten years. However, due to her poor health, she retired in 1928. Until her death in 1942, she organized and safeguarded V.I. Guerrier’s scientific heritage by thoroughly revising his articles. She rewrote her father’s memoirs, which is a valuable source of information about the establishment of women’s higher education in Russia.

Keywords: Vladimir Ivanovich Guerrier, Elena Vladimirovna Guerrier, historian’s heritage, her role in preservation of the historian’s heritage

Photos

Photo 1. Elena Vladimirovna Guerrier, a staff member at the Rumyantsev Museum.

References

1. *Fenomen grazhdanskogo plena v Rossii i Germanii* [Civilian Captivity in Russia and Germany]. Bauerkämper A., Rostislavleva N.V. (Eds.). Moscow, RGGU, 2023. 481 p. (In Russian)
2. Bogomolov I.K. “It was readily believed that no blood would be shed...”: Russian subjects in Germany and Austria-Hungary on the verge and throughout the First World War. In: *Rossiia i Germaniya v gody Pervoi mirovoi voyny: mezhdru bezopasnost’yu i gumannost’yu* [Russia and Germany in the Years of the First World War: Between Security and Humanity]. Moscow, RGGU, 2019, pp. 89–116. (In Russian)
3. Mauer T. Fremde Feinde – oder Freunde? Studenten und Gelehrte aus dem Russischen Reich in Göttingen vom späten 19. Jahrhundert bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. *Göttinger Jahrbuch*, 2006, Bd. 54, S. 89–112. (In German)
4. Hitzer B. Emotionsgeschichte – ein Anfang mit Folgen. In: *H-Soz-Kult 3.11.2011*. URL: <http://hsozkult.geschichte.hu-berlin.de/index.asp?id=1221&view=pdf&pn=forum&type=forschungsberichte>. (In German)
5. Rostislavleva N.V. “I was civilian prisoner no. 52 for all those unforgettable years”: On the status of Russians in Germany during the First World War. *Novyi Istoricheskii Vestnik*, 2020, no. 3(65), pp. 79–97. (In Russian)

6. Ivanova T.N. *Nauchnoe nasledie V.I. Ger'e i formirovanie nauki vseobshchei istorii v Rossii (30-eg. XIX – nachalo XX veka)* [V.I. Guerrier's Scientific Heritage and the Development of General History as a Discipline in Russia (1830s–Early 1900s)]. Cheboksary, Izd. Chuv. Univ., 2010. 382 p. (In Russian)
 7. Ivanova T.N., Myagkov G.P. V.I. Guerrier's school of thought: Main features and place in the academic space of Russia. *Dialog so Vremenem*, 2013, no. 44, pp. 165–185. (In Russian)
 8. Rostislavleva N.V. Reflections on the history of Germany. V.I. Guerrier: A researcher's motivation. *Dialog so Vremenem*, 2022, no. 78, pp. 118–127. (In Russian)
-

⟨ **Для цитирования:** Ростиславлева Н.В. «Женское присутствие» в сохранении и актуализации наследия историка В.И. Герье: Е.В. Герье // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2023. Т. 165, кн. 4-5. С. 162–169. [https://doi: 10.26907/2541-7738.2022.4-5.162-169](https://doi.org/10.26907/2541-7738.2022.4-5.162-169). ⟩

⟨ **For citation:** Rostislavleva N.V. The “female presence” in safeguarding and continuing the heritage of historian V.I. Guerrier: E.V. Guerrier. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 4-5, pp. 162–169. [https://doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.162-169](https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.4-5.162-169). (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 93/94 (3)+930 (091) (092)

doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.170-181

ЕВГЕНИЯ ВЛАДИМИРОВНА ГУТНОВА КАК ИСТОРИОГРАФ АНГЛИЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО ПАРЛАМЕНТА: АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Т.А. Сидорова

*Сочинский институт (филиал) Российского университета Дружбы народов им.
Патриса Лумумбы, г. Сочи, 354340, Россия*

Аннотация

Статья посвящена исследованию одного из аспектов многогранного научного наследия выдающегося советского и российского медиевиста и историка исторической науки Е.В. Гутновой (1914–1992), не изучавшегося специальными отечественными историками, – англо-американской историографии раннего английского парламента. Е.В. Гутнова выступила как новатор и родоначальник изучения истории английского государства и средневекового парламентаризма XIII – XIV вв. на конкретно-историческом и историографическом уровнях. Сравнительно-исторический анализ различных концепций английского средневекового парламента был осуществлен Е.В. Гутновой по линии сопоставления вигско-либеральной (У. Стеббс) и «критической» (Ф.У. Мейтленд) моделей с позиций марксистской методологии истории. На основе историко-генетического, историко-сравнительного методов и методов исторического анализа и синтеза определен вклад Е.В. Гутновой в исследование англо-американской историографии раннего английского парламентаризма. Автор пришел к выводу о том, что Е.В. Гутнова создала оригинальную историографическую концепцию, ставшую классическим алгоритмом познания и построения исследований в области зарубежной истории исторической науки, неотъемлемой частью которой является англо-американская историография раннего парламентаризма в Англии.

Ключевые слова: Е.В. Гутнова, англо-американская историография, английский средневековый парламент, марксистская методология истории, научно-исследовательский и политико-идеологический компоненты, историко-критический анализ, либерально-вигская историография, критическое направление, «парламентисты», «корпоратисты», историко-генетический метод, историко-сравнительный метод, методы исторического анализа и синтеза

Евгения Владимировна Гутнова (1914–1992), один из крупнейших советских и российских медиевистов, англоведов, исследователей историографии истории Средних веков, в отечественной исторической науке является родоначальником системного изучения историографического наследия зарубежных и российских историков в области Средневековья с середины XIX в. до 1917 г.

Историографическая и конкретно-историческая проблематики являются равноценными исследовательскими направлениями в творчестве Е.В. Гутновой, которая начинала свой путь в науке как историограф и новист. Ее кандидатская диссертация была посвящена изучению исторических взглядов известного британского историка Томаса Карлейля, специализировавшегося в области

истории Французской революции (I). Результаты этого исследования освещены в первой научной публикации Евгении Владимировны, вышедшей в 1947 г. (II).

Впоследствии центральной научной темой Е.В. Гутновой стал английский средневековый парламент XIII – XIV вв., наряду с историей общественного сознания западноевропейского крестьянства XI – XV вв., и связанная с его изучением историография, нашедшая отражение в специальной статье 1948 г., посвященной зарубежной историографии раннего парламента в Англии (III).

В творчестве Е.В. Гутновой, первооткрывателя темы сословного представительства в советской медиэвистике [1, с. 324], историографический анализ наследия британских и американских историков преимущественно второй половины XIX – первой половины XX в. по конституционной истории Англии и ее ядру – английскому средневековому парламенту – занимает важное место, так как непосредственно связан с ключевой проблемой ее исследований в области ранней истории этого института.

Правомерность объединения английской и американской историографии в единый историографический поток продиктована традицией, бытующей в отечественной исторической науке и основанной на особенностях развития медиэвистики в США, которые убедительно раскрыты Е.В. Гутновой. В частности, она отмечала, что американские историки в силу отсутствия собственного средневекового исторического прошлого, а также генетических связей с Великобританией и ее научными школами унаследовали от своих английских коллег тематику и вектор (германистский) изучения основных проблем истории Средних веков и демонстрировали приверженность к истории англосаксов, вопросам конституционной истории, особенно – англосаксонскому праву, парламенту, королевской власти, изучение которых американские историки считали своим «патриотическим долгом». Решающую роль в этом единении историографий сыграл английский историк Э. Фримен, «крайний германист», который, посетив в конце 70-х годов XIX в. США, объявил «отцов-основателей» первых английских колоний в Новой Англии «носителями германского наследства с присущим ему якобы исключительным духом свободы и демократии» (IV, 1985, с. 374). Поэтому сильные позиции в американской историографии заняла «тевтонская» школа, представители которой (в частности, Генри Адамс) трактовали в «националистическом и даже расистском духе историю англосаксов и Америки XVIII – XIX вв.». «Тевтонская» традиция служила «обоснованием колониальных захватов США и угнетения негров внутри страны» (IV, 1985, с. 371–378). Об историческом единстве и интеллектуальной близости англичан и американцев писал крупнейший британский историк критического направления Ф.У. Мейтленд, поддерживавший тесные научные контакты с историками и правоведами США: «...Мы не можем относиться к американцам как к иностранцам; наше право – это их право...»¹ [2, р. 220].

В творчестве Е.В. Гутновой историографический аспект выступал как самостоятельное исследовательское направление и как обязательный раздел конкретно-исторического изучения истории раннего парламента в Англии.

Вопросы возникновения, природы, сущности, структуры, функций и роли английского парламента в социально-политической жизни Англии в Средние века и их отображение в англо-американской историографии всесторонне

¹ Здесь и далее перевод с английского наш. – Т.С.

исследованы Е.В. Гутновой в двух ее фундаментальных трудах – капитальной монографии, посвященной проблемам возникновения английского парламента (V), которая способствовала росту интереса отечественной медиевистики к изучению государства, и прежде всего сословий [3, с. 231], и широко известном учебном пособии (по сути – монографическом исследовании) [4, с. 225] по историографии истории Средних веков с середины XIX в. до 1917 г. (IV, 1985), ставшем на долгие годы важнейшим обобщающим трудом для российских исследователей. Обозначенная научная тема также разрабатывалась Евгенией Владимировной в ряде специальных статей, аналитических обзорах, материалах, написанных для энциклопедических изданий.

Научное исследование истории раннего английского парламента осуществлялось Е.В. Гутновой в гармоничном единстве двух подходов: сравнительного анализа методологий (марксистская – либеральная – неолиберальная – ранкеанско-позитивистская) и политико-идеологических установок, существовавших в отечественной и англо-американской историографиях.

В англо-американской историографии Евгения Владимировна выделяла вигско-либеральное (Г. Галлам, Ф. Пэлгрев, Э. Фримен, У. Стеббс, Дж.Р. Грин) и критическое направления XIX в. (Ф.У. Мейтленд, А. Поллард, Дж.Б. Адамс, Дж.У. Балдуин), а также их последователей – «парламентистов» (Ч. Макилвейн, Г. Ричардсон, Дж. Сейлс, М. Поуик, Т.Ф.Т. Плакнетт, Г. Хаскинс) и «корпоративистов» (Э. Кэм, Дж. Эдвардс, Б. Уилкинсон) первой половины XX в., изучение которых прослеживается в ее творчестве с 1948 по 1992 гг. (VI). Эти британские и американские историки первой половины XIX – первой половины XX в. являлись авторами солидных монографий по истории английского конституционализма и средневекового парламента² (не переведенных на русский язык и весьма труднодоступных для широкой аудитории советских историков), внесли большой вклад в осмысление проблемы, что отмечала Е.В. Гутнова, демонстрировавшая в своих исследованиях блестящее владение огромным эмпирическим материалом и бережное к нему отношение [5, с. 292].

² *Hallam H.* The Constitutional History of England from the Accession of Henry VII to the Death of George II, 3 Vols. Paris: Printed for the L. Baudry, 1827; *Palgrave F.* The Rise and Progress of the English Commonwealth, 2 Vols. London: J. Murray, 1832; *Freeman E.* The Growth of the English Constitution from the Earliest Times. London: Macmillan and Co., 1872. 224 p.; *Stubbs W.* The Constitutional History of England: In Its Origin and Development, 3 Vols. London: Clarendon Press, 1874–1878; *Holms O.W.* The Common Law. London: Macmillan, 1882. 422 p.; *Грин Д.Р.* Краткая история английского народа: в 3 вып. / Пер. с англ. В.Я. Богучарского [псевд.]; Под ред. Н.Н. Шамонова. М.: тип. А.Г. Кольчугина, 1897–1900. *Maitland F.W. (ed).* Memoranda de parlamento. Records of the Parliament Holden at Westminster: On the Twenty-Eight Day of February, in the Thirty-Third Year of the Reign of King Edward the First (A.D. 1305). London: Printed for H.M.S.O. by Eyre and Spottiswoode, 1893. CXXI. 373 p.; *Maitland F.W., Sir Pollock F.* The History of English Law before the Time of Edward I, 2 Vols. Cambridge: The Univ. Press, 1895; *Maitland F.W.* The Constitutional History of England. Cambridge: The Univ. Press, 1908. 574 p.; *Adams J.B.* The Origin of English Constitution. New Haven: Yale Univ. Press; London: Henry Frowde; Oxford Univ. Press, 1912, 400 p.; *Baldwin J.W.* The Kings Council in The England. Oxford: Clarendon Press, 1913. 600 p.; *Pollard A.* The Evolution of Parliament. London: Longmans, Green, 1920. 428 p.; *Adams G.B.* Constitutional History of England. N.Y.: University of California Libraries, 1921. 540 p.; *Wilkinson B.* Studies in the English Constitutional History of the Thirteenth and Fourteenth Centuries. Manchester: Univ. Press, 1937. 290 p.; *McIlwain Ch.H.* Constitutionalism Ancient and Modern. Ithaca; N.Y.: Cornell Univ. Press, 1940. 162 p.; *Powicke F.M.* King Henry III and the Lord Edward: The Community of the Realm in the Thirteenth Century, 2 Vols. Oxford: The Univ. Press, 1947; *Haskins G.L.* The Growth of English Representative Government. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1948. 131 p.; *Wilkinson B.* The Constitutional History of Medieval England 1216–1399, 3 Vols. London: Longmans, Green. Vol. I. 1948. 268 p.; Vol. II. 1952. 360 p.; *Plucknett T.F.T.* Legislation of Edward I (The Ford Lectures Delivered in the University of Oxford in Hilary Term 1947. Oxford. London: Clarendon Press, 1962. 168 p.; *Richardson H.G., Sayles G.O.* The English Parliament in the Middle Ages. London: Hambledon Press, 1981. 560 p. (Список трудов английских и американских историков составлен нами по хронологическому принципу. – Т. С.).

Труды английских и американских историков являлись источниками «парламентских» исследований Евгении Владимировны, и, как медиевист и специалист-историограф, она осознавала необходимость развернутого анализа их концепций, которые на долгие годы определили направление научного поиска и позиции в англоязычной и европейской «парламентской» исторической мысли.

Особое внимание Е.В. Гутновой к исследованиям английских и американских историков, посвященным изучению парламента в Англии, объясняется тем фактом, что «вигская» и «критическая» концепции британской конституционной истории заняли господствующее положение не только в национальных историографиях, но и в европейской историографии в целом: первая – в XIX в., вторая – в начале и середине XX в. Продолжительное доминирование в международном историографическом пространстве либерально-вигской и «критической» моделей раннего английского парламента базировалось, как справедливо отмечала Е.В. Гутнова, на нескольких постулатах, характеризовавших их сущность: а) традиционализме, обоснованном Г. Галламом, Э. Фрименом, У. Стеббсом, Ф.У. Мейтлендом, то есть преемственном и не прерывающемся «вырастании» английского конституционализма из Великой хартии вольностей и парламента 1265 г. и основанном на принципе «древней английской свободы» (III, с. 106; V, с. 7); б) германизме как подтверждении древности «английской свободы» и восхвалении англосаксонских учреждений, стоявших у истоков возникновения английского парламента в Средние века; в) либеральной трактовке тезиса об общенациональном единстве всего «народа» в борьбе за свободу против деспотизма монархов при полном игнорировании сословно-классового характера представительства в парламенте; г) консервативно-охранительном содержании либерально-«критической» концепции английского средневекового парламента, направленной на сохранение незыблемости конституционного строя Великобритании XIX – XX вв.; д) историко-правовом подходе в понимании генезиса и ранней истории английского парламента, обусловившего концентрацию внимания на истории идей и институтов; е) политизации проблемы раннего английского парламента, ставшей опорой для притязаний на мировое господство англосаксов в годы Первой и Второй мировых войн и в течение всего XX в. как носителей «единственной подлинной демократии» (III, с. 105); ж) обширной источниковой базе, позволившей историкам упомянутых направлений в целом правильно оценить место английского парламента в системе английского государства (III, с. 105–107).

Формат сравнительно-историографического анализа двух ведущих конкурирующих концепций английского парламента XIII – XIV вв. – либерально-вигской (Г. Галлам, Ф. Пэлгрев, Э. Фримен, У. Стеббс, Дж.Р. Грин) и «критической» (Ф.У. Мейтленд, А. Поллард, Дж.У. Балдуин, Ч. Макилвейн), осуществленный Е.В. Гутновой во введении монографии «Возникновение английского парламента», дает наглядное представление о различиях в понимании сущности этого представительного учреждения в XIII – XIV вв. и источниках его возникновения: а) английский средневековый парламент не был «органом народной свободы» и не развился эволюционно из уитенагемота, как считал У. Стеббс, но являлся феодальным учреждением, утвердившимся после нормандского завоевания в результате созидательной деятельности королевской власти на основе договорных отношений и поземельного права, в понимании Ф.У. Мейтленда и А. Полларда;

б) У. Стеббс видел в раннем парламенте сословно-представительное собрание; Ф.У. Мейтленд полагал, что парламент вырос из королевского совета и был его частью; с точки зрения Дж.У. Балдуина, королевский совет являлся центром парламента; по мнению Ч. Макилвейна, парламент был судебным органом; А. Поллард настаивал на том, что парламент представлял собой общенациональное, но не сословно-представительное собрание. Таким образом, как справедливо указывает Е.В. Гутнова, английские либералы и англо-американские «критики» создали два мифических образа английского парламента как органа «народной свободы» (У. Стеббс) и «органа классовой гармонии нации под главенством короля» (А. Поллард) (V, с. 3–15).

Системообразующими фигурами в «парламентских» исследованиях Е.В. Гутновой выступали выдающиеся историки-конституционалисты второй половины XIX – середины XX в.: англичане У. Стеббс (1825–1901), «Конституционная история» которого «завершила создание либеральной концепции конституционной истории Англии, синтезировав все, что было сделано до этого историками политического и историко-правового направления вигской ориентации» (IV, 1985, с. 233–234; VII); Ф.У. Мейтленд (1850–1906), автор «Конституционной истории Англии», основатель критического направления в Великобритании, последовательный критик национал-либеральной стеббсовской концепции за идеализацию средневекового парламента как органа «народной свободы», уделявший «первостепенное внимание королевской власти, недооценивавшейся его предшественниками», в создании парламента и развитии английской государственности (IV, 1985, с. 440, 444, 447; VIII); А. Поллард (1869–1948), в труде которого «Эволюция английского парламента» «критическая» концепция английского парламентаризма нашла «наиболее законченное выражение» (IV, 1985, с. 449; IX), и американец Дж.Б. Адамс (1851–1925), противник ортодоксального «тевтонизма» и «идеализации Великой хартии вольностей» и средневекового английского парламента, свойственной У. Стеббсу и его школе, подчеркивавший «феодалную основу и Великой хартии, и парламента, равно далеких от демократизма» (IV, 1985, с. 378).

Исторические взгляды упомянутых историков и их фундаментальные труды изучались Евгенией Владимировной глубоко и в течение многих лет. Поэтому материалы, содержащиеся в ее работах, вооружили российских историков-зарубежников последующих поколений надежными научными знаниями о становлении и развитии англо-американской историографии средневекового парламентаризма.

Весомый вклад Е.В. Гутнова внесла в изучение историко-правового наследия крупного английского историка и юриста Ф.У. Мейтленда и критического направления в британской историографии, хорошо известных нашим медиевистам в период ее научной деятельности, но не являвшихся предметом специального исследования. В отечественной исторической науке изучались преимущественно социально-экономические аспекты трудов Ф.У. Мейтленда в связи с разработкой аграрной истории средневековой Англии, тогда как его государственно-политической концепции внимания практически не уделялось. Евгению Владимировну же в творчестве Ф.У. Мейтленда и историков «юридической школы» привлекали преимущественно проблемы феодального государства и раннего парламентаризма в Англии, которые изучались ею в течение сорока лет. В отечественной исто-

риографии она, наряду с П.Г. Виноградовым, А.Н. Савиным, Е.А. Косминским, М.А. Баргом, Я.А. Левицким, стояла у истоков становления мейтлендоведческих исследований. Обобщение и систематизация исследований Е.В. Гутновой в области конституционной истории средневековой Англии позволили составить целостное, емкое и научно достоверное представление об историко-правовом наследии Ф.У. Мейтленда и критическом направлении в англо-американской историографии. Ею также был определен первоначальный состав историков-«критиков» Англии и США в конце XIX – первой половине XX в. – Ф.У. Мейтленд, А. Поллард, Дж. Джойлифф, Ч. Макилвейн, Дж. Балдуин; прослежена преемственность государственно-правовой концепции Ф.У. Мейтленда в «парламентистской» и «корпоратистской» историографии 30–50-х годов XX в.; выявлены заслуги и влияние историков критического направления на медиевистику в Англии и США [6].

Изучение истории возникновения английского парламента имело непосредственный выход в политическую историю, проблему трактовки природы и сущности средневекового государства в Англии в XIII – XIV вв., понимание которых в советской и англо-американской исторической науке середины XIX – первой половины XX в. принципиально расходились. Поэтому, акцентируя внимание на «надклассовом» характере английской монархии XIII – XIV вв., континуитетности развития института монархии и конституционализма в Англии в целом, понимании сущности истории как истории политических идей и институтов, «юридизме», «превосходстве британского парламентаризма» (V, с. 37–38), атрибутивно присущих трудам англо-американских историков, Е.В. Гутнова убедительно показала ограниченность подобного видения истории английского средневекового государства и парламента. Англо-американской историографической традиции она последовательно противопоставляла достоинства социально-экономического подхода в объяснении предпосылок возникновения английского парламента, роли антифеодальной борьбы народных масс, классовой природы монархии с сословным представительством, преимуществ революционного пути развития в противовес «эволюционному». Кроме того, Е.В. Гутнова, анализируя содержание понятия «сословная монархия», понимаемого в англо-американской историографии не столько как «ограниченная монархия», сколько как «воплощение гармонии интересов короля и всех сословий», то есть всего «народа» английского королевства, отметила неточность его интерпретации и сформулировала новое понятие «феодальная монархия с сословным представительством», которое более адекватно определяло сущность английского государства XIII – XIV вв. и было одобрено и поддержано ведущими советскими историками тех лет [7, с. 127–128].

Таким образом, с точки зрения канонов советской медиевистики, заслуга Е.В. Гутновой состояла в постановке вопроса «о взаимодействии экономического базиса и политической надстройки в истории Англии XIII – начала XIV в.», то есть о соотношении социально-экономического и государственно-политического факторов в истории и решении его в пользу первого, о роли народных масс в процессе централизации государства и в смене его политических форм (V, с. 6, 37, 42). Современная отечественная медиевистика признает значимость «социального» подхода к политической истории, использованного Е.В. Гутновой применительно к изучению государственно-политической истории Англии

XIII – XIV вв. как важной составляющей системного видения процесса развития раннесредневековых государств, государственности периода феодальной раздробленности, сословной и абсолютной монархий. «Социальная» концепция природы средневекового государства и его институтов (парламентов), предложенная Е.В. Гутновой, представляла собой новое понимание их сущности в контексте марксистской историографии и в более широком масштабе – европейской исторической науки, отдававшей предпочтение политико-юридическому подходу в исследовании государственной проблематики европейского Средневековья [5, с. 297–298].

В контексте научного анализа истории английского парламента XIII – XIV вв. большой интерес представляют политико-идеологические разделы наследия Е.В. Гутновой, которые в свете международных событий сегодняшнего дня и современной геополитической ситуации приобретают особое звучание и понимаются иначе, нежели несколько лет назад. В этой части Евгения Владимировна создала убедительную модель развенчивания концепции англосаксонской исключительности, покоящейся на «уникальной» истории раннего конституционализма – Великой хартии вольностей и английского парламента. Она подвергла справедливой критике «особенности» политического развития Англии и США, его «превосходство в настоящем и прошлом над политическим строем других стран», которые традиционно объяснялись английскими и американскими историками «исключительными национальными качествами англосаксов», «духом английской свободы», «исконной любовью к свободе и склонностью к мирному эволюционному развитию» (V, с. 5–7). Евгения Владимировна дала блестящую характеристику идейной сущности либеральной вигской историографии (У. Стеббс), традиционно изображавшей историю английского государства как развитие принципа народной свободы, заложенного в англосаксонских учреждениях.

Признание «общего кризиса буржуазной исторической мысли» (IV, 1985, с. 401, 402, 415, 416), прежде всего позитивистской, партийная установка на критику «буржуазной историографии» и «борьбу с ней» диктовали необходимость критического анализа этой историографии, отличавшегося особой жесткостью в 30–60-е годы XX в., в логике марксистской методологии истории и фразеологических оборотов того времени, свойственных многим историкам, с целью выявления ее недостатков и заблуждений. Подобные категоричные оценки англо-американской историографии встречаются по объяснимым причинам и в исследованиях Е.В. Гутновой: «реакционная направленность всей современной буржуазной медиевистики», «реакционные теории, открыто фальсифицирующие историю средних веков и проповедующие идеализм и поповщину», «злостная фальсификация истории» и т. п. (X, с. 102, 103, 110).

В 90-е годы XX в. Евгения Владимировна, оставаясь историком-марксистом, вместе с историческим сообществом страны переосмыслила пути развития отечественной медиевистики, проанализировав комплекс проблем, которые привели к ее «отрыву от общего развития этой науки», «весьма несправедливой и тенденциозной критике трудов всех зарубежных историков только на том основании, что их авторы не были марксистами». Она справедливо подчеркивала пагубное влияние «командно-административных методов управления наукой» 40-х – начала 50-х годов XX в., «проработочной критики в печати», пре-

обладание «обвинительного уклона в оценке всей историографии XIX – начала XX в.» в 50–60-е годы XX в., «разносный» характер историографической критики и суровое пресечение «малейших попыток отойти от этого стереотипа» (XI, с. 167, 173, 198). В последние годы жизни Евгения Владимировна пришла к пониманию возможности плодотворного использования формационного и цивилизационного подходов в их взаимосвязи и сочетании, позволявших, по ее признанию, «выявлять традиции и новации в развитии представительных собраний в Европе» и способствующих «всестороннему освещению проблемы» (XII, с. 207–208). Суровая критика «буржуазной медиевистики» с целью разоблачения ее «буржуазной сущности», акцент на ее пребывании в состоянии «всеобщего кризиса» с конца XIX и на протяжении всего XX в. уступили место более нейтральным, без идеологической окрашенности, формулировкам и оценкам зарубежной историографии: в 90-е годы XX в. Евгения Владимировна писала о «немарксистской историографии», о присутствовавшей в советской исторической науке тенденциозности в подходах к трудам зарубежных историков, несостоятельности их оценивания лишь с позиций марксистского понимания истории, без учета научной значимости, о неправомерности «черно-белого» разделения историографии на «свою» и «чужую», об очевидных успехах западных коллег-медиевистов во многих областях исторического знания, в том числе в истории парламентаризма (XIII, с. 39–40).

Но критика Е.В. Гутновой никогда не доминировала над объективной характеристикой наследия англо-американских «парламентаристов». Она была лишь частью объективного научного анализа их творчества, в рамках которого Евгения Владимировна отмечала бесспорные достижения и персональные заслуги англо-американцев в исследовании истории раннего английского парламента, которые оказали долговременное влияние на развитие европейской исторической науки XIX – XX вв. Е.В. Гутнова подчеркивала личностный и научный масштаб Э. Фримена, У. Стеббса, Ф.У. Мейтленда, Дж.Б. Адамса, которые были крупнейшими историками-медиевистами международного уровня, авторами классических трудов по конституционной истории Англии, создателями оригинальных концепций раннего конституционализма в Англии и США, выдающимися палеографами, поднявшими на «более высокую ступень дело публикации и критики источников» по истории Средневековья, основателями и крупнейшими представителями целых направлений в историографии Средневековья своих стран, а также лидерских научных школ (IV, 1985, с. 220, 232–235, 278, 440–445; V, с. 10, 13–14).

В наши дни российская история историографии претерпела существенные изменения, глубоко проанализированные и систематизированные Л.П. Репиной: по-новому понимаются объект, функции и задачи историографии, ее предметно-содержательные и теоретические основания, качественно обновились предметное поле и методологический арсенал современных историко-историографических исследований [8, с. 407]. В свете этого масштабного обновления российская историография, как представляется, должна сохранять свою идеологическую функцию – на профессиональном уровне и качественном конкретно-историческом материале отражать политические и идейные столкновения на мировой арене, обосновывать государственные и национальные интересы своей страны, противодействовать политике вседозволенности и диктата англо-

саксов, многовековая гегемония которых сегодня подвела мир к угрозе развязывания ядерной войны с целью сохранения своего господства. С этих позиций Е.В. Гутнова мастерски исследовала труды англо-американских историков середины XIX – первой половины XX в. по истории раннего английского парламента.

Несмотря на глубокие теоретико-методологические трансформации российской исторической науки последних десятилетий, историографическое наследие Евгении Владимировны Гутновой не утратило своего научного значения. Оно является образцом подлинно профессионального подхода к изучению зарубежной историографии, в том числе англо-американской, на «плечах» которой стоит современное понимание исторической сущности, роли и значения английского средневекового парламента в истории европейского конституционализма.

Достижения Е.В. Гутновой как историографа исторического знания в рассматриваемой области характеризуются: информационной насыщенностью, энциклопедичностью введенного в научный оборот огромного отрефлексированного историографического материала; многовекторностью, сбалансированностью биографического аспекта, характеристики взглядов и концепций англо-американских историков по теме парламента и их критического анализа; установкой на объективность оценки «парламентского» наследия и методологических подходов историков Англии и США при сохранении приверженности к собственной методологии – марксистской, с позиций которой осуществлялись её исследования; аргументированностью и обоснованностью марксистской интерпретации истории раннего английского парламента; контекстным изучением «парламентских» позиций английских и американских историков-предшественников с учетом методологической, политической, социальной, интеллектуальной детерминаций; системностью и систематизацией объемного историографического материала.

В отечественной истории исторической науки и исторического знания Евгения Владимировна Гутнова является первым историографом раннего английского парламентаризма в освещении английских и американских историков. Это яркая страница в ее научном наследии. Сочетание методологического и эмпирического уровней исследования, высокий профессионализм и глубокие знания легли в основу создания Е.В. Гутновой историографической концепции зарубежной историографии, в которой англо-американский аспект играет важную роль: конституционные концепции английских и американских историков заняли ведущее положение в европейской историографии парламентаризма второй половины XIX – середины XX в.

Источники

- I – *Гутнова Е.В.* Томас Карлейль как историк: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1942. 176 с.
- II – *Гутнова Е.В.* Томас Карлейль как историк // Вопросы истории. 1947. № 5-6. С. 174–181.
- III – *Гутнова Е.В.* Проблема происхождения и ранней истории английского парламента (XIII – XIV вв.) в буржуазной историографии // Вопросы истории. 1948. № 11. С.105–117.
- IV – *Гутнова Е.В.* Историография истории средних веков. Середина XIX в. – 1917 г. М.: Высш. шк., 1974. 400 с.; *Гутнова Е.В.* Историография истории средних веков: [учебник для вузов по специальности «История»]. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк., 1985. 480 с.

- V – Гутнова Е.В. Возникновение английского парламента: (из истории английского общества и государства XIII века). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960. 579 с.
- VI – Гутнова Е.В. Обзор доклада Э. Кэм, А. Маронжу, Г. Штекля на X Международном конгрессе историков «Новые работы и современные точки зрения на происхождение и развитие представительных собраний» // Средние века. 1956. Вып.8. С. 405–414.
- VII – Гутнова Е.В. Стеббс, У // СИЭ / Гл. ред. Е.М. Жуков. М.: Совет. энцикл., 1971. Т. 13. С. 819–820.
- VIII – Гутнова Е.В. Мейтленд, Ф.У. // СИЭ / Гл. ред. Е.М. Жуков. М.: Совет. энцикл., 1966. Т. 9. С. 296–297.
- IX – Гутнова Е.В. Поллард, А.Ф. // СИЭ / Гл. ред. Е.М. Жуков. М.: Совет. энцикл., 1968. Т. 11. С. 280.
- X – Гутнова Е.В. Зеркало американской буржуазной медиевистики. Обзор американского журнала средневековой истории «Spectrum» за 1947–1949 гг. // Вопросы истории. 1950. № 8. С. 102–116.
- XI – Гутнова Е.В. Советская медиевистика с середины 30-х до конца 60-х годов // История и историки / Отв. ред. И.Д. Ковальченко. М.: Наука, 1990. С. 164–208.
- XII – Гутнова Е.В. Эволюция парламентаризма в Европе от средневековья до современности // Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 207–212.
- XIII – Гутнова Е.В. О «кризисах» в европейской историографии XIX – XX вв. // Средние века. 1992. Вып. 55. С. 39–49.

Литература

1. Цатурова С.К. Европейский феномен сословного представительства в творческом наследии Нины Александровны Хачатурян // Историк и общество Средневекового Запада. Памяти профессора Нины Александровны Хачатурян / Отв. ред. С.Е. Федоров, С.К. Цатурова. СПб.: Алетейя, 2021. С. 319–341.
2. Maitland F.W. Why the History of English Law is not written // The Collected Papers of Frederic William Maitland, Downing Professor of the Laws of England: 3 v. / Ed. by H.A.L. Fisher. Cambridge: Univ. Press, 1911. V. I. P. 480–497.
3. Сванидзе А.А. Евгения Владимировна Гутнова (1914–1992) // Новая и новейшая история. 1994. № 3. С. 227–234.
4. Заборов М.А. Новый труд по историографии средних веков. [Рец. на кн.] Е.В. Гутнова. Историография истории средних веков (середина XIX в. – 1917 г.). М., «Высшая школа», 1974 // Средние века. 1975. Вып. 39. С. 225–228.
5. Хачатурян Н.А. Творчество Е.В. Гутновой (1914–1992) в контексте потенциала отечественной медиевистики // Средние века. 2015. Вып. 76 (1–2). С. 291–309.
6. Сидорова Т.А. Евгения Владимировна Гутнова и становление мейтлендоведения в отечественной историографии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Т. 5. Вып. 6 (29). URL: <https://history.jes.su/s207987840000805-4-1/>, свободный.
7. Сидорова Н.А. [Рец. на кн.] Е.В. Гутнова. Возникновение английского парламента: (из истории английского общества и государства XIII века). М., 1960. 570 с. // Вопросы истории. 1961. № 5. С. 126–131.
8. Репина Л.П. Идеи – концепции – люди, или как писать историю медиевистики сегодня? (К 100-летию юбилею Е.В. Гутновой) // Средние века. 2014. Вып. 75 (3–4). С. 406–422.

Сидорова Тамара Анатольевна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории

Сочинский институт (филиал) Российского университета Дружбы народов им. Патриса Лумумбы

ул. Куйбышева, д. 32, г. Сочи, 354340, Россия

E-mail: tasidorova-05@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2023, vol. 165, no. 4-5, pp. 170–181

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.170-181

Evgenia Vladimirovna Gutnova as a Historiographer of the English Medieval Parliament: The Anglo-American Research Perspective

T.A. Sidorova

*Sochi Institute (Branch) of Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia,
Sochi, 354340 Russia*

E-mail: tasidorova-05@mail.ru

Received August 25, 2023; Accepted October 15, 2023

Abstract

This article considers the Anglo-American historiography of the early English parliament based on the extensive contribution and heritage of Evgenia Vladimirovna Gutnova (1914–1992), an outstanding Soviet and Russian medievalist and historiographer. E.V. Gutnova was a pioneer and groundbreaker in the historical and historiographical study of the English state and medieval parliamentarism during the 13th–14th centuries. Through her work, she expanded the pool of historiographical sources available to the scientific world. This vast collection included the fundamental works on the English constitutional history of the Middle Ages published by major historians of England and the USA in the middle of the 19th–the first half of the 20th centuries. She performed a detailed analysis of their concepts of the English medieval parliament by comparison of the Whig-liberal (W. Stubbs) and “critical” (F.W. Maitland) models in line with the Marxist methodologies of history. Here, based on the historical-genetic and -comparative methods, along with historical analysis and synthesis, E.V. Gutnova’s role in the study of the early English parliamentarism within the Anglo-American historiography was defined. The conclusion is made that she developed and introduced an innovative historiographical concept, which has become a widely used algorithm for research in the field of foreign history of historical science, with the Anglo-American historiography of early parliamentarism in England as its integral part.

Keywords: E.V. Gutnova, Anglo-American historiography, English medieval parliament, Marxist methodology of history, research and political-ideological components, historical-critical analysis, liberal-Whig historiography, critical trend, “parliamentarians”, “corporatists”, historical-genetic method, historical-comparative method, methods of historical analysis and synthesis

References

1. Tsaturova S.K. The European phenomenon of the estate’s representation in Nina Khachaturian’s works. In: Fedorov S.E., Tsaturova S.K. (Eds.) *Istoriik i obshchestvo Srednevekovogo Zapada. Pamyati professora Niny Aleksandrovny Khachaturyan* [A Historian and the Society of the Medieval West. In Memory of Professor Nina Alexandrovna Khachaturian]. St. Petersburg, Aleteia, 2021, pp. 319–341. (In Russian)
2. Maitland F.W. Why the History of English Law is not written. In: Fisher H.A.L. (Ed.) *The Collected Papers of Frederic William Maitland, Downing Professor of the Laws of England*. Vol. I. Cambridge, Univ. Press, 1911, pp. 480–497.

3. Svanidze A.A. Evgenia Vladimirovna Gutnova (1914–1992). *Novaya i Noveishaya Istoriya*, 1994, no. 3, pp. 227–234. (In Russian)
4. Zaborov M.A. A new study on the historiography of the Middle Ages. [Book review] E.V. Gutnova. *Historiography of the history of the Middle Ages (from the mid-19th century to 1917)*. Moscow, “Vysshaya shkola”, 1974. *Srednie Veka*, 1975, no. 39. pp. 225–228 (In Russian)
5. Khachaturian N.A. The works of E.V. Gutnova (1914–1992) in the context of the potential of Russian medieval studies. *Srednie Veka*, 2015, no. 76 (1–2), pp. 291–309. (In Russian)
6. Sidorova T.A. Evgeniya Vladimirovna Gutnova and the development of Maitland’s studies in Russian historiography. *Istoriya*, 2014, vol. 5, no. 6 (29). URL: <https://history.jes.su/s207987840000805-4-1/>. (In Russian)
7. Sidorova N.A. [Book Review] E.V. Gutnova. *The emergence of the English Parliament: (from the history of the English society and state in the 13th century)*. Moscow, 1960. 570 p. *Voprosy Istorii*, 1961, no. 5, pp. 126–131. (In Russian)
8. Repina L.P. Ideas – concepts – people, or how to write the history of medieval studies today? (To the 100th anniversary of the birth of E.V. Gutnova). *Srednie Veka*, 2014, no. 75 (3–4), pp. 406–422. (In Russian)

Для цитирования: Сидорова Т.А. Евгения Владимировна Гутнова как историограф английского средневекового парламента: англо-американский аспект исследования // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2023. Т. 165, кн. 4–5. С. 170–181. <https://doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.170-181>.

For citation: Sidorova T.A. Evgenia Vladimirovna Gutnova as a historiographer of the English medieval parliament: The Anglo-American research perspective. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 4–5, pp. 170–181. <https://doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.170-181>. (In Russian)

Редколлегия журнала «Ученые записки Казанского университета» поздравляет известного российского историка и историографа, постоянного автора нашего журнала Валентину Павловну Корзун с юбилеем и желает крепкого здоровья, неиссякаемого оптимизма и новых творческих свершений!

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 930

doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.182-191

«НАУКА НАПОКАЗ»: ЭРИХ ЭШБИ О РУССКОМ ФЕНОМЕНЕ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

В.П. Корзун

*Омский государственный педагогический университет,
г. Омск, 644099, Россия*

Аннотация

В центре внимания автора проблема популяризации советской науки в интерпретации австралийского ботаника Эриха Эшби, автора книги “Scientist in Russia”, вышедшей в Нью-Йорке в 1947 г. Интерес к этому изданию, практически не замеченному в нашей историографии, связан, во-первых, с актуализацией проблемы публичной истории; во-вторых, с непроясненностью роли культурных факторов и национальных традиций в развитии советской науки; в-третьих, с вниманием к формированию системы ценностей в отношении науки и ученых. Последнее плотно связано с коммеморативными событиями. Объект исследования – советская наука глазами иностранного наблюдателя. Предмет – концептуализация феномена популяризации науки сквозь призму академического юбилея – празднования 220-летия АН СССР в июне 1945 г., участником которого был автор книги. Сделаны следующие выводы: Э. Эшби 1) осмысливает широкий размах популяризации науки в культурологической парадигме, в тесной связи с русской литературой, с дореволюционными просвещенческими практиками, с утилитарной концепцией прикладного знания; 2) подчеркивает значимость популяризации для поднятия статуса науки и ученого в советском обществе; 3) отмечает возможные отрицательные последствия тотальной популяризации – выстраивание иерархии внутри научного сообщества не по научным достижениям, а по степени известности широкой общественности.

Ключевые слова: Эрих Эшби, советская наука, ученые, популяризация, юбилей, Академия наук СССР, культурная предопределенность

Популяризация научного знания – сложный историко-культурный процесс, продуцируемый прежде всего внутренним развитием, движением науки как коммуникативной системы по определению. В этом смысле, с точки зрения ее логического развития, наука универсальна и интернациональна. Но, являясь одновременно культурной и социальной системой, она в своем развитии и репрезентации отвечает на социальные вызовы и запросы общества, облекая ее (репрезентацию) в соответствующие культурные формы, характерные для национальных традиций.

Наука как социальный институт встроена в общество и теснейшим образом связана с его запросами, в том числе и на изменение публичной функции ученого. Отмеченная двойственность сказывается на направленности, способах и формах презентации науки. Выделим два основных поля направленности – академическое сообщество (популяризация выступает как фактор самопознания науки, ее междисциплинарных интенций и формирования корпоративных солидарностей различного уровня, ему соответствуют различные академические формы трансляции научного знания, научные доклады и междисциплинарные семинары) и пространство массовой культуры. В первом случае научная корпорация выступает и как производитель научного знания, и как его транслятор, и как реципиент. Во втором – акторами трансляции выступают как сами ученые, так и журналисты, писатели, учителя, а реципиентами – различные слои общества за пределами академической корпорации и массмедиа. Формы трансляции науки в таком поле более разнообразны (популярные лекции и статьи в научно-популярных журналах, популярный и художественный кинематограф, художественная литература, подкасты и т. д.).

Современные исследователи больше внимания уделяют пространству массовой культуры, хотя до настоящего времени проблема популяризации науки и знания в широком смысле этого слова находилась на периферии исследовательского интереса. Активное конструирование предметного поля публичной истории (*Public history*), наблюдаемое в последней трети XX в., актуализировало интерес к маршруту от академического знания к массовой аудитории. Но в отечественной историографии лишь отдельные популяризаторские кейсы стали объектами изучения (см.: [1; 2, с. 325; 3–7]). По большей части дисциплинаризация публичной истории связывается с образовательными программами в российских вузах [8].

Естественно, практики публичной истории существовали задолго до ее дисциплинаризации, ибо наука, еще раз повторим, коммуникативна по своей сути. Но вопрос о разных уровнях ее бытования в социокультурном пространстве остается непроясненным и является важной составной частью фундаментальной историко-научной проблемы закономерностей дисциплинаризации и циркуляции научного знания.

В этом плане представляет интерес работа австралийского ботаника Эриха Эшби “*Scientist in Russia*”, вышедшая в Нью-Йорке в 1947 г. (Ashby), в которой автор размышляет о русском/советском феномене популяризации науки. В предлагаемой читателю статье речь идет не просто о раритетном издании, оставшемся незамеченным в отечественной историографии, и не просто о смешанном жанре – монографии с инкорпорацией большого пласта воспоминаний (автор – участник юбилейных торжеств по случаю 220-летия Российской академии наук, проходивших в июне 1945 г.), но об иной «оптике» при оценке данного события. Иной в сравнении с интервью, воспоминаниями и дневниковыми записями других иностранных ученых – участников юбилейных торжеств. В настоящее время известны дневники англо-немецкого физика Макса Борна (Борн) и канадского экономиста Гарольда Инниса (Innis). Эти знаменитые авторы оказались так или иначе включенными в «парад советской науки» здесь и сейчас, в сценарную задумку праздника, что вполне естественно для гостей любого юбилейного мероприятия – гостей потчуют и развлекают. Они зафиксировали в своих воспоминаниях, за редким исключением, событийный срез праздника. Эрих Эшби «смог поработать с различной фокусировкой, приближая и удаляя камеру на академическое юбилейное действие» [9, с. 46–48], забегая вперед и отодвигаясь назад, что позволило ему зна-

чительно разнообразить контексты торжественного события и отрефлексировать особенности развития советской науки. Этому способствовали обстоятельства его научной и общественной карьеры, а также харизма – умение расположить к себе собеседника. Так, в посвященной Э. Эшби статье в Британском национальном биографическом словаре он описан как «выдающийся оратор, пронизательный член комитета и одаренный переговорщик, который пользовался большим спросом и быстро стал видным общественным деятелем Северной Ирландии»¹ [10]. Отметим также нескрываемое любопытство Э. Эшби в освоении нового социального и географического пространства. Его активность, включенность в широкую сеть научных коммуникаций отметил в своем «Русском дневнике» уже упомянутый нами Гарольд Иннис, познакомившийся с ним в Москве, во время празднования академического юбилея. Э. Эшби, по словам канадского ученого, был способен достучаться до русских, опираясь на их интерес к науке (Innis, p. 22). В “Scientist in Russia” глаз стороннего наблюдателя увидел то, что было обычным для советского участника торжеств и не получило освещения в официальных юбилейных «картинках с выставки». Это относится и к зафиксированным в книге способам и формам презентации советской науки в ходе грандиозной коммеморации.

Несколько слов о биографии автора “Scientist in Russia”. Годы жизни Эрика Эшби – 1904–1992. Он родился в Лондоне. Его отец был известным естествоиспытателем-любителем, а его дед по материнской линии, капитан торгового флота, проявлял большой интерес к литературе и собрал интересную библиотеку, с которой молодой Э. Эшби проводил свои каникулы. Он получил образование в школе лондонского Сити и Королевском научном колледже, где был удостоен степени бакалавра наук. В 1938 г. Эшби стал профессором ботаники Сиднейского университета и занимал эту должность до 1946 г. С 1947 по 1950 г. возглавлял кафедру ботаники в Манчестерском университете. По словам английских исследователей, «его энтузиазм и чутье к ботанике сделали Манчестер одной из ведущих ботанических школ Соединенного Королевства». Позже он был президентом и вице-канцлером Королевского университета в Белфасте, работал в университете Кембриджа, возглавлял многочисленные научные общества, являлся почетным членом ряда иностранных академий, в начале 60-х годов XX века был избран президентом Британской ассоциации содействия развитию науки, состоял почетным профессором более двадцати университетов в различных странах мира. Его исследования были связаны с физиологической экологией растений. Э. Эшби известен также как историк высшего образования и университетов, внесший большой вклад в становление социальной истории науки. В этой области им написаны такие работы, как «Технологии и академики» (1958), «Африканские университеты и западные традиции» (1964), «Мастера и ученые» (1970), «Примирение человека с окружающей средой» (1978), совместно с Мэри Андерсон – «Политика чистого Воздуха» (1981) и «Университеты: британский, индийский, африканский» (1966), «Возвышение студенческого сословия» (1970) и др. Так что перед нами интеллектуальная биография успешного ученого и общественного деятеля [10].

Фамилия Э. Эшби есть в утвержденном списке иностранных ученых, приглашенных на юбилей Академии наук. В этом реестре он обозначен как представитель Сиднейского университета (Австралия) и Линнеевского общества в Лондоне (АРАН1, Л. 233). Принципиально важным для оценки его работы является тот

¹ Здесь и далее перевод в цитатах наш. – В. К.

факт, что с 1944 и до конца 1945 г. Э. Эшби был сотрудником, курирующим науку, при австралийском представительстве в Москве. И, как пишет ученый в предисловии к своей книге, он «помимо технической информации, которая направлялась правительству в официальных депешах... собрал много других, представляющих интерес для ученых, сведений, и их можно было подать в незабальзамированном виде» (Ashby, p. 5). Пребывая длительное время в Москве, ученый имел возможность видеть не только витрину праздника, но и то, как она конструировалась, что в ней отразилось, а что оказалось спрятанным от неискушенного зрителя. Автор упоминает более чем о пятидесяти лабораториях, которые он посетил, об установившихся дружеских отношениях с рядом ученых. К примеру, он пишет с нескрываемой симпатией о советском ботанике, академике Борисе Александровиче Келлере, который был, к тому же, известным популяризатором науки, Э. Эшби встречался с ним не только в стенах института, но и бывал у него в гостях, и, наконец, присутствовал на его похоронах (Ashby, p. 173–175).

Празднование 220-летнего юбилея АН СССР в тексте Э. Эшби вписывается в общую картину развития советской науки, коррелирует с его собственным опытом проживания в социокультурных реалиях военной и послевоенной России как до официальных торжеств 16–30 июня, так и некоторое время после. Непосредственно юбилею Академии посвящена отдельная глава книги «Наука напоказ. Празднование 220-й годовщины Академии наук СССР». Несмотря на эпатазирующее, с выраженной негативной нотой, название, автор высоко оценивает сам факт празднования и уровень советской науки в целом. По Э. Эшби, «наука в Советском Союзе амбициозно спланирована, обеспечена энергичной и здоровой поддержкой» и, даже если достижения СССР «за последние двадцать пять лет не вызывают удивления, его перспективы на будущее вряд ли можно переоценить» (Ashby, p. 206). Особо выделяются успехи в области геологоразведки, изучения растительности, почв и минералов, картографирования и так далее. «За столь короткое время СССР добился выдающихся результатов, которые значительно превосходят все, что было сделано Британской империей», – заключает автор (Ashby, p. 205). С большой долей скепсиса оценивает уровень развития советской науки его новый знакомый и собеседник Г. Иннис: в «трех четвертях всех наук русские отстают от американцев: возможно, они наравне с последними в математике, но хуже в физике, химии и медицине. Хороши в ботанике» (Innis, p. 44). Чуть позже в реестр «успешных наук» им будут внесено почвоведение. В известной степени скепсис Г. Инниса уравнивается его крылатой фразой: «Русские поклоняются знаниям» (Innis, p. 30) (см. подробнее [11]).

Развитие науки рассматривается Эрихом Эшби в тесной связи с образовательной политикой советского государства, с обращением к социальному контексту, который отражен в одной из глав монографии под названием «Русская атмосфера». По замечанию самого автора, его книга «содержит материалы двух видов: сведения об организации науки и образования в Советском Союзе и исследования социальных обычаев, философских верований и официальной пропаганды, которые являются контекстом советской науки» (Ashby, p. 11). Он с нескрываемой сердечностью описывает радость встреч ученых на форуме, собравшемся в первые дни после окончания Великой Отечественной войны: «Люди, что читали работы друг друга в течение множества лет, наконец получили возможность пообщаться друг с другом вживую... Любой мог почувствовать, как узы науки, связывающие разные нации, разорванные войной, начали восста-

навливаться. В этих комнатах люди наблюдали воскрешение европейской интеллектуальной жизни» (Ashby, p. 129). Такие же эмоции по отношению к празднованию прочитываются и в «Русском дневнике» Гарольда Инниса.

Э. Эшби разделяет идею единой интернациональной науки, что не исключает поиска ее национальных особенностей. В главе, посвященной формам бытования науки в советском социуме, он выделяет характерные черты советской науки. К ним ученый относит 1) тесную зависимость от государства как в институциональном плане, так и в плане социального заказа и, соответственно, в выстраивании иерархичности дисциплин и направлений, в плане регулирования материального статуса ученых; 2) ориентацию на единую методологию («философская вера») и жесткий идеологический контроль; 3) большую роль популяризаторских практик и меморизацию науки и ее деятелей, что связывается автором и с утилитарной концепцией прикладного знания. В общем плане такой образ советской науки зафиксирован и другими гостями, хотя, может быть, и не так четко отрефлексирован. Но принципиально важной является попытка австралийского ученого осмыслить популяризацию науки в культурологической парадигме. Э. Эшби связывает советские практики популяризации как с просвещенческой традицией дореволюционной России, так и с особенностями понимания мировосприятия русского человека, его укорененностью в национальную культуру. То, что верно для русского народа с его ментальностью, полагает ученый, верно и для науки: «Русский менталитет влияет на советскую науку точно так же, как на советскую поэзию и политику» (Ashby, p. 146). Поэтому для понимания тенденций развития науки и восприятия образа ученого важно читать произведения И.С. Тургенева, А.П. Чехова, Ф.М. Достоевского, Н.В. Гоголя. Эта культурная предопределенность объясняет как слабости, так и сильные стороны советской науки.

Сам юбилей представлен автором как способ популяризации науки, что отразилось в сценарии праздника. В его воплощении Э. Эшби фиксирует несколько фаз, выделяя подготовительный период, насыщенный популярными статьями о науке и ученых в центральных периодических изданиях, в том числе детских, выступлениями на радио, визуальным оформлением публичного пространства (в кинотеатрах, на рабочих местах на фабриках и заводах, на открытых городских площадках с газетами в витринах, стоящих на тротуарах). Апогей праздника нашел выражение в хроникальном освещении всех мероприятий; насыщении коммуникативного поля репортажами об эпических картинах единения науки, власти и простого народа, многочисленными интервью иностранных ученых с оценками происходящего, с презентацией выставок, с выступлением ученых не только в академической среде, но и перед рабочей аудиторией; в помпезно торжественном оформлении мест заседаний; в выставке фотопортретов 140 академиков, размещенных в фойе Большого театра. И, наконец, этап «послевкусия» – эхо юбилея, звучащее вплоть до начала осени, – сообщения ТАСС о том, как иностранные делегации презентовали итоги и впечатления о юбилейных торжествах и советской науке. По Э. Эшби, «наука была выставлена напоказ. Показ состоялся, и его щедро восхваляли практически все; однако для русских важно, чтобы похвала не была анонимной: иначе шоу не удалось бы» (Ashby, p. 144). Поясним масштаб деятельности по освещению хода юбилейной сессии АН СССР. Она координировалась сверху Всесоюзным комитетом по проведению 220-летнего юбилея Академии наук СССР. В его рамках было создано специальное Пресс-бюро. Как отмечается в современных исследованиях, «к его работе были привлечены ака-

демик А.Ф. Иоффе, члены-корреспонденты АН СССР П.Ф. Юдин, И.И. Минц и Б.М. Вул, заведующая информацией Аппарата Президиума АН СССР Л.А. Бах. Непосредственное руководство накануне торжеств поручалось П.Ф. Юдину и И.И. Минцу. Сотрудники Пресс-бюро отвечали за все сведения, помещаемые в печати о юбилейной сессии, подавали на утверждение списки советских и иностранных корреспондентов, приглашаемых на торжественные заседания, составляли всевозможные справки, готовили переводы и т. д.» [12].

В объяснении масштаба популяризации, наряду с иронией, у Э. Эшби присутствует попытка рационального обоснования этого процесса – естественная коммуникационная характеристика науки усиливается в советской версии концептуальной установкой на замену религии абсолютной верой в науку. Русский акцент на популярной науке вызывает у автора монографии противоречивые оценки – от восхищения до дерзкой иронии. «...Нигде в мире, даже в Америке, – пишет Э. Эшби, – нет такого широкого интереса к науке среди простого народа, как в России» (Ashby, p. 186). Он добавляет, что для обывателя, который мало читает, популярная литература, наряду с газетой, «занимает место комиксов, сводок нераскрытых убийств и новостей о бракоразводных процессах: такое не печатают в Советской ежедневной газете» (Ashby, p. 187). Абсолютная вера в науку, ее безграничные возможности в переустройстве мира и человека были свойственны и многим ученым в эпоху становления «массовой науки». В научном этосе советского ученого роль популяризатора не считалась «второсортной», популяризаторская практика рассматривалась как знаковая составляющая профессии. Да, это восхищает автора “*Scientist in Russia*”, но в то же время, с его точки зрения, «многочисленные дни православных святых в значительной степени заменяются энергичным геронтопоклонством перед живыми и мирянами – канонизацией умерших ученых». В этом ему видится утилитарный заказ власти на «вербовку сержантов для науки» (Ashby, p. 191). В целом Э. Эшби восхищается рвением советского человека и читать, и слушать лекции, последнее, по его замечанию, чрезвычайно модно в СССР. «Нет никакого сомнения, – напишет он в главе, посвященной формам популяризации, – что массы становятся более приближены к научному видению мира способом, не известным прежде ни в России, ни вообще где бы то ни было» (Ashby, p. 196).

Подобные оценки звучали и из уст других гостей праздника, правда, без таких ироничных ассоциаций. Так, Якоб Хейман (*Jacob Heiman*), представляющий издание «Американское обозрение советской медицины», отмечает визуальные способы популяризации: «В кинотеатрах стены увешаны интересными данными по биологии, зоологии и другим познавательным материалом. Наука и разум заменили суеверия» (АРАН2, Л. 73). В интервью с британско-австралийским археологом Чайлдом Гордоном также отмечена эта культурная специфика: «Ваш народ, кажется, интересуется наукой гораздо больше, чем другие народы мира: научная деятельность – это новости на первых полосах газет, вы находите для нее место чуть ли не каждый день. Это помогает демократизировать науку, что очень необходимо» (АРАН2, Л. 83). Конечно, стоит сделать поправку на то, что в отличие от Э. Эшби, издавшего книгу спустя почти два года после празднования юбилея, хотя она была завершена в июне 1946 г., и Якоб Хейман, и Чайлд Гордон высказывали свое мнение в интервью советским журналистам в Москве в ходе праздника. Место и время могло вносить коррективы, холодная война еще не была развязана.

Оборотной стороной плотного процесса популяризации вкупе со взлетом национального самосознания, связанного естественным образом с Победой, стало акцентирование исключительности русской науки, что уже в 1945 г. заметил Э. Эшби. Эта практика, по его мнению, в последнее время «приобрела форму удивительного утверждения, что многие важные открытия произошли именно в России» (Ashby, p. 219). Автор, таким образом, «на советском научном поле зафиксировал специфику противопоставления себя остальному миру: советское значит отличное. Хотя отчетливо отмеченная тенденция проявилась несколько позже в иных международных и внутривнутриполитических контекстах» [13, с. 91]. Обозначенная тема присутствует и в современной историографии. Но Э. Эшби обозначил еще один чрезвычайно важный аспект, связанный с популяризацией науки и, в конечном счете, с практиками классикализации ученых. Речь идет о возможностях выстраивания иерархии внутри научного сообщества не по научным заслугам, а по степени известности широкой общественности. «Сама популярность [ученого] делает его полезным орудием пропаганды, и, соответственно, некоторые научные статьи пишутся не только для того, чтобы поделиться информацией с другими, но и для удовлетворения жажды самовосхваления, которая стала одной из слабостей современной России. Есть такие амбициозные и безответственные ученые, которые воспользовались важностью популяризации науки в России, чтобы продвинуть собственные научные изыскания, даже несмотря на то, что они являются необоснованными или тривиальными» (Ashby, p. 187). В качестве примера подобной технологии Э. Эшби ссылается на феномен Т.Д. Лысенко. Таким образом, были актуализированы опасности «тотальной популяризации». Эти догадки возникли параллельно со становлением социологии науки с возрастающим вниманием к нормам и антинормам в научных сообществах. Последним был обеспокоен и Макс Борн, отметивший в своем дневнике неравенство в советском социуме, в том числе и в научном (Борн). Затронутая Э. Эшби проблема связи популяризации науки с реальными процессами классикализации не получила своей дальнейшей разработки в историографии. Она представляется перспективной для понимания истории складывающейся иерархии в советской науке, отнюдь не сводимой к патрон-клиентским отношениям разных уровней.

Подводя итог, отметим, что Эрих Эшби представил популяризацию науки в СССР как сложный историко-научный и социально-культурный феномен. Об актуальности таких размышлений ученого в исторический период, когда создавался анализируемый труд, на наш взгляд, говорит тот факт, что в документе Всемирной организации научных работников, оформившейся в Лондоне в 1946 г., в качестве одной из главных задач было обозначено содействие распространению научных знаний. Популяризация мыслилась как характерная черта образа науки, как способ возвышения ее статуса, в том числе и статуса ученого.

Благодарности. Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 23-28-007-58.

Источники

- АРАН1 – Архив Российской Академии наук. Ф. 519: Всесоюзный комитет по проведению 220-летнего юбилея Академии наук СССР. Оп. 1. Д. 50. 340 л.
- АРАН2 – Архив Российской Академии наук. Ф. 519: Всесоюзный комитет по проведению 220-летнего юбилея Академии наук СССР. Оп. 1. Д. 584. 88 л.

Борн – «Я впечатлен их колоссальными исследованиями и преподаванием». Дневник лауреата Нобелевской премии физика Макса Борна «Путешествие в Россию» о его поездке в Москву и Ленинград на 220-летний юбилей АН СССР. 1945 г. / Подгот. и пер. М.В. Ковалева // Исторический архив. 2021. № 5. С. 53–81.

Ashby – *Ashby E. Scientist in Russia*. N. Y.: Penguin Books, 1947. 252 p.

Innis – *Innis H. The Russian Diary // Innis H. Innis on Russia: The Russian Diary and other writings by Harold A. Innis*. Toronto: Univ. of Toronto, 1981. P. 13–50.

Литература

1. *Вяльцева Д.Н.* Журнал «Наука и жизнь» в 1960–1970-е гг.: историко-типологический анализ // История отечественных СМИ. 2017. № 2 (4). С. 77–85.
2. *Долгова Е.А.* Рождение советской науки: ученые в 1920–1930-е гг. М.: РГГУ, 2020. 469 с.
3. *Демченко П.Н., Мальцев И.В.* Медиатизация как фактор повышения интереса к современным научно-популярным СМИ (на примере журналов «Наука и жизнь» и «Популярная механика») // Научный диалог. 2021. № 3. С. 171–189.
4. *Хомяков В.И.* К истории становления научно-популярного журнала «Наука и жизнь» // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2021. Т. 15, № 2. С. 85–90.
5. *Корзун В.П., Носова М.С.* «Увидеть небо в чашечке цветка»: Журнал «Знание – сила» как коммуникативная площадка популяризации советской науки // Диалог со временем. 2023. № 84. С. 143–159.
6. *Лиманова С.А.* Популяризация научного знания сквозь призму 220-летия Академии наук СССР (1945) // История науки: источники, памятники, наследие: четвертые чтения по историографии и источниковедению истории науки и техники: к 300-летию Российской академии наук. Иваново: ПресСто, 2023. С. 51–53.
7. *Носова М.С.* Как зажечь искру любви к науке: журнал «Знание – сила» как исторический источник по истории науки и техники // История науки: источники, памятники, наследие: четвертые чтения по историографии и источниковедению истории науки и техники: к 300-летию Российской академии наук. Иваново: ПресСто, 2023 С. 112–114.
8. Все в прошлом: Теория и практика публичной истории / Под ред. А. Завадского, В. Дубиной. М.: Новое издательство, 2021. 448 с.
9. *Корзун В.П.* Эрих Эшби о практиках популяризации советской науки; осмысление празднования 220-летнего юбилея АН СССР // История науки: источники, памятники, наследие: четвертые чтения по историографии и источниковедению истории науки и техники: к 300-летию Российской академии наук. Иваново: ПресСто, 2023. С. 46–48.
10. *Burges A., Eden R.* Ashby, Eric, Baron Ashby (1904–1992), botanist and university administrator // Oxford Dictionary of National Biography. URL: <https://www.oxforddnb.com/view/10.1093/ref:odnb/9780198614128.001.0001/odnb-9780198614128-e-50791>, свободный.
11. *Корзун В.П., Колеватов Д.М.* «Русские поклоняются знаниям» (220-летний юбилей АН СССР в восприятии канадского ученого) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2020. Т. 162, кн. 3. С. 207–219. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2020.3.207-219>.
12. *Лиманова С.А.* «Великое празднество советской науки, которое стало праздником мировой науки». Отклики ученых из Болгарии, Польши, Швеции на празднование 220-летия АН СССР. 1945 г. // Исторический архив. 2023. № 4. С. 16–38.

13. Грудзинская В.С., Корзун В.П. «Наука не имеет Отечества: этот лозунг и верен и нет» (отклики иностранных ученых на 220-летний юбилей Академии наук СССР) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2021. № 472. С. 85–94. <https://doi.org/10.17223/15617793/472/11>.

Поступила в редакцию 10.08.2023

Принята к публикации 10.10.2023

Корзун Валентина Павловна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории

Омский государственный педагогический университет

Наб. им. Тухачевского, д. 14, г. Омск, 644099, Россия

E-mail: korzunv@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2023, vol. 165, no. 4-5, pp. 182–191

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.182-191

“Science on Display”: The Russian Phenomenon of Science Popularization in Eric Ashby’s Perspective

V.P. Korzun

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, 644077 Russia

E-mail: korzunv@mail.ru

Received August 10, 2023; Accepted October 10, 2023

Abstract

This article considers the popularization of Soviet science through the lens of the Australian botanist Eric Ashby, the author of the book “Scientist in Russia” published in New York in 1947. Although it has gone unnoticed in Russian historiography, this publication deserves thoughtful consideration for many reasons. Firstly, it addresses the current problem of public history. Secondly, it clarifies the role of cultural factors and national traditions in the development of Soviet science. Thirdly, it sheds light on the formation of a system of values in relation to science and scholars, which is closely linked to commemorative events. As an attentive foreign observer, E. Ashby succeeded in sketching his ideas about Soviet science. Here, his viewpoints are analyzed. The conceptualizing of the phenomenon of science popularization associated with academic anniversaries is discussed with respect to the celebration of the 220th anniversary of the USSR Academy of Sciences in June 1945, in which E. Ashby participated. The conclusions drawn from the study are as follows. E. Ashby related the extensive popularization of Soviet science to cultural paradigm, Russian literature, pre-revolutionary enlightenment practices, and the practical concept of applied knowledge. He emphasized the important role of science popularization in elevating the status of scientific knowledge and scholars in Soviet society. However, he also stressed possible negative consequences of overpopularized science, such as the hierarchization of the academic community based on popularity rather than scientific achievements.

Keywords: Eric Ashby, Soviet science, scholars, popularization, anniversary, USSR Academy of Sciences, cultural determinism

Acknowledgements. This study was supported by the Russian Science Foundation (project no. 23-28-007-58).

References

1. Vyal'tseva D.N. “Nauka i Zhizn” magazine in the 1960s–1970s: A historical and typological analysis. *Istoriya Otechestvennykh SMI*, 2017, no. 2 (4), pp. 77–85. (In Russian)

2. Dolgova E.A. *Rozhdenie sovetskoï nauki: uchenye v 1920–1930-e gg.* [The Origins of Soviet Science in the 1920s–1930s]. Moscow, RGGU, 2020. 469 p. (In Russian)
3. Demchenko P.N., Mal'tsev I.V. The role of mediatization in boosting interest in modern popular science media (a case study of “Nauka i Zhizn” and “Populyarnaya Mekhanika” magazines). *Nauchnyi Dialog*, 2021, no. 3, pp. 171–189. (In Russian)
4. Khomyakov V.I. The history of “Nauka i Zhizn” popular science magazine. *Nauka o cheloveke: Gumanitarnye Issledovaniya*, 2021, vol. 15, no. 2, pp. 85–90. (In Russian)
5. Korzun V.P., Nosova M.S. “Seeing the sky within a calyx”: Based on “Znanie – Sila” magazine as a communicative platform for the popularization of Soviet science. *Dialog so Vremenem*, 2023, no. 84, pp. 143–159. (In Russian)
6. Limanova S.A. On promoting scientific literacy with the focus on the 220th anniversary of the USSR Academy of Sciences (1945). *Istoriya nauki: istochniki, pamyatniki, nasledie: chetvertye chteniya po istoriografii i istochnikovedeniyu istorii nauki i tekhniki: k 300-letiyu Rossiiskoi akademii nauk* [History of Science: Sources, Monuments, and Heritage: Proc. 4th Lectures on Historiography and Source Study of the History of Science and Technology: To the 300th Anniversary of the Russian Academy of Sciences]. Ivanovo, PresSto, 2023, pp. 51–53. (In Russian)
7. Nosova M.S. Cultivating a passion for science: “Znanie – Sila” magazine as a historical source on the development of science and technology. *Istoriya nauki: istochniki, pamyatniki, nasledie: chetvertye chteniya po istoriografii i istochnikovedeniyu istorii nauki i tekhniki: k 300-letiyu Rossiiskoi akademii nauk* [History of Science: Sources, Monuments, and Heritage: Proc. 4th Lect. on Historiography and Source Study of the History of Science and Technology: To the 300th Anniversary of the Russian Academy of Sciences]. Ivanovo, PresSto, 2023, pp. 112–114. (In Russian)
8. *Vse v proshlom: Teoriya i praktika publichnoi istorii* [It Is All in the Past. Theory and Practice of Public History]. Zavadskii A., Dubina V. (Eds.). Moscow, Nov. Izd., 2021. 448 p. (In Russian)
9. Korzun V.P. Eric Ashby on the popularization of Soviet science; reflections on the celebration of the 220th anniversary of the USSR Academy of Sciences. *Istoriya nauki: istochniki, pamyatniki, nasledie: chetvertye chteniya po istoriografii i istochnikovedeniyu istorii nauki i tekhniki: k 300-letiyu Rossiiskoi akademii nauk* [History of Science: Sources, Monuments, and Heritage: Proc. 4th Lectures on Historiography and Source Study of the History of Science and Technology: To the 300th Anniversary of the Russian Academy of Sciences]. Ivanovo, PresSto, 2023, pp. 46–48. (In Russian)
10. Burges A., Eden R. Ashby, Eric, Baron Ashby (1904–1992), botanist and university administrator. In: *Oxford Dictionary of National Biography*. URL: <https://www.oxforddnb.com/view/10.1093/ref:odnb/9780198614128.001.0001/odnb-9780198614128-e-50791>.
11. Korzun V.P., Kolevatov D.M. “Russians worship intelligence” (220th anniversary of the USSR Academy of Sciences in the perception of a Canadian scientist). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2020, vol. 162, no. 3, pp. 207–219. doi: 10.26907/2541-7738.2020.3.207-219. (In Russian)
12. Limanova S.A. “A great celebration of Soviet science, which became a triumph of world science”. The reactions of researchers from Bulgaria, Poland, and Sweden to the 220th anniversary of the USSR Academy of Sciences (1945). *Istoricheskii Arkhiv*, 2023, no. 4, pp. 16–38. (In Russian)
13. Gruzinskaya V.S., Korzun V.P. “Science has no Fatherland: This slogan is both true and not” (how foreign researchers felt about the 220th anniversary of the USSR Academy of Sciences). *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2021, no. 472, pp. 85–94. <https://doi.org/10.17223/15617793/472/11>. (In Russian)

Для цитирования: Корзун В.П. «Наука напоказ»: Эрих Эшби о русском феномене популяризации научного знания // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2023. Т. 165, кн. 4–5. С. 182–191. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.4-5.182-191>.

For citation: Korzun V.P. “Science on display”: The Russian phenomenon of science popularization in Eric Ashby’s perspective. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 4–5, pp. 182–191. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.4-5.182-191>. (In Russian)

ЭТНОГРАФИЯ НАРОДОВ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 39+316

doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.192-203

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ РУССКОГО ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

В.Е. Козлов, Т.А. Титова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье рассмотрены особенности «этнической культуры» и ее место в повседневной жизни русского городского населения Республики Татарстан. Охарактеризована ее символическая и функциональная роль в повседневной и духовной жизни различных социально-демографических групп городских русских. Теоретической основой исследования является герменевтический подход, который позволяет интерпретировать феномены социальной реальности, имеющие высокую символическую значимость. Источником для теоретических обобщений послужили материалы комплексного этносоциологического исследования современного русского населения Республики Татарстан, проведенного осенью 2022 г. с использованием как количественных (массовый опрос), так и качественных (глубинные интервью, фокус-группа) методов. Полученные результаты свидетельствуют о наличии прямой взаимосвязи между типом этнической идентичности и уровнем этнокультурных потребностей русского городского населения Татарстана.

Ключевые слова: этническая идентичность, этничность, этнокультурные потребности, символический капитал, институт культуры, обряды жизненного цикла

Русское население Республики Татарстан (ранее ТАССР, Казанская губерния) является одним из ключевых объектов исследования казанских этнологов/этнографов начиная с середины XX в. [1, с. 341–366]. Вместе с тем вплоть до второй половины 80-х годов XX в. основным предметом изучения выступали особенности традиционной культуры сельского русского населения края. Это имеет вполне логичное объяснение и обусловлено тем, что именно сельская среда рассматривалась как пространство, где традиция сохраняется и передается из поколения в поколение с гораздо меньшими, чем в городе, изменениями. В рамках принятой в советской этнографии методологии «традиционная культура» длительное время выступала основным предметом научного описания. В 1931 г. на страницах главного журнала советских этнографов, незадолго до этого сменившего название «Этнография» на «Советская этнография», был опубликован ряд программных статей ведущих отечественных ученых, посвященных формулировке основных задач этно-

графической науки. В качестве магистральной была обозначена следующая: «Исследование докапиталистических пережитков или ...изучение доклассовых и раннеклассовых обществ и архаических пережитков в обществах развитых» [2, с. 4]. Бессменный директор Института этнографии АН СССР с 1942 по 1965 г. С.П. Толстов в своей статье, подводящей общие итоги развития советской этнографической науки за 30 лет, следующим образом сформулировал ее специфику: «Характерной особенностью советской школы в этнографии является ее последовательный историзм» [3, с. 14]. Несмотря на то, что со второй половины 40-х годов XX в. ведущие этнографы все активнее начинают интересоваться современностью [1, с. 68], большая часть профессионального сообщества реагирует на это довольно инертно, что становится очевидным при изучении заголовков статей в том же журнале «Советская этнография». Согласно данным контент-анализа номеров за 1931–1991 гг., общее количество статей с использованием таких слов и словосочетаний, как *традиция (традиции), традиционный/ая/ое, традиционная культура, фольклор, обряд, обычай, народный/ая/ое*, составило более 600, причем частота последовательно возрастала и достигла своего пика в 70–80-е годы XX в., хотя к этому времени состоялась реабилитация обществоведческих дисциплин, в первую очередь социологии, что способствовало значительному расширению предмета изучения в рамках этнической проблематики.

Включение городской тематики в научный дискурс казанской этнографической школы также определялось историко-этнографическим форматом описываемого материала в рамках уже сложившейся методологии [4–7]. Отдельные публикации упомянутого периода, в том числе монографии, посвященные этнической проблематике в городской среде, не рассматривали русских как самостоятельный объект изучения, включая их в обобщенную группу – население ТАССР [8].

Первые два постсоветских десятилетия ввели в научный дискурс новые понятия и темы, среди которых наиболее актуальными стали проблемы этнической идентичности и межэтнических отношений между народами России (особенно в полиэтничных национально-территориальных субъектах федерации), религиозность и религиозные практики в этнических группах и др. Стоит отметить, что до начала 10-х годов XXI в. русские Татарстана фактически отсутствовали как самостоятельный объект изучения, и их «возвращение» в качестве такового произошло не столь давно. Хотя значительная часть вышедших в последние годы монографий и статей по-прежнему была посвящена этнографическому описанию различных сторон традиционной культуры русских Татарстана [9], согласно данным Всероссийской переписи населения 2002 г., доля сельского русского населения в республике составляла чуть более 20% от общего числа русских, проживающих в Татарстане (ВПН 2002). Уточненных данных для этой категории жителей по результатам последующих переписей 2010 и 2020 гг. представлено не было, но изменение динамики в сторону увеличения доли русских сельчан маловероятно в силу сохранения общей направленности демографических и социально-экономических процессов. Следовательно, все основные этносоциальные и этнокультурные процессы в среде местного русского населения сконцентрированы в городском пространстве, которое теперь определяет границы и

содержание «традиции», а также динамику ее «хабитуализации» [10, с. 39] (то есть «опривычивания»).

Прежде чем приступить к непосредственному анализу результатов комплексного этносоциологического исследования современного русского населения Республики Татарстан, реализованного в 2022 г. с использованием как количественных (массовый опрос), так и качественных (глубинные интервью, фокус-группа) методов, остановимся на некоторых понятиях, используемых в ходе научного описания, среди которых – *этническая идентичность* и *этнокультурные потребности*. Под первой мы понимаем интериоризирующий императив, определяющий не только сам факт включенности человека в этническую группу, но и принятие им характеризующих ее ролевых моделей и атрибутов. Данная форма социальной идентичности обладает индивидуальным и групповым измерениями, но именно групповая форма идентичности выполняет по аналогии с «коллективными представлениями» [11] важные организующую и управляющую функции, поэтому в ходе дальнейшего анализа этнической идентичности уделено большое внимание. *Этнокультурные потребности* понимаются нами как «национально-культурные потребности... – потребности людей (групп людей) в самоидентификации, сохранении и развитии своих культуры и языка» (Страт.)

В ходе исследования использовался ряд вопросов, позволяющих выявить роль этнической идентичности русских горожан в общей структуре актуализированных типов их социальной идентичности. Сама формулировка вопросов предполагала мультивариантный полуоткрытый формат ответов, который позволял каждому участнику опроса выбрать до трех наиболее подходящих вариантов или сформулировать свой собственный в случае отсутствия подобного в имеющемся перечне. Результаты опроса даны в процентах от общего количества всех ответов и распределены в порядке убывания, также указано общее количество респондентов, выбравших данный вариант ответа.

Согласно приведенным на табл. 1 данным, этническая идентичность несколько уступает по приоритетности гендерной и они обе значительно опережают все остальные. Подобная структура предпочтений значительно отличается от структуры актуализированных идентичностей сельчан, у которых именно этническая идентичность уверенно лидирует, составив 34.3% всех ответов (208 человек в абсолютном измерении). Следующая по частоте выбранных вариантов – региональная идентичность (*житель Татарстана (татарстанец)*), составившая 20.8% (126 человек), далее – общегражданская (*гражданин России (россиянин)*) – 18% (109 человек), а затем – гендерная, составившая 15.7% (95 человек). У русских горожан, напротив, общегражданская идентичность заметно опережает по популярности региональную, которые составляют 15.7% (332 человека) и 8.8% (186) соответственно. Также у горожан заметную роль играет поколенческая идентичность – 9.4% (199 человек), опережая в данном случае и региональную идентичность, и даже такую условно традиционную, как религиозная (православная), которую отметили лишь 5.4% (114 человек). Из интервью: «Интервьюер: *Вы задумывались когда-нибудь о том, что для Вас значит быть русским?* Респондент: *Чтобы к этому вопросу философски подходить, конечно же, никогда не думала*» (женщина, 47 лет, г. Елабуга).

Табл. 1

Кем Вы себя в большей мере ощущаете?	% от общего кол-ва ответов	Количество респондентов
мужчиной (женщиной)	26.1	552
русским (ой)	23.5	496
гражданином России (россиянином)	15.7	332
представителем своего поколения	9.4	199
жителем Татарстана (татарстанцем)	8.8	186
представителем своей профессии	6.9	145
православным (христианином)	5.4	114
кем-то другим	3.3	69
затрудняюсь ответить	0.9	18

Исходя из выявленного распределения предпочтений респондентов по типам социальной идентичности, можно предположить, что городская среда оказывает значительное влияние на некоторые условно «традиционные» типы идентичности.

На вопрос: «Важно ли в наше время человеку ощущать себя частью своей национальности?» – утвердительно ответили 43.1% респондентов, в то время как 20.4% – отрицательно и 34.3% затруднились с ответом. Иными словами, более половины принявших участие в исследовании русских горожан не рассматривают этническую форму консолидации как высоко актуальную для себя в современных условиях. Из группового фокусированного интервью: «Модератор: *Кем вы себя ощущаете? Что более актуализировано, что менее? Что для вас значит быть русским?* Респондент: *Негатива никакого не испытываю. Ощущаю себя скорее россиянином, чем русским.* Модератор: *У тебя гражданская идентичность является основополагающей?* Респондент 1: *Да. И сверхрадости какой-то нет. Это обычно, это нормально. Для меня лично без разницы, какой национальности человек*» (мужчина, 24 года, г. Казань).

Подобный результат, по нашему мнению, свидетельствует о восприятии этнической принадлежности как в большей степени формальной характеристики. А в ситуации, когда ее надо перевести в когнитивную, то есть осмысленную или личностно значимую, многие респонденты не видят в этом необходимости, распределяя предпочтения между другими типами идентичности, например, общегражданской и поколенческой.

Еще более ярким индикатором значимости этнического имел вопрос о том, являются ли русские жители Республики Татарстан особой группой русского народа, отличающейся от русских других регионов страны. Утвердительный ответ предполагал наличие у респондента не только четкой позиции, но и устойчивой этнической самоидентификации вплоть до субэтнической. Согласно полученным результатам, однозначно согласны с тем, что русские Татарстана – особая группа русского народа, лишь 5.4% русских горожан. Еще 14.2% скорее согласны, 67.7% скорее не согласны, а 2.2% опрошенных однозначно не согласны. Это значит, что примерно пятая часть респондентов достаточно отчетливо идентифицирует себя в качестве представителей особой этнотерриториальной группы, но абсолютное большинство опрошенных не имеет дисперсизированной этни-

ческой идентичности. Из группового фокусированного интервью: «Модератор: *Вы живете здесь пять лет. Отличаются местные русские от русских вашей малой родины?* Респондент: *Сложный вопрос. До того, как приехала сюда, я была в Казани несколько раз. Турист – это одно, а когда сюда приезжаешь – это совсем другое. Я выросла в среде, где большинство русских, где всегда говорили на русском языке. А здесь два народа, понятно, что татарский преобладает, здесь речь больше на татарском.* Модератор: *А местные русские, с которыми вы столкнулись, стали взаимодействовать, не отличаются от самарских?* Респондент: *Нет*» (женщина, 29 лет, г. Казань).

Для сравнения – в группе сельчан доля лиц с этнотерриториальной идентичностью в совокупности составила 36.6%. По нашему мнению, такие значимые различия в социальных группах обусловлены рядом причин: во-первых, длительной высокой иммиграцией населения в города Татарстана как из других регионов РФ, так и из постсоветского пространства, во-вторых – воздействием самой урбанизированной среды, имеющей надэтнический интернационализованный характер, и, наконец, – более тесным взаимодействием с представителями второй группы этнического большинства – татарами, следствием чего является большое количество межэтнических браков, способствующих формированию амбивалентной этнической идентичности.

Религиозная идентичность также рассматривалась в рамках исследования в качестве важного элемента общекультурной самоидентификации наряду с этнической (табл. 2).

Табл. 2

Считаете ли вы себя верующим человеком?	%	Количество респондентов
да	36.2	313
скорее да	21.9	189
скорее нет	16.6	143
нет	23.4	202
затрудняюсь ответить	1.9	17

Представленные в табл. 2 результаты интересны тем, что доли как однозначно утвердительных вариантов ответа, так и однозначно отрицательных оказались больше, чем условно компромиссных, что является довольно необычным. Как правило, информанты склонны выбирать именно «смягченные» варианты ответов, что позволяет им выражать свое сложное отношение к предлагаемому явлению. Однако в проведенном нами опросе респонденты, наоборот, посчитали для себя более приемлемым выразить однозначную позицию. Это свидетельствует, по нашему мнению, о внутренней поляризации мнений в группе «русские горожане Татарстана» по отношению к фактору религии в современном обществе. Примерное соотношение общего количества респондентов, которые в целом считают себя верующими, и тех, кто таковыми себя не считает, – 60% к 40%, что свидетельствует о достаточно высокой секуляризованности современного русского городского населения. Из интервью: «Интервьюер: *А Вы сами себя религиозной считаете?* Респондент: *Я верующий человек, православный человек, но я не воцерковленный человек, то есть я не соблюдаю посты, у меня не было давно причастий. То есть я в 90-е гг. как*

перестала это делать, так больше к этой практике пока не возвращалась» (женщина, 51 год, г. Казань).

В целом, характеризуя структуру актуализированных типов социальной идентичности современных русских горожан Татарстана, можно говорить об имеющем место неартикулированном делении их на естественные (формализованные) и индивидуализированные. К первым относятся такие виды идентичности, как этническая и гендерная. Ко вторым – поколенческая, профессиональная и религиозная. Причем в случае последней очевидно, что она, несмотря на усилия, предпринимаемые государством в последние десятилетия на федеральном уровне, так и не смогла вернуться у местного русского населения в категорию «естественных».

Одним из факторов, влияющих на общий уровень социального самочувствия представителей этнической группы, может быть наличие нереализованных этнокультурных потребностей. В ходе исследования использовались как прямые вопросы, позволяющие выявить фактическое отношение респондентов к сфере этнической культуры, так и опосредованные, ответы на которые можно с высокой степенью релевантности использовать при анализе общегруппового запроса на этническую самоидентификацию.

К первой группе относились такие вопросы, как: «Посещаете ли вы мероприятия, посвященные русской культуре (народные праздники, представления, театральные и музыкальные постановки)?» и «Имеются ли у вас в семье какие-либо атрибуты народной культуры (посуда, одежда, семейные предания и реликвии)?» (табл. 3, 4).

Табл. 3

Посещаете ли Вы мероприятия, посвященные русской культуре (народные праздники, представления, театральные и музыкальные постановки)?	%	Количество респондентов
да, регулярно	6.7	58
да, иногда	49.7	429
нет, потому что они не проводятся в моем населенном пункте	2.1	18
нет, потому что мне это не интересно	34.2	296
Другой вариант: нет времени или не могу по состоянию здоровья, но я бы хотел(а) и др.	7.3	63

Несмотря на то, что однозначно подтвердили свое участие в мероприятиях этнокультурной направленности немногим более 7% респондентов, общее количество так или иначе принимающих в них участие составляет около 60% от общего количества опрошенных. В тоже время треть участников опроса отметили свое безразличие к подобным мероприятиям. Из интервью: «Интервьюер: *Есть ли у русских Татарстана запрос на восстановление, возврат аутентичной культуры, традиций каких-то, праздников?* Респондент: *Оно, может быть, не задумывается о том, есть ли у него запрос. Но как только люди туда попадают, они чувствуют себя счастливыми»* (женщина, 64 года, г. Казань).

Табл. 4

Имеются ли в Вашей семье какие-либо атрибуты народной культуры (посуда, одежда, семейные предания и реликвии)?	%	Количество респондентов
да	26.5	229
нет и не было	35.2	304
нет, но раньше были	36.2	313
нет, но хочу приобрести	2.1	18

Согласно данным, приведенным в табл. 4, более четверти респондентов по-прежнему хранят артефакты, которые воспринимают как элементы этнокультурной традиции. Среди наиболее типичных примеров, названных в качестве атрибутов народной культуры, фигурировали: элементы одежды и предметы с вышивкой, предметы домашней утвари и единичные предметы, связанные с личностью прародителей. Сравнительный анализ ответов на этот вопрос сельских русских показал сопоставимые результаты по всем вариантам ответов, то есть уровень интереса к этнической истории в социальных группах горожан и сельчан в целом одинаков. Более показательны данные респондентов разных возрастов; в частности, доли тех, кто сохраняет предметы народной культуры в возрастных группах 18–30 лет и 31–50 лет, примерно равны, но они почти в два раза ниже, чем в возрастной группе старше 51 года.

Такое существенное снижение интереса к условной традиционности у поколений «позднего» Советского Союза и всего постсоветского периода, на наш взгляд, может являться результатом кардинальных социальных сдвигов второй половины 60-х – начала 70-х годов XX в., когда в результате массовой урбанизации на фоне общесоюзныхстроек (ВАЗ, КамАЗ, нефтяная промышленность Западной Сибири и др.) русские окончательно становятся урбанизированной общностью, особенно в экономически развитых регионах. Таким образом, именно сочетание двух факторов – городской среды и возраста – становится определяющим в этнокультурных ориентациях современного русского населения, демонстрируя прямую зависимость: чем моложе горожанин, тем менее выраженной является его потребность в своей этнической атрибуции.

Еще одним важным элементом культуры, который имеет как прикладное, так и символическое значение для большинства представителей любой этнической общности, традиционно выступает язык. В нашем исследовании было важно оценить степень общей удовлетворенности возможностями использования русского языка в разных сферах жизнедеятельности, поскольку ранее представителями общественности высказывались мнения о недостаточном объеме его преподавания в учебных заведениях республики, приводившее к снижению уровня владения им молодежью и росту неудовлетворенности общества этим фактом. Результаты исследования зафиксировали весьма высокий уровень удовлетворенности в целом по группе возможностями использования русского языка во всех предложенных сферах: в бытовом и профессиональном общении, при взаимодействии с органами государственной власти, в сфере образования на всех ее ступенях. Показатели удовлетворенности респондентов колебались в диапазоне от 85% и выше. Таким образом, можно говорить об отсутствии неудовлетворенности возможностями использования русского языка в повседневности

у абсолютного большинства русских горожан Татарстана. Из интервью: «Интервьюер: Скажите, существуют ли проблемы с русским языком в полиэтничном регионе, как минимум в биэтническом регионе, где всегда стремятся к паритету? Респондент: Мне кажется, нет, потому что в систему образования он встроен, литература выпускается, выходит... федеральная литература переиздается, социальные сети, телеканалы – все на русском языке, театр на русском языке, большая часть театров на русском языке, все информационное пространство на русском языке. Другое дело, что есть районы, где русское население составляет меньшинство, вот там даже, если придешь в музей, подписи сначала идут на татарском, а потом уже на русском» (женщина, 37 лет, г. Казань).

Вместе с тем весьма интересные данные содержит анализ ответов на проективный вопрос о языковых приоритетах русского населения. В табл. 5 приведены как доли конкретного ответа в общем количестве всех ответов (можно было выбрать до трех вариантов), так и количество респондентов, выбравших тот или иной язык.

Табл. 5

Каким языком / какими языками, по Вашему мнению, Ваши дети (внуки) должны владеть в первую очередь?	%	Количество респондентов
русским	51.8	807
английским	32.7	510
татарским	10.5	163
арабским	0.9	14
турецким	0.5	10
каким-то другим	1.7	26
затрудняюсь ответить	1.9	29

Согласно представленным в табл. 5 результатам, отдавая приоритет родному языку, большинство русских горожан видят в качестве второго языка своих детей не язык этнической группы-партнера, каковым является татарский, а международный язык – английский. Причем доля респондентов, отметивших татарский язык в качестве приоритетного, составила всего чуть более 10% от числа опрошенных, в то время как выбравших английский – в три раза больше. Эти результаты, по мнению авторов, отражают сужение сферы функционирования татарского языка до бытования в семье. Этот факт формирует у большинства русских горожан восприятие татарского языка как не несущего для них существенного социального и иного потенциала. Из фокусированного группового интервью: «Модератор: Как Вы считаете, русский язык в республике себя комфортно чувствует? Он может быть представлен во всех сферах? Респондент: Я не считаю, что это плохо, но вы сделайте это качественно. Речь даже была не о том, что много часов [татарского у детей в школе], просто это была бесполезная трата времени. Безрезультатно. А как было бы здорово если бы они знали еще и татарский! Тем более что это языки из разных групп, это обогащает человека. Но у нас это все бездарно велось» (женщина, 46 лет, г. Казань).

Еще одним показательным маркером вовлеченности индивида в традиционные практики является ритуализованное оформление такого важного в жизни человека события, как вступление в брак и создание семьи. В постсоветский

период был в полной мере восстановлен формат религиозного (православного) оформления брака, чем стали пользоваться многие русские, причем даже те, кто уже длительное время состоял в браке, оформленном без участия церкви. В рамках настоящего исследования респондентам было предложено выразить свои предпочтения в вопросе оформления брака как в реальном, так и проективном вариантах (табл. 6).

Табл. 6

Какой способ оформления брачных отношений наиболее приемлем для Вас?	%	Количество респондентов
регистрация в отделах ЗАГС	57.2	494
религиозный обряд (венчание, никах, иное) без регистрации в отделах ЗАГС	2	17
религиозный обряд (венчание, никах, иное) и регистрация в отделах ЗАГС	27.5	238
гражданский брак (просто жить вместе, без всякой регистрации отношений)	10.5	91
затрудняюсь ответить	2.8	24

Представленные в табл. 6 результаты вновь демонстрируют отмеченную ранее высокую секуляризованность русского населения республики. С учетом тех, кто предпочел гражданский брак, доля респондентов, не ориентированных на религиозный ритуал оформления брачного союза, составляет около 70% от числа опрошенных русских горожан. (При этом количество респондентов, предпочитающих совместное проживание без регистрации отношений, среди горожан вдвое больше, чем в группе русских сельчан.) Те, кто так или иначе ориентирован на религиозное оформление брачных отношений, составляют менее трети от общего числа респондентов. Если сопоставить приведенные в табл. 6 данные с результатами исследования собственно религиозной идентичности, то количество ориентированных на формат религиозного оформления брака примерно соответствует количеству тех, кто однозначно отнес себя к категории верующих. Таким образом, можно сделать вывод, что доля русских горожан, для которых религиозный фактор является значимой частью их социальной идентичности, не превышает трети от общей численности представителей этой группы.

Подводя итоги проведенного исследования, можно отметить следующее:

– этническая идентичность сохраняет статус одной из ключевых групповых идентичностей, что является в большей степени отражением представлений о ее «естественном» характере. В ситуациях, требующих деятельного проявления этнической компоненты, доля лиц с выраженной этнической идентичностью заметно снижается. Религиозная идентичность, в отличие от этнической, рассматривается многими респондентами как индивидуальный выбор человека. В группе русских горожан (особенно молодых) заметна тенденция к высокой степени секуляризованности, доля респондентов с подобными установками достигает в целом 40% от общего количества опрошенных;

– удовлетворение этнокультурных потребностей не вызывает затруднений у абсолютного большинства русского населения при весьма невысоком запросе на поддержание собственно этнических традиций и обрядов. Механизм сохранения высокого уровня групповой этнической идентичности в описываемой группе

русских Татарстана реализуется в первую очередь посредством взаимодействия с титульной этнической группой и ее культурой.

В целом можно констатировать, что этнический фактор в условиях городской среды приобретает у русского населения республики все более символический характер, формируя индивидуализированные траектории реализации этнокультурных потребностей.

Источники

ВПН2002 – Национальный состав населения Республики Татарстан: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года, Т. 4 / Федер. служба гос. статистики, Комгосстат РТ. Казань, 2004. 131 с.

Страт. – Указ Президента РФ от 6 дек. 2018 г. «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 г.» (Раздел 1, п. 4.2) Законодательство России: [Сайт]. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949>, свободный.

Литература

1. Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики: кол. монография / М.Ю. Мартынова, В.А. Тишков [и др.]; отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2022. 556 с.
2. *Перишц А.И., Чебоксаров Н.Н.* 50 лет журнала «Советская этнография» // Совет. этнография. 1976. № 4. С. 3–26.
3. *Толстов С.П.* Вопросы общей этнографии и антропологии // Совет. этнография. 1947. №4. С. 8–28.
4. *Зорин А.Н.* Уездные города Казанского Поволжья (Опыт историко-этнографического изучения планировки). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1989. 156 с.
5. *Зорин А.Н.* Горожане Среднего Поволжья во второй половине XVI – начале XX вв.: Историко-этнографический очерк. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1992. 154 с.
6. Очерки городского быта дореволюционного Поволжья: кол. монография / Науч. ред. А.Н. Зорин. Ульяновск: Средневолжский научный центр, 2000. 693 с.
7. *Зорин А.Н.* Города и посады дореволюционного Поволжья. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. 704 с.
8. Социальное и национальное: Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. М.: Наука, 1973. 330 с.
9. Традиционная культура русских Республики Татарстан: материалы и исследования: коллект. монография / Отв. ред. А.В. Черных, В.Е. Добровольская. СПб.: Маматов, 2021. 552 с.
10. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Моск. филос. фонд, 1995. 323 с.
11. *Дюркгейм Э.* Моральное воспитание. М.: Изд. Дом Высш. школы экономики, 2021. 456 с.

Поступила в редакцию 25.07.2023

Принята к публикации 25.09.2023

Козлов Вадим Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры антропологии и этнографии

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: vadim.kozlov@list.ru

Титова Татьяна Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры антропологии и этнографии Казанского (Приволжского) федерального университета

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: tatiana.titova@rambler.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2023, vol. 165, no. 4-5, pp. 192–203

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.192-203

Ethnic Identity and Ethno-Cultural Needs of the Russian Urban Population in the Republic of Tatarstan

V.E. Kozlov, T.A. Titova***

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia
E-mail: **vadim.kozlov@list.ru, **tatiana.titova@rambler.ru*

Received July 25, 2023; Accepted September 25, 2023

Abstract

This article considers the features of “ethnic culture” and its place in the everyday and spiritual life of the Russian urban population of the Republic of Tatarstan. Its symbolic and functional importance for various sociodemographic groups is explored. The population of Tatarstan is viewed as a single historical and ethnographic community descending from the Great Russians of the Volga region. The structure of the social identity types and the characteristics of ethno-cultural group practices are described. Special attention is paid to how social space and ethno-cultural needs are related. The comparative analysis of different social groups of the urban and rural Russian residents of Tatarstan is carried out. The study employs the hermeneutic approach to decipher social phenomena with symbolic meanings. The theoretical insights and generalizations are based on the materials of a comprehensive ethno-sociological study performed on the modern Russian population of Tatarstan in 2022 with the help of both quantitative (mass survey) and qualitative (in-depth interviews, focus group) methods. The results obtained show a direct relationship between the type of ethnic identity and the level of ethno-cultural needs among the Russian urban population of Tatarstan. It is also concluded that many ethno-cultural practices, from the ritualized tradition to personal interiorization, have transformed under the influence of the socio-cultural landscape of the city.

Keywords: ethnic identity, ethnicity, ethnocultural needs, symbolic capital, institution of culture, life rites

References

1. Martynova M.Yu., Tishkov V.A. et al. *Sovetskaya etnografiya v istorii gosudarstvennogo stroitel'stva i natsional'noi politiki: kol. monografiya* [Soviet Ethnography in the History of State and National Politics: A Joint Monograph]. Martynova M.Yu. (Ed.). Moscow, IEA Ross. Akad. Nauk, 2022. 556 p. (In Russian)
2. Pershits A.I., Cheboksarov N.N. The 50th anniversary of “Sovetskaya Etnografiya” journal. *Sovetskaya Etnografiya*, 1976, no. 4, pp. 3–26. (In Russian)
3. Tolstov S.P. Problems of general ethnography and anthropology. *Sovetskaya Etnografiya*, 1947, no. 4, pp. 8–28. (In Russian)

4. Zorin A.N. *Uezdnye goroda Kazanskogo Povolzh'ya (Opyt istoriko-etnograficheskogo izucheniya planirovki)* [District Towns of the Kazan Volga Region (A Historical and Ethnographic Study of the Layout)]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 1989. 156 p. (In Russian)
5. Zorin A.N. *Gorozhane Srednego Povolzh'ya vo vtoroi polovine XVI – nachale XX vv.: Istoriko-etnograficheskii ocherk* [Urban Population of the Middle Volga Region in the Second Half of the 16th–Early 20th Centuries: A Historical and Ethnographic Essay]. Kazan, Kazan. Univ., 1992. 154 p. (In Russian)
6. *Ocherki gorodskogo byta dorevol'yutsionnogo Povolzh'ya: kol. monografiya* [Essays on the Urban Life of the Pre-Revolutionary Volga Region: A Joint Monograph]. Zorin A.N. (Ed.). Ulyanovsk, Srednevolzh. Nauchn. Tsentr, 2000. 693 p. (In Russian)
7. Zorin A.N. *Goroda i posady dorevol'yutsionnogo Povolzh'ya* [Towns and Posads of the Pre-Revolutionary Volga Region]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2001. 704 p. (In Russian)
8. *Sotsial'noe i natsional'noe: Opyt etnosotsiologicheskikh issledovaniy po materialam Tatarskoi ASSR* [Social and National Phenomena: The Ethnosociological Studies of the Tatar ASSR]. Moscow, Nauka, 1973. 330 p. (In Russian)
9. *Traditsionnaya kul'tura russkikh Respubliki Tatarstan: materialy i issledovaniya: kollekt. monografiya* [Traditional Culture of Russian People in the Republic of Tatarstan: Materials and Studies" A Joint Monograph]. Chernykh A.V., Dobrovol'skaya V.E. (Eds.). St. Petersburg, Mamatov, 2021. 552 p. (In Russian)
10. Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality: A Treatise on the Sociology of Knowledge]. Moscow, Mosk. Filos. Fond, 1995. 323 p. (In Russian)
11. Durkheim E. *Moral'noe vospitanie* [Moral Education]. Moscow, Izd. Dom Vyssh. Shk. Ekon., 2021. 456 p. (In Russian)

Для цитирования: Козлов В.Е., Титова Т.А. Этническая идентичность и этнокультурные потребности русского городского населения Республики Татарстан // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2023. Т. 165, кн. 4–5. С. 192–203. <https://doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.192-203>.

For citation: Kozlov V.E., Titova T.A. Ethnical identity and ethno-cultural needs of the Russian urban population in the Republic of Tatarstan. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 4–5, pp. 192–203. <https://doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.192-203>. (In Russian)

